

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2021 Том 21 № 4

В номере: Большое Средиземноморье: продолжая конструировать макрорегион

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4
<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал
Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Д.А. Дегтерев, доктор политических наук, кандидат экономических наук, профессор, РУДН, г. Москва, РФ
ir@rudn.ru

Заместитель главного редактора

К.П. Курyleв, доктор исторических наук, профессор, РУДН, г. Москва, РФ
kurylev-kp@rudn.ru

Ответственный секретарь

О.С. Чикризова, кандидат исторических наук, доцент, РУДН, г. Москва, РФ
chikrizova-os@rudn.ru

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ:

Д.П. Елазин (экономика) (РУДН, г. Москва, РФ), кандидат исторических наук *М.М. Агазаде* (история) (РУДН, г. Москва, РФ), *М.А. Никулин* (политика) (РУДН, г. Москва, РФ)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ачарья Амитаб, профессор международных отношений Школы международной службы Американского университета, г. Вашингтон, США

Беллами Алекс Дж., директор Азиатско-Тихоокеанского центра ответственности по защите, профессор по изучению проблем мира и конфликтов Университета Квинсленда (Австралия), старший советник-нерезидент Международного института мира, г. Нью-Йорк, США

Бехера Навнита Чадха, профессор кафедры политических наук Университета Дели, г. Нью-Дели, Индия

Бонд Патрик, профессор Университета Западной Капской провинции, Кейптаун, ЮАР

Воскресенский Алексей Дмитриевич, доктор политических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России, директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, г. Москва, Российская Федерация

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Иррера Даниела, доцент кафедры политических и социальных наук Университета Катании, генеральный секретарь Итальянской Ассоциации политических наук, г. Катания, Италия

Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор Центра исследований международных институтов РАНХиГС, профессор департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, г. Москва, Российская Федерация

Маркетти Раффаэле, проректор по интернационализации, доцент международных отношений кафедры политических наук Университета ЛУИСС Гвидо Карли, г. Рим, Италия

Миттельман Джеймс, профессор Школы международной службы Американского университета, г. Вашингтон, США

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Мотоки Такахаси, профессор Высшей школы исследований в области международного сотрудничества Университета Кобе, президент Японского общества по международному развитию, г. Кобе, Япония

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, г. Москва, Российская Федерация

Саква Ричард, доктор политических наук, профессор Университета Кента, г. Кентербери, Великобритания

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Тикнер Арлин Б., профессор факультета политических наук, Университет Росарио, г. Богота, Колумбия

Фитуни Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, г. Москва, Российская Федерация

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Цыганков Андрей Павлович, кандидат философских наук, доктор философии, профессор Государственного университета Сан-Франциско, США

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор кафедры международной журналистики МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Шабига Андрей Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год, ежеквартально.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 07.00.15 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 08.00.14 — Мировая экономика (экономические науки), 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки).

Включен в Scopus, RSCI, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>), EBSCO.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами Глобального Юга (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «Мир и безопасность», «Международное экономическое сотрудничество», «Двусторонние отношения», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2022 г. следующий:

Выпуск	Тема	Срок подачи краткого резюме статьи	Срок подачи полного текста статьи
№ 2 2022	«Глобальный Юг» и новые технологии: «цифровой разрыв» и технологические трансферы в постпандемическую эпоху	До 1 ноября 2021 г.	До 15 января 2022 г.
№ 3 2022	Латиноамериканский дискурс идентичности и новая региональная интеграционная повестка	До 1 января 2022 г.	До 15 апреля 2022 г.
№ 4 2022	Постколониальная теория, Глобальный Юг и «Второй мир»	До 1 марта 2022 г.	До 15 июня 2022 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Редактор И.Л. Панкратова
Компьютерная верстка Н.А. Ясько

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Подписано в печать 15.12.2021. Выход в свет 29.12.2021.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 500 экз. Заказ № 1134. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2021 VOLUME 21 No. 4

In this issue: **The Greater Mediterranean: Still Constructing the Macro-region**

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor, Dr. Denis A. Degterev
RUDN University, Moscow, Russia
ir@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Professor, Dr. Konstantin P. Kurylev
RUDN University, Moscow, Russia
kurylev-kp@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga S. Chikrizova
RUDN University, Moscow, Russia
chikrizova-os@rudn.ru

SCIENTIFIC EDITORS:

Denis P. Elagin (Economics) (RUDN University, Moscow, Russia), PhD in History **Mirmehdi M. Aghazada** (History) (RUDN University, Moscow, Russia), **Maxim A. Nikulin** (Politics) (RUDN University, Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Alex J. Bellamy, Director, Asia-Pacific Responsibility Center, Professor of Peace and Conflict Studies, University of Queensland (Australia), Senior Non-Resident Advisor, International Peace Institute, New York, USA

Alexei D. Voskressenski, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Director, Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Amitav Acharya, Professor of International Relations, School of International Service, American University, Washington, USA

Andrei P. Tsygankov, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, University of California San Francisco, San Francisco, USA

Andrei V. Shabaga, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Arlene B. Tickner, Professor, Department of Political Science, University of Rosario, Bogota, Colombia

Daniela Irrera, Associate Professor, Department of Political and Social Sciences, University of Catania, Secretary General of the Italian Association of Political Sciences, Catania, Italy

Dmitry V. Mosyakov, Doctor of Historical Sciences, Head, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

James H. Mittelman, Professor, School of International Service, American University, Washington, USA

Leonid L. Fituni, Doctor of Economics, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Head, Centre for Global and International Studies, Moscow, Russian Federation

Marina A. Sapronova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Marina V. Larionova, Doctor of Political Sciences, Director, Centre for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics, the HSE, Moscow, Russian Federation

Navnita Chadha Behera, Professor, Department of Political Sciences, University of Delhi, New Delhi, India

Patrick Bond, Professor, University of the Western Cape, Cape Town, South African Republic

Raffaella Marchetti, Deputy Rector for Internationalization, Assistant Professor of International Relations, Department of Political Sciences, LUISS Guido Carli, Rome, Italy

Richard Sakwa, Doctor of Political Sciences, Professor, University of Kent, Canterbury, Great Britain

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Head, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Sergey V. Chugrov, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Journalism, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Kobe, Japan

Victor L. Jeifets, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, Representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Vladimir Ya. Portyakov, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed in Scopus, RSCI, Ulrich's Periodicals Directory (<http://www.ulrichsweb.com>), Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>), EBSCO.

Accessible at Russian Index of Science Citation, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu, and Mendeley.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, and Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow elaborating a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "Peace and Security", "International Economic Cooperation", "Bilateral Relations", and "International Academic Cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Scientific Schools".

Upcoming issues of the *Vestnik RUDN. International Relations* for 2022 will deal with the following issues:

Issue	Thematic dossier	Deadline for the abstracts	Deadline for the full texts
# 2 2022	Global South and New Technologies: Digital Divide and Technology Transfer in Post-Pandemic Era	By November 1, 2021	By January 15, 2022
# 3 2022	Latin American Identity Discourse and a New Regional Integration Agenda	By January 1, 2022	By April 15, 2022
# 4 2022	Postcolonial Theory, Global South and "Second World"	By March 1, 2022	By June 15, 2022

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Journal and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Editor I.L. Pankratova

Computer design N.A. Yasko

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

Miklukho-Maklaya St, 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Большое Средиземноморье: продолжая конструировать макрорегион	
Kurylev K.P., Parkhitko N.P. Russian Policy in the Mediterranean: Historical Continuity and International Context (Курьлев К.П., Пархитко Н.П. Политика Российской Федерации в Средиземноморье: преемственность в контексте актуальной международной повестки)	609
Egorov V.N., Malakhova L.V., Degterev A.Kh., Yurlov M.N. The Mediterranean Sea Basin as a Single Ecosystem: Problems and Prospects for International Cooperation (Егоров В.Н., Малахова Л.В., Дегтерев А.Х., Юрлов М.Н. Бассейн Средиземного моря как единая экосистема: проблемы и перспективы международного сотрудничества)	625
Кузнецов В.А., Василенко А.И. Магриб — 2021: тупики внутривосточного развития и угрозы региональной подсистеме отношений	642
Долгов Б.В. Исламистский вызов в Большом Средиземноморье	655
Тюкаева Т.И. Восточное Средиземноморье во внешней политике ОАЭ: цели и принципы	671
Трунов Ф.О. Германско-алжирские отношения к началу 2020-х гг. в контексте регионального курса ФРГ: политические и военные аспекты	683
Тимакова О.А. Отношения Китая со странами Средиземноморья: военные и политические аспекты	700
ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ	
Лукьянова Г.О., Чикризова О.С. Ключевые модели взаимодействия религиозных институтов в контексте государственно-церковных отношений на примере России и Египта	712
МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ	
Почта Ю.М. Исламистский терроризм в контексте современных гибридных войн	734
Денисова Т.С., Костелянец С.В. Международные аспекты сепаратизма в современной Биафре	747
Аржанов И.А. Россия, НАТО и Арктика: соперничество, безопасность, возможные сценарии развития геополитической конкуренции	758
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	
Боровский Ю.В. Проблема энергетической безопасности в контексте мирового «энергетического перехода»	772
Borzova A.Yu., Eremin A.A., Ivkina N.V., Petrovich-Belkin O.K. Russia — Latin America Economic Cooperation: Insights from EU — CELAC Sustainable Development Concept (Борзова А.Ю., Еремин А.А., Ивкина Н.В., Петрович-Белкин О.К. Экономическое взаимодействие России и Латинской Америки: выводы из модели сотрудничества между ЕС и СЕЛАК в рамках концепции устойчивого развития)	785
ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ	
Агазаде М.М. Азербайджано-иранские отношения: основные направления и особенности в 1991—2019 гг. (историографический обзор)	803
МЕЖДУНАРОДНОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО	
Мазов С.В. «Мы из Биафры». Студенты-игбо в СССР во время гражданской войны в Нигерии 1967—1970 гг. ...	822
РЕЦЕНЗИИ	
Никулин М.А. Рецензия на книгу: Тренин Д. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М.: Альпина Паблишер, 2021. 471 с.	835
Зарытовская В.Н. Рецензия на книгу: Морозова Н.Н. Марокко и Иордания: роль исламского фактора в политике. М.: Аспект Пресс, 2022. 160 с.	838
Елагин Д.П. Рецензия на книгу: Конаровский М.А. Афганистан на рубеже веков: новый перекресток судьбы. М.: МГИМО, 2020. 356 с.	841
Бахриев Б.Х. Рецензия на книги: Lebedeva M. Russian Public Diplomacy. From USSR to the Russian Federation. N.Y.: Routledge, 2021. 78 p.; Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice / ed. by A. Velikaya, G. Simons. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 285 p.	844
Каткова Е.Ю. Рецензия на книгу: Грачиков Е.Н. Китайская школа международных отношений: на пути к большому теориям. М.: Аспект Пресс, 2021. 304 с.	847

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER: The Greater Mediterranean: Still Constructing the Macro-region

- Kurylev K.P., Parkhitko N.P.** Russian Policy in the Mediterranean: Historical Continuity and International Context 609
- Egorov V.N., Malakhova L.V., Degterev A.Kh., Yurlov M.N.** The Mediterranean Sea Basin as a Single Ecosystem: Problems and Prospects for International Cooperation 625
- Kuznetsov V.A., Vasilenko A.I.** Maghreb 2021: Political Development Impasses and Threats to the Subregional System 642
- Dolgov B.V.** The Islamist Challenge in the Greater Mediterranean 655
- Tyukaeva T.I.** The Eastern Mediterranean in UAE Foreign Policy: Goals and Principles 671
- Trunov Ph.O.** German-Algerian Relations by the Early 2020s in the Context of the Germany's Regional Policy: Political and Military Aspects 683
- Timakova O.A.** China's Relations with the Mediterranean States: Military and Political Aspects 700

APPLIED ANALYSIS

- Lukyanova G.O., Chikrizova O.S.** Key Models of Religious Institutions' Interaction in the Context of the State-Church Relations in Russia and Egypt 712

PEACE AND SECURITY

- Pochta Yu.M.** Islamist Terrorism in the Context of Contemporary Hybrid Wars 734
- Denisova T.S., Kostelyanets S.V.** International Aspects of Separatism in Contemporary Biafra 747
- Arzhanov I.A.** Russia, NATO and the Arctic: Rivalry, Security, Possible Scenarios of Geopolitical Competition 758

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

- Borovsky Yu.V.** Energy Security Problem amid Global Energy Transition 772
- Borzova A.Yu., Eremin A.A., Ivkina N.V., Petrovich-Belkin O.K.** Russia — Latin America Economic Cooperation: Insights from EU — CELAC Sustainable Development Concept 785

BILATERAL RELATIONS

- Aghazada M.M.** Azerbaijani-Iranian Relations: Main Directions and Features in 1991—2019 (Historiographical Overview) 803

INTERNATIONAL ACADEMIC COOPERATION

- Mazov S.V.** "We are from Biafra". Igbo students in the USSR during the Civil War in Nigeria, 1967—1970 822

BOOK REVIEWS

- Nikulin M.A.** Book review: Trenin, D. (2021). *New Balance of Power: Russia in Search of Foreign Policy Equilibrium*. Moscow: Alpina Publisher, 471 p. (In Russian) 835
- Zarytovskaya V.N.** Book review: Morozova, N. N. (2022). *Morocco and Jordan: Role of Islamic Factor in Politics*. Moscow: Aspekt Press publ., 160 p. (In Russian) 838
- Elagin D.P.** Book review: Konarovskiy, M. A. (2020). *Afghanistan at the Turn of the Century: A New Crossroads of Fate*. Moscow: MGIMO publ., 356 p. (In Russian)..... 841
- Bahriev B.Kh.** Books review: Lebedeva, M. (2021). *Russian Public Diplomacy. From USSR to the Russian Federation*. N.Y.: Routledge, 78 p.; Velikaya, A., & Simons, G. (Eds.). (2020). *Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice*. Cham: Palgrave Macmillan, 285 p. 844
- Katkova E.Yu.** Book review: Grachikov, E. N. (2021). *The Chinese School of International Relations: On the Way to Big Theories*. Moscow: Aspekt Press publ., 304 p. (In Russian). 847

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Большое Средиземноморье: продолжая конструировать макрорегион

THEMATIC DOSSIER: The Greater Mediterranean: Still Constructing the Macro-region

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-609-624

Research article / Научная статья

Russian Policy in the Mediterranean: Historical Continuity and International Context

Konstantin P. Kurylev , Nickolay P. Parkhitko

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

 kurylev-kp@rudn.ru

Abstract. The article considers the main directions of the Russian Federation's foreign policy in the Mediterranean region in the period from 2015 to autumn 2021. The authors present a historical analysis of Russia's military presence in the Mediterranean Sea since its first deployment in the 18th century and separately during the Cold War, since the key strategic goals and operational-tactical tasks facing the 5th Soviet Navy operational squadron in those years, as a whole, remained unchanged. Only their scale was adjusted. Three key aspects that determine the need for Russia's presence in the Mediterranean are researched. These are the military, political and economic (raw) components that form the determinant of Russian foreign policy in the region. The expansion of the military activity of NATO countries — in particular, the United States, Great Britain and France — in the Mediterranean Sea and the Middle East, especially since the beginning of the civil war in the Syrian Arab Republic in 2011, requires an asymmetric response from Russia in the context of protecting its national interests. As far as geopolitics is concerned, Russia's return of at least partial of those Soviet influence in the region also contributes to strengthening our country's international positions. Finally, Russia's presence in a part of the world, which is a natural logistics hub in the context of both world trade and energy supplies, conceptually complements the military-political agenda. The authors use the methods of historical and political analysis and practical systematization in order to formulate the main hypothesis of the study and come to scientific and theoretical conclusions. The main hypothesis is that the expansion of Russia's military, political and economic presence in the Mediterranean will be intensified as the country's economic potential grows. The authors suggest the following order as tools for implementing the strategy: speeding up efforts to ensure the permanent military presence of the Russian Navy in the Mediterranean, deepening bilateral ties with Syria and conducting a pragmatic economic policy towards Turkey, which claims to be an important actor in the Eastern Mediterranean and the Middle East as a whole.

Key words: history, Mediterranean Sea, Middle East, Russia, Syria, Turkey, NATO, energy resources, economy, security

© Kurylev K.P., Parkhitko N.P., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

For citation: Kurylev, K. P., & Parkhitko, N. P. (2021). Russian policy in the Mediterranean: Historical continuity and international context. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 609—624. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-609-624>

Политика Российской Федерации в Средиземноморье: преемственность в контексте актуальной международной повестки

К.П. Курьлев , Н.П. Пархитко

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
kurylev-kp@rudn.ru

Аннотация. Рассматриваются основные направления внешней политики РФ в Средиземноморском регионе в период с 2015 г. по осень 2021 г. Проводится исторический анализ военного присутствия России в акватории Средиземного моря с момента его развертывания в XVIII в. и отдельно — в годы холодной войны, поскольку ключевые стратегические цели и оперативно-тактические задачи, стоявшие в те годы перед 5-й оперативной эскадрой ВМФ СССР, в целом остались неизменными. Корректировке подвергся лишь их масштаб. Рассматриваются три ключевых аспекта, обуславливающих необходимость присутствия России в Средиземноморье: это военный, политический и экономический (сырьевой) компоненты, формирующие детерминанту российской внешней политики в регионе. Расширение военной активности стран НАТО, в частности США, Великобритании и Франции, в Средиземном море и на Ближнем Востоке, особенно с началом гражданской войны в Сирийской Арабской Республике в 2011 г., требует асимметричного ответа со стороны России в контексте защиты ее национальных интересов. С точки зрения геополитики возвращение Россией хотя бы частичного влияния в регионе, которым обладал СССР, также способствует укреплению международных позиций страны. Наконец, присутствие России в части света, представляющей собой естественный логистический узел в контексте как мировой торговли, так и поставок энергоносителей, концептуально дополняет военно-политическую повестку. Используются метод исторического анализа, метод политического анализа и метод практической систематизации, позволяющие авторам сформулировать главную гипотезу исследования и прийти к научно-теоретическим выводам. Основная гипотеза заключается в том, что расширение военного, политического и экономического присутствия России в Средиземноморье будет расширяться по мере роста экономического потенциала страны. В качестве инструментов реализации данной задачи авторы предполагают следующий порядок: форсирование усилий по обеспечению постоянного военного присутствия ВМФ РФ в акватории Средиземного моря, углубление двусторонних связей с Сирией и проведение прагматичной экономической политики в отношении Турции, претендующей на роль ключевого игрока в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке в целом.

Ключевые слова: история, Средиземное море, Ближний Восток, Россия, Сирия, Турция, НАТО, энергоносители, экономика, безопасность

Для цитирования: Kurylev K.P., Parkhitko N.P. Russian Policy in the Mediterranean: Historical Continuity and International Context // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 609—624. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-609-624

Introduction

The Mediterranean region is a geographical, economic, geopolitical and cultural space that has all the features of a strategic “anchor point” for the entire Eastern hemisphere.

Firstly, it is a huge trade and logistics hub on its scale. The Suez Canal alone accounts for 10 to 12 % of global trade. Only in 2020—2021, the canal’s economic indicators amounted to 9763 ships with a total cargo of about 610 million tons. Moreover, the highest in the history

income of the canal was recorded — USD 5.84 billion.¹ The Bosphorus and Dardanelles, connecting the Black Sea and the Mediterranean, are annually crossed by over 60 000 ships of various classes², which is about four times more

¹ Daly Transit Report // Suez Canal Authority (SCA). September 6, 2021. URL: <https://www.suezcanal.gov.eg/English/Pages/default.aspx> (accessed: 13.09.2021).

² “Narrow Throat” of the Sea Straits // Central Dispatch Office of the Fuel and Energy Complex [«Узкое горло» морских проливов // Центральное диспетчерское управление топливно-энергетического комплекса].

than the trade and logistics flow of the Panama Canal, the key transport artery of the Western hemisphere. With adding Gibraltar³ to the list (even if the Gibraltar Strait is not directly related to the Eastern Mediterranean — a zone of potential Russian interests), then a relatively compact region would account for three key transport and logistics facilities.

Secondly, given the discovery over the past decade of significant natural gas reserves in the Mediterranean Sea shelf near the island of Cyprus, as well as off the coast of Israel, Syria, and Egypt, the region is of particular value both in the context of its resource potential and in the long term — in terms of building a future logistics concept (Maleev, 2011, p. 62).

Finally, the region is of particular importance in terms of the traditionally heightened interest in its politico-military dimension. Being actually at the junction of two continents and three macro-regions, the Mediterranean geopolitical space is an extremely convenient base for the deployment of both — a naval strike force and deterrent forces in proportion to the estimated military threat (Ivanov, 2013, p. 21).

In addition, the Mediterranean is an arena of political rivalry for almost all of the largest geopolitical actors: first of all, the EU, the USA, Russia and, to a large extent, the PRC (Balfour, 2009, p. 101; Kausch & Youngs, 2009, p. 972).

In fact, the authors consider the latter aspect to be one of the key in assessing the policy of the Russian Federation in the Mediterranean in terms of its national (military) security policy.

For at least the past 10 years, the Mediterranean has been a real hotbed of instability. According to V.V. Popov, Director of MGIMO University Center for the Partnership of Civilizations, “it is a region in which growing environmental, economic, social and cultural problems coexist with increasing international tensions. Significant differences in the levels of development between countries, as well as regional

conflicts pose increasing threats to its sustainable future.”⁴ Syrian and Libyan civil conflicts have a heavy destabilizing effect on the entire region. The “Arab Spring”, along with the regime changes in a number of countries, provoked a severe socio-political crisis, the consequences of which have not yet been overcome (Streltsov, 2014, pp. 122—123). While Tunisia and Egypt have largely recovered from political turmoil, in Lebanon, Iraq and Algeria socio-political instability has become nearly chronic. The civil conflict in Syria, provoked in 2011, is also far from over.

These challenges contribute to all kinds of extremist and fundamentalist sentiments, given the cultural specificity of the region. As a result, the terrorist threat is growing, with the risk of escalating from isolated “pockets” into a vast zone of instability (Naumkin, Popov & Kuznetsov, 2012, p. 95).

The vacuum resulting from the unprecedented weakening of the statehood of the once major regional actors (Egypt, Syria, Libya) was attempted by Western powers (primarily the United States and France), which seek to preserve their influence (Gadzhiev, 2007, p. 244). A number of extremist and openly terrorist organizations have entered the political arena (from al-Qaeda to Hayat Tahrir al-Sham, Jabhat al-Nusra, and others, which now constitute the core of the so-called Islamic State⁵). The security challenges, which the whole region has been facing for quite long period, have obviously slowed down the socio-economic development of almost all Arab states in the Mediterranean (Podtserob, 2015, p. 39).

These processes are taking place against the background of mass migration of refugees from African and Asian countries (Syria, Lebanon, Palestine, Iraq, and now Afghanistan, located outside the Mediterranean Sea, but burdening the

01.07.2016. (In Russian). URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2016/7/177/ (accessed: 13.09.2021).

³ Gibraltar // World Trade Statistics [Гибралтар // Статистика мировой торговли]. 2019. (In Russian). URL: https://customsonline.ru/world_trade_statistics.html (accessed: 13.09.2021).

⁴ Popov V.V. Two Policy Lines in the Mediterranean // *Nezavisimaya Gazeta* [Независимая газета]. 23.12.2019. (In Russian). URL: https://www.ng.ru/vision/2019-12-23/6_7759_vision.html (accessed: 13.09.2021).

⁵ These organizations are banned in the Russian Federation.

region with refugee flows) to Europe. As Eurostat puts it, migration is growing exponentially as socio-economic conditions in home countries of migrants seriously deteriorate.⁶

All this affects (directly or indirectly) the Russia's foreign policy strategy in the Black Sea-Mediterranean region. The object of our study is the Russian policy in the Mediterranean region in the historical and political context. The implementation of key foreign policy instruments by the Russian leadership forms the research subject.

The Mediterranean is actually a "geopolitical rift," where political concepts of key international actors collide (the "home" Arab concept is present in the region by default). Russia and the Euro-Atlantic community follow quite different approaches to dealing with regional problems. Western coalition tries to retain its influence in the region by any means, even at the cost of further destabilization of the socio-political situation. Russia's concept is inspired by collective efforts and necessity for joint interaction in order to neutralize common challenges and threats (Primakov, 2016, p. 122).

The research looks quite novel as it systematizes and generalizes the current historical and political imperatives of the current Russia's foreign policy strategy in the region, instead of just identifying historical facts. The authors analyze the main military, political and economic determinants of Russia's foreign policy strategy, explaining its presence in the Mediterranean. The main objective from which the authors proceed is to identify priorities in the planning of Russia's foreign policy in the region, based on the analysis of the above-mentioned aspects. They are presented in the final part of the article in the form of analytical conclusions and recommendations, which demonstrate the practical significance of the study.

⁶ Migration and migrant population statistics // Eurostat. March 2021. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migration_and_migrant_population_statistics#Migration_flows:_Immigration_to_the_EU_from_non-member_countries_was_2.7_million_in_2019 (accessed: 19.08.2021).

Theoretical Background and Research Methodology

Contemporary Russian historiography on the Mediterranean region and Russian policy there is represented by an extensive list of fundamental scientific works on both general and specific issues. The topic has been elaborated at a high degree in the publications of many contemporary scholars.

A research paper written by M.V. Ilyin provides a comprehensive analysis of the Greater Mediterranean. The author stresses the global importance of the region as it has long been one of the key structures that determine processes in the "Old World" and beyond, and is actually woven into a wide network of structural relations. In addition, the author specifically emphasizes that the impact of the Greater Mediterranean on the evolution of our planet and humanity goes beyond single and local events. It is a constant source of development and convergence of humanity as a planetary creative force.⁷

A systematic analysis of the political situation in the Mediterranean by the beginning of the second decade of the 21st century is presented in the study of E.M. Primakov (2016), and a preliminary analysis — in the research work of A.A. Gromyko (2014).

The school of Sevastopol State University (A.A. Irkhin, D.V. Makovskaya, O.A. Moskalenko, L.P. Nelina, V.D. Nechaev, etc.) deserves special mentioning. Its representatives stress that "the restoration of Russian sovereignty over the Crimea and Sevastopol strategically won back some of the space lost during the collapse of the USSR... Gaining opportunities for a more independent policy in the Greater Mediterranean is one of the directions for Russia's revival. But Russia meets some considerable constraints to pursuing such a policy, which boil down to vulnerable economic model and possible joint

⁷ Ilyin M.V. Introductory sketch for the Greater Mediterranean [Ильин М.В. Вводный очерк для Большого Средиземноморья] // ResearchGate. January 2020. (In Russian). URL: https://www.researchgate.net/publication/338901203_Vvodnyj_ocherk_dla_Bolsogo_Sredizemnomora (accessed: 26.04.2021).

consolidation of the West and Turkey on an anti-Russian basis” (Irkhin, Nelina & Chikharev, 2018, p. 67).

According to A.A. Irkhin, by defending its interests in Syria, Moscow questions the division of spheres of influence in the Black Sea and wider Black Sea-Caspian region between Russia and Turkey. By invading the Turkish near abroad, it provoked Ankara’s mirror activity in the Russian near abroad — the formation of a Turkish-Ukrainian military-political alliance, which will also have both the Crimean dimension and the defrosting of the Armenian-Azerbaijani conflict in Nagorno-Karabakh (Irkhin, 2016, p. 28).

In his turn, I.A. Chikharev argues that “Russia’s return to the region is accompanied by serious shocks. Though it is already obvious that Russia’s activities contribute to the balance of power in the macro-region, whose states for 25 years have been the object of unrestrained destructive interference from the United States and its European allies. One can speak of a Eurasian turn in the geopolitics and geo-economics of the Mediterranean, with Russia as one of the drivers. This turn may be associated with a special role of Russia in Eurasian processes, which is not limited to its geostrategic position, but is associated with civilizational, scientific and technological potential, as well as global political opportunities” (Chikharev, 2021, pp. 453—454).

The practical steps taken by the Russian leadership to regain the lost influence in the Mediterranean are covered by research papers authored by S.G. Luzyanin (2007), scholars from the Russian Academy of Sciences represented by V.V. Naumkin, V.V. Popov, V.A. Kuznetsov (Naumkin, Popov & Kuznetsov, 2012), research team of the MGIMO University (Streltsov, 2014). It’s worth mentioning the paper of D.B. Malysheva, who highlights the factors that determine the strategic importance of the Mediterranean. According to her, the region remains a convenient springboard from which one can influence the Middle East, North Africa, the Black Sea-Azov basin. The geographical and related geopolitical position of Mediterranean

countries makes these countries an important component of the entire security system of the European continent. In addition, the main trade routes connecting the West with the East and its oil-bearing Persian Gulf run through the Mediterranean Sea. Finally, the importance of the Mediterranean as an energy corridor from Africa and the Middle East to Europe is also important (Malysheva, 2015).

The report of the Russian Council on Foreign Affairs (RIAC) (Ivanov, 2013) and the fundamental work of A.B. Podtserob (2015), devoted to the analysis of relations between Russia and the Arab world, is of a special interest. One of the key factors behind Russia’s foreign policy interest in the Mediterranean is energy, which is reflected in the publications of I.V. Danilin (2012). International energy security is fully analyzed by A.A. Kokoshin (2006). S.A. Kondakov focuses on the geopolitical aspect of Russian energy policy (2012). For B.S. Lukshin the key research priority is military and political aspects (2012).

Yannis A. Stivachtis provides a profound analysis of the theory of the regional security complex in its application to the Mediterranean region. He sees the Mediterranean security complex as including three sub-complexes. The first is the Eastern Mediterranean, which revolves around the Greco-Turkish, Syrian and Israeli-Palestinian/Arab conflicts. The second, the Central Mediterranean, includes Italy, Libya, Albania and Malta and is centered mainly around migration. The third, the Western Mediterranean, includes France, Algeria, Tunisia, Morocco, Spain and Portugal. It is formed around France, the migration issue and related threats such as terrorism, radicalism and human trafficking (Stivachtis, 2021, p. 417).

M.M. Aghazada views the Greater Mediterranean regional security complex as global. The processes taking place in the region have a direct impact on global security. It includes Russia, France and Britain — permanent members of the UN Security Council. At the same time, regional powers such as Turkey, Italy, Israel, Iran and Saudi Arabia also play an important role in increasing the importance of the Greater Mediterranean, as well

as tightening there the struggle for leadership (Aghazada, 2021, p. 438).

The European vision of the region's potential is presented in research papers authored by Balfour (2009), Del Sarto (2006), and Kausch and Youngs (2009). Mark Pierini from the European branch of the Carnegie Endowment for International Peace gives a systematic assessment of Russia's policy in the Mediterranean,⁸ which looks like as alternative to the accepted in the domestic information and political space.

A monograph authored by the former Commander-in-chief of the Soviet Navy, Admiral of the Fleet of the Soviet Union S.G. Gorshkov "The Sea Power of the State" is a comprehensive theoretical research with a profound analysis of national naval strategy, including in the Mediterranean (Gorshkov, 1979). By that time, the USSR had become a global naval power capable of conducting operations of any scale and complexity in the World Ocean. At the same time, in operational and strategic terms, the fleet was assigned a secondary role, and the Soviet leadership itself, both party and military, adhered to a continental thinking, viewing the navy only as one of the factors within the U.S. nuclear deterrent and the need to maintain the nuclear component of the Soviet fleet in peacetime (Kurylev, Parkhitko & Nikulin, 2020, p. 28). In his work S.G. Gorshkov emphasizes the idea of the role and importance of the military fleet in peacetime as one of the main factors of demonstration of economic and military power of the state outside its borders, ensuring the country's state interests abroad, that is a diplomatic tool for the prevention of wars and military conflicts (Kurylev, Parkhitko & Nikulin, 2020, p. 28).

S.G. Gorshkov believed that the concept of using the navy was part of an overall strategy, culminating in victory on land. However, he insisted that fleets were capable of performing unique missions. He wrote that "for the USSR, sea power acts as one of the important factors in

reinforcing the economy, accelerating scientific and technical development, strengthening economic, political, cultural and scientific ties of the Soviet people with friendly peoples and countries. The essence of sea power... lies in the state's ability to study the ocean and develop its riches, the condition of the transport and fishing fleets and their ability to meet the needs of the state, the condition and capabilities of the country's shipbuilding industry, and the availability of a naval fleet corresponding to the interests of this state..." (Gorshkov, 1979).

From the theoretical perspective the current study applies the structural realism in its defensive version, which proceeds from the principle of the expediency of striving for relative rather than absolute power superiority, due to which Russia's role in ensuring security in the Greater Mediterranean has been studied. The research is based on a set of methods — comparative-historical, political analysis and political science forecasting (within the framework of the system approach).

Historical Overview of the Russian Presence in the Mediterranean

It is traditionally believed that the starting point of the presence of the Russian military fleet in the Mediterranean is the First Archipelago Expedition, successfully undertaken during the Russian-Turkish War of 1768—1774 (Tarle, 1959, p. 104). Although there is historical evidence that suggests that even in the 7th century the ships of the East Slavic tribes reached not only the Byzantine shores of the Black Sea, but also the Sea of Marmara and even Cyprus, Crete and the Apennine Peninsula (Mishulin, 1941, p. 232). The authors consider it correct to proceed exactly from the generally accepted approach. After all, the object of our analysis is the navy as an independent (but not situationally formed) branch of the armed forces, designed to solve the strategic and operational tasks of the state. It also does not seem possible to speak of an established Russian state in the early Middle Ages.

In connection with the outbreak of a major war with Turkey in 1768, Catherine II decided to redeploy part of the forces of the Russian fleet

⁸ Pierini M. Russia's Posture in the Mediterranean: Implications for NATO and Europe // Carnegie Europe. June 8, 2021. URL: <https://carnegieeurope.eu/2021/06/08/russia-s-posture-in-mediterranean-implications-for-nato-and-europe-pub-84670> (accessed: 13.09.2021).

from the Baltic to the Mediterranean Sea in order to draw back the Turkish army and fleet from the Danube and Balkan theaters of military operations. Thus, five squadrons (consisting of 20 battleships and ships of other classes) were redeployed from the Baltic to the Mediterranean Sea in the summer of 1769. The squadron was commanded by Admiral G.A. Spiridov. The First Archipelago Expedition ended by the defeat of the Turkish fleet from the Russians in the Chesme Bay on June 24—26, which facilitated the actions of the Russian army in Moldova and Wallachia, contributed to the anti-Ottoman uprisings in Greece, Syria and Egypt and the conclusion of the Kuchuk-Kainarji Peace in 1774,⁹ extremely beneficial for the Russian Empire. It should be noted that the participation of five Russian squadrons in the Mediterranean campaign was the first major operation of the Russian fleet outside the Baltic Sea.

The victory of the Russian fleet far from its bases and the use of modern battle tactics against an experienced and powerful opponent, such as the Ottoman Empire at that time, clearly demonstrated to Europe the strength of Russia's military presence in the Mediterranean. In the following years — since Crimea joined Russia in 1783 and the Black Sea Fleet was formed — Russia's military strength in the Black Sea-Mediterranean region only increased.

An important stage in the history of the Russian Navy's military presence in the Mediterranean is the short but glorious period of naval warfare against Napoleonic France. The united Mediterranean squadron under the command of Russian Admiral F.F. Ushakov (previously distinguished during the Russian-Turkish War of 1787—1791) within two years (1798—1800) liberated the Ionian Islands from the French, taking by storm on 18—19 February

⁹ Russian State Naval Archive (RSNA). F. 190. Оп. 1. Military Campaign Chancellery of Admiral G.A. Spiridov for Commanding a Squadron in the Mediterranean Sea (1769—1774) [Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 190. Оп. 1. Военно-походная канцелярия адмирала Г.А. Спиридова по командованию эскадрой в Средиземном море (1769—1774 гг.)]. (In Russian). URL: https://rgavmf.ru/sites/default/files/opis_pdf/_190_1_full.pdf (accessed: 06.09.2021).

1799 a fortress on the island of Corfu, which was considered impregnable from the sea.¹⁰

During the Russian-Turkish war of 1806—1812 a squadron under the command of Vice-Admiral D.N. Senyavin operated in the Mediterranean Sea. Under his leadership, the Dardanelles (May 10, 1807) and Athos (June 21, 1807) battles were won, which laid the foundation for the signing of the Bucharest Peace Treaty, victorious for Russia.¹¹

Similarly, the progress of Russian-Turkish war of 1828—1829 was affected by the victory of the Russian squadron under the command of Rear Admiral L.P. Gayden together with the squadrons of British and French fleets in the Navarino battle on October 8, 1827. The Adrianople Peace Treaty, beneficial for Russia, was signed with Turkey on September 14, 1829.

As it should be in a major geopolitical game, Russia's successes in the Mediterranean irritated not only its traditional opponent, the Ottoman Empire, but also the country with which relations since the early 19th century could be described as allied — Great Britain. It was London, which claimed to conquer global maritime dominance, and turned out to be among Russia's opponents in the Crimean War of 1853—1856. Notably, Britain acted in alliance with its recent geopolitical rival, France, and quite atypical “ally” — the Ottoman Empire. The unsuccessful outcome of the war temporarily forced Russia to abandon the expansion of its military presence in the Mediterranean, which became hardly feasible, given that the Paris Peace Treaty deprived Russia (like Turkey) of

¹⁰ RSNA. F. 192. Оп. 1. Field Campaign Chancellery of Admiral F.F. Ushakov for Commanding a Squadron in the Mediterranean Sea (1798—1800) [РГАВМФ. Ф. 192. Оп. 1. Походная канцелярия адмирала Ф.Ф. Ушакова по командованию эскадрой в Средиземном море (1798—1800 гг.)]. (In Russian). URL: https://rgavmf.ru/sites/default/files/opis_pdf/_192_1_full.pdf (accessed: 06.09.2021).

¹¹ RSNA. F. 194. Оп. 1. Chancellery of Vice-Admiral D.N. Senyavin for Commanding a Squadron in the Mediterranean Sea (1805—1810) [РГАВМФ. Ф. 194. Оп. 1. Канцелярия командующего эскадрой в Средиземном море вице-адмирала Д.Н. Сенявина (1805—1810 гг.)]. (In Russian). URL: https://rgavmf.ru/sites/default/files/opis_pdf/_194_1_full.pdf (accessed: 06.09.2021).

the right to possess both the fleet and the military infrastructure in the Black Sea. Russia was able to achieve the abolition of this provision of the treaty relatively soon — in 1871 during the London Conference. The restoration of full-fledged military presence in the Black Sea-Mediterranean basin took place in 1877—1878 after Russia's victorious war with Turkey.

In general, before the outbreak of World War I, Russia maintained a fleet in the Mediterranean on a permanent basis. Training trips, scientific research and humanitarian work were carried out. One of the brightest examples of the latter is the assistance of the ships of the midshipman squadron of the Baltic Fleet of Rear Admiral V.I. Litvinov to the Italian cities affected by the earthquake in the area of Messina on December 15, 1908.¹²

With the beginning of World War I the command of the Russian Navy was tasked to capture the Turkish straits. However, the Russian squadron on the Mediterranean Sea did not deploy active operations. It was only the cruiser "Askold" of the heavy ships that took part in combat operations.

However, military logistics were different. The Russian ships "Chesma," "Askold," the cruiser "Varyag," six destroyers and the submarine "St. George," built in Italy, passed from the Far East to Arkhangelsk and Murmansk through the Suez Canal and Gibraltar at different times during World War I. In 1916—1917 up to 45 thousand Russian soldiers were deployed across the Mediterranean from Arkhangelsk and from the Far East to France to participate in battles on the Western front.¹³

After 1917 and until the end of World War II, Russia's interest (beyond the political etymology of the country's name) in the

Mediterranean was temporarily devalued, which did not prevent it from returning to the region when it became necessary.

Summing up the almost 150 years of Russian military presence in the Mediterranean, two conclusions are to be made. First, the expansion of Russia's military influence was a reciprocal measure and somehow a historical necessity in the face of the hostile policies pursued by the Ottoman Empire and the European powers (France before 1815 — directly, Great Britain before 1853 and after 1856 — indirectly). And although the goals that are usually classified as "imperial"¹⁴ have not been achieved by Russia, the key task — increasing the security of the state's southern borders and preventing the hegemony of the foreign fleet in the Black Sea-Mediterranean basin — was fully reached.

The second conclusion suggests that from 1829 until the signing of the Russo-British agreement in 1907, the Mediterranean Sea was an arena of confrontation between Britain and Russia. In a sense, this confrontation can be compared with the Cold War, since the processes and mechanisms that took place were generally similar to those observed in the region in the postwar decades of the 20th century. The only difference — the struggle between Russia and the British Empire was replaced by the Soviet-American confrontation.

International Situation in the Mediterranean at the Beginning of the 21st Century

During the Soviet era, the country's maritime presence in the World Ocean was global by nature. Strategic planning for displaying the Soviet flag in different parts of the world was based on the Maritime Strategy, adopted in the

¹² Siryi S.P. The Tragedy of the Italian Messina and the Role of Navy in Assisting the Victims // RSNA [Сирый С.П. Трагедия итальянского города Мессины и роль флота в оказании помощи пострадавшим // РГАВМФ]. (In Russian). URL: https://rgavmf.ru/sites/default/files/lib/siryi_messina.pdf (accessed: 06.09.2021).

¹³ Gorbachev S.P. Russian Fleet in the Mediterranean // Military Review [Горбачев С.П. Флот России в Средиземноморье // Военное обозрение]. 25.07.2013. (In Russian). URL: <https://topwar.ru/31277-flot-rossii-v-sredizemnomore.html> (accessed: 06.09.2021).

¹⁴ This refers primarily to the conquest or other form of establishing strategic control over the Bosphorus and Dardanelles straits. This can also be conventionally attributed to the failure of Paul I's idea to convert Malta to Russian citizenship and rather mediocre results of gaining political independence of a number of Slavic or orthodox Eastern European states (with the exception of Serbia), which ultimately turned out to be among Russia's adversaries during World War I.

1960s and drafted by Commander-in-Chief of the Soviet Navy, Admiral S.G. Gorshkov. The Soviet Navy was viewed not only as an instrument of military deterrence of the U.S. and NATO in the World Ocean, but also as a “powerful factor in creating favorable conditions for building socialism and communism” in the Third World (Gorshkov, 1979, p. 11).

To perform operational and tactical tasks in the Mediterranean Sea, the 5th operational squadron of the USSR Navy was formed in 1967, which first began to carry out combat missions to repel a possible nuclear attack on the USSR by the U.S. 6th Fleet stationed in the water. Until 1977, the squadron was based in the Egyptian ports of Port Said and Alexandria, and after the pro-Western President A. Sadat came to power in Egypt, it moved to the port of Tartus (Syrian Arab Republic), which had previously been used as a logistical support base.

With the end of the Cold War and after the collapse of the Soviet Union, Russia reduced its military presence in the World Ocean in general and in the Mediterranean in particular. On December 31, 1992, the 5th (Mediterranean) operational squadron of the Russian Navy was disbanded. The only “clue” of Russia in the Mediterranean Sea was the port in Tartus, again “downgraded” to a logistical support point. The USSR Maritime Doctrine was replaced by the Memorandum on Russia’s Mediterranean Policy of 1995, which actually formalized Russia’s withdrawal from this key region in many respects (Luzyanin, 2007, p. 72).

As D.B. Malysheva stresses “the resulting political vacuum allowed the USA and some allied European states to expand their sphere of influence in the Mediterranean. Thus, the U.S. 6th fleet not only did not leave its area of responsibility — the Mediterranean Sea and adjacent Atlantic waters, but even expanded the geography of its actions, including the coast of Africa (Gulf of Guinea)” (Malysheva, 2015, p. 114). Given the geographical location of the region as a bridgehead at the junction of two continents and three macro-regions, its value for the U.S. strike force is obvious.

Thus, “the peculiarities of the current military and political situation and possible

future trends have determined the return to the Russian military practice of its vital element — the constant activity of naval groupings in sea areas and ocean zones, important for ensuring Russia’s national interests” (Kurylev, Parkhitko & Nikulin, 2020, p. 26). From the second half of the 2000s, Russia started regaining its influence in the region. Since 2007, the Russian Navy has relaunched its permanent presence in different areas of the World Ocean, including the Mediterranean Sea. However, at that time it was a question of deploying individual warships and supply vessels in the water strictly on a rotational basis, which, on the one hand, means the constant presence of the Russian fleet in the Mediterranean Sea, and, on the other, does not allow to assert the presence of a permanent operational group, as in the case of the Soviet 5th squadron and even more the US 6th fleet.

The authors consider two documents to be the most important in understanding the national maritime policy: the Maritime Doctrine of the Russian Federation, adopted on July 26, 2015,¹⁵ and the Concept of National Security of the Russian Federation, adopted on July 2, 2021.¹⁶ The Maritime Doctrine is a fundamental document that defines the state policy in protecting national interests in the World Ocean, includes regional directions of the national maritime policy, as well as methods of its implementation. It is the new Maritime Doctrine that has largely made the Russian Navy the main beneficiary of the State Armament Program 2011—2020 (Martynenko & Parkhitko, 2018, p. 514).

¹⁵ Maritime Doctrine of the Russian Federation dated July 26, 2015 // Electronic Fund of Legal and Normative-technical Documents [Морская доктрина Российской Федерации от 26 июля 2015 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов]. (In Russian). URL: <https://docs.cntd.ru/document/555631869> (accessed: 06.09.2021).

¹⁶ Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 No. 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation” // Official Internet Portal of Legal Information [Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации]. 03.07.2021. (In Russian). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (accessed: 06.09.2021).

Strategically, the doctrine includes the regions of the Arctic, Pacific, Atlantic and, separately, the Mediterranean. The main foreign policy imperatives include pursuing a purposeful course towards turning the region into a zone of military-political stability and good-neighborliness; ensuring a sufficient Russian naval presence in the region on a permanent basis; developing the cruise shipping from the ports of Crimea and Krasnodar territory to the countries of the Mediterranean basin.¹⁷

In general, the Maritime Doctrine is based on the following mechanisms and implementation tools: 1) protection of national interests with the help of the navy; 2) demonstration of the flag and military force in the world's oceans; 3) protection and defense of the state border, territorial sea, continental shelf and exclusive economic zone; 4) development of fleet forces and basing system (Druzhinin & Lachinskii, 2019, p. 8).

As for the National Security Concept, the authors believe it appropriate to highlight paragraph 37, which indicates as a regional threat the “escalation of tensions in conflict zones in the post-Soviet space, the Middle East, North Africa... Weakening of global and regional security systems creates conditions for the spread of international terrorism and extremism.”¹⁸ As a response to the identified challenges, the Concept provides for “ensuring and protecting national interests of the Russian Federation,” which are “carried out by focusing the efforts and resources of public authorities, organizations and civil society institutions on the implementation of the following strategic national priorities: ...national defense... strategic

stability and mutually beneficial international cooperation.”¹⁹

Let us consider the main aspects that determine the importance of the studied region for the Russian Federation.

Key Aspects of Russian Policy in the Mediterranean. Military Factor

As noted above, the Mediterranean is an extremely convenient strategic springboard, which allows to exert serious economic, politico-military, cultural and other influence on such important for the development and functioning of the world economy and politics areas as the Middle East, North Africa, the Black Sea-Azov basin, and the geographical and related geopolitical position of Mediterranean countries makes them an important component of the whole security system in Europe (Mikhlin et al., 2020, p. 25).

It is interesting to note that the Maritime Doctrine was updated two months before Russia began the Syrian military campaign. In confronting terrorists, the Russian naval forces provided cover for the air operation and carried out strikes with the help of cruise missiles and ship-based aviation. But their main operational task is to track the movements of the 6th US fleet and warships of NATO countries.

As already mentioned, combat duty off the coast of Syria takes place on a rotational basis, that is, de facto Russian ships and submarines are constantly present in the Mediterranean Sea.

At the time of writing, the Russian military presence in the Mediterranean Sea was represented by a grouping of five diesel-electric submarines of Project 636.3 of the Russian Navy with Caliber-PL cruise missiles on board: three from the Black Sea Fleet and two from the

¹⁷ Maritime Doctrine of the Russian Federation dated July 26, 2015 // Electronic Fund of Legal and Normative-technical Documents [Морская доктрина Российской Федерации от 26 июля 2015 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов]. (In Russian). URL: <https://docs.cntd.ru/document/555631869> (accessed: 06.09.2021).

¹⁸ A New Concept of the National Security of the Russian Federation was Adopted // Army Collection [Принята новая Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Армейский сборник]. 02.08.2021. (In Russian). URL: <https://army.ric.mil.ru/Stati/item/336026/> (accessed: 06.09.2021).

¹⁹ Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 No. 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation” // Official Internet Portal of Legal Information [Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации]. 03.07.2021. (In Russian). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (accessed: 06.09.2021).

Pacific Fleet. Such a number of submarines, simultaneously present in the waters of the Mediterranean Sea, have been deployed there for the first time in the modern history of Russia. Though two submarines — “Petropavlovsk-Kamchatsky” and “Volkhov” are making an inter-fleet transition from the Baltic to the Pacific, they may stay in the permanent operational connection of the Russian Navy in the Mediterranean Sea. Along with them, “Krasnodar,” a submarine of the Black Sea Fleet of the same type, entered the Mediterranean Sea after being repaired in Kronshtadt. Two more submarines of the Black Sea Fleet are in the Mediterranean squadron. In addition, the Project 20385 missile corvette “Gremyashchiy” is undergoing an inter-fleet transition from the Baltic to the Talnakh Concentration Fleet.²⁰

For presenting the preliminary assessment of the Russian military presence in the Mediterranean the authors compare the scale and operational-tactical objectives of the NATO exercise “Sea Breeze — 2021” (in which Ukraine was also involved)²¹ and the Russian strategic maneuvers in the Mediterranean, conducted almost simultaneously at the end of June 2021. Russia has engaged five ships, including the missile cruiser “Moscow,” frigates “Admiral Essen” and “Admiral Makarov,” and also two submarines “Stary Oskol” and “Rostov-on-Don” together with anti-submarine aircraft Tu-142MK and Il-38, long-range bombers Tu-22M3 and fighter-interceptors MiG-31K were involved in the exercise. During the exercises of the forces of the permanent operational

formation of the Russian Navy in the Mediterranean Sea and the aviation forces of the Russian Air Force in the eastern Mediterranean Sea, the crews of the ships worked out the tasks to repel attacks by enemy air forces.²² Separately, it should be mentioned that for the first time Russia deployed “Kinnzhal” hypersonic missile carriers (MiG-31K fighter-interceptors) to the Khmeimim base in Syria, marking the high vulnerability of NATO’s southern flank.

The Russian Federation does not seek military conflicts with its neighbors, does not threaten anyone, and yet has strong arguments in the dialogue “from power position” imposed by the collective West. Although the U.S. spends on military needs 12.5 times more than Russia²³ the anti-Russian exercise “Sea Breeze — 2021” in the Black Sea ended under the operational control of coastal missile systems and under the wing of Russian Tu-22M3 missile carriers. This confirms the increased capabilities of the Russian Navy (as well as the Armed Forces as a whole), allowing to give an asymmetric response to unfriendly actions of both NATO and non-bloc countries.

Logistic Aspect

The Bosphorus and Dardanelles Straits, which connect the Black Sea with the Mediterranean, are historically a zone of Russia’s national interests. “The Black Sea region is a kind of bridge or crossroads — a link between Europe and Asia. Located between Russia, Southern Europe and the Middle East, having access to the Mediterranean and Central Europe, it is much more than a region of local importance” (Kurylev, 2013, p. 112). With

²⁰ Admiral Komoyedov: Russia Corrects Mistakes in the Mediterranean Sea // *Vzglyad* [Адмирал Комоедов: Россия исправляет ошибки в Средиземном море // *Взгляд*]. 09.09.2021. (In Russian). URL: <https://vz.ru/news/2021/9/9/1118012.html> (accessed: 12.09.2021).

²¹ A total of five thousand soldiers, 32 ships and 40 aircraft from 32 countries took part in the exercise “Sea Breeze — 2021.” For more details see: Lavrov A., Boltentkov D. Quiet Breeze: U.S.-Ukrainian exercises did not become large-scale // *Izvestia* [Лавров А., Болтенков Д. Тихий Breeze: американо-украинские учения не стали масштабными // *Известия*]. 03.07.2021. (In Russian). URL: <https://iz.ru/1187801/anton-lavrov-dmitrii-boltenkov/tikhii-breeze-amerikano-ukrainskie-ucheniia-ne-stali-masshtabnymi> (accessed: 10.09.2021).

²² Joint Exercises of the Russian Navy and Air Force were took place in the Mediterranean Sea // Ministry of Defense of the Russian Federation [В Средиземном море прошли совместные учения ВМФ и ВКС России // Министерство обороны Российской Федерации]. 28.06.2021. (In Russian). URL: <https://syria.mil.ru/war-on-terror/info/news/more.htm?id=12369098@egNews> (accessed: 10.09.2021).

²³ US Defense Budget Materials — FY2021 // Under Secretary of Defense (Comptroller) / Chief Financial Officer. URL: <https://comptroller.defense.gov/Budget-Materials/Budget2021/> (accessed: 06.09.2021).

dozens of large commercial ports, the Black Sea represents both the starting point and the end point of strategically important sea routes connecting Europe, Asia and the Middle East. In turn, the main trade routes connecting the West with the East and the oil-rich Persian Gulf pass through the Mediterranean Sea. In this regard, the presence of a permanent group of naval forces in the Mediterranean Sea serves a dual purpose: it demonstrates the presence of the Russian flag in the region and increases the level of security against all kinds of terrorist threats and military provocations, the probability of which has increased significantly over the past decade (Lebedeva, 2020, p. 28).

The security of Russian shipping in the Mediterranean is “caused by the permanent increase of NATO presence not only in the Mediterranean region, but in Europe as a whole. At present, NATO is pursuing an active policy aimed at ousting Russia from its traditional sphere of influence in the Balkans, creating a hotbed of instability in Serbia by using the technology of ‘new wars’ in order to overthrow the legitimate government and to force the country to join NATO. The terrorist threat is characterized by the increased activity of Albanian and other transnational criminal clans operating in the Mediterranean with close links to the drug and terrorist group ‘Liberation Army of Kosovo’ and other criminal organizations operating outside the region with the support of the United States and NATO” (Mikhlin et al., 2020, p. 25).

A separate aspect, the importance of which has only increased in recent decades, is directly related to the global energy agenda (Lukshin, 2012, p. 101). Firstly, the Suez Canal provides about 5 % of global oil transportation and up to 15 % of natural gas (mainly liquefied). The Bosphorus and Dardanelles account for more than 7 % of global oil trade (Kondakov, 2012, p. 76). If the new Istanbul channel is put into operation, these indicators are likely to change upward. Secondly, the energy potential of the Mediterranean region itself also deserves the closest attention of the leading global and regional actors, which is actually happening.

Russian Policy in the Mediterranean. The Energy Factor

Until 2020, Russia took a consistently neutral position in the energy dispute in the Eastern Mediterranean for the following reasons: the scale of its own energy projects in Europe and its cooperation with Turkey in implementing the “Turkish Stream.” However, it is Turkey’s activity in the search and extraction of gas in the Black Sea and Mediterranean basins which has become a clear factor in complicating the negotiations of Russian state-owned companies with Ankara on long-term issues, and prompted Russia to change its position. The price of Russian gas for Turkey is falling as Turkey discovers new fields. In addition, Russia must respond to threats in the region that directly affect its ally, Syria.

In 2011, the first large gas field named “Aphrodite” was found offshore Cyprus. Its reserves are estimated at 200 billion cubic meters. This is one of the many fields in the Levantine Basin, a promising gas production region located close to the large European gas market. The first major discovery in the area, the Israeli *Tamar* field with reserves of about 200 bcm, was made in 2001. This was followed by the discovery of larger fields, the most significant of which were the Israeli *Leviathan* with reserves up to 650 bcm of gas and the Egyptian *Zohr* with 850 bcm (Danilin, 2012, p. 59).

The world’s largest gas companies have shown interest in developing the Levantine Basin. Among them is Noble Energy, which, in addition to Cyprus, operates in Israeli fields. *Zohr* is being developed by Eni, Rosneft and BP. Syria is about to start producing gas on its shelf as well. At the end of 2017, the country’s Minister of Oil and Natural Resources, Ali Ghanem, announced that the country plans to start gas production by early 2019.²⁴ As of January 31, 2018, Russia and Syria signed a roadmap for energy cooperation. As the Russian Energy Ministry notes, the document “provides for the phased implementation of

²⁴ Syria to start offshore energy exploration in early 2019 — oil minister // Reuters. December 13, 2017. URL: <https://www.reuters.com/article/mideast-crisis-syria-oil-idAFL8N1OD4SB> (accessed: 13.09.2021).

strategically important projects for the restoration, modernization, as well as the construction of new energy facilities in Syria.”²⁵ According to the US Geological Survey, the Syrian shelf can contain up to 700 bcm of gas²⁶ — twice as much as on the mainland.

In February 2018, Lebanon joined the oil and gas race. The rights to search for gas on its shelf were obtained by the Russian company Novatek in a consortium with the French Total and Italian Eni. According to the Lebanese authorities, their exclusive economic zone also contains 700 bcm of gas.²⁷

The US energy policy in the region deserves special consideration. As noted above, since the beginning of the 21st century solid deposits of hydrocarbons were discovered in the Mediterranean Sea. Herewith, since the end of the 20th century the regional security situation is challenged by serious problems, which might hinder the development of deposits. The U.S. immediately took advantage of the situation, explaining its “military buildup in the region by the need to increase security in the region” (Kokoshin, 2006, p. 44). Characteristically, American researchers hold a similar view (Del Sarto, 2006, p. 102).

On December 20, 2019, the US Congress passed the Eastern Mediterranean Security and Energy Partnership Act,²⁸ which authorizes the

²⁵ International Activities in 2018 // Ministry of Energy of the Russian Federation [Международная деятельность в 2018 г. // Министерство энергетики Российской Федерации]. (In Russian). URL: <https://minenergo.gov.ru/node/14543> (accessed: 05.09.2021).

²⁶ Energy: Oil Resources // U.S. Geological Survey. URL: <https://www.usgs.gov/science/science-explorer/Energy> (accessed: 13.09.2021).

²⁷ Novatek will Look for Gas on the shelf of Lebanon // *Vedomosti* [«Новатэк» поищет газ на шельфе Ливана // *Ведомости*]. 11.02.2018. (In Russian). URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/02/12/750606-novatek-shelfe-livana> (accessed: 05.09.2021).

²⁸ Congress passes Menendez-Rubio Bill Reshaping U.S. Policy in Eastern Mediterranean // U.S. Senate Committee on Foreign Relations. December 20, 2019. URL: https://www.foreign.senate.gov/press/ranking/release/congress-passes-menendez-rubio-bill-reshaping-us-policy-in-eastern-mediterranean_#:~:text=The%20Eastern%20Mediterranean%20Security%20and,U.S.%20arms%20embargo%20on%20Cyprus.&text=%E2%80%9CThis%20legis

US to provide new security assistance to Cyprus and Greece and lifts the U.S. arms embargo on the Republic of Cyprus. It also authorizes the creation of an energy center to enhance cooperation between the United States, Israel, Greece and Cyprus. It is noteworthy that the Act also expresses concern about the presence of Russian warships and support vessels in the region, which is unambiguously interpreted as “support for the Syrian dictator Bashar al-Assad.”²⁹

To counteract the policy of restoring Russian influence in the Mediterranean, the U.S. has taken the path of disassociating Russia from the countries with which Moscow has historically good relations. This applies primarily to Greece. In April 2021, the Greek Foreign Ministry announced negotiations with the U.S. on changes to the Mutual Defense Cooperation Agreement (MDCA).³⁰ At that time, the possibility of extending the treaty every five years instead of every year was also discussed. Earlier, on June 7, 2018, Greece and the U.S. amended the Mutual Defense Cooperation Agreement, concluded in 1990.³¹ The agreement provides for an expansion of the U.S. naval base in Souda Bay on Crete, the use of an air base near Larissa, an army air base in Stefanovikio (Magnesia region) and the port of Alexandroupolis in northeastern Greece. Moreover, the U.S. can use any other military facility on its territory.

lation%20marks%20the%20dawn,engagement%20in%20the%20Eastern%20Mediterranean (accessed: 13.09.2021).

²⁹ Pierini M. Russia’s Posture in the Mediterranean: Implications for NATO and Europe // *Carnegie Europe*. June 8, 2021. URL: <https://carnegieeurope.eu/2021/06/08/russia-s-posture-in-mediterranean-implications-for-nato-and-eu-rope-pub-84670> (accessed: 13.09.2021).

³⁰ Greece is “recruited” into one of the main military partners of Washington [Грецию «вербуют» в одного из главных военных партнеров Вашингтона] // *News Front*. 14.09.2021. (In Russian). URL: <https://news-front.info/2021/09/14/gretyu-verbuyut-v-odnogo-iz-glavnyh-voennyh-partnerov-vashingtona> (accessed: 15.09.2021).

³¹ Greece (10-521) — Agreement Extending the July 8, 1990 Mutual Defense Cooperation Agreement // U.S. Department of State. May 21, 2010. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/10/18-607-Greece-Defense-TIMS-62132-Frank.pdf> (accessed: 05.09.2021).

Obviously, Washington is thus seeking to replace Athens with its former main military partner in the region — Turkey, with which it has been constantly at odds in recent years. Despite U.S. pressure, Ankara bought Russian S-400 systems and is now negotiating the purchase of a second batch of these missiles. Contrary to the position of the U.S. and the EU, Turkey is conducting prospecting work in the economic zone of Cyprus, as well as opened the Varosi area in northern Cyprus, contrary to the UN decisions.

Thus, as Greece's military cooperation with the U.S. has intensified, there have been a number of overtly unfriendly actions against Russia recently, from the arbitrary expulsion of Russian diplomats³² to the unprecedented inspection of a Russian merchant ship by Greek naval personnel as part of the EU's Operation "IRINI."³³

Conclusion

Current Agenda for Russia

Based on the goals and objectives of the study, outlined at the beginning of the article, the key factors of the military-political presence of the Russian Federation in the Mediterranean region, were examined. Taking into account the historical preconditions for the formation of the Mediterranean (and Middle Eastern) policy of Russia, as well as in accordance with the emerging political and economic situation, the authors prioritize the following.

1. *Ensuring the military presence of the Russian Navy in the Mediterranean Sea.* The implementation of this foreign policy instrument

³² What could have provoked the expulsion of Russian diplomats from Greece // RBC [Что могло спровоцировать высылку российских дипломатов из Греции // РБК]. 11.07.2018. (In Russian). URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/07/2018/5b4606e89a794749ba15f8b2> (accessed: 05.09.2021).

³³ NATO special forces landed on a Russian cargo ship in the Mediterranean // Izvestiya [Спецназ НАТО высадился на грузовой корабль России в Средиземном море // Известия]. 13.01.2021. (In Russian). URL: <https://iz.ru/1110769/2021-01-13/spetchnaz-nato-vysadilsiana-gruzovoi-korabl-rossii-v-sredizemnom-more> (accessed: 05.09.2021).

makes it possible to achieve several goals at once. Firstly, it is a "flag demonstration" in a strategically important region of the world. Secondly, it is the security support of Russia's key ally in the Middle East and Eastern Mediterranean — the Syrian Arab Republic, which perfectly demonstrates the loyalty of Russia to its allied obligations. This practice contributes to increasing the level of trust in Russia not only among current, but also among potential allies. Thirdly, it is about ensuring the safety of Russian shipping in one of the most economically active areas of the World Ocean. Fourthly, this is a serious "argument" in involving Russia in the development of the resource potential of the Mediterranean: both together with allies and on the rights of concessions.

2. *Intensification of efforts to expand economic ties with the states of the region.* In principle, this work has been carried out relatively consistently since the late 1990s. But if earlier trade and economic relations were built mainly around Russia's arms exports to a number of states (Algeria, Egypt, before the start of the civil war and the overthrow of M. Gaddafi — Libya), now, with the preservation of most of the arms market,³⁴ Russia's trade and economic potential has significantly expanded, as well as the geography of cooperation. Russia's energy and military-technical cooperation with Turkey (the latter causes extreme irritation among Ankara's NATO partners, and above all the United States), the expansion of military-political, economic and energy cooperation with Syria, the conclusion of multi-billion dollar contracts for the supply of weapons and the expansion of energy partnership with Iraq (four Russian oil companies operate in Iraq — Rosneft, Lukoil, Bashneft, Gazpromneft³⁵)

³⁴ International arms transfers level off after years of sharp growth; Middle Eastern arms imports grow most, says SIPRI // SIPRI. March 15, 2021. URL: <https://sipri.org/media/press-release/2021/international-arms-transfers-level-off-after-years-sharp-growth-middle-eastern-arms-imports-grow-most> (accessed: 06.09.2021).

³⁵ Mamedov R. New Oil Campaign in Iraq // Oil and Capital [Мамедов Р. Новый нефтяной поход в Ирак // Нефть и Капитал]. 01.11.2019. (In Russian). URL:

clearly illustrate the increased capabilities of the Russian economy, allowing it to carry out “regional expansion,” albeit in a limited segment — the energy sector.

3. *Development of cooperation in the area of raw materials.* In this regard, two points should be taken into account. The first is the serious energy potential of the Mediterranean, mainly in the form of large reserves of natural gas and hydrocarbons. The second point is logistical. The most promising project (according to Western estimates) is the Eastern Mediterranean Pipeline (EastMed) — a gas pipeline with a capacity of 20 bcm per year, connecting the offshore fields in the eastern Mediterranean Sea with mainland Greece via Cyprus and Crete, according to some estimates, which is to be built by 2024—2026. Its main purpose is to supply gas from the offshore fields in Israel and Cyprus via Crete and then via the mainland Greece to Italy. The ultimate goal is to diversify energy supplies to the EU (as an alternative to *Turkish Stream* and gas supplies from Qatar and Algeria). Nevertheless, the

implementation of such a project seems doubtful for objective economic reasons. The high cost of investment, as well as the tense military-political situation³⁶ not only reduce the attractiveness of projects for the extraction and transportation of gas in the Eastern Mediterranean, but also make it impossible that such initiatives will be implemented with private capital without government support. This support is needed in the form of guarantees, incentives, loans, subsidies and especially security, primarily from the armed forces of the countries concerned. In this context, Russia has the tempting prospect of joining this process not as a passive observer but as a key actor.

Given the multifactorial nature of the Concept of National Security of the Russian Federation, the authors are convinced that the listed measures taken by the Russian leadership in the identified priority will best contribute to ensuring Russian interests in the Mediterranean.

³⁶ For example, the division of Cyprus into Greek and Turkish parts leads to disputes regarding the ownership of marine deposits in the Mediterranean Sea; Turkey’s position on the exploration and development of the Cypriot shelf also runs counter to the line of the European Union.

<https://oilcapital.ru/article/general/01-11-2019/novyy-neftyanoy-pohod-v-irak> (accessed: 05.09.2021).

Received / Поступила в редакцию: 20.09.2021
Accepted / Принята к публикации: 26.10.2021

References / Библиографический список

- Aghazada, M. M. (2021). Greater Mediterranean regional security complex: Myth or reality? *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 429—440. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-429-440>
- Balfour, R. (2009). The transformation of the Union for the Mediterranean. *Mediterranean Politics*, 14(1), 99—105. <https://doi.org/10.1080/13629390902747491>
- Chikharev, I. A. (2021). Russia in Greater Mediterranean: New Pacific Eurasian transition. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 441—458. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-441-458>
- Danilin, I. V. (2012). The new energy sector: A time of structural restructuring. In V. G. Baranovsky (Ed.), *The year of the planet: Yearbook. Issue of 2012: Economy, politics, security* (pp. 55—66). Moscow: Ideja-Press publ. (In Russian).
- Del Sarto, R. A. (2006). *Contested state identities and regional security in the Euro-Mediterranean area*. New York: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781403982858>
- Druzhinin, A. G., & Lachininskii, S. S. (2019). Russia at the World Ocean: Geoeconomic and geopolitical interests, scale and formats of “presence”. *Izvestiya Russkogo Geograficheskogo Obshestva*, 151(6), 1—19. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S0869-607115161-19>
- Gadzhiev, K. S. (2007). *Russia’s geopolitical horizons: Contours of the New World order*. Moscow: Ekonomika publ. (In Russian).
- Gorshkov, S. G. (1979). *Sea Power of the state*. Moscow: Voenizdat publ. (In Russian).
- Gromyko, A. A. (2014). About a New World order or a big mess. *Asia and Africa Today*, (12), 2—7. (In Russian).
- Irkhin, A. A. (2016). Problems of realization of Russia’s geopolitical interests in the Black Sea-Mediterranean region. In *Socio-political and historical-cultural aspects of the modern geopolitical situation*. Materials of the

- international scientific and practical conference within the framework of the IX Scientific and educational forum (pp. 21—28). Moscow: Pero publ. (In Russian).
- Irkhin, A. A., Nelina, L. P., & Chikharev, I. A. (2018). Russia and the Mediterranean macro-region (1920—2014). *Paradigms of History and Social Development*, (12), 58—68. (In Russian).
- Ivanov, I. S. (Ed.). (2013). *Russia and the Greater Middle East*. Moscow: RSMD publ. (In Russian). Retrieved from <https://russiancouncil.ru/activity/publications/rossiya-i-bolshoy-blichniy-vostok/>
- Kausch, K., & Youngs, R. (2009). The end of the 'Euro-Mediterranean vision'. *International Affairs*, 85(5), 963—975. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2009.00841.x>
- Kokoshin, A. A. (2006). *International energy security*. Moscow: Evropa publ. (In Russian).
- Kondakov, S. A. (2012). *Energy geopolitics of Russia*. Moscow: Vash poligraficheskij partner publ. (In Russian).
- Kurylev, K. P. (2013). Challenges and threats to interests of Russia and Ukraine in Black Sea region. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, (12—1), 109—112. (In Russian).
- Kurylev, K. P., Parkhitko, N. P., & Nikulin, M. A. (2020). Military and naval power of Russia in the Black Sea and Mediterranean regions. *Post-Soviet Studies*, 3(1), 26—39. (In Russian).
- Lebedeva, M. M. (2020). New World order: Parameters and possible contours. *Polis. Political Studies*, (4), 24—35. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.03>
- Lukshin, B. S. (2012). *Military and political aspects of ensuring energy security [thesis]*. Moscow: Institut SShA i Kanady RAN publ. (In Russian).
- Luzyanin, S. G. (2007). *Vladimir Putin's Eastern policy: Russia's return to the "Greater East" (2004—2008)*. Moscow: Vostok—Zapad, AST publ. (In Russian).
- Maleev, V. V. (2011). *Russia's energy policy in the context of globalization [thesis]*. Moscow: Diplomaticeskaya akademiya MID Rossii publ. (In Russian).
- Malysheva, D. B. (2015). Russia in the Mediterranean: Geopolitics and Modern Interests. *Mezhdunarodnaa Zizn'*, (11), 111—123. (In Russian).
- Martynenko, E. V., & Parkhitko, N. P. (2018). Implementation of the Russian state armaments program 2011—2020: Economic and financial analysis. *European Research Studies Journal*, 21(2), 506—517.
- Mikhlin, A. A., Molochny, V. V., Okhremchuk, S. N., Balandin, V. A., & Koemets, T. M. (2020). The new challenges and threats to the national interests of Russia in the Mediterranean region. *Voennaya Mysl'*, (6), 24—42. (In Russian).
- Mishulin, A. V. (1941). Ancient Slavs in excerpts from Greco-Roman and Byzantine writers in the 7th century AD. *Journal of Ancient History*, (1), 230—284. (In Russian).
- Naumkin, V. V., Popov, V. V., & Kuznetsov, V. A. (Eds.). (2012). *Middle East. The Arab Awakening and Russia: What's next?* Moscow: IV RAN publ. (In Russian).
- Podtserob, A. B. (2015). *Russia and the Arab world*. Moscow: MGIMO Universitet, IV RAN publ. (In Russian).
- Primakov, E. M. (2016). *Confidential. The Middle East on stage and behind the scenes*. Moscow: Tsentrpoligraf publ. (In Russian).
- Stivachtis, Ya. A. (2021). A Mediterranean region? Regional security complex theory revisited. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 416—428. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-416-428>
- Streltsov, D. V. (Ed.). (2014). *Russia and East in the post-bipolar period*. Moscow: Aspekt Press publ. (In Russian).
- Tarle, E. V. (1959). Admiral Ushakov in the Mediterranean Sea (1798—1800). In E. V. Tarle (Ed.), *Collected Works*: in 12 volumes. Vol. 10 (pp. 95—229). Moscow: Izd. Akad. nauk SSSR publ. (In Russian).

About the authors: *Kurylev Konstantin Petrovich* — PhD, Dr. of Sc. (History), Professor, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); ORCID: 0000-0003-3075-915X; e-mail: kurylev-kp@rudn.ru
Parkhitko Nikolay Petrovich — PhD in History, Associate Professor, Department of Theory and History of Journalism, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); ORCID: 0000-0002-7678-5735; e-mail: parkhitko-np@rudn.ru

Сведения об авторах: *Курьлев Константин Петрович* — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0003-3075-915X; e-mail: kurylev-kp@rudn.ru
Пархитко Николай Петрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-7678-5735; e-mail: parkhitko-np@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-625-641

Research article / Научная статья

The Mediterranean Sea Basin as a Single Ecosystem: Problems and Prospects for International Cooperation

Victor N. Egorov¹ , **Ludmila V. Malakhova¹** , **Andrey Kh. Degterev²** , **Mikhail N. Yurlov³**¹A.O. Kovalevsky Institute of Biology of the Southern Seas, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation²Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation³Fond “Sevastopol”, Sevastopol, Russian Federation egorov.ibss@yandex.ru

Abstract. The article justifies that the Mediterranean Basin in the broad sense (Mediterranean, Black, Azov and Marmara Seas) is a single ecosystem. The state of this ecosystem is affected by the rivers of this water intake basin, among them — the Nile, Tiber, Po, Rhone, Ebro, Danube, Don and others. The interconnection of the individual elements of the ecosystem is ensured through active water exchange and a sufficiently branched system of currents that turn the inland seas of the Mediterranean basin into communicating vessels. The paper analyzes the main anthropogenic factors, as well as the influence of climate changes on the ecological condition of the Mediterranean ecosystem. Within the framework of anthropogenic impact, special attention is paid to the negative impact of urbanization, the oil industry (production, transportation and oil refining), industrial and agricultural waste, as well as runoff waters. The problem of plastic, as well as contamination with dichlorodiphenyltrichloroethane (DDT) is discussed in detail. Analysis of DDT accumulations in the bottom sediments of the Mediterranean basin makes it possible to study the synchronization of anthropogenic processes and their long-term nature. Aridization (intensification of droughts) in the Mediterranean is shown as an important problem for the regional ecology, not directly related to the anthropogenic factor. The article reveals the disastrous effects of increasing droughts and climate change on Mediterranean basin countries. International cooperation to regulate transboundary environmental problems in the region is associated with a number of problems. Among them is the delimitation of sea zones between countries, first of all — the territorial claims of Turkey in the Eastern Mediterranean. The problem of the shelf around the Serpents’ Island in the Black Sea is also considered, as well as territorial disputes in the Western Mediterranean (France/Spain). The paper widely presents successful cases of cross-boundary cooperation: the 1976 RAMOGE Agreement, the 1975 Mediterranean Action Plan and the 1995 Barcelona Convention, as well as its seven protocols. The cases of PEGASO and 4GreenInn projects, as well as the BSEC environmental projects, are considered as successful examples of cross-border academic cooperation. Promising areas of cooperation are outlined and the conclusion is made about the importance of transboundary environmental risk management, despite the political differences between the Mediterranean countries and the EU sanctions restrictions on Russia after 2014.

Key words: Mediterranean Sea, ecosystem, ecology, anthropogenic factor, pesticides, transboundary pollution, aridization, international cooperation, RAMOGE, MAP, Barcelona convention, BSEC, BSTDB

Acknowledgements: A.O. Kovalevsky Institute of Biology of the Southern Seas team worked within the framework of the internal R&D project “Molismological and biogeochemical foundations of homeostasis of marine ecosystems” (state assignment No. 121031500515-8). The authors also thank the anonymous reviewers for their valuable comments.

© Egorov V.N., Malakhova L.V., Degterev A.Kh., Yurlov M.N., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

For citation: Egorov, V. N., Malakhova, L. V., Degterev, A. Kh., & Yurlov, M. N. (2021). The Mediterranean Sea basin as a single ecosystem: Problems and prospects for international cooperation. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 625—641. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-625-641>

Бассейн Средиземного моря как единая экосистема: проблемы и перспективы международного сотрудничества

В.Н. Егоров¹ , Л.В. Малахова¹ , А.Х. Дегтерев² , М.Н. Юрлов³

¹Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского РАН, Москва, Российская Федерация

²Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская Федерация

³Фонд «Севастополь», Севастополь, Российская Федерация

egorov.ibss@yandex.ru

Аннотация. Показано, что Средиземноморский бассейн в широком смысле (Средиземное, Черное, Азовское и Мраморное моря) представляет собой единую экосистему. На состояние данной экосистемы влияют реки этого водозаборного бассейна, среди них — Нил, Тибр, По, Рона, Эбр, Дунай, Дон и др. Взаимосвязь отдельных элементов экосистемы обеспечивается посредством активного водообмена и достаточно разветвленной системы течений, которые превращают внутренние моря Средиземноморского бассейна в сообщающиеся сосуды. Представлен анализ основных антропогенных факторов, а также влияние изменения климата на экологическое состояние средиземноморской экосистемы. В рамках антропогенного воздействия особое внимание уделено негативному влиянию процессов урбанизации, нефтяной промышленности (добыча, транспортировка и нефтепереработка), промышленным и сельскохозяйственным отходам, а также стоковым водам. Подробно рассмотрена проблема пластика, а также загрязнения дихлордифенилтрихлорэтаном (ДДТ). Анализ накоплений ДДТ в донных отложениях Средиземноморского бассейна позволяет исследовать синхронизацию антропогенных процессов и их долгосрочный характер. Аридизация (усиление засух) в Средиземноморье показана как важная проблема для региональной экологии, не связанная непосредственно с антропогенным фактором. Раскрываются пагубные последствия усиления засух и изменения климата для стран Средиземноморского бассейна. Международное сотрудничество, призванное регулировать трансграничные проблемы окружающей среды в регионе, связано с целым рядом проблем. Среди них — разграничение морских зон между странами, в первую очередь — территориальные притязания Турции в Восточном Средиземноморье. Также исследуется проблема шельфа вокруг о. Змеиный в Черном море, а также территориальные споры в Западном Средиземноморье (Франция / Испания). Широко представлены успешные примеры международного сотрудничества на примере Соглашения RAMOGE 1976 г., Средиземноморского плана действий 1975 г. и Барселонской конвенции 1995 г., а также ее семи протоколов. На примере проектов PEGASO, 4GreenInn, а также экологических проектов Организации Черноморского экономического сотрудничества рассматриваются примеры трансграничного академического взаимодействия. В заключении обозначены перспективные направления сотрудничества и делается вывод о важности трансграничного управления экологическими рисками, даже несмотря на политические разногласия стран — участниц Средиземноморья, а также санкционные ограничения ЕС в отношении России после 2014 г.

Ключевые слова: Средиземное море, экосистема, экология, антропогенный фактор, пестициды, трансграничное загрязнение, аридизация, международное сотрудничество, RAMOGE, MAP, Барселонская конвенция, Организация черноморского экономического сотрудничества, Черноморский банк торговли и развития

Благодарности: Сотрудники ИнБЮМ выполняли работу в рамках темы НИР ФИЦ ИнБЮМ «Молисмологические и биогеохимические основы гомеостаза морских экосистем» (№ госзадания 121031500515-8). Авторы также благодарят анонимных рецензентов за ценные комментарии.

Для цитирования: Egorov V.N., Malakhova L.V., Degterev A.Kh., Yurlov M.N. The Mediterranean Sea Basin as a Single Ecosystem: Problems and Prospects for International Cooperation // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 625—641. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-625-641

Introduction

The Mediterranean basin is a single ecosystem, the elements of which are interconnected. This concerns both the direct

anthropogenic impact (pollution of coastal areas and sea waters with industrial and agricultural waste), and the influence of natural and climatic factors, including an increase in average

temperature and a decrease in precipitation, leading to aridization of the region and a shortage of fresh water. A number of Mediterranean countries are taking some measures at the national and regional levels, but they are not enough to solve urgent environmental problems. Despite the existing contradictions and political differences, international cooperation between the countries of the region is an urgent necessity. There are a number of successful cross-border cooperation projects, the experience of which is also analyzed in this paper.

The methodology of this article is interdisciplinary, combining both natural science and social science approaches. The team of authors includes researchers of marine ecosystems (A.O. Kovalevsky Institute of Biology of the Southern Seas), a specialist in climate change (Sevastopol State University), as well as a leading expert on international political and international legal issues in the Mediterranean basin. Combining their efforts made it possible to reach a qualitatively new level of studying the problems of transboundary cooperation in the field of environmental protection.

The Mediterranean Sea Basin as a Single Ecosystem

The Mediterranean Sea has an area of 2,500,000 km² and a maximum depth of 5,121 m. Such large rivers as the Nile, Tiber, Po, Rhone, and Ebro flow into it, and the boundaries of the water intake basin run through the Pyrenees, the Alps, the mountains of the Balkan Peninsula, the Atlas Mountains, the Taurus, Zagros, Lebanon, and others. The linear dimensions of the sea are estimated at 3700—3750 km from west to east and 1200—1800 km from north to south.

The ecosystem of the Mediterranean Sea can be conventionally divided into two large parts — the Western Mediterranean and the Eastern Mediterranean (Fig. 1), each of which, in turn, includes a number of inland seas.

In the Western subsystem, these are the Alboran Sea (between Spain and Morocco), the Balearic Sea (between Spain and the Balearic Islands), the Ligurian Sea (between Italy and Corsica) and the Tyrrhenian Sea (between the Apennine Peninsula, Sardinia and Sicily). In the Eastern subsystem, these are the Adriatic Sea (between Italy and the former republics of Yugoslavia), the Ionian Sea (between Greece and

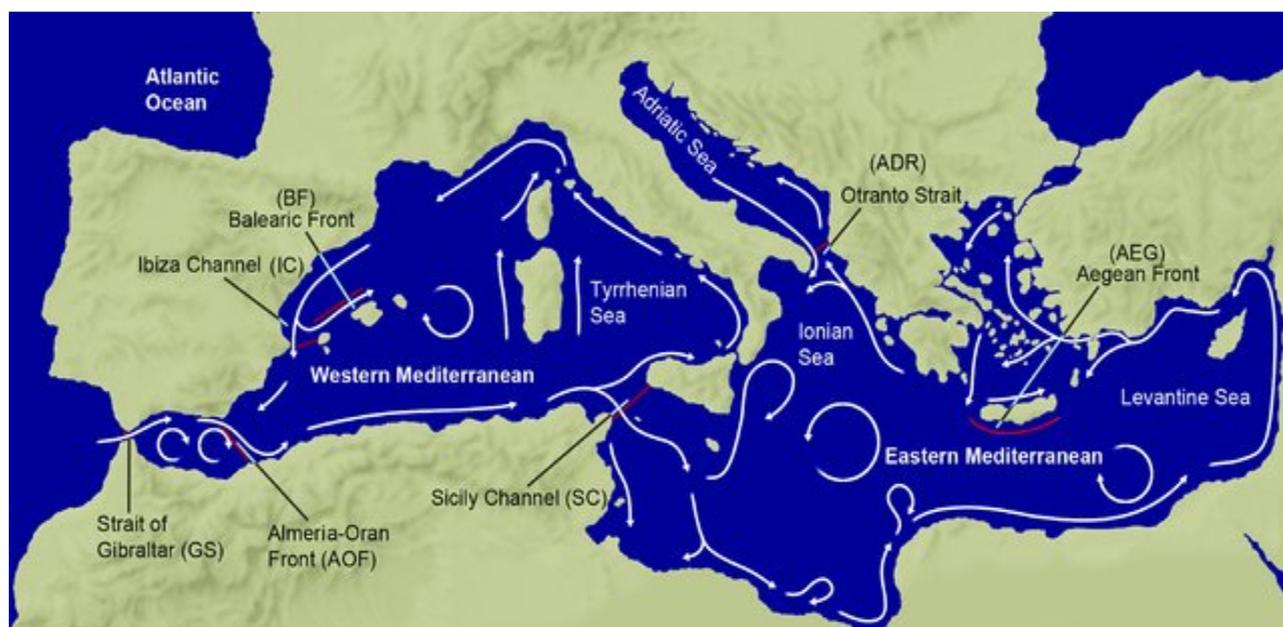

Fig. 1. Sub-Basins of Mediterranean Sea

Source: (Pascual et al., 2017, p. 3).

Note: White lines indicate main currents, red lines — oceanographic fronts.

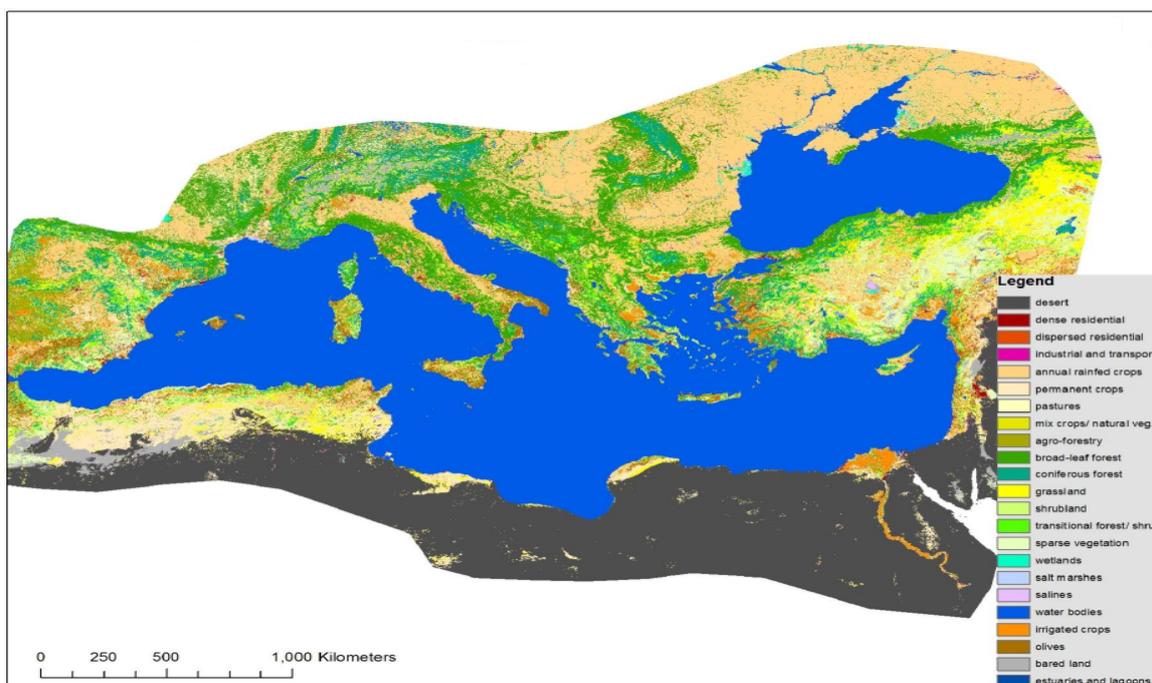

Fig. 2. Cover zones in Great Mediterranean

Source: PEGASO Final publishable summary report // PEGASO Project. 2014.

URL: http://www.vliz.be/projects/pegaso/images/stories/reports/PEGASO%20Publishable%20summary_140328_FBR.pdf (accessed: 15.11.2021).

Sicily), and the Aegean Sea (between Greece and Turkey). Within the Eastern subsystem, one can also distinguish the Libyan Sea (northeast of Libya), the Levantine Sea (eastern part of the Mediterranean), and divide the Aegean Sea into a number of inland seas (Cretan, Myrtoi, etc.).

In a number of studies, the Mediterranean Sea basin is considered in a broad context — together with the Black Sea basin, which also belongs to the Atlantic drainage basin. In this case, the Black Sea, the Sea of Azov and the Sea of Marmara also belong to the ecosystem of the Mediterranean Sea in a broad sense. The interaction of the Black and Mediterranean Sea basins is gaining particular relevance in the context of Turkey’s construction of the artificial shipping channel “Istanbul,” which has been under way since June 2021.¹

In geopolitics, the Red Sea basin is also sometimes referred to as the Greater

Mediterranean (Aghazada, 2021, p. 432), but this inland sea of the Indian Ocean and its coast belongs to a different drainage basin. On the other hand, the Nile River Basin, which covers a large part of Northeast Africa, is closely linked to the Mediterranean ecosystem.

Water exchange between the seas of the Mediterranean basin is provided by a fairly extensive system of currents (Fig. 1). Their speed in the open parts of the sea is 0.5—1.0 km h⁻¹, and in the straits it can increase to 2—4 km h⁻¹. Even with an average speed of currents of 1 km h⁻¹, the water exchange of surface waters of the sea can occur on less than a half-year time scale. It is obvious that the seas of the Mediterranean basin are communicating vessels and ecologically significant processes of migration of pollution in their waters take place on the same time scale. Therefore, a negative mutual influence of economic zones of different countries of the Mediterranean basin is possible. If the southern coast of the Mediterranean Sea is dominated by the desert cover due to the extremely arid climate, then on the northern coast there are also deciduous forests (Fig. 2).

¹ A \$15bn New Canal for Istanbul // The Economist. October 9, 2021. URL: <https://www.economist.com/europe/2021/10/09/a-15bn-new-canal-for-istanbul> (accessed: 15.11.2021).

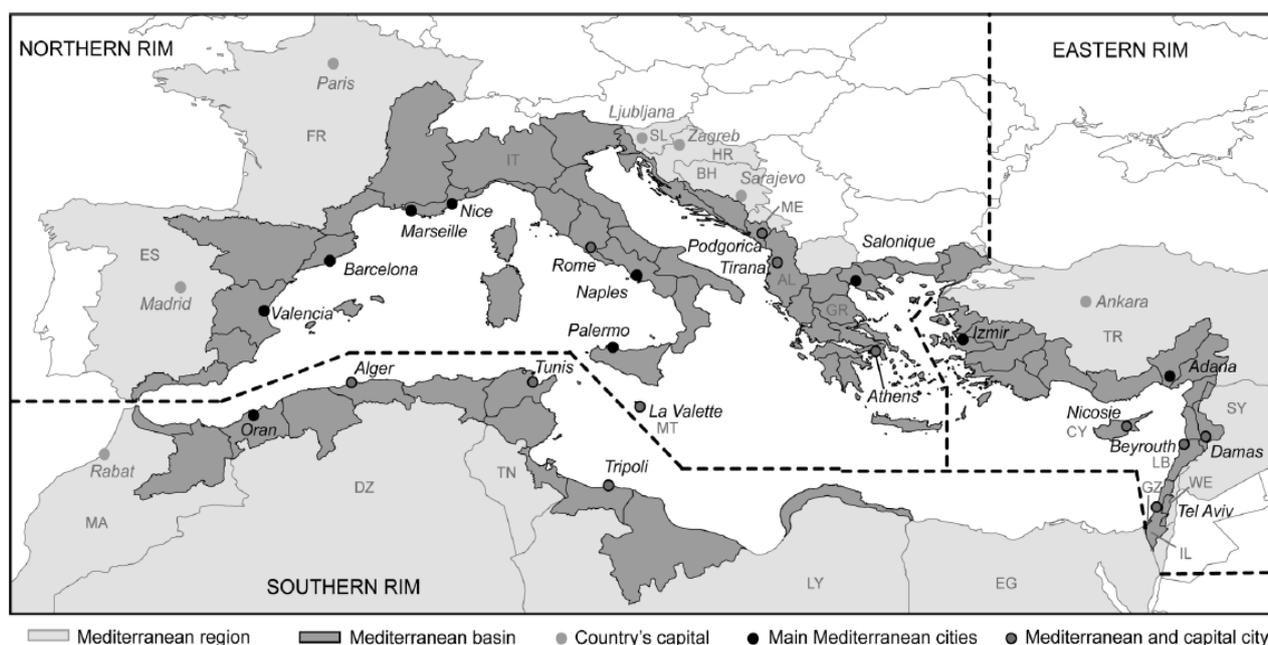

Fig. 3. Largest cities on the Mediterranean coast

Source: (Milano et al. 2013, p. 500).

Acronyms: ES: Spain, FR: France, IT: Italy, SL: Slovenia, HR: Croatia, BH: Bosnia and Herzegovina, ME: Montenegro, AL: Albania, GR: Greece, TR: Turkey, MT: Malta, CY: Cyprus, SY: Syria, LB: Lebanon, IL: Israel, EG: Egypt, WE: West Bank, GZ: Gaza Strip, LY: Libya, TN: Tunisia, DZ: Algeria, MA: Morocco.

The coastal areas together with the system of inland seas form a single ecosystem of the Mediterranean Sea.

Transboundary Environmental Problems in the Mediterranean

The Mediterranean ecosystem is characterized by a number of problems related to pollution of both coastal areas and seawater. Coastal areas, especially those near the mouths of rivers, are the most polluted. The causes of pollution are most often industrial waste, untreated municipal wastewater, agricultural pollution, as well as excessive anthropogenic load associated with active tourism and intensive, often chaotic development of the coastal zone.

Part of the Mediterranean Sea is polluted with oil, for example, off the coast of Libya, where oil is extracted on an industrial scale. The largest oil refineries in France are located on the Mediterranean coast near Marseille. One of the large-scale oil pollution occurred in February 2021 off the coast of Lebanon and Israel, which

led to serious damage to the environment, as well as the temporary closure of all Israeli beaches.²

The impact of the anthropogenic factor is intensified by urbanization — a number of capitals and major cities are located on the Mediterranean coast, such as Barcelona, Marseille, Rome, Algiers, Tunis, Tripoli, Athens, Tel Aviv, Alexandria and others (Fig. 3).

Urban agglomerations are powerful sources of air emissions, including sulfur dioxide, as well as polluting seawater through runoff. The problem is particularly acute in the three-millionth Rome. On the Turkish coast, due to the large amount of waste water, there is a phenomenon called “red tides” — the spread of toxic microflora occurring in water rich in phosphorus and nitrogen.³

² Rinat Z., Zikri A. Oil Spill off Israel’s Coast Is Its Worst Maritime Pollution in Decades, and Cleanup “Could Take Years”// Haaretz. February 19, 2021. URL: <https://www.haaretz.com/israel-news/.premium-oil-spill-off-israel-s-coast-is-its-worst-maritime-pollution-in-decades-1.9553528> (accessed: 15.11.2021).

³ Red Tide Poses Risk for Sea Ecosystem // Hürriyet Daily News. April 26, 2013. URL:

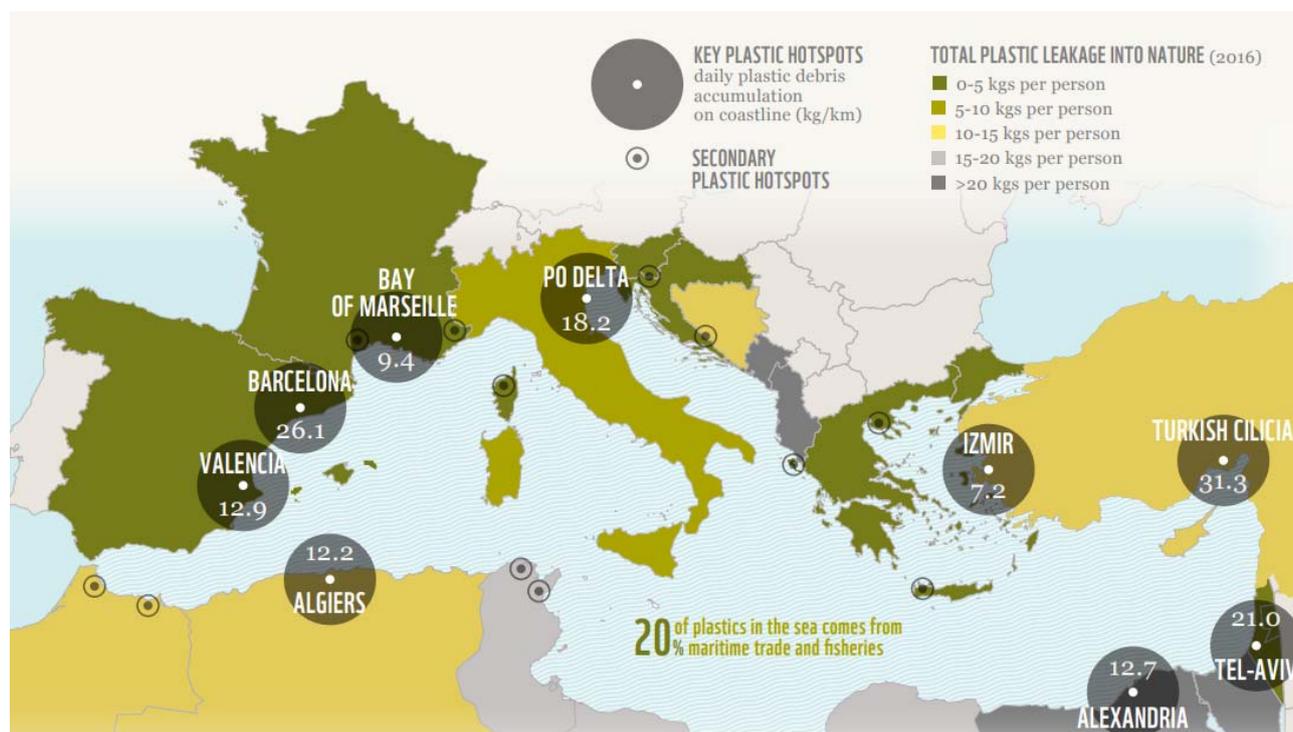

Fig. 4. Coastal Hotspots of Plastic Pollution in the Mediterranean

Source: Stop the flood of plastic. How Mediterranean countries can save their sea. World Wide Fund for Nature. 2019. URL: https://awsassets.panda.org/downloads/a4_plastics_reg_low.pdf (accessed: 15.11.2021).

A separate problem is plastic, 0.57 million tons of which annually enter the Mediterranean Sea (out of 24 million produced in the region). The strong tourist flow increases pollution by one-third. 20 % of plastic enters the water from merchant ships and fishing boats, as the Mediterranean is a zone of active shipping. In general, plastic has an extremely negative impact on marine flora and fauna.⁴ The largest emissions of plastic into the water area occur on the southwest coast of Turkey, in the agglomerations of Barcelona, Tel Aviv, in the Po delta (Italy), Valencia, Algiers, etc. (Fig. 4).

The analysis of spreading of the most ecologically dangerous chlorinated hydrocarbons, DDT, in bottom sediments is a vivid example illustrating all harmfulness of transboundary sea water pollution in the long term, as well as

synchronization of anthropogenic processes occurring within a single ecosystem of the Mediterranean basin. The introduction of dichlorodiphenyltrichloroethane, or DDT, to combat insect pests that destroy agricultural crops and also carry deadly diseases, revolutionized agricultural production and medicine. The use of DDT contributed to the elimination of malaria and typhus in the United States and Europe. DDT was widely used against vectors of these diseases from World War II through the 1960s. It is estimated that global production and use of DDT exceeded 4,500,000 tons in 1948—1993 (Li & Macdonald, 2005).

Gradually, it became clear that the widespread distribution of DDT, its relatively high fugacity and properties such as persistence and lipophilicity, led to the fact that traces of DDT appeared in all areas of the world, even the most inaccessible for humans. By the end of the 1960s, the toxic properties of DDT had been identified not only for insects, but also for animals of higher links of the trophic chain and for humans (Beard, 2006). DDT was banned in

<https://www.hurriyetdailynews.com/red-tide-poses-risk-for-sea-ecosystem-45663> (accessed: 15.11.2021).

⁴ Stop the Flood of Plastic. How Mediterranean Countries Can Save Their Sea // World Wide Fund for Nature. 2019. URL: https://awsassets.panda.org/downloads/a4_plastics_reg_low.pdf (accessed: 15.11.2021).

most Western European countries. Some states in the Eastern Mediterranean (Cyprus, Egypt, Israel, Libya, and Turkey) have not used chlorinated pesticides since 1985 (Li & Macdonald, 2005). In 2001, the International Stockholm Convention was adopted to reduce the production and eliminate emissions of already produced persistent organic pollutants, the original list of which included DDT.⁵

Despite the potential danger of DDT to the environment and human health, its use is permitted in circumstances where the benefits of its use outweigh the associated risk. Thus, DDT was widely used in the African continent to combat malaria at the beginning of the 21st century, since there are still no effective alternatives (Ranson et al., 2011). Moreover, at the WHO level, the need for DDT use on a large scale in the face of climate change and possible outbreaks of insect-borne diseases is now being re-justified (Mandavilli, 2006). In China, technical DDT is still used as an additive in non-fouling paints for fishing boats (Xu et al., 2013). In these circumstances, the problem of DDT pollution of the environment currently refers to the phenomena, the elimination or minimization of negative consequences from which require the development of international agreements both at the global and regional levels.

The sources of DDT entering marine ecosystems are river and storm terrigenous runoff, releases of untreated municipal wastewater, aerosol atmospheric fallout, rain and snowfall, dumping, discharges from ships, as well as exchange of water masses with neighboring seas. Due to its high hydrophobicity and adhesive properties, DDT in water binds to suspended particles and is transported with them over long distances or partially removed from the water into bottom sediments, where it can accumulate in large quantities over time. During remobilization of bottom sediments, the DDT buried in them can re-enter the aquatic ecosystem and its food chain, therefore, data on their content in sediments are important for

⁵ Overview // The Stockholm Convention. 2001. URL: <http://chm.pops.int/TheConvention/Overview/tabid/3351/Default.aspx> (accessed: 15.11.2021).

predicting the levels of pollution of water bodies during planned hydraulic works and possible emergency events. In addition, data on the state of bottom sediments are the most important source of retrospective information on the history of ecosystems of water bodies, since the composition of the soil strata makes it possible to assess the processes taking place at the time of their formation and development, including the chronology of accumulation of pollutants.

An overview of DDT content in bottom sediments from different regions of the Mediterranean Sea is presented in Table 1. Hereinafter, DDT means the sum of concentrations of the original pesticide DDT and its metabolic products, DDE (dichlorodiphenyldichloroethylene) and DDD (dichlorodiphenyldichloroethane), the first of which is even more toxic than DDT.

Table 1
Concentration of (Dichlorodiphenyltrichloroethane) DDT in Bottom Sediments of the Mediterranean Sea

Region	Years of study	Concentration of DDT, ng / g	Source
Alexandria Harbour, Egypt	1998	0.3—885	(Barakat et al., 2002)
Cyprus Northern Shelf	2016	1.27—108	(Kucuksezgin et al., 2016)
Rhone River Delta	1987—1991	62—675	(Tolosa et al., 1995)
Ebro River Delta	1987—1991	3.5—11.5	(Tolosa et al., 1995)
Coastal Barcelona	1987—1991	76.2	(Tolosa et al., 1995)
Gulf of Lyon	1987—1991	3.5—11.5	(Tolosa et al., 1995)
Catalan Sea	1987—1991	3.1—5.4	(Tolosa et al., 1995)
Coastal Ligurian Sea	1999	2.5—25	(Bertolotto et al., 2004)
Open Adriatic Sea	1990	0.03—11.3	(De Lazzari et al., 2004)
Adriatic Sea	1997	0.2—35.0	(Picer, 2000)
Ionian Sea	1999	0—6.2	(Lelekis et al., 2001)
Coastal Areas of Egypt	1989—1991	32—223	(Abd-Allah & Abbas, 1992)
Coastal Areas of Egypt	2007	0.11—50.73	(El Nemr & El-Sadaawy, 2016)
Saronic Gulf, Keratsini Bay	1998	9100—75 600	(Galanopoulou et al., 2005)

Source: compiled by the authors.

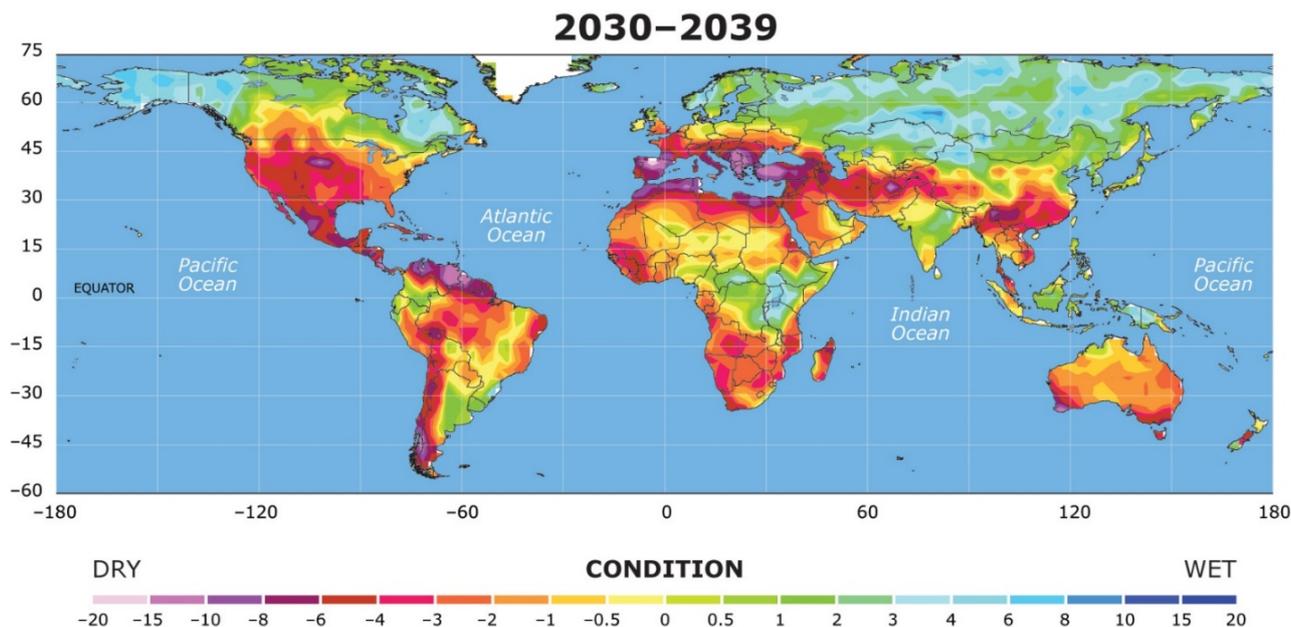

Fig. 5. Mean annual PDSI for 2030—2039
 Source: (Dai, 2011, p. 59).

The data presented in the table show that the differences in DDT levels reflected different degrees of agricultural industrialization, population density, and the impact of industrial and urban waste on pollution in the coastal and marine areas of the Mediterranean basin. Therefore, data on the distribution of DDT in bottom sediments can be recommended as a basis for the development of international agreements on the regulation of permissible discharges into the environment in various economic zones of the Mediterranean basin in the future.

Aridization as a Regional Problem

In addition to the direct anthropogenic factor, the Mediterranean ecosystem is also affected by other transboundary problems, some of which are related to natural and climatic changes. One of the main consequences of the current global climate change for the Mediterranean countries, along with the rise in temperature, is the intensification of droughts. This affects both the increase in dryland area and the duration of droughts.

If now the arid areas here on average account for less than 30 %, after a global warming of 3°C their area will be 50 %.

According to forecasts made by the Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC) based on climate change calculations using climate models, it is the Mediterranean countries that will be most affected by droughts in the coming years.⁶ This can be clearly seen in the Palmer Drought Severity Index (PDSI) projection map in 20 years, shown in Figure 5.

It should be noted that we are talking about the coming decades, not about climate change in the distant future. Moreover, the process of increasing drought in the Mediterranean countries is already underway. And this is not just another increase in drought with its subsequent rapid easing. A study of the width of annual tree rings, carried out by NASA specialists, showed that the drought in the Mediterranean countries in 1998—2012 was 50 % more severe than all droughts in the last 500 years. In this case, cuts of trees from Spain, Italy, France, from the countries of North Africa and the Mediterranean coast of the Middle East were used (Cook et al., 2016).

The most difficult situation is in the countries, where along with a high value of the

⁶ Kokorin A.O. Climate Change: Review of the Fifth Assessment Report of the IPCC. Moscow: World Wildlife Fund (WWF), 2014. P. 52.

drought index there is a lack of water resources. Thirteen countries/territories of the Mediterranean basin (i.e. more than one third) are among the top-33 countries with the greatest water shortage in 2040, including (in descending order of problem severity) San Marino, Palestine, Israel, Jordan, Libya, Macedonia, Morocco, Syria, Turkey, Greece, Algeria, Spain and Tunisia.⁷

Drought was one of the causes of the Arab Spring in Tunisia, Libya, Egypt and several other countries in the region (Johnstone & Mazo, 2011). In particular, the severe drought in Syria from 2006—2011 led to water shortages and poor harvests for several years, which, in turn, caused food shortages, unemployment, and increased social tensions. This subsequently led to civil war and migration from Syria (de Châtel, 2014).

The worst drought in 150 years was in Spain in 2014, when the country was close to a complete depletion of drinking water resources.⁸ In addition to water shortages, the dangers of droughts in the Mediterranean include forest fires, significant overconsumption of electricity for air conditioning, and loss of life. For example, during the abnormally hot summer of 2003 in Europe, 70 thousand people died from heat waves, with 15,000 in France in August alone (Fink et al., 2004). In recent years, droughts have also led to numerous fires in southern Europe, and the forests in France, Spain, and Portugal were on fire.

According to the forecasts of climatologists, the duration of heat-waves in southern Europe will increase, and by the end of the century they will be two months longer. According to the estimates of the Max Planck Institute in the Middle East countries already by 2050 the temperature in the summer even at night will not drop below 30 °C, and at noon it will reach 46 °C. In this regard, by 2050 the number of

climate refugees will reach 250 million people. Agriculture is particularly affected by droughts in the Mediterranean. During the three-year drought from 2017—2020, it killed 50 to 70 % of the harvest of olives and grapes, which led to an increase in the price of olive oil in January 2021 in Italy by 44 % compared to the previous year. The corresponding damage in Italy alone is estimated at 2 billion euros. And Italy and Spain are the main producers of olives. Vineyards in southern Europe are also severely damaged by droughts. In fact, agricultural lands in southern Europe are turning into a zone of risky farming (Rodrigo-Comino et al., 2021).

Increased droughts in the region also leads to changes in river flows and, consequently, in the regime of filling of reservoirs. In the Mediterranean river basins, spring floods are becoming weaker due to shorter winters and higher temperatures. On the other hand, the role of Mediterranean cyclones in increasing summer precipitation increases due to rising water temperatures in the Mediterranean Sea. In Europe, river runoff decreases from north to south and from west to east, so that the most difficult situation in this regard is in the Eastern Mediterranean. Construction of new and reconstruction of existing reservoirs is one of the ways to combat water shortages due to uneven precipitation. The use of bottled water is also on the rise in the region.⁹

Droughts are usually associated with high temperatures, that is, heat waves. However, although related, these are different phenomena. The severity of a soil drought is usually determined not by air or soil temperature, but by the duration of the drought. Thus, severe droughts include situations when more than four consecutive dry decades are observed without interruption. And if by the increase in the maximum air temperature the Mediterranean countries practically do not stand out among other countries of mainland Europe (Fig. 6a), then by the increase in the duration of droughts they stand out significantly.

⁷ Maddocks A., Young R. S., Reig P. Ranking the World's Most Water-Stressed Countries in 2040 // World Resources Institute. August 26, 2015. URL: <https://www.wri.org/insights/ranking-worlds-most-water-stressed-countries-2040> (accessed: 15.11.2021).

⁸ Exceptional Drought in South-Eastern Spain // EU Science Hub. August 12, 2014. URL: <https://ec.europa.eu/jrc/en/science-update/exceptional-drought-south-eastern-spain> (accessed: 15.11.2021).

⁹ The Impact of Draught on Drinking Water // EarEau Briefing Note. July, 2020. URL: <https://www.eureau.org/resources/briefing-notes/5111-briefing-note-on-the-impact-of-drought-on-drinking-water/file> (accessed: 15.11.2021).

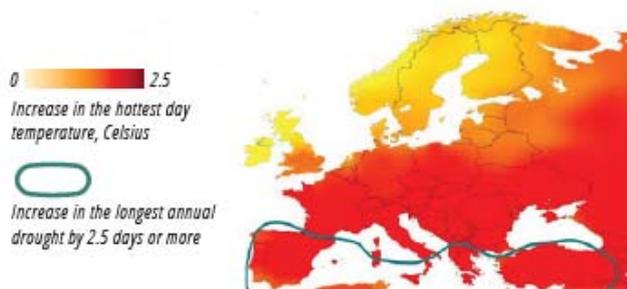

Fig. 6a. Changes in maximum temperature and drought by 2040 in Europe

Source: Global Trends 2040: A More Contested World // National Intelligence Council. 2021.

URL: https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/GlobalTrends_2040.pdf (accessed: 15.11.2021).

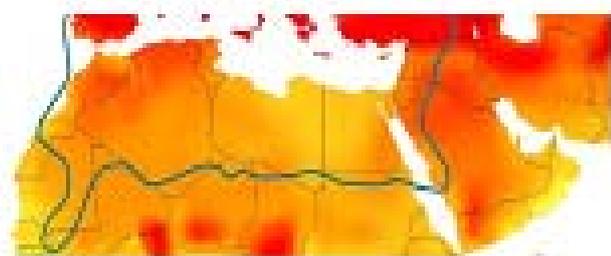

Fig. 6b. Changes in maximum temperature and drought by 2040 in Middle East

Source: Global Trends 2040: A More Contested World // National Intelligence Council. 2021.

URL: https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/GlobalTrends_2040.pdf (accessed: 15.11.2021).

For comparison, Fig. 6b shows a similar map for the Middle East, which shows that the increase in maximum temperatures on the hottest days in North Africa is significantly lower, while the Mediterranean countries also fall into the zone of increasing drought. It is the superimposing of heat waves on drought that becomes characteristic of the region. In this case, on the one hand, evapotranspiration increases, which intensifies drought, and, on the other hand, the lack of moisture does not allow lowering the high temperature through evaporation and transpiration.

Problematic Aspects of International Cooperation

The Mediterranean ecosystem is territorially divided between 21 countries. These are Spain, France, Italy, Monaco, Malta, Slovenia, Croatia, Bosnia and Herzegovina, Montenegro, Albania, Greece, Cyprus, Turkey, Syria, Lebanon, Israel, Egypt, Libya, Tunisia, Algeria and Morocco

(Fig. 3). A number of other countries are located in the Black Sea basin: in addition to the already mentioned Turkey, these are the Russian Federation, Ukraine, Bulgaria, Romania, Georgia, Abkhazia, and Moldova near the mouth of the Danube. Each party has its own foreign policy interests, the result of which leads to the formation of a regional balance of power (Irkhin & Moskalenko, 2020).

There is intense competition between countries in the use of natural and climatic resources (fishing, tourism). Problems in one country's tourism industry, including environmental disasters, are seen as unique opportunities to lure tourists from another country. There are no plans for the joint development and use of fragile transboundary ecosystems (Berzi & Ariza, 2018).

A separate acute problem is the territorial disputes between the states. The problem of Turkish territorial claims in the Eastern Mediterranean has already been discussed in detail on the pages of this magazine (Gudev, 2021). A more detailed analysis of maritime disputes is presented in the classic monograph by W. Prescott and C. Schofield (Schofield & Prescott, 2005), as well as on a specialized portal.¹⁰ A thorough analysis of all major maritime disputes in the Mediterranean Sea is not the subject of this article. It is rather an illustration of the negative impact of this factor on regional cross-border cooperation.

The Turkish claims in the Eastern Mediterranean are perhaps the most extensive territorial disputes in the Mediterranean basin (Fig. 7).

The problem of territorial claims in the Eastern Mediterranean is exacerbated by the discovery in the 2000s of large offshore natural gas deposits, as well as plans to build the East Mediterranean Gas Pipeline (East Med).

In the Eastern Mediterranean, there are also unresolved maritime disputes between Turkey and the Republic of Cyprus over maritime zones, between Palestine and Israel and Egypt; between Israel and Lebanon; between Syria and Turkey (the borders are not delimited).

¹⁰ Boundaries // Sovereign Limits. URL: <https://sovereignlimits.com/boundaries> (accessed: 15.11.2021).

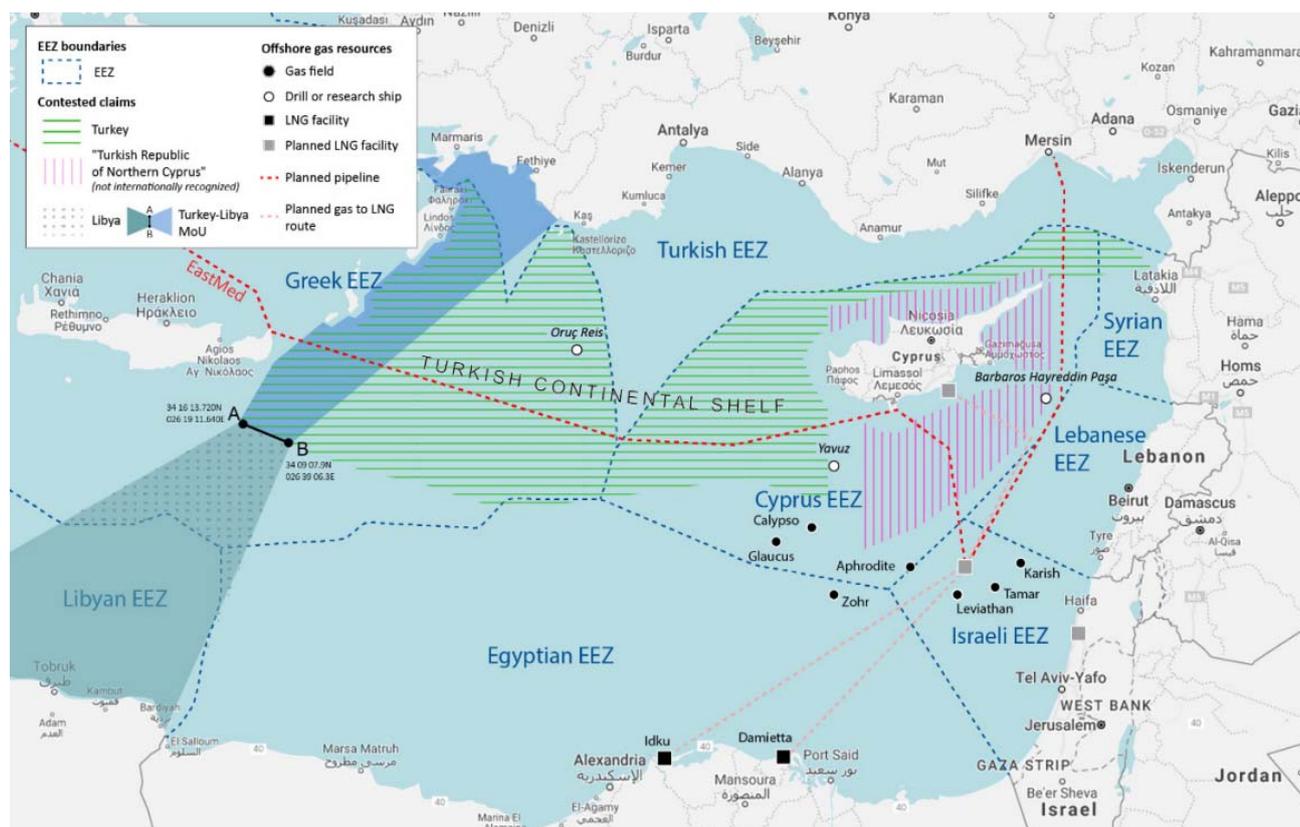

Fig. 7. Delimitation in the Eastern Mediterranean

Source: Stanicek B. Turkey: Remodelling the Eastern Mediterranean. Conflicting Exploration of Natural Gas Reserves // European Parliamentary Research Service. 2020.

URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/652048/EPRS_BRI\(2020\)652048_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/652048/EPRS_BRI(2020)652048_EN.pdf) (accessed: 15.11.2021).

There is also a difficult situation in the Black Sea — in the waters around the Republic of Crimea, whose accession to the Russian Federation has led to the de facto need to delimit maritime spaces with both Ukraine and Romania, to confirm the maritime border with Turkey. Moreover, there is the water area of the Republic of Abkhazia, which is not recognized by Georgia.

In 2004—2009, there was a trial between Ukraine and Romania at the UN International Court of Justice related to the delimitation of sea borders and the division of the continental shelf around the Serpents' Island. Romania got 9.7 thousand out of 12 thousand square kilometers of the general area of the shelf.¹¹

¹¹ Cour Internationale de Justice. Recueil des arrêts, avis consultatifs et ordonnances. Délimitation maritime en Mer Noire (Roumanie c. Ukraine). Arrêt du 3 février 2009. URL: <https://web.archive.org/web/20150416202430/http://www.icj-cij.org/docket/files/132/14987.pdf> (accessed: 15.11.2021).

This case is one of the successful examples of settling this kind of disputes, in which the Romanian received predominant benefits.

In the Western Mediterranean, a dispute can be distinguished between Spain and Morocco over separate coastal territories and islands, between Spain and Great Britain over Gibraltar (exacerbated in the context of Brexit), between Albania and Greece, as well as between Spain and France (Fig. 8). Let us dwell on the latter in a little more detail, since it just illustrates the impact on the development of cross-border cooperation in the environmental sphere.

Since the 1970s, France and Spain have different views on the maritime borders between them in the Gulf of Lyon. This complicates concerted action to form protected areas, one of which, the Gulf of Lyon Natural Marine Park, is partially located in the disputed marine zone and has been undergoing institutionalization since 2008 (Berzi & Ariza, 2018, pp. 480—482).

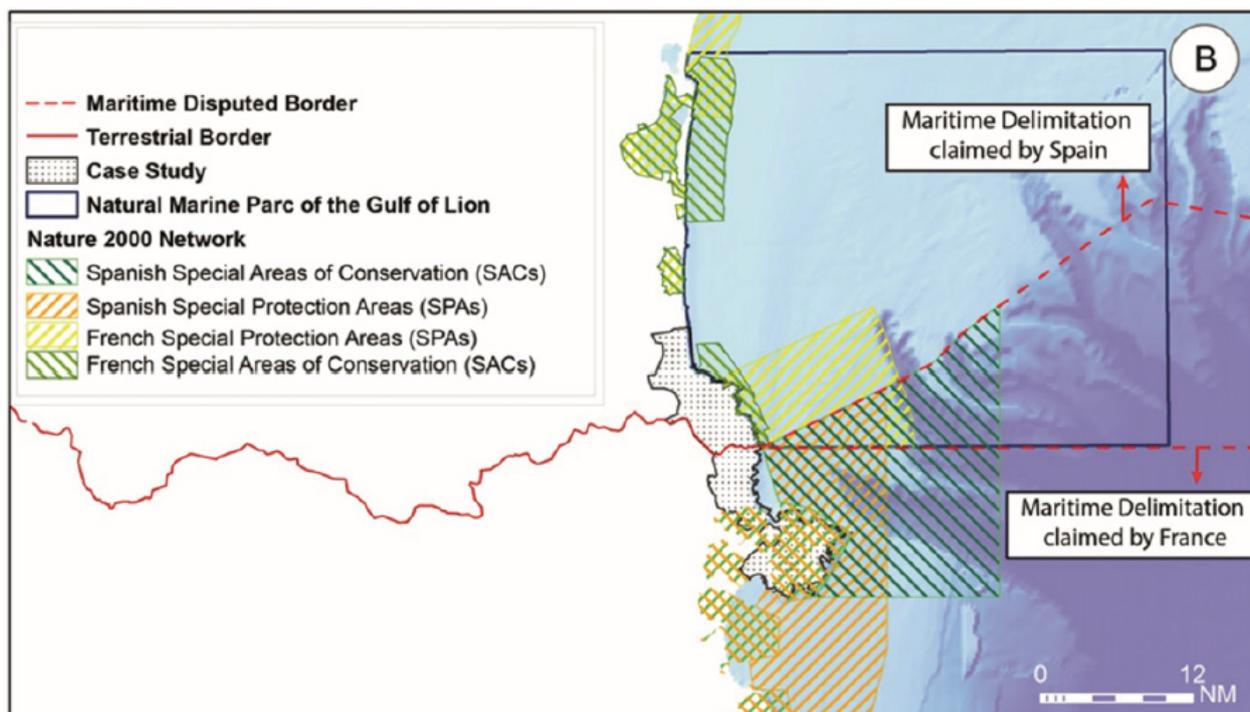

Fig. 8. Delimitation Disputes between France and Spain

Source: (Berzi & Ariza, 2018, p. 481).

Political cataclysms also have a strong negative impact on cross-border cooperation. In particular, the European Union, whose members are almost all countries located on the northern shore of the Mediterranean Sea (except for the former republics of Yugoslavia) after the Crimean and Ukrainian events of 2014 curtailed a number of joint programs, including in the scientific sphere, with Russian organizations, especially those located in the territory of the Republic of Crimea. In previous years, this cooperation was quite successful, as will be discussed below.

Successful Examples of Transboundary Cooperation

One of the first successful examples of transboundary cooperation in the Mediterranean Sea is the RAMOGE Agreement signed in May 1976 between France, Monaco and Italy on joint environmental activities in the coastal experimental zone. The agreement was named after the first letters of three cities: Saint Raphael (RA), Monaco (MO) and Genoa (GE), but later the zone was extended to Marseille (France) and

La Spezia (Italy). The agreement provides for interaction in the scientific, technical, legal and administrative spheres. If at the first stage (before 1990) mainly joint researches were carried out, since 1990 a number of joint practical actions in the field of ecology was implemented. The working bodies are a committee, a technical committee and working groups.¹²

The 53rd session on the implementation of the RAMOGE agreement was held in Monaco in January 2021. It discussed the creation of the brand “RAMOGE” for sustainable yachting and looked at the prospects for collaboration with other transboundary protected areas, including the Park of Lyons (France — Spain) and the Algeria — Morocco — Tunisia trilateral agreement. Participants also discussed the creation of textbooks for high school students on the need to conserve the sea depths using data from joint RAMOGE studies. The participants also discussed the issue of creating textbooks for

¹² The RAMOGE Agreement // International Atomic Energy Agency. 1998. URL: https://inis.iaea.org/search/search.aspx?orig_q=RN:30039024 (accessed: 15.11.2021).

high school students on the need to preserve the sea depths using data obtained in the course of joint research through RAMOGE.¹³

A number of important regional agreements have been signed in collaboration with the United Nations Environment Program (UNEP) since 1975, when 16 Mediterranean countries and the European Community approved the Mediterranean Action Plan (MAP-1) as a multilateral environmental agreement, updated in 1995 (MAP-2). Under the joint auspices of UNEP/MAP, a framework convention to protect the Mediterranean Sea from pollution was adopted in Barcelona in 1976.¹⁴ After the Earth Summit in Rio de Janeiro in 1992, it became necessary to revise some provisions of the convention. In 1995, an updated version of the Convention for the Protection of the Marine Environment and the Coastal Region of the Mediterranean Sea (Barcelona Convention) was adopted and signed by 21 Mediterranean countries¹⁵ and the European Community.

The convention implies joint actions to assess and control pollution of coastal resources, to eliminate such pollution and to protect natural and cultural heritage. To specify the provisions of the convention, seven additional protocols have been developed and adopted, including the Discharge Protocol (from ships and aircraft), the Prevention and Emergency Protocol (pollution from ships and emergencies), the Protocol on Land-based Sources and Activities, the Protocol on Specially Protected Areas and Biological Diversity, the Marine Protocol (pollution from exploration and exploitation), the Protocol on Hazardous Waste and the Protocol on Integrated Coastal Zone Management (ICZM). Ministerial conferences on the implementation of the main

provisions of the MAP are held once every two years; the permanent secretariat is located in Athens (Greece). The Mediterranean Trust Fund was formed, with the main funding for the implementation of the MAP activities coming from the EU (including the EU's 8th Framework Program for the development of research and technology Horizon 2020 (2014—2020), as well as European Territorial Cooperation Programs),¹⁶ UN agencies and the Global Environment Facility (GEF).¹⁷

One of the successful collaborative projects under the ICZM Protocol was the People for Ecosystem-Based Governance in Assessing Sustainable Ocean and Coastal (PEGASO) project.¹⁸ It was implemented in 2010—2014 within the framework of the 7th EU Framework Program led by the Autonomous University of Barcelona (UAB) to develop joint approaches to the management of the coastal and marine zones of the Mediterranean and Black Sea basins. The project included both scientific collaboration and joint decision-making. 25 participants took part in the program, including universities and research centers from Spain, France, Great Britain, Italy, Switzerland, Morocco, Lebanon, Greece, Romania, Egypt and organizations from Belgium, Algeria, and Turkey. The participants include the Permanent Secretariat of the Commission for the Protection of the Black Sea against Pollution (Istanbul), as well as the Marine Hydrophysical Institute (Sevastopol) (PEGASSO 2014).

In the Black Sea basin, the initiative “Black Sea Transboundary Cooperation” (headquartered in Romania) was implemented within the framework of the European Neighborhood policy. A number of projects were financed in two stages (2007—2013, 2014—2020) in all countries of the

¹³ Brodie J. RAMOGE Agreement Commission Goes Above and Beyond in Mediterranean Preservation // *Monaco Daily News*. January 29, 2021. URL: <https://news.mc/2021/01/29/ramoge-agreement-commission-goes-above-and-beyond-in-mediterranean-preservation/> (accessed: 15.11.2021).

¹⁴ Mediterranean Action Plan (MAP) // UNEP. URL: <https://www.unep.org/unepmap/> (accessed: 15.11.2021).

¹⁵ Albania, Algeria, Bosnia and Herzegovina, Croatia, Cyprus, Egypt, France, Greece, Israel, Italy, Lebanon, Libya, Malta, Monaco, Montenegro, Morocco, Slovenia, Spain, Syria, Tunisia, Turkey.

¹⁶ European Territorial Cooperation // European Parliament. URL: <https://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/98/european-territorial-cooperation> (accessed: 15.11.2021).

¹⁷ The Barcelona Convention // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/environment/marine/international-cooperation/regional-sea-conventions/barcelona-convention/index_en.htm (accessed: 15.11.2021).

¹⁸ PEGASO Project // Vlaams Instituut Voor De Zee. URL: <http://www.vliz.be/projects/pegaso/index.html> (accessed: 15.11.2021).

Black Sea basin, except Russia and Abkhazia.¹⁹ For example, in 2013—2016 the project “Innovations in Sustainable Management and Protection of Natural Areas” (4GreenInn) was implemented, within the framework of which the “Black Sea Ecopedia” was compiled. One of the project participants was the Fond “Sevastopol”, which also connected the Marine Hydrophysical Institute (Sevastopol) and A.O. Kovalevsky Institute of Biology of the Southern Seas. The main operator of the project was the Municipality of Bourgas; among the participants was also the Regional Development Agency of the Southeastern Development Region of Romania (SERDA).²⁰ After 2014, the participation of the Crimean organizations in the project was suspended. At the sixth meeting of the joint program committee of the initiative in September, 2021 with participation of 9 countries (Armenia, Bulgaria, Georgia, Greece, Moldova, Romania, Russia, Turkey and Ukraine) the main parameters of the cooperation program for 2021—2027 were discussed.²¹

Transboundary environmental projects are also being implemented by the Organization of the Black Sea Economic Cooperation (BSEC), whose members are both Black Sea and Mediterranean countries. Five environmental projects have been financed at the expense of the BSEC Project Development Fund. The BSEC Working Group on Environmental Protection developed the BSEC Climate Change Adaptation Strategy for the Black Sea, which was adopted by the Council of Ministers of Foreign Affairs of the organization on December 15, 2017.²²

¹⁹ Black Sea Cross Border Cooperation. URL: <http://blacksea-cbc.net/> (accessed: 15.11.2021).

²⁰ Innovations in Sustainable Management and Protection of Natural Areas. Programme 2007—2013 Black Sea Basin ENPI CBC // European Union. URL: <https://keep.eu/projects/15831/Innovations-in-sustainable--EN/> (accessed: 15.11.2021).

²¹ The Sixth Meeting of the Joint Programming Committee for the Interreg NEXT Black Sea Basin Programme 2021—2027 // Black Sea Cross-Border Cooperation. September 30, 2021. URL: <https://blacksea-cbc.net/news/archive-news/the-sixth-meeting-of-the-joint-programming-committee-for-the-interreg-next-black-sea-basin-programme-2021-2027/> (accessed: 15.11.2021).

²² Environmental Protection // BSEC. URL: <http://www.bsec-organization.org/areas-of-cooperation/environmental-protection/information> (accessed: 15.11.2021).

Prospective Areas of Cooperation

In connection with the observed and projected changes in the climate and environmental conditions, a number of promising areas of cooperation between Russia and the Mediterranean countries can be emphasized. One of them is to study the experience of cultivation of local crops in different countries of the region. Thus, back in 1926—1927, N.I. Vavilov organized a large expedition to the Mediterranean countries to collect samples of plants cultivated there. One of the goals was the subsequent use of collected samples for their cultivation in the south of Russia and the selection of new zoned varieties. Obviously, now the exchange of experience in growing various agricultural crops in the zones of extreme agriculture (in Russia, these include Krasnodar and Stavropol Territories, Crimea) is no less relevant. In recent years there has also been a noticeable increase in the export of crop products from Russia. The fact is that for Russia, the current climate change is generally favorable for the volume of agricultural production, while the drought in the Mediterranean countries has a greater impact on the cultivation of a number of crops.

Since the time of N.I. Vavilov’s expedition, the importance of building a collection of the region’s flora and fauna has not diminished either. But now we are already talking about the preservation of species diversity. Global drought is considered as one of the reasons for the possible extinction of a number of plant and animal species in nature. In this regard, projects like a lunar ark are already being developed to complement the existing plant seed vaults in Russia, Norway, and other countries.

Cooperation in extinguishing forest fires is no less urgent. Russia has extensive experience in assisting a number of Mediterranean countries with firefighting aviation. For example, in the summer of 2021, such assistance was provided to Greece and Turkey with the use of Russian aircrafts and helicopters on lease.²³

²³ Turkey Wildfires: Satellite Images Show Devastation Caused by Deadly Fires, as ‘Sabotage’ Can’t Be Ruled out // Sky News. July 31, 2021. URL: <https://news.sky.com/>

There are great prospects for international scientific cooperation in the joint creation of specialized databases. In particular, in 2020, Russian climatologists, together with their foreign colleagues created a database on tornadoes in Russia and 14 neighboring countries, which cover the period from the 10th century to 2018.²⁴ The exchange of knowledge and practical information (knowledge sharing) will make it possible to move on to the formation of joint mechanisms of early prevention of ecological risks. The agenda also includes environmental regulations for biodiversity conservation, regulations for the extraction of organic resources, preservation of spawning grounds and safe migration conditions for marine organisms, as well as development of environmental impact assessments for offshore hydrocarbon field development technologies.

It is important to understand that environmental issues have no borders and are not subject to sanctions. The high risks of exploiting fragile ecosystems, which include the Mediterranean and Black Sea basins, create an urgent need for transboundary cooperation on environmental protection.

In this context, the example of the anti-sanctions policy of Great Britain, which after leaving the EU, since January 2021 allows its companies to pay for pilotage services for the passage through the Kerch Strait and for the use of Crimean ports through the Crimean Seaports State Unitary Enterprise of the Republic of Crimea, is quite indicative.²⁵ Life and safety of

navigation make foreign authorities forget about the sanctions, even if only on a point-by-point basis.

On the agenda is the resumption of transboundary cooperation between the Russian Federation and researchers from other Black Sea and Mediterranean countries on environmental issues in a depoliticized format. An important role in this regard could be played by cooperation within the BSEC, as well as through the Black Sea Trade and Development Bank (BSTDB). In this regard, the Russian Foreign Ministry stresses that “Russia’s interest in the BSTDB is explained by the Bank’s ability to play a useful role in restoring Russia’s cooperation with the CIS and Eastern European countries, as well as in ensuring economic cooperation with Turkey and Greece.”²⁶

Conclusion

The study of the ecological state of the marine environment of the Mediterranean basin as a single ecosystem as a whole has determined the need to consolidate research in the development of the legal and environmental framework for transboundary solutions to the environmental problems of the region. The interdisciplinary synthesis presented in the study has shown that it is promising to unite specialists from specialized scientific institutions and political departments for these purposes. The most successful examples of such cooperation were analyzed, as well as the main international political problems standing in the way of successful transboundary cooperation on environmental protection in the Mediterranean basin with the participation of all stakeholders were identified.

²⁶ Black Sea Trade and Development Bank // Russian Ministry of Foreign Affairs [Черноморский банк торговли и развития // МИД России]. 08.11.2016. (In Russian). URL: https://www.mid.ru/cernomorskij-bank-torgovli-i-razvitiya-cbtr/-/asset_publisher/KrRBY5EMiHC1/content/id/2514775 (accessed: 15.11.2021).

story/turkey-wildfires-satellite-images-show-devastation-caused-by-deadly-fires-12368521 (accessed: 15.11.2021).

²⁴ “The future of meteorology is in clear forecasts” // Russian Academy of Sciences [«Будущее метеорологии за четкими прогнозами» // РАН]. 21.07.2021. (In Russian). URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=fdd08ef4-f008-40e9-9cfb-62ba3e3b7c69> (accessed: 15.11.2021).

²⁵ Great Britain Made Relief in the Sanctions Regime against Crimea // RBC [Великобритания сделала послабление в санкционном режиме против Крыма // РБК]. 06.01.2021. (In Russian). URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/01/2021/5ff5ca339a7947199b57377d> (accessed: 15.11.2021).

References / Библиографический список

- Abd-Allah, A. M., & Abbas, M. M. (1992). Residue level of organochlorine pollutants in the Alexandria Region, Egypt. *Toxicological and Environmental Chemistry*, 41(3—4), 239—247. <https://doi.org/10.1080/02772249409357979>
- Aghazada, M. M. (2021). Greater Mediterranean regional security complex: Myth or reality? *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 429—440. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-429-440>
- Barakat, A. O., Moonkoo, K., Yoarong, Q., & Wade, T. L. (2002). Organochlorine pesticides and PCB residues in sediments of Alexandria Harbour, Egypt. *Marine Pollution Bulletin*, 44(12), 1426—1434. [https://doi.org/10.1016/s0025-326x\(02\)00313-2](https://doi.org/10.1016/s0025-326x(02)00313-2)
- Beard, J. (2006). DDT and human health. *Science of the Total Environment*, 355(1—3), 78—89. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2005.02.022>
- Bertolotto, R. M., Magherini, A., Frignani, M., Bellucci, L. G., Alvarado-Aguilar, D., Cuneo, C., & Albanese, S. (2004). Polychlorinated biphenyls and pesticides in surficial coastal sediments of the Ligurian Sea. *Organohalogen Compounds*, (66), 1379—1385.
- Berzi, M., & Ariza, E. (2018). A local transboundary approach to the governance of Mediterranean coastal borderlands. *Coastal Management*, 46(5), 471—487. <https://doi.org/10.1080/08920753.2018.1498713>
- Cook, B. I., Anchukaitis, K. J., Touchan, R., Meko, D. M., & Cook, E. R. (2016). Spatiotemporal drought variability in the Mediterranean over the last 900 years. *Journal of Geophysical Research: Atmospheres*, 121(5), 2060—2074. <https://doi.org/10.1002/2015JD023929>
- Dai, A. (2011). Drought under global warming: A review. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*, 2(1), 45—65. <https://doi.org/10.1002/wcc.81>
- De Châtel, F. (2014). The role of drought and climate change in the Syrian uprising: Untangling the triggers of the revolution. *Middle Eastern Studies*, 50(4), 521—535. <https://doi.org/10.1080/00263206.2013.850076>
- De Lazzari, A., Rampazzo, G., & Pavoni, B. (2004). Geochemistry of sediments in the Northern and Central Adriatic Sea. *Estuarine, Coastal and Shelf Science*, 59(3), 429—440. <https://doi.org/10.1016/j.ecss.2003.10.003>
- El Nemr, A., & El-Sadaawy, M. M. (2016). Polychlorinated biphenyl and organochlorine pesticide residues in surface sediments from the Mediterranean Sea (Egypt). *International Journal of Sediment Research*, 31(1), 44—52. <https://doi.org/10.1016/j.ijsrc.2013.03.001>
- Fink, A. H., Brücher, T., Krüger, A., Leckebusch, G. C., Pinto, J. G., & Ulbrich, U. (2004). The 2003 European summer heatwaves and drought-synoptic diagnosis and impacts. *Weather*, 59(8), 209—216. <https://doi.org/10.1256/wea.73.04>
- Galanopoulou, S., Vgenopoulos, A., & Conispoliatis, N. (2005). DDTs and other chlorinated organic pesticides and polychlorinated biphenyls pollution in the surface sediments of Keratsini harbour, Saronikos gulf, Greece. *Marine Pollution Bulletin*, 50(5), 520—525. <https://doi.org/10.1016/j.marpolbul.2004.11.043>
- Gudev, P. A. (2021). Foundations of Turkish claims in the Eastern Mediterranean. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 472—486. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-472-486>
- Irkhin, A., & Moskalenko, O. (2020). Russia's foreign policy in the Great Mediterranean: Prospects and constraints. *Geopolitics Quarterly*, 15(4), 110—121.
- Johnstone, S., & Mazo, J. (2011). Global warming and the Arab Spring. *Survival*, 53(2), 11—17. <https://doi.org/10.1080/00396338.2011.571006>
- Kucuksezgin, F., Pazi, I., Gonul, L. T., & Duman, M. (2016). Organochlorine compounds in surface sediments from the northern coast of Cyprus, Eastern Mediterranean: Levels, possible sources and potential risk. *Marine Pollution Bulletin*, 109(1), 591—596. <https://doi.org/10.1016/j.marpolbul.2016.05.034>
- Lelekis, J., Petalas, S., Hatzianestis, I., & Sklivagou, E. (2001). Determination of anthropogenic organic compounds in the sediments of a deltaic-coastal area. The case of Igoumenitsa Gulf and Kalamas river. *7th International Conference on Environmental Science and Technology, 3—6 September, Syros, Greece: proceedings*, 2, 1211—1217.
- Li, Y. F., & Macdonald, R. W. (2005). Sources and pathways of selected organochlorine pesticides to the Arctic and the effect of pathway divergence on HCH trends in biota: A review. *The Science of the Total Environment*, 342(1—3), 87—106. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2004.12.027>
- Mandavilli, A. (2006). Health agency backs use of DDT against malaria. *Nature*, 443, 250—251. <https://doi.org/10.1038/443250b>

- Milano, M., Ruelland, D., Fernandez, S., Dezetter, A., Fabre, J. et al. (2013). Current state of Mediterranean water resources and future trends under climatic and anthropogenic changes. *Hydrological Sciences Journal*, 58(3), 498—518. <https://doi.org/10.1080/02626667.2013.774458>
- Pascual, M., Rives, B., Schunter, C., & Macpherson, E. (2017). Impact of life history traits on gene flow: A multispecies systematic review across oceanographic barriers in the Mediterranean Sea. *PLoS ONE*, 12(05), 1—20. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0176419>
- Picer, M. (2000). DDTs and PCBs in the Adriatic Sea. *Croatica Chemica Acta*, 73(1), 123—186.
- Ranson, H., N'Guessan, R., Lines, J., Moiroux, N., Nkuni, Z., & Corbel, V. (2011). Pyrethroid resistance in African anopheline mosquitoes: What are the implications for malaria control? *Trends Parasitol*, 27(2), 91—98. <https://doi.org/10.1016/j.pt.2010.08.004>
- Rodrigo-Comino, J., Salvia, R., Quaranta, G., Cudlín, P., Salvati, L., & Gimenez-Morera, A. (2021). Climate aridity and the geographical shift of olive trees in a Mediterranean Northern region. *Climate*, 9(64), 1—17. <https://doi.org/10.3390/cli9040064>
- Schofield, C., & Prescott, V. (2005). *The Maritime political boundaries of the world*. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers.
- Tolosa, I., Bayona, J., & Albaiges, J. (1995). Spatial and temporal distribution, fluxes and budgets of organochlorinated compounds in Northwest Mediterranean sediments. *Environmental Science and Technology*, 29(10), 2519—2527. <https://doi.org/10.1021/es00010a010>
- Xu, Y. Y., Wang, Y. H., Li, J., Liu, X., Zhang, R. J. et al. (2013). Distributions, possible sources and biological risk of DDTs, HCHs and chlordanes in sediments of Beibu Gulf and its tributary rivers, China. *Marine Pollution Bulletin*, 76(1—2), 52—60. <https://doi.org/10.1016/j.marpolbul.2013.09.032>

About the authors: *Egorov Victor Nikolaevich* — Russian Academy of Sciences member, PhD, Dr. of Sc. (Biology), Professor, Scientific Director, A.O. Kovalevsky Institute of Biology of the Southern Seas, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-4233-3212; e-mail: egorov.ibss@yandex.ru
Malakhova Ludmila Vasilievna — PhD in Biology, Leading Researcher, Department of Radiation and Chemical Biology, A.O. Kovalevsky Institute of Biology of the Southern Seas, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0001-8810-7264; e-mail: malakh2003@list.ru
Degterev Andrey Kharitonovich — PhD, Dr. of Sc. (Physics and Mathematics), Professor, Department of Radioecology and Environmental Safety, Institute of Nuclear Energy and Industry, Sevastopol State University; ORCID: 0000-0003-0170-6390; e-mail: degsebal@mail.ru
Yurlov Mikhail Nikolaevich — PhD in Law, Executive Director, Fond “Sevastopol”; e-mail: ymission@mail.ru

Сведения об авторах: *Егоров Виктор Николаевич* — академик РАН, доктор биологических наук, профессор, научный руководитель ФИЦ «Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского РАН»; ORCID: 0000-0002-4233-3212; e-mail: egorov.ibss@yandex.ru
Малахова Людмила Васильевна — кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник отдела радиационной и химической биологии ФИЦ «Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского РАН»; ORCID: 0000-0001-8810-7264; e-mail: malakh2003@list.ru
Дегтерев Андрей Харитонович — доктор физико-математических наук, профессор, профессор кафедры радиоэкологии и экологической безопасности Института ядерной энергии и промышленности Севастопольского государственного университета; ORCID: 0000-0003-0170-6390; e-mail: degsebal@mail.ru
Юрлов Михаил Николаевич — кандидат юридических наук, исполнительный директор Фонда «Севастополь»; e-mail: ymission@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-642-654

Научная статья / Research article

Магриб — 2021: тупики внутривосточного развития и угрозы региональной подсистеме отношений

В.А. Кузнецов , А.И. Василенко

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Москва, Российская Федерация

 vasiakuznets@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам развития международных отношений в субрегионе Магриба, приобретшим особую остроту после разрыва в августе 2021 г. дипломатических отношений между Алжиром и Марокко. Анализируя общие параметры магрибинской подсистемы международных отношений и выявляя основные тенденции внутривосточного развития входящих в нее государств, авторы показывают, что нарастающая напряженность в двусторонних отношениях между Алжиром и Марокко является лишь симптомом общего кризиса региональной подсистемы. Исследование основано на анализе широкого массива информационно-аналитических материалов и документов, а также на материалах полевых исследований авторов в приграничных районах Марокко (2019) и Алжира (2018, 2019) и их интервью с магрибинскими политиками (2020, 2021). В первой части статьи выделяются ключевые параметры магрибинской подсистемы отношений, описывается ее внутренняя архитектура, выявляются взаимосвязи с иными региональными подсистемами, показываются тренды развития Магриба, оформившиеся в 2010-е гг. Во второй части анализируется внутривосточная динамика в Ливии, Тунисе и Алжире. Текущая ситуация в каждой из стран описывается как тупиковая как с точки зрения развития демократического процесса, так и в плане возможностей национальной консолидации на авторитарной основе. Проявлением этого становится нарастающее отчуждение общества от политических элит, неспособных предложить реалистичные стратегии государственного развития. В третьей части статьи выявляются последствия кризисов внутривосточного развития для региональных отношений. Показывается возможность частичной переориентации ряда государств Магриба с более глубокой средиземноморской интеграции на поиск иных союзников; выявляются перспективы перебалансировки отношений с арабскими партнерами; делается вывод о возможном использовании конфликтной внешнеполитической повестки для национальной консолидации ряда стран; ставится вопрос о поисках новых моделей государственного и регионального развития.

Ключевые слова: Алжир, Тунис, Ливия, Марокко, Магриб, Ближний Восток, Средиземноморье, магрибинская подсистема международных отношений, региональные конфликты в Северной Африке, внешняя политика стран Магриба

Для цитирования: Кузнецов В.А., Василенко А.И. Магриб — 2021: тупики внутривосточного развития и угрозы региональной подсистеме отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 642—654. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-642-654

© Кузнецов В.А., Василенко А.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Maghreb 2021: Political Development Impasses and Threats to the Subregional System

Vasily A. Kuznetsov^{ID}✉, Anastasia I. Vasilenko^{ID}

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
✉vasiakuznets@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the relevant issues of international relations in the Maghreb subregion, which became especially acute after the rupture of diplomatic relations between Algeria and Morocco in August 2021. The authors analyze the general parameters of the Maghreb subsystem of international relations and identify key trends in the internal political development of its member states. The growing tension in the bilateral relations between Algeria and Morocco is only a symptom of the general crisis of the regional subsystem. The study is based on the analysis of a wide array of information and analytical materials and documents, as well as the authors' field research in the border regions of Morocco (2019) and Algeria (2018, 2019) and interviews with Maghreb politicians (2020, 2021). The first part of the article highlights the key parameters of the Maghreb subsystem, describes its internal architecture, reveals the interconnections with other regional subsystems, and identifies the development trends of the Maghreb that took shape in the 2010s. The second part analyzes the internal political dynamics in Libya, Tunisia and Algeria. The current situation in each country can be described as an impasse, both in terms of the development of the democratic process and the possibilities for national consolidation on an authoritarian basis. The political elites of the region are unable to offer realistic strategies for state development and it leads to the growing alienation of societies. The third part of the article reveals the implications of political development crises for the regional relations. The authors conclude by putting forward a scenario of a partial reorientation of a number of Maghreb states from a deeper Mediterranean integration to finding other allies. They also identify prospects for rebalancing relations of Maghreb states with their Arab partners. In the framework of these processes the elites can use conflicting foreign policy agenda for the national consolidation of some countries. Finally, the authors raise the question of seeking new models of state and regional development in the Maghreb.

Key words: Algeria, Tunisia, Libya, Morocco, Maghreb, Middle East, Mediterranean, Maghreb international relations subregion, regional conflicts in North Africa, foreign policy of Maghreb states

For citation: Kuznetsov, V. A., & Vasilenko, A. I. (2021). Maghreb 2021: Political development impasses and threats to the subregional system. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 642—654. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-642-654>

Введение

2021 г. ознаменовался началом очередного этапа трансформации региональных отношений на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Несмотря на отмечавшиеся в течение 2020 г. тревожные процессы в Восточном Средиземноморье, приведшие к частичному вытягиванию в воронку ближневосточной нестабильности сопредельных регионов (в том числе Юго-Восточной Европы и Южного Кавказа¹), в 2021 г. в целом наметилась

тенденция к региональному детанту. Продолжилась деэскалация конфликта в Сирии; наметился путь к нормализации отношений между ключевыми региональными акторами: Ираном и Саудовской Аравией², ОАЭ и Турцией³, а также между Турцией и Египтом⁴.

Deadlock // Brookings Doha Center Policy Briefing. 2021. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2021/01/Turkey-Europe-and-the-Eastern-Mediterranean.pdf> (accessed: 12.09.2021).

² Quinn C. Iran and Saudi Arabia Move Toward Normalization // Foreign Policy. April 30, 2021. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/04/30/iran-saudi-arabia/> (accessed: 12.09.2021).

³ Soylu R. Turkey welcomes UAE's positive statement on relations, but not yet fully convinced // Middle East Eye. January 12, 2021. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/turkey-uae-normalisation-welcomes-not-convinced> (accessed: 12.09.2021).

¹ См.: Маркедонов С., Каледжи В., Хас К. Слом статус-кво и международное измерение кризиса в Нагорном Карабахе // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Декабрь 2020. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/36258/> (дата обращения: 12.09.2021); Dalay G. Turkey, Europe, and the Eastern Mediterranean: Charting a Way Out of the Current

При всей хрупкости переговорных процессов на каждом из этих треков само начало диалога между соперничающими государствами стало важным фактором оздоровления международной ситуации в регионе.

Одновременно с этим, однако, в другой части арабского мира получили развитие негативные процессы, в перспективе создающие угрозы безопасности для Южного Средиземноморья. Наиболее очевидным их проявлением стал разрыв дипломатических отношений между Алжиром и Марокко в конце августа 2021 г.⁵ Как будет показано в данной статье, этот разрыв необходимо рассматривать лишь как один из симптомов глубокой деградации региональной подсистемы отношений.

Проведенный анализ опирается на подходы структурного реализма, предложенные в свое время К.Н. Уолтцем (Waltz, 1979) и разрабатывавшиеся, среди прочих, Дж. Розенау (Rosenau, 1980), а также на некоторые идеи Г. Аллисона.

Основные параметры магрибинской подсистемы региональных отношений

Анализ текущей динамики регионально-го развития Магриба целесообразно начать с выделения общих черт сформировавшейся в этой части арабского мира подсистемы международных отношений (Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте, 2018). Учитывая, что она уже не раз становилась предметом исследовательского внимания⁶,

⁴ Turkey, Egypt pledge further talks to normalise ties after 2nd round // Reuters. September 8, 2021. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/turkey-egypt-pledge-further-talks-normalise-ties-after-2nd-round-2021-09-08/> (accessed: 12.09.2021).

⁵ L'Algérie rompt ses relations diplomatiques avec le Maroc // Jeune Afrique. 24 août 2021. URL: <https://www.jeuneafrique.com/1222548/politique/lalgerie-rompt-ses-relations-diplomatiques-avec-le-maroc/> (accessed: 12.09.2021).

⁶ Lounnas D., Messari N. Algeria-Morocco relations and their impact on the Maghrebi regional system // MENARA Working Papers. 2018. No. 20. URL: https://www.academia.edu/37687035/Algeria_Morocco_Relations_and_their_Impact_on_the_Maghrebi_Regional_System (accessed: 02.03.2019). См. также: (Zoubir & White, 2015; De Larramendi, 2018).

здесь можно будет ограничиться лишь выделением некоторых ее базовых характеристик.

Географическая обособленность Магриба, ограниченного, с одной стороны, Средиземным морем, а с другой — пространствами Сахары, предопределила довольно раннее формирование специфической идентичности этого субрегиона, уже в Средние века воспринимавшегося современниками как некое единое культурно-политическое пространство (Видясова, 1987), обладавшее комплексной идентичностью, прежде всего арабо-мусульманской и средиземноморской, но также африканской и отчасти атлантической.

При этом, будучи частично включен во все эти региональные подсистемы, в каждой из них Магриб оставался периферией, лишь частично испытывавшей влияние импульсов, шедших из центров. Это обусловило формирование в нем во второй половине XX в. уже не только специфических идентичностей, но и собственной подсистемы международных отношений. Ее внутренняя архитектура определялась, как представляется, пятью основными факторами: во-первых, немногочисленностью составляющих ее государств (Ливия, Тунис, Алжир, Марокко, Мавритания, а также Западная Сахара); во-вторых, наличием двух сопоставимых по мощи государств, претендующих на субрегиональное лидерство и исторически соперничающих друг с другом (Алжир и Марокко) (Lefèvre, 2016; Boukhars, 2019); в-третьих, принципиально разным характером политического устройства государств региона и их внешнеполитических ориентаций; в-четвертых, низкой степенью институционализации региональных отношений и высоким уровнем персонификации внешней политики; в-пятых, слабой экономической и сильной историко-культурной связанностью субрегиона (Labaronne, 2013).

С 1970-х гг. к этим пяти факторам добавился и шестой — наличие западносахарского конфликта. Выступая препятствием к субрегиональной интеграции, на какое-то время он стал ключевым элементом для всей системы отношений в Магрибе, задав рамки для существовавшего и ранее алжиро-марокканского соперничества (Володина, 2015).

В 1990—2000-е гг. этот конфликт оказался вытеснен на периферию как мировой, так и региональной повестки и постепенно, казалось, стал утрачивать конституирующую для региональной подсистемы отношений роль. Сконцентрированные на проблемах внутриполитического развития в 1990-е гг., после прихода к власти А. Бутефлики в Алжире и Мухаммеда VI в Марокко обе страны предприняли слабые попытки к сближению (Zoubir, 2000), невзирая на сохраняющиеся противоречия по проблеме Западной Сахары. Впрочем, уже к концу первого десятилетия XXI в. этот позитивный импульс себя исчерпал (De Larramendi, 2018).

Принципиально новый тренд субрегиональному развитию был задан в начале 2010-х гг. в связи с событиями «арабской весны».

Во-первых, помимо ушедшего на второй план западносахарского конфликта в регионе появился конфликт в Ливии, потенциально способный оказывать негативное влияние и на другие страны. На ранней стадии его развития он привел к распространению нестабильности на регион Сахеля (прежде всего в Мали) и сохранял негативное воздействие на национальную безопасность Туниса⁷.

Во-вторых, рост конфликтности в восточной части арабского мира способствовал укреплению связей между странами Южного и Северного Средиземноморья. Демократический транзит в Тунисе, приобретение им статуса союзника США вне НАТО⁸ и укрепление марокканско-европейского сотрудничества⁹

способствовали определенной европеизации этих двух государств Магриба и их более глубокому включению в орбиту западного влияния. При этом традиционно проводившие антизападную линию Ливия и Алжир временно оказались ограничены в своей внешней политике. Если в случае с Ливией дело было в кровопролитном конфликте, поставившем под сомнение само сохранение ливийской государственности, то в случае с Алжиром речь шла о глубоком кризисе политического режима, когда в результате фактической утраты дееспособности президентом А. Бутефликой в 2013 г. страна минимизировала внешнеполитическую активность (Daguzan, 2015).

Наконец, третьим элементом субрегионального развития этого периода стало изменение ситуации в Западной Сахаре. Марокканская дипломатия сумела с максимальной выгодой для себя использовать стремление США добиться нормализации отношений между Израилем и арабскими странами. При том, что о тайных отношениях между Рабатом и Тель-Авивом было и ранее хорошо известно¹⁰, *махзен* сумел добиться от американской администрации признания претензий на Западную Сахару в обмен на нормализацию отношений с Израилем в рамках «Авраамовых соглашений»¹¹, что зачастую интерпретируется как фактическое поражение ПОЛИСАРИО и поддерживающего его Алжира¹².

Все эти новые элементы субрегионального развития фактически вели к опасной маргинализации позиций Алжира, как внешняя

⁷ Marchal R. The coup in Mali: the result of a long-term crisis or spillover from the Libyan civil war? // NOREF Report. May 2012. URL: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/3a582f1883e8809a0e18cd2d58a09a81.pdf> (accessed: 12.09.2021).

⁸ Lahmar M. Tunis: Ce qu'il faut attendre de l'accès au statut d'allié majeur non-membre de l'OTAN! // African Manager. 22 mai 2015. URL: <https://africanmanager.com/tunis-ce-qu-il-faut-attendre-de-l%C2%92acc%C2%92statut-d%C2%92allie-majeur-non-membre-de-l%C2%92otan/> (accessed: 12.09.2021).

⁹ M. Bourita: Le nouveau partenariat euro-marocain implique un changement de paradigme fondé sur l'égalité // Maroc.ma. 11 juillet 2019. URL: <https://www.maroc.ma/fr/actualites/mbourita-le-nouveau-partenariat-euro-marocain-implique-un-changement-de-paradigme-fonde> (accessed: 12.09.2021).

¹⁰ Mahmoud M. Les discrètes relations commerciales Maroc — Israël // Telquel. 8 décembre 2018. URL: https://telquel.ma/2018/11/08/les-relations-commerciales-entre-le-maroc-et-israel-une-discretion-entretenee-a-tous-les-etages_1617330 (accessed: 12.09.2021). См. также: (Bin-Nun, 2002).

¹¹ Ce qu'il faut savoir sur la normalisation des relations entre le Maroc et Israël // Franceinfo. 18 août 2021. URL: https://www.francetvinfo.fr/monde/afrique/maroc/ce-qu-il-faut-savoir-sur-la-normalisation-des-relations-entre-le-maroc-et-israel_4740347.html (accessed: 12.09.2021).

¹² Bouchnik-Chen R. G. The Renewed Western Sahara Conflict and the Abraham Accords // BESA Center Perspectives Paper. 2020. No. 1, 843. URL: https://www.researchgate.net/publication/346897965_The_Renewed_Western_Sahara_Conflict_and_the_Abraham_Accords (accessed: 12.09.2021).

политика, так и сама модель развития которого, казалось, все более расходятся с общим магрибинским трендом.

Новые тенденции внутривнутриполитического развития в странах Магриба

В начале 2020-х гг. описанные тенденции субрегионального реформирования Магриба столкнулись с серьезными препятствиями, связанными с внутривнутриполитической динамикой в трех странах региона — Ливии, Тунисе и Алжире. При этом Мавритания, равно как и подконтрольные ПОЛИСАРИО территории Западной Сахары, сохранила свое маргинальное для региональной подсистемы отношений значение и не оказывала своей внутривнутриполитической динамикой существенного влияния на конфигурацию региональных отношений.

Ливия: тупики урегулирования

Серьезно снизившая свою международную субъектность Ливия на протяжении всех 2010-х гг. оставалась скорее объектом влияния разнообразных региональных и глобальных сил, чем самостоятельным игроком. Однако формирование в начале 2021 г. правительства национального единства (ПНЕ) во главе с Абдельхамидом Дбейбой и подготовка к намеченным на декабрь этого же года парламентским выборам создали предпосылки для частичного восстановления национального суверенитета.

Вместе с тем неспособность ливийских политических сил не только согласовать правовую базу предстоящих выборов, но и договориться о национальном бюджете и объединении силовых структур всего за несколько месяцев до предполагаемых выборов дали основания многочисленным наблюдателям предвещать негативный исход очередного этапа политического процесса в стране¹³.

¹³ См.: Eljarh M. Libya's uncertain path to elections // Al-Monitor. May 10, 2021. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2021/05/libyas-uncertain-path-elections> (accessed: 12.09.2021); Cherif N. Libya's Constitutional Quagmire // Libya Brief. 2021. No. 10. P. 13—14. URL: <https://www.kas.de/documents/282499/282548/Libya+Brief+10th+Edition.pdf/c070796b-8a61->

Вне зависимости от того, состоятся ли выборы в срок или нет, вероятность новой дестабилизации обстановки представляется весьма существенной. Перенос или отмена выборов поставят под сомнение легитимность действующего правительства. В то же время проведение выборов без создания институтов государственного управления (а ситуация с бюджетом показывает, что они не созданы) сделает невозможным формирование дееспособных органов власти. В результате оба сценария в перспективе могут привести к очередной дискредитации демократических институтов и политического процесса в стране.

Это, в свою очередь, может иметь несколько довольно существенных последствий. Прежде всего, это может грозить новой эскалацией насилия в стране и началом очередного раунда гражданского противостояния. Хотя, как показал опыт последних 10 лет, конфликт в Ливии не обладает серьезным потенциалом к распространению на близлежащие страны и протекает менее интенсивно, чем конфликты в Сирии или Йемене, он, тем не менее, может служить источником радикализации и питательной почвой для экстремизма во всем регионе. Характерно, что крупнейшие террористические акты, произошедшие в 2010-е гг. в Тунисе, были организованы террористами, получившими боевой опыт в Ливии¹⁴.

Другая, не менее значимая проблема, связанная с возможным коллапсом политического урегулирования в Ливии, состоит в том, что он будет означать утрату легитимности

e1b3-275f-78ddaa16d967?version=1.0&t=1622532740540 (accessed: 12.09.2021).

¹⁴ См.: Allani A. Mouvements religieux radicaux pendant la transition. L'exemple d'Ansar Al-Charia en Tunisie: naissance et expansion. Perspectives 2011—2014 // La Constitution de la Tunisie — Processus, principes et perspectives. Rapport du PNUD. Tunis, 2016. P. 211—231. URL: <https://www1.undp.org/content/dam/rbas/doc/Compendium/Part%202/15%20Mouvements%20religieux%20radicaux%20pendant%20la%20transition.pdf> (accessed: 12.09.2021); La Tunisie des frontières (II): terrorisme et polarisation régionale. Crisis Group Briefing Moyen-Orient et Afrique du Nord No. 41. Tunis/Bruxelles, 2014. P. 11—13. URL: <https://www.crisisgroup.org/fr/middle-east-north-africa/north-africa/tunisia/tunisia-s-borders-ii-terrorism-and-regional-polarisation> (accessed: 12.09.2021).

всех ливийских органов власти и одновременно станет свидетельством неэффективности европейских мирных инициатив в регионе. Учитывая провалы западных проектов политического инжиниринга в Афганистане и Ираке, это, в свою очередь, поставит под сомнение вообще возможность государственного строительства на Ближнем Востоке и в Северной Африке на демократической основе.

Вместе с тем авторитарная альтернатива также не просматривается. Претендовавший на роль нового сильного лидера для всей страны Халифа Хафтар так и не смог не только добиться контроля над Триполитанией, но и в полной мере консолидировать власть в казалась бы подконтрольной ему Киренаике (Lacher, 2020, pp. 178—189).

В этих условиях возрастет вероятность поиска нетрадиционных форм государственного строительства и усиления в стране тех групп, которые в своей борьбе за власть апеллируют либо к исламистскому, либо к кадафийскому опыту.

Тунис: тупики политического развития

Парадоксальным образом схожие с ливийскими тенденции политического развития обнаруживаются сегодня и в Тунисе, хотя в отличие от Ливии последний обычно позиционируется как едва ли не наиболее успешный пример демократического транзита после «арабской весны» (Marzo, 2020, p. 43).

Несмотря на то, что в 2011—2019 гг. в стране вполне успешно прошло несколько электоральных кампаний (выборы в Национальное учредительное собрание в 2011 г., парламентские и президентские выборы в 2014 и 2019 г.), политический кризис в ней все же преодолен не был. В 2019 г. его проявлением стал выход во второй тур президентских выборов двух кандидатов, ранее считавшихся аутсайдерами и продвигавших популистскую повестку. Победа ратовавшего за активную президентскую политику Каиса Саида¹⁵ обернулась его почти двухлетним

противостоянием с парламентом, основную часть мест в котором занимала умеренная исламистская партия «Ан-Нахда». Результатом стали неспособность властей сформировать эффективное правительство и постоянный полупаралич основных органов государственной власти, особенно болезненный в условиях пандемии (Khalfaoui, 2020).

Принятое К. Саидом 25 июля 2021 г. решение о заморозке деятельности парламента, лишении неприкосновенности членов парламента и начале уголовного преследования целого ряда депутатов «Ан-Нахды»¹⁶ видится многим представителям тунисского истеблишмента как аналог египетских событий 2013 г.¹⁷, приведших к разгрому в стране организации «Братьев-мусульман»¹⁸. Однако в случае с Тунисом подобное прочтение политической ситуации может и не быть верным. В отличие от Египта в Тунисе президент страны не имеет возможности опереться на исторически слабую и деполитизированную армию, он не воспринимается как свой представителем спецслужб, а «Ан-Нахда» сохраняет за собой существенную общественную поддержку¹⁹. В перспективе это может обернуться существенной дестабилизацией внутриполитической обстановки, что будет иметь последствия не только для Туниса, но и для всего региона.

Это будет свидетельствовать о поражении единственного успешного демократического транзита после «арабской весны» и о неспособности многочисленных тунисских политических партий предложить обществу

north-africa/tunisia/b73-tunisie-eviter-les-surencheres-populistes (accessed: 12.09.2021).

¹⁶ Grubman N., Şaşmaz A. The Collapse of Tunisia's Party System and the Rise of Kais Saied // Middle East Report Online. August 17, 2021. URL: <https://merip.org/2021/08/the-collapse-of-tunisias-party-system-and-the-rise-of-kais-saied/> (accessed: 12.09.2021).

¹⁷ Интервью авторов с тунисскими политиками, сентябрь 2021 г.

¹⁸ Организация запрещена в РФ.

¹⁹ Crise politique en Tunisie: des milliers de partisans du principal parti dans la rue // Le Figaro. 28 février 2021. URL: <https://www.lefigaro.fr/flash-actu/crise-politique-en-tunisie-des-milliers-de-partisans-du-principal-parti-dans-la-rue-20210227> (accessed: 12.09.2021). См. также: (Кузнецов, 2018).

¹⁵ Avoiding a Populist Surge in Tunisia // Crisis Group Middle East and North Africa Briefing. 2020. No. 73. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/>

реальную программу развития, преодолев узкопартийное мышление. При этом, как и в случае с Ливией, авторитарная альтернатива демократическому развитию также просматривается плохо — в стране фактически не существует структур, способных консолидировать власть на недемократических основаниях. Помимо очевидных угроз безопасности, возрастание которых в этих условиях представляется почти неизбежным (тем более учитывая соседство с Ливией), складывание описанной ситуации может вести к попыткам обращения к единственному успешному опыту выхода из политического кризиса — опыту Национального диалога 2013 г., когда ответственность за будущее страны фактически взяли на себя организации гражданского общества (профсоюзы, палата промышленников и предпринимателей, гильдия адвокатов и Лига защиты прав человека) (M'rad, 2015).

Как и в ливийском случае, это будет означать попытку переформатировать государственность, обратившись к локальным политическим традициям, так или иначе связанным с представлениями о прямой демократии.

Алжир: тупики трансформации режима

Наконец, третья из стран Магриба, политический процесс в которой сталкивается с существенными трудностями, — это Алжир. Его политическая трансформация началась в 2019 г. в связи с массовыми протестами против выдвижения к тому моменту уже 20 лет правившего страной Абдельазиза Бутефлики на пятый президентский срок. Эти протесты, получившие в алжирском политическом дискурсе название «революция улыбок» (Slimani, 2019) привели, с одной стороны, к смене политического режима и президентским выборам 12 декабря 2019 г., а с другой — к формированию феномена Хирак — мирных протестных акций, проходивших во всех крупнейших городах страны каждую пятницу на протяжении практически двух лет²⁰.

²⁰ Goldstein E. Algeria's Hirak Protest Movement Marks Second Anniversary // Human Rights Watch. February 23, 2021. URL: <https://www.hrw.org/news/2021/>

Если сравнивать алжирскую ситуацию с трансформационными процессами в других странах региона в 2010-е гг., то бросается в глаза существенное отличие (Желтов, Желтов, 2015). Во всех других случаях эти процессы развивались либо в революционной логике, как в Тунисе и Ливии (с возможностью эскалации насилия и формирования вооруженного конфликта), либо же в логике упреждающих реформ, как в Марокко. Однако в Алжире, где в 2012 и 2016 гг. были проведены реформы²¹, в конечном счете дело обернулось крахом политического режима при сохранении всех основных параметров политической системы.

Подобный сценарий, по всей видимости, был разработан высшим армейским руководством страны, весной 2019 г. заявившим о своей полной поддержке протестующих и обвинившим А. Бутефлику и его приближенных в узурпации власти²². Переход военных на сторону Хирак запустил процесс перебалансировки сил внутри политической элиты, свидетельством чему стали многочисленные аресты обвиненных в коррупции крупнейших алжирских олигархов²³. Несмотря на эти меры, президентские выборы 2019 г. показали, что властям не удалось консолидировать общество вокруг фигуры А. Теббуна, уже занимавшего пост премьер-министра в 2017 г., а в 2012—2017 гг. отвечавшего в правительстве за жилищное строительство и городское развитие. Хотя, согласно официальным данным, в выборах приняло участие порядка

02/23/algerias-hirak-protest-movement-marks-second-anniversary (accessed: 12.09.2021).

²¹ Loi n°16-01 du 6 mars 2016 portant révision constitutionnelle // Journal officiel de la République Algérienne n°14 du 7 mars 2016. URL: <http://www.droit-afrique.com/uploads/Algerie-Constitution-revisee-Loi-6-mars-2016.pdf> (accessed: 25.04.2018). См. также: (Volpi, 2013).

²² Algeria: Army chief backs prosecution of Bouteflika 'gang' // Al Jazeera. April 10, 2019. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/4/10/algeria-army-chief-backs-prosecution-of-bouteflika-gang> (accessed: 12.09.2021).

²³ Chikhi L., Ould Ahmed H. Five Algerian billionaires arrested in anti-graft investigation // Reuters. April 22, 2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-algeria-corruption-politics-idUSKCN1RY0PJ> (accessed: 12.09.2021).

40 % избирателей (рекордно низкий показатель за всю историю страны²⁴), за А. Теббуна из них отдали голоса менее 5 млн человек — около 11 % населения²⁵.

Хрупкость политического режима в первое время вынуждала президента идти на постоянный диалог с протестным движением, превратившимся в это время в органический элемент политической жизни страны. Тактика взаимодействия с активистами Хирак, по всей видимости, была подсказана историческим опытом последних трех десятилетий, когда небольшие протестные акции, обозначаемые как *protesta* на местном диалекте, стали естественным элементом алжирского политического процесса²⁶.

За прошедшее время правительство сумело превратить Хирак в рутинное действо, причем скорее карнавальное, чем политического характера. Одновременно упоминание об уважении к Хирак, важной роли, которую движение сыграло в свержении «банды Бутефлики», стало едва ли не обязательным элементом политического дискурса руководителей государства²⁷.

Однако начало пандемии COVID-19 весной 2020 г. создало условия для усиления репрессивных элементов во внутренней политике: границы страны были полностью закрыты, любая общественная активность была поставлена под жесткий контроль служб безопасности, несанкционированные митинги

²⁴ En Algérie, abstention record à l'élection présidentielle contestée // *Le Monde*. 13 décembre 2019. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2019/12/13/algerie-absention-record-a-l-election-presidentielle-contestee_6022695_3210.html (accessed: 12.09.2021).

²⁵ Les résultats définitifs de l'élection présidentielle publiés au Journal officiel // *Algérie Presse Service*. 20 décembre 2019. URL: <https://www.aps.dz/algerie/99194-les-resultats-definitifs-de-l-election-presidentielle-publies-au-journal-officiel> (accessed: 12.09.2021).

²⁶ Parks R.P. Voter Participation and Loud Claim Making in Algeria // *Middle East Report* 2016. No. 281. URL: <https://merip.org/2017/05/voter-participation-and-loud-claim-making-in-algeria/> (accessed: 12.09.2021).

²⁷ President Tebboune's main statements to Al Jazeera TV Channel // *Algérie Presse Service*. June 8, 2021. URL: <https://www.aps.dz/en/algeria/39658-president-tebboune-s-main-statements-to-al-jazeera-tv-channel> (accessed: 12.09.2021).

были запрещены, а 2021 г. ознаменовался несколькими волнами арестов активистов протестного движения. Согласно некоторым данным, с возобновления протестной деятельности в этом году более 6200 чел. было арестовано и 1800 было привлечено к уголовной ответственности²⁸.

Наконец, в мае 2021 г. в преддверии парламентских выборов в список террористических организаций²⁹ были внесены поддерживавшие Хирак движение исламской ориентации Рашад³⁰ и берберское Движение за самоопределение Кабилии³¹.

При том что в целом процесс усиления репрессивных элементов в управлении вполне понятен, бросаются в глаза две его особенности. Во-первых, протестное движение фактически никак не взаимодействует с основной массой действующих в стране политических партий, сохраняющих свою лояльность исполнительной власти. Во-вторых, попытки А. Теббуна противопоставить протестному движению какие бы то ни были меры по национальной консолидации, судя по всему, не увенчаются успехом. Состоявшийся осенью 2020 г. референдум по конституции, равно как и парламентские выборы в июне 2021 г., продемонстрировал все то же

²⁸ Rachidi I. Helpless Hirak? Democratic Disappointments in Algeria // *Carnegie Endowment for International Peace*. June 10, 2021. URL: <https://carnegieendowment.org/sada/84739> (accessed: 12.09.2021).

²⁹ Haut Conseil de Sécurité: Le MAK et Rachad classés «organisations terroristes» // *El Watan*. 19 mai 2021. URL: <https://www.elwatan.com/a-la-une/haut-conseil-de-securite-le-mak-et-rachad-classes-organisations-terroristes-19-05-2021> (accessed: 12.09.2021).

³⁰ Orus-Boudjema S. Algérie: qui sont les figures de Rachad, le mouvement islamiste accusé d'infiltrer le Hirak? // *Jeune Afrique*. 5 mai 2021. URL: <https://www.jeuneafrique.com/1166584/politique/algerie-qui-sont-les-figures-de-rachad-le-mouvement-islamiste-accuse-dinfiltrer-le-hirak/> (accessed: 12.09.2021).

³¹ Байан визара ад-дифа' ал-ватаний [Коммюнике Министерства национальной обороны] // Министерство национальной обороны Алжирской Народно-Демократической Республики. 25.04.2021. (На арабском языке). URL: https://www.mdn.dz/site_principal/sommaire/actualites/ar/2021/avril/lutte25042021ar.php (дата обращения: 12.09.2021).

отчуждение общества от политики, что наблюдалось и ранее³².

Таким образом, несмотря на принципиальные различия в характере политических систем, степени их институционализации, а также роли внешних акторов в их функционировании, в том, как протекает политический процесс, во всех трех рассмотренных странах наблюдаются одни и те же тенденции. Это позволяет говорить о глубоком кризисе модели политического развития, проявляющемся в разочаровании общества в процессах демократизации и демократических институтах, неспособности политических элит к авторитарной консолидации и общем отчуждении общества от власти, что с неизбежностью ведет к определенным последствиям для магрибинской подсистемы международных отношений.

Угрозы региональной подсистеме отношений

В свете выделенных проблем внутривосточного развития в трех из четырех основных стран Магриба ключевые параметры субрегиональной подсистемы, по всей видимости, останутся неизменными, однако те тенденции, которые получили развитие в 2010-е гг., могут подвергнуться существенной корректировке.

При том что пути политического развития Ливии, Туниса и Алжира, очевидно, будут различны, каждая из трех стран для преодоления системного кризиса вынуждена будет обратиться к реформированию основ государственной власти, что в Тунисе и Алжире может быть сопряжено с утратой стабильности.

³² См.: Turnout at record low in Algerian referendum aimed at giving parliament more power // France 24. November 1, 2020. URL: <https://www.france24.com/en/africa/20201101-algeria-votes-on-revised-constitution-aimed-at-giving-parliament-more-power> (accessed: 12.09.2021); El-Naggar L. The Return of the Hirak Movement and the June Legislative Elections: What Path for Algeria? // UI Brief. 2021. No. 4. P. 18—20. URL: <https://www.ui.se/globalassets/ui.se-eng/publications/ui-publications/2021/ui-brief-no.-4-2021.pdf> (accessed: 12.09.2021).

Внутривосточная динамика развития этих государств может поставить под сомнение казавшийся ранее очевидным процесс постепенного сближения Магриба со странами Северного Средиземноморья. Фактически единственная страна региона, по-прежнему демонстрирующая приверженность европейскому и атлантическому курсу — это Марокко. В перспективе это может вести к восстановлению в Магрибе тех линий субрегионального разделения, которые были характерны для него на протяжении нового времени, до формирования современной государственности. Речь идет о большей интегрированности территорий Ливии, Туниса и Алжира в ближневосточную систему отношений, которая в Новое время была связана с принадлежностью к Османской империи, и сохранении дистанции Марокко по отношению к ней.

Отказ от прозападной ориентации может вынудить страны обратиться к новым внерегиональным партнерам. Очевидными кандидатами на эту роль здесь становятся Россия и КНР, в целом заработавшие имидж противников вестернизированных глобализационных проектов, тем более что и КНР, уже превратившаяся в одного из ключевых экономических партнеров стран региона³³, и Россия, давным-давно подписавшая стратегическое партнерство с Алжиром, вроде бы имеют некоторый потенциал для развития связей. Подобные сценарии сближения, тем не менее, имеют свои ограничители: сколь бы активно ни развивались отношения с условным не-Западом, исторические, культурные, гуманитарные и экономические связи Магриба с северным Средиземноморьем все равно никуда не исчезнут, как никуда не исчезнет и роль географического фактора. Результатом может стать усиление противоборства традиционных и новых партнеров стран Магриба за влияние в субрегионе.

³³ Lafargue F. The economic presence of China in the Maghreb: Ambitions and limits. Paris: Foundation de la Recherche Stratégique, 2016. URL: <https://www.frstrategie.org/sites/default/files/documents/programmes/observatoire-du-monde-arabo-musulman-et-du-sahel/publications/en/294.pdf> (accessed: 12.09.2021). См. также: (Zoubir, 2019).

Одновременно с этим происходит и изменение роли региональных игроков в Магрибе. На протяжении 2010-х гг. в этом субрегионе наблюдалось определенное соперничество между сформировавшейся катарско-турецкой осью, в целом поддерживавшей организацию «Братьев-мусульман» и близкие к ней партии, и саудовско-эмиратским альянсом, делавшим ставку на поддержку консервативных сил. Хотя сами магрибинские правительства в основном пытались выдерживать нейтралитет, балансируя между своими партнерами из Залива³⁴, на протяжении большей части десятилетия складывалось впечатление, что турецко-катарский альянс в Магрибе серьезно обыгрывает своих соперников. При этом само противостояние не выражалось в столь острых формах, как в Машрике. В Тунисе и Марокко укрепили свои позиции «Ан-Нахда» и Партия справедливости и развития, генетически связанная с «Братьями-мусульманами». Правительство национального согласия, контролировавшее западную часть Ливии, выступало последовательным сторонником сближения с Турцией, что в результате привело к вводу турецких войск на территорию страны³⁵. Даже Алжир, всегда чрезвычайно болезненно относившийся к вопросам суверенитета, все же проявлял определенные симпатии к «Братьям-мусульманам», местная версия которых (Движение общества за мир) давно была интегрирована в политическую систему страны.

Однако в 2021 г. ситуация изменилась. Формирование ПНЕ в Ливии и вывод на первый план международной повестки вопроса о выводе всех иностранных контингентов с территории страны, отстранение от власти «Ан-Нахды» в Тунисе и катастрофическое поражение ПСР на парламентских выборах в

³⁴ Malka H. *Maghreb Neutrality: Maghreb-Gulf Arab Ties Since the GCC Split* // Center for Strategic and International Studies. Analysis Paper. 2018. URL: <https://www.csis.org/analysis/maghreb-neutrality-maghreb-gulf-arab-ties-gcc-split-0> (accessed: 12.09.2021).

³⁵ Harchaoui J. *Why Turkey Intervened in Libya. Report* // The Eastern Mediterranean and Regional Security: A Transatlantic Dialogue series. 2020. URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2020/12/why-turkey-intervened-in-libya.pdf> (accessed: 12.09.2021).

Марокко в сентябре³⁶ позволяют говорить о снижении влияния Турции и Катара (хотя в том же Алжире Турция продолжает играть важную экономическую роль³⁷). Одновременно с этим определенное сближение Марокко и Туниса с ОАЭ и Саудовской Аравией указывает на некоторое укрепление позиций последних.

Еще одно, не столь очевидное, но не менее важное последствие внутривосточных трансформаций для региональной повестки состоит в изменении роли внешней политики для государств региона. Фактически речь идет о том, что неореалистическая парадигма анализа международных отношений в субрегионе Магриба сегодня не отвечает реальности: внешняя политика, по крайней мере, временно перестает быть самоцелью и все больше подчиняется внутривосточным задачам национальной консолидации.

В наиболее яркой форме сегодня это проявляется в Алжире. Активизация внешней политики страны с момента прихода к власти А. Теббуна происходит, как представляется, по трем основным направлениям: ливийскому, французскому и марокканскому. При этом, если в случае с Ливией речь идет об обеспечении национальной безопасности и более активном участии в процессах урегулирования конфликта³⁸, то в двух других случаях ключевую роль играют вопросы исторической памяти и символов.

На французском направлении Алжир возобновил довольно болезненный для обеих сторон диалог по проблемам преодоления

³⁶ *Législatives au Maroc: les islamistes au pouvoir subissent une déroute spectaculaire au profit des libéraux* // France 24. 9 septembre 2021. URL: <https://www.france24.com/fr/afrique/20210909-au-maroc-les-islamistes-au-pouvoir-subissent-une-d%C3%A9route-spectaculaire-au-profit-des-lib%C3%A9raux> (accessed: 12.09.2021).

³⁷ Toumi A. *Is there a hope for French-Algerian relations?* // Daily Sabah. July 7, 2012. URL: <https://www.dailysabah.com/opinion/op-ed/is-there-a-hope-for-french-algerian-relations> (accessed: 12.09.2021).

³⁸ *Retrait des mercenaires de la Libye: L'Algérie veut être associée au processus* // Algérie Presse Service. 31 août 2021. URL: <https://www.aps.dz/algerie/126789-retrait-des-mercenaires-de-la-libye-l-algerie-veut-etre-associee-au-processus> (accessed: 12.09.2021).

травм колониализма. Важным символическим достижением здесь стало торжественное возвращение на родину останков 24 жертв войны за независимость Алжира³⁹.

Незадолго до этого началась подготовка официальных докладов, посвященных проблемам исторической памяти двух стран. Один из них — доклад Б. Стора *Les questions mémorielles portant sur la colonisation et la guerre d'Algérie*⁴⁰ — действительно был представлен президенту Э. Макрону и вызвал широкий резонанс (Monciaud, 2021). Однако с алжирской стороны такого документа не появилось, а директор Национального архива Алжира Абдельмаджид Шихи, который должен был его подготовить, заявил, что официально доклад Б. Стора алжирской стороне предоставлен не был, «поэтому его как бы не существует»⁴¹. В то же время алжирский министр труда Х. Джаабуб в апреле 2021 г. в очередной раз назвал Францию «вечным и традиционным» врагом Алжира⁴².

Если на французском направлении попытки примирения пока не увенчались успехом, то на марокканском и вовсе наблюдается серьезная эскалация. Она началась уже в первые месяцы президентства А. Теббуна и продолжилась далее. Вскоре после своего прихода к власти он заявил, что обсуждение вопроса открытия границ произойдет лишь в

том случае, если «Марокко принесет извинения алжирскому народу за обвинения в террористической атаке 1994 г.»⁴³.

При этом решение Вашингтона о признании марокканского суверенитета над Западной Сахарой лишь усилило этот эскалационный тренд, апогеем развития которого стал полный разрыв дипломатических отношений между Алжиром и Марокко. Заявление А. Теббуна, озвученное министром иностранных дел Р. Ламамрой, начиналось словами: «Исторически и объективно доказано, что Королевство Марокко никогда не прекращало совершать недружественные, враждебные и презренные действия против нашей страны со времен обретения Алжиром независимости. Эта документально подтвержденная систематическая и преднамеренная враждебность восходит к открытой войне 1963 г., развязанной Королевскими вооруженными силами Марокко против недавно получившего независимость Алжира»⁴⁴. Вслед за этим следовал краткий пересказ всех недружественных акций марокканской стороны в отношении Алжира за последние 60 лет и длинный перечень актуальных обвинений — от поддержки сепаратистов и террористов до содействия Израилю.

Несмотря на то, что последовавший из Рабата ответ был выдержан в умеренных тонах и внешне лишен свойственного алжирскому дискурсу ресентимента, результаты парламентских выборов показывают, что и со стороны Алауитского королевства исторические претензии к восточному соседу могут оказаться актуальными.

На самом деле, хотя это и не проявляется столь очевидно, как в алжирском случае, марокканские власти также на протяжении всех 2010-х гг. проводили курс на консолидацию

³⁹ La France rend à l'Algérie les restes de 24 résistants tués lors de la colonisation // RFI. 3 juillet 2020. URL: <https://www.rfi.fr/fr/afrique/20200703-la-france-rend-a-lalgerie-les-restes-24-resistants-tues-lors-la-colonisation> (accessed: 12.09.2021).

⁴⁰ Stora B. Les questions mémorielles portant sur la colonisation et la guerre d'Algérie // Rapport officiel, Présidence de la République. 20 janvier 2021. URL: <https://www.vie-publique.fr/rapport/278186-rapport-stora-memoire-sur-la-colonisation-et-la-guerre-dalgerie> (accessed: 12.09.2021).

⁴¹ Pour Alger, c'est comme si le rapport Stora sur la réconciliation des mémoires entre la France et l'Algérie « n'existait pas » // Le Monde. 24 mars 2021. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2021/03/24/france-algerie-pour-alger-c-est-comme-si-le-rapport-stora-n-existait-pas_6074266_3212.html (accessed: 12.09.2021).

⁴² La France est un « ennemi traditionnel et éternel », déclare un ministre algérien // Le Figaro. 9 avril 2021. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/la-france-est-un-ennemi-traditionnel-et-eternel-declare-un-ministre-algerien-20210409> (accessed: 12.09.2021).

⁴³ Fermeture des frontières algéro-marocaines: Tebboune tacle le Maroc // ObservAlgerie. 22 février 2020. URL: <https://www.observalgerie.com/fermeture-des-frontieres-algero-marocaines-tebboune-tacle-le-maroc/2020/> (accessed: 08.05.2020).

⁴⁴ Тасрих ас-сайид Ла'мамра би-хусус кат' ал-'алакат ад-дипломасийа ма' ал-Магриб [Заявление господина Ламамры о разрыве дипломатических отношений с Марокко] // Algérie Presse Service. 24.08.2021. (На арабском языке). URL: <https://www.aps.dz/ar/algerie/111617-2021-08-24-18-05-52> (дата обращения: 12.09.2021).

власти на националистической основе. Характерно, что в этот период последовательно усиливалась парламентское присутствие партия Истикляль, исторический лидер которой Алляль аль-Фасси в свое время сформулировал концепцию Великого Марокко (Тауб, 2005, р. 192). В 2016 г. генеральный секретарь партии Хамид Шабат в очередной раз заявил, что территория Марокко распространяется от Себты (Сеуты) до реки Сенегал, включая ныне находящиеся на территории Алжира Тиндиф, Бешар и Кенадсу. Хотя министр иностранных дел Королевства буквально на следующий день назвал высказывания политика «безответственными», в своем заявлении он подчеркнул лишь, что Марокко уважает границы Мавритании, однако никак не прокомментировал нападки партийного лидера на Алжир. Вместе с тем партия негативно отреагировала на слова министра. Пикантности ситуации добавляло то, что тогдашний посол Марокко в Алжире принадлежал к Истикляль⁴⁵.

На выборах 2021 г. Истикляль резко расширила свое представительство в парламенте, получив в два раза больше голосов, чем в 2016 г. — 81 вместо 46. Описанная ситуация, как представляется, неизбежно ведет к новой эскалации алжиро-марокканских отношений в краткосрочной перспективе и усилению

дезинтеграционных тенденций в Магрибе. Очевидно, что при сохранении европейского и атлантического курса Марокко и более сдержанной в отношении Северного Средиземноморья политики Алжира эти тенденции могут привести к дальнейшему переформатированию магрибинского субрегиона.

Наконец, необходимо сказать о еще одном следствии внутривосточных трансформаций в Магрибе для региональной подсистемы отношений. Тупик в процессах демократизации в Ливии, Тунисе и Алжире и сомнительные перспективы консолидации власти в этих странах на авторитарных началах заставляют задуматься вообще о перспективах их политического развития. Сама дихотомия авторитаризма — демократии, в рамках которой развивался в них политический процесс на протяжении всей новейшей истории, была в сущности феноменом модернизации. Как демократическая, так и авторитарная модели были моделями западными и предполагали существование вполне определенных «дорожных карт» государственного развития, само формирование которых было связано с характерным для эпохи модерна «инжиниринговым», или административным, отношением к миру, о котором когда-то писал З. Бауман (1994, с. 71). Однако отказ от этой дихотомии, невозможность реализации ни одной из альтернатив заставляют задаться вопросом о поисках принципиально новых моделей государственного развития, а следовательно, и новых принципов региональной политики.

Поступила в редакцию / Received: 14.09.2021

Принята к публикации / Accepted: 26.10.2021

Библиографический список /References

- Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 69—80. [Bauman, Z. (1994). Controversy over postmodernism. *Sociological Journal*, (4), 69—80. (In Russian).]
- Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте / отв. ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин. М.: ИВ РАН, 2018. [Baranovsky, V. G. & Naumkin, V. V. (Eds.). (2018). *The Middle East in the changing global context*. Moscow: IV RAN publ. (In Russian).]
- Видясова М.Ф. Социальные структуры доколониального Магриба. Генезис и типология. М.: Наука, 1987. [Vidyasova, M. F. (1987). *Social structures of the pre-colonial Maghreb. Genesis and typology*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).]
- Володина М.А. Алжиро-марокканские отношения в свете западносахарского конфликта // Россия и мусульманский мир. 2015. № 10 (280). С. 106—114. [Volodina, M. A. (2015). Algerian-Moroccan relations in the light of the Western Sahara conflict. *Russia and the Muslim World*, (10), 106—114. (In Russian).]

- Желтов В.В., Желтов М.В. Алжир: реформирование как проявление арабской весны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2—2 (62). С. 33—38. [Zhelotov, V. V., & Zhelotov, M. V. (2015). Algeria: Reforms as a consequence of the Arab Spring. *Bulletin of Kemerovo State University*, (2—2), 33—38. (In Russian).]
- Кузнецов В.А. Потаенные тропы Туниса: жить и рассказывать революцию. М.: ГАУГН-Пресс, 2018. [Kuznetsov, V. A. (2018). *The hidden paths of Tunisia: Living and telling the revolution*. Moscow: GAUGN-Press publ. (In Russian).]
- Bin-Nun, Y. (2002). *Les relations secrètes entre le Maroc et Israël et l'émigration juive, de l'indépendance du Maroc au naufrage d'Egoz, 1956—1960* [thesis]. Paris : École Pratique des Hautes Etudes.
- Boukhars, A. (2019). Reassessing the power of regional security providers: The case of Algeria and Morocco. *Middle Eastern Studies*, 55(2), 242—260. <https://doi.org/10.1080/00263206.2018.1538968>
- Daguzan, J.-F. (2015). La politique étrangère de l'Algérie: le temps de l'aventure? *Politique étrangère*, (3), 31—42.
- De Larramendi, M. H. (2018). Doomed regionalism in a redrawn Maghreb? The changing shape of the rivalry between Algeria and Morocco in the post-2011 era. *The Journal of North African Studies*, 24(3), 506—531. <https://doi.org/10.1080/13629387.2018.1454657>
- Khalifaoui, S. (2020). Reconfigurations de l'exécutif tunisien pendant la crise du Covid-19. In H. Redissi (Dir.), *La Tunisie à l'épreuve du Covid-19* (pp. 201—215). La Friedrich-Ebert-Stiftung, Bureau de Tunis.
- Labaronne, D. (2013). Les difficultés de l'intégration économique régionale des pays maghrébins. *Mondes en développement*, 163(3), 99—113. <https://doi.org/10.3917/med.163.0099>
- Lacher, W. (2020). *Libya's fragmentation: Structure and process in violent conflict*. London: I.B. Tauris.
- Lefèvre, R. (2016). Morocco, Algeria and the Maghreb's Cold War. *Journal of North African Studies*, 21(5), 735—740.
- M'rad, H. (2015). *Le dialogue national en Tunisie*. Tunis: Editions Nirvana.
- Marzo, P. (2020). La dimension internationale de la transition démocratique en Tunisie. Défis méthodologiques d'une recherche qualitative. *Recherches Qualitatives*, 39(1), 42—61. <https://doi.org/10.7202/1070015ar>
- Monciaud, D. (2021). Le « rapport Stora »: un premier débat sur les enjeux mémoriels. *Cahiers d'Histoire. Revue d'Histoire Critique*, (149), 137—161. <https://doi.org/10.4000/chrhc.16509>
- Rosenau, J. N. (1980). *The scientific study of foreign policy*. London, New York: Frances Pinter and Nichols Publishing.
- Slimani, S. (Ed.). (2019). *La révolution du sourire*. Tizi-Ouzou: Editions Frantz Fanon.
- Tayeb, C. (2005). La dynamique de la frontière au Maghreb. In UNESCO, International Committee of Historical Sciences (Eds.), *Des frontières en Afrique du XIIe au XXe siècle* (pp. 191—212). Paris: Stedi Media.
- Volpi, F. (2013). Algeria versus the Arab Spring. *Journal of Democracy*, 24(3), 104—115.
- Waltz, K. N. (1979). *Theory of international politics*. Boston: Addison-Wesley.
- Zoubir, Y. H. (2000). Algerian-Moroccan relations and their impact on Maghribi integration. *The Journal of North African Studies*, (5), 43—74.
- Zoubir, Y. H. (2019). Chinese relations with the Maghreb: The leading role of Algeria. *Confluences Méditerranée*, 109(2), 91—103. <https://doi.org/10.3917/come.109.0091>
- Zoubir, Y. H., & White, G. (Eds.). (2015). *North African politics. Change and continuity*. London: Routledge.

Сведения об авторах: Кузнецов Василий Александрович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН); ORCID: 0000-0003-3646-4037; e-mail: vasiakuznets@yandex.ru
Василенко Анастасия Игоревна — младший научный сотрудник лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН); ORCID: 0000-0002-1027-6137; e-mail: avasilenkan@gmail.com

About the authors: Kuznetsov Vasily Alexandrovich — PhD (History), Leading Researcher, Center for the Middle East Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0003-3646-4037; e-mail: vasiakuznets@yandex.ru
Vasilenko Anastasia Igorevna — Junior Research Fellow, Center for the Middle East Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-1027-6137; e-mail: avasilenkan@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-655-670

Научная статья / Research article

Исламистский вызов в Большом Средиземноморье

Б.В. Долгов

Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

 dolgov.boris@list.ru

Аннотация. Рассматривается и анализируется распространение исламизма или движений политического ислама в Большом Средиземноморье и усиление их влияния на социально-политическую ситуацию в 2011—2021 гг. Ретроспективно показаны исторические факторы, способствовавшие возникновению в Средиземноморье наряду с центрами европейской цивилизации очагов исламской культуры в странах, входивших в Арабский халифат, преемником которого исламистские идеологи считали Османскую империю. Выявляются основные доктринальные концепции политического ислама и его наиболее влиятельного движения «Братья-мусульмане» (организация запрещена в РФ). Показан фактор «арабской весны», существенно повлиявший на усиление исламистских движений, а также ставшие ее продолжением протесты в арабских странах в последующий период. Основное внимание уделено анализу действий исламистских движений в Тунисе, Египте, Алжире, а также в ливийском и сирийском конфликтах в 2018—2021 гг. Выявлено влияние на них внешних акторов, наиболее активным из которых являлась Турция. Автор анализирует также ситуацию в арабо-мусульманских сообществах в европейском Средиземноморье на примере Франции, где социально-экономические проблемы, усугубленные COVID-19, способствовали активизации радикальных исламистских элементов. Сделан вывод о том, что противостояние исламистскому вызову является сложной и неоднозначной задачей. Ее решение зависит как от силового противостояния радикальным группировкам, так и от адекватной внешней политики. Важным негативным фактором является обострение социально-экономических проблем и кризисные явления в институтах западной демократии, в ответ на которые идеологи исламизма проповедуют альтернативный миропорядок в форме «исламского государства». Западный социум и страны, повторяющие его либеральную модель, на данный момент не дают внятного ответа на этот вызов.

Ключевые слова: политический ислам, Большое Средиземноморье, Братья-мусульмане, сирийский кризис, ливийский кризис, радикальный исламизм в Европе

Для цитирования: Долгов Б.В. Исламистский вызов в Большом Средиземноморье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 655—670. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-655-670

The Islamist Challenge in the Greater Mediterranean

Boris V. Dolgov

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

 dolgov.boris@list.ru

Abstract. The article examines and analyzes the spread of Islamism or Political Islam movements in the Greater Mediterranean and their increasing influence on the socio-political situation in 2011—2021. The historical factors, which contributed to the emergence of the hearths of Islamic culture in the countries which entered the Arab

© Долгов Б.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Caliphate in the Greater Mediterranean parallel with the Antique centers of European civilization, are retrospectively exposed. The Islamist ideologues called the Ottoman Imperia the heir of the Arab Caliphate. The main doctrinal conceptions of Political Islam and its more influential movement “Muslim Brotherhood” (forbidden in Russia) are discovered. The factor of the Arab Spring, which considerably influenced the strengthening of the Islamist movements, as well as its continuation of the protests in the Arab countries in 2018—2021, is examined. The main attention is allotted to analyzing the actions of the Islamic movements in Tunisia, Egypt, Algeria, and in the Libyan and Syrian conflicts too. The influence of external actors, the most active of which was Turkey, is revealed. The author also analyzes the situation in the Arab-Muslim communities in the European Mediterranean on the example of France, where social-economic problems, aggravated by COVID-19, have contributed to the activation of radical Islamist elements. It is concluded that confronting the Islamist challenge is a complex and controversial task. Its solution depends on both forceful opposition to radical groups and an appropriate foreign policy. An important negative factor is the aggravation of socio-economic problems and crisis phenomena in the institutions of Western democracy, in response to which the ideologues of Islamism preach an alternative world order in the form of an “Islamic state”. At the moment the Western society and the countries which repeat its liberal model do not give a distinct response to this challenge.

Key words: political Islam, The Greater Mediterranean, Muslim Brotherhood, Syrian crisis, Libyan crisis, radical Islamism in Europe

For citation: Dolgov, B. V. (2021). The Islamist challenge in the Greater Mediterranean. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 655—670. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-655-670>

Введение

Исламизм, или движение политического ислама¹, в 2011—2021 гг. усилил свое влияние во многих регионах, в особенности в Большом Средиземноморье, где представлены как арабо-мусульманские страны, так и государства с достаточно многочисленными мусульманскими сообществами. В исторической ретроспективе Большое Средиземноморье представляет собой ареал, в котором возникла античная греко-римская европейская

¹ Исламизм, или политический ислам, — движение, использующее ислам в политических целях, которыми являются возврат к «подлинному исламу» времен пророка Мухаммеда и четырех «праведных» халифов (Абу Бакра, Омара, Османа и Али) и создание так называемого «исламского государства» на основах Корана и шариата, примером для которого является первая мусульманская община пророка Мухаммеда. Исламизм условно можно подразделить на радикальный, провозглашающий джихад (священную войну) как единственный путь создания исламского государства, и умеренный, предполагающий постепенный переход к исламскому государству путем распространения в обществе исламских ценностей, законов Корана и норм шариата. В определенной степени синонимом исламизма является салафизм (*салаф салих* — праведный предок (араб. яз.)), течение в исламе, также апеллирующее к образу жизни и «чистому исламу» ранней мусульманской общины (праведных предков) и Сунне Пророка (описание поступков и высказываний пророка Мухаммеда) (Rougier, 2008, p. 3).

цивилизация и наряду с этим здесь же в разные периоды существовали очаги исламской цивилизации — государственные образования, возникшие в результате арабских завоеваний VII—VIII вв. и являвшиеся частью Арабского халифата.

Согласно мусульманской суннитской исторической традиции, существовали четыре халифата, следовавших за первым, которым считалась мусульманская община пророка Мухаммеда (VII в.): Омейядский со столицей в Дамаске, Аббасидский, столицей которого был Багдад, Фатимидский с центром в Каире (История Востока, 2002, с. 233) и пятый — Османский халифат, то есть Османская империя². В ее состав входили страны арабского мира и часть Европы (Балканы, острова акватории Эгейского и Средиземного морей). В результате арабских завоеваний был создан также Кордовский эмират (в X в. получил название Халифат) на Пиренейском полуострове, где исламское присутствие в форме Гранадского эмирата продолжалось до конца XV в. При этом войска Арабского халифата дошли до центральной части современной Франции, где в битве у г. Пуатье (732 г.)

² В результате поражения в Первой мировой войне Османская империя прекратила свое существование, в 1923 г. Мустафа Кемаль Ататюрк провозгласил создание Турецкой Республики.

армии Франкского королевства европейских государей удалось остановить их дальнейшее продвижение.

Процесс взаимодействия представителей различных цивилизаций на завоеванных мусульманами территориях привел к формированию новой арабо-мусульманской культуры, которая на много веков определила пути развития народов, исповедовавших ислам, сказываясь на их жизни до сего дня (Большаков, 2000, с. 3). Успех исламской экспансии и создание Арабского халифата, территория которого на пике завоеваний простиралась от Атлантического океана до Средней Азии, Китая и Индии, обуславливались наряду с успешными военными действиями также достаточно умелой дипломатией, в особенности на первых этапах завоеваний и распространения ислама в период деятельности пророка Мухаммеда, а также политикой в отношении населения завоеванных стран, которому оставлялись ряд привилегий и предоставлялась возможность принять ислам. Причем по мусульманским канонам все мусульмане считаются «братьями» вне зависимости от национальности. В этой связи ряд исследователей даже относят возникновение «политического ислама», имея в виду использование политических методов для распространения ислама, к временам пророка Мухаммеда.

При написании статьи основными методологическими принципами послужили анализ, синтез, историко-сравнительный метод и междисциплинарный подход. Наряду с источниками и работами отечественных и зарубежных исследователей автор использовал материалы, полученные в результате научных командировок и участия в международных конференциях в Египте, Сирии, Турции, Франции, Германии, Швеции, Греции по тематике сирийского и ливийского конфликтов и исламской идентификации арабо-мусульманских сообществ в Европе.

В статье рассматриваются действия и влияние исламистских сил в арабских странах региона, в которых исламизм проявил себя в наибольшей степени. В свою очередь, анализируется ситуация в европейском Средиземноморье на примере Франции как наиболее

репрезентативного примера. Здесь существует самая многочисленная мусульманская диаспора, 80 % которой составляют арабы — выходцы из Северной Африки и их последующие поколения (*L'Islam en France*, 2004, p. 28) и в которой исламистские течения распространены в наибольшей степени. Вместе с тем в статье не рассматривается ситуация в балканских странах, в которых велик процент мусульманского населения и существуют исламистские группировки, так как данная тема требует специального глубокого исследования.

Исламизм и «арабская весна» в Большом Средиземноморье

Современный феномен исламизма возник в конце 1920-х гг. в Египте, где была основана первая исламистская ассоциация «Братьев-мусульман»³, впоследствии создавшая свои филиалы во многих странах арабо-мусульманского мира. Ее руководитель Хасан аль-Банна и главный идеолог Сейид Кутб выработали доктринальные концепции, ключевым элементом которых является утверждение,

³ Ассоциация «Братья-мусульмане» (*Джамийят аль-Ихван аль-муслимин* — араб. яз.) была создана в Египте в 1928 г. шейхом Хасаном аль-Банной. «Братья-мусульмане» стали одной из наиболее влиятельных и массовых исламистских организаций арабо-мусульманского мира. Доктрина «Братьев», сформулированная ее основателем Хасаном аль-Банной, впоследствии была развита рядом других исламских идеологов (Сейидом Кутбом, Мустафой ас-Сибай). Конечной целью деятельности «Братьев-мусульман» провозглашалось построение «справедливого исламского общества», основанного на принципах ислама в их «первозданной чистоте». К достижению этой цели, согласно заявлениям «Братьев», ведет «исламский путь развития», противопоставляемый общественно-экономической модели Запада. Ассоциация «Братьев-мусульман» прошла сложный путь развития от благотворительной и просветительской деятельности до активного участия в политической жизни с широким применением методов террора. Система подготовки новых членов предусматривала изучение в первые два-три года трудов основателей движения Хасана аль-Банна и Сейида Кутба. После этого в специальных лагерях их обучали умению обращаться с оружием. Организация соблюдала строгую конспирацию. Каждый ее член знал лишь тех лиц, кто входил в его ячейку («семью»), как правило, не превышавшую 3—5 человек (Ислам: энциклопедический словарь, 1991, с. 67; Пир-Будагова, 2015, с. 239). Организация запрещена в РФ.

что западные идеологии как либерализма, так и социализма привели западный мир в состояние кризиса и духовной и моральной деградации. В связи с этим, согласно риторике исламистов, мусульманский мир должен развиваться по своему исламскому пути, основанному на законах Корана, и противостоять разрушительному влиянию Запада. Причем Сейид Кутб провозглашал доктрину постоянного *джихада*⁴ против *джахилийи* (неграмотных — пер. с арабского, то есть неверных, не следующих по пути, указанному Аллахом), даже если джахилийя не нападает на мир ислама.

Важным фактором для подъема политического ислама стали протестные движения «арабской весны» (2010—2013 гг.), затронувшие в разной степени практически все арабские страны, в том числе в стратегически важном Средиземноморском бассейне. Глубинные причины кризисных явлений в арабском мире, приведших к протестам «арабской весны», были связаны прежде всего с наличием таких острых социально-экономических проблем, как безработица, низкий уровень и качество жизни, отсутствие социальных лифтов и жизненных перспектив для значительной части молодежи. Важными факторами недовольства и социальной напряженности были также коррупция правящих режимов, многолетнее авторитарное правление одного лидера, использование его кланом и окружением всех финансово-экономических преимуществ, связанных с обладанием политической властью, злоупотребления и всевластие полицейского аппарата, отсутствие реальных

демократических свобод при формальном их провозглашении. Ряд арабских исследователей видели одну из важных причин возникновения «арабской весны» в господстве иностранных монополий в арабских странах (Al-Madini, 2011, p. 7).

На начальном этапе «арабской весны» протестующими выдвигались общедемократические требования решения социально-экономических проблем и создания подлинной демократической структуры власти. Последнее в особенности было характерно для протестов в Тунисе (Shaaban, 2012, p. 39). Однако по мере распространения протестов политическую инициативу захватили исламистские движения, что в итоге привело к краху светских режимов в ряде стран, возникновению вооруженных конфликтов наряду с фактором вмешательства внешних сил и усилению исламизма, в том числе его радикальных течений.

Процессы, начавшиеся в ходе «арабской весны», получили продолжение в форме протестных движений в арабских странах в 2018—2021 гг. Их результатом стала смена правительств в Алжире, Судане, Ливане и Ираке, а также досрочное избрание Каиса Саида новым президентом Туниса в связи с кончиной в июле 2019 г. президента Беджи Каида ас-Сибси и назначение спикером тунисского парламента в ноябре 2019 г. видного исламистского деятеля Рашида Ганнуши, лидера исламистской партии «Ан-Нахда» (Исламское возрождение), имевшей наибольшее влияние в парламенте.

Исламизм в Тунисе

«Ан-Нахда», исповедовавшая исламистскую доктрину «Братьев-мусульман», после свержения в результате протестов «арабской весны» 2011 г. диктаторского режима президента З. Бен Али, правившего страной с 1987 г., получила на первых свободных парламентских выборах большинство голосов и стала правящей партией. Однако исламизация общественно-политической жизни Туниса⁵,

⁴ Джихад (усилие — араб. яз.) — борьба в защиту и за распространение ислама. В разработанных позднее *факихами* (мусульманскими богословами-законоведами) концепциях джихада различают: «джихад сердца» (борьба с собственными дурными наклонностями), «джихад языка» («повеление одобряемого и запрещение порицаемого»), «джихад руки» (принятие дисциплинарных мер в отношении преступников и нарушителей норм нравственности), «джихад меча» (вооруженная борьба с неверными). Определявшийся как «ведение войны с неверными путем нанесения им ударов, изъятия их собственности, разрушения их святыщ, уничтожения их идолов», «джихад меча» считался одной из главных обязанностей мусульманской общины. Однако это оспаривалось еще в начальный период распространения ислама (Ислам: энциклопедический словарь, 1991, с. 66).

⁵ Создание «исламской полиции», терроризировавшей противников «Ан-Нахды», продвижение ставленников «Ан-Нахды» на ключевые посты в государственном аппарате, СМИ, экономике и бизнесе (Долгов, 2018, с. 231).

проводимая руководством «Ан-Нахды»⁶, и террористические акты против ее политических противников⁷, по обвинениям лево-демократических партий осуществленные «Ан-Нахдой», вызвали массовые протесты светских и демократических сил, что вынудило ее уйти от власти. Тем не менее представители администрации «технократов» президента Беджи Кайда ас-Себси, а после его кончины — президента Каиса Саида, сменившие представителей «Ан-Нахды», также не смогли разрешить обострившиеся социально-экономические проблемы в стране. В то же время руководство «Ан-Нахды», провозгласившее в 2016 г. отказ от радикальных исламистских концепций и приверженность идее «исламской демократии», вновь вышло на политическую авансцену Туниса.

В июле 2021 г. в ответ на начавшиеся в Тунисе протестные выступления, обвинявшие правительство и парламент в неспособности решить обострившиеся социально-экономические проблемы, которые усугубились в результате пандемии COVID-19, президент Каис Саид, поддержанный силовыми структурами и армией, отправил в отставку премьер-министра, приостановил деятельность парламента и лишил его членов парламентской неприкосновенности. При этом протесты сопровождались столкновениями сторонников и противников партии «Ан-Нахда». В свою очередь, лидер «Ан-Нахды» Р. Ганнуши объявил решение президента попыткой государственного переворота и призвал своих сторонников выступить в поддержку его партии. Необходимо отметить, что с начала «арабской весны» в Тунисе «Ан-Нахда» пользуется всесторонней поддержкой Катара и Турции. Руководство последней является умеренными исламистами, во многом разделяющими догматы «Братьев-мусульман». В то же время Турция проводит политику неоосманства и позиционирует себя как

лидера исламского мира, в чем ее поддерживает ряд исламистских деятелей, в особенности руководство «Ан-Нахды»⁸.

Политический ислам в Египте

В Египте результатом массовых социальных протестов «арабской весны» 2011 г. стал крах правящего режима президента Хосни Мубарака, правившего Египтом с 1981 г. В 2012 г. по итогам всеобщих свободных президентских выборов, в которых участвовали 13 кандидатов, президентом Египта был избран один из лидеров движения «Братья-мусульмане» Мухаммед Мурси⁹. После прихода к власти руководство М. Мурси во внутренней политике основное внимание уделяло исламизации общественно-политической жизни, а во внешней политике — расширению сотрудничества с Турцией, с которой М. Мурси намеревался развивать «исламский суннитский проект», предполагавший в том числе приведение к власти в Сирии сил, исповедовавших суннитское течение ислама. Однако неспособность руководства М. Мурси решить острые социально-экономические проблемы, являвшиеся одной из основных причин «арабской весны», а также террористические акции радикальных исламистских групп против представителей других конфессий и лево-демократических сил, привели к массовым выступлениям против исламистов во власти. В результате армия во главе с министром обороны Абдельфаттахом ас-Сиси, поддержанным всеми политическими партиями, включая исламистскую партию «Нур» (Свет), а также Конституционным судом, муфтием Египта и коптским патриархом, в 2013 г. отстранила президента М. Мурси от власти, деятельность партии «Братья-мусульмане» была запрещена.

⁸ Хан И. Ганнуши: Запад — оппортунист, Турция — лидер Исламского мира // Голос Ислама. 16.08.2016. URL: <https://golosislama.com/news.php?id=30073> (дата обращения: 27.01.2020).

⁹ В период перед президентскими выборами 2012 г. М. Мурси инициировал создание и стал председателем «Партии свободы и справедливости» (*Аль-хуррия валь-адала*), являвшейся политическим крылом «Братьев-мусульман» (Долгов, 2017, с. 55).

⁶ Рашид Ганнуши призывал ориентироваться «на подлинный ислам времен пророка Мухаммеда» (Al-Gannushi, 1984, p. 21).

⁷ Убийство тунисского оппозиционного депутата Брахми спровоцировало массовые митинги // NEWSru.com. 25.07.2013. URL: <https://www.newsru.com/world/25jul2013/mitingi.html> (дата обращения: 26.07.2013).

В 2014 г. президентом Египта был избран А. ас-Сиси и переизбран на этот пост в 2018 г. Причем Турция и страны Запада выразили протест в связи с отстранением от власти президента М. Мурси, расценив это как «антидемократический государственный переворот». В то же время радикальные силы «Братьев-мусульман» начали совершать террористические акты в Каире и других городах Египта. Их боевики в районе Синайского полуострова при поддержке части бедуинских племен, а также сирийских исламистов, находившихся в Египте, осуществляли вооруженные нападения на государственные учреждения и египетских военнослужащих, вследствие чего египетская армия с 2015 г. начала против них контртеррористическую операцию¹⁰.

Исламистское движение в Алжире

В Алжире в результате массовых протестов находившийся у власти с 1999 г. президент Абдельазиз Бутефлика в 2019 г. был вынужден отказаться от баллотирования на пятый президентский мандат и уйти от власти. Новым президентом был избран Абдельмаджид Теббун, выступавший как независимый кандидат. После отставки президента Бутефлики ряд государственно-политических деятелей и представителей бизнеса из его окружения были привлечены к судебной ответственности. Тем не менее в развитии социально-экономической и общественно-политической ситуации в Алжире значительную исторически сложившуюся роль продолжает играть армия. В то же время возросло влияние оппозиционных политических сил, главным образом являвшейся отделением «Братьев-мусульман» в Алжире умеренно-исламистской партии *Харакат муджтамаа ли-с-силъм* (Движение общества за мир — ДОМ) и организации *Хирак* (Движение), в котором также усиливается роль исламистских групп.

Сподвижники *Хирак*, созданной в 2019 г., продолжали протестные выступления и против новоизбранного президента А. Теббуна, считая его представителем прежней правящей

элиты, в которой определяющее влияние имела армия. При этом *Хирак* выступает, согласно ее риторике, за полное обновление и демократизацию государственно-политической системы Алжира.

Между тем в движении *Хирак* начинают все более активно действовать представители организации *Рашид* (Правильность), которые, по их заявлениям, участвуют в манифестациях *Хирак* с момента ее создания. Организация *Рашид*, по утверждениям ее лидеров, придерживается умеренно-исламистских позиций. Тем не менее президент Теббун, одновременно занимающий пост министра обороны, выступая на заседании Высшего совета безопасности Алжира в начале апреля 2021 г., назвал *Рашид* незаконным движением, близким к террористам и занимающимся подрывной деятельностью. По сообщениям газеты *Algérie Patriotique*, движение *Рашид* имеет контакты с членами руководства исламистской партии *Аль-джабхат аль-исламийя ли-ль-инказ* (Исламский фронт спасения — ИФС)¹¹, признанной в Алжире террористической организацией и запрещенной с 1992 г.¹² Большинство руководителей *Рашид* находятся за пределами Алжира, власти которого санкционировали их арест¹³. Тем не менее

¹¹ Comment reconnaître les mercenaires du mouvement Rachad dans le Hirak // *Algérie Patriotique*. Mars 27, 2021. URL: <https://www.algeriepatriotique.com/2021/03/27/comment-reconnaitre-les-mercenaires-du-mouvement-islamiste-rachad-dans-le-hirak/> (accessed: 27.03.2021).

¹² Исламский фронт спасения (ИФС) — самое массовое исламистское движение в 1990-х гг. в Алжире и в арабском мире в целом, насчитывавшее в своих рядах в начале 1990-х гг. до 3 млн членов. После аннулирования алжирскими военными результатов парламентских выборов в 1992 г., на которых ИФС получил большинство голосов и мог легитимно прийти к власти в Алжире, ИФС, создав свою вооруженную структуру — Исламскую армию спасения (ИАС), провозгласившую «джихад против неверного государства» (Al-Ahnaf, Botiveau & Fregosi, 1991, p. 29), наряду с другими радикальными исламистскими группировками начал вооруженное противостояние алжирским властям, продолжавшееся до начала 2000-х гг. В результате этого противостояния погибло около 200 тыс. алжирцев и иностранных граждан (Долгов, 2018, с. 259—261; Willis, 1997, pp. 390—392).

¹³ Один из предполагаемых основателей движения *Рашид* Мохамед Ларби Зитоут, бывший дипломат,

¹⁰ Беседа автора с египетским политологом доктором Хусейном Шафии. Каир, 30.09.2015.

часть политического истеблишмента, поддерживающего оппозиционные властям силы, считают, что заявления властей относительно негативной деятельности Рашад направлены на то, чтобы вызвать раскол внутри движения Хирак.

Радикальный исламизм и внешние акторы в сирийском конфликте

Одним из наиболее масштабных конфликтов в регионе Большого Средиземноморья, стал сирийский, начавшийся в 2011 г. Ключевую роль в нем играли исламистские силы, которые «маргинализировали и подавили светские группы, присутствовавшие в оппозиции» (Kerel, 2018, p. 289). Во многом в результате поддержки сирийской исламистской оппозиции со стороны ведущих стран Запада, монархий Персидского залива и Турции на части территории Сирии и Ирака сформировался очаг радикального исламизма и в 2014 г. возникла квазигосударственная структура, так называемое «Исламское государство Ирака и Леванта» — ИГИЛ¹⁴, или ДАИШ (*Дауля исламийя ли-ль-ирак ваи-шам*)¹⁵.

На протяжении конфликта в Сирии действовали более одной тысячи вооруженных антиправительственных групп, в каждой из которых насчитывалось от нескольких боевиков до нескольких тысяч. Общее же их число составляло свыше 80 тыс., причем значительная часть их была представлена иностранными

наемниками из более чем 90 стран мира¹⁶, которые «были одним из факторов радикализации конфликта» (Stern & Berger, 2015, p. 77). В вооруженных исламистских группировках в Сирии и Ираке в 2014 г. действовало более 800 граждан Франции (Thomson, 2014, p. 3), свыше 700 (по информации английских спецслужб) граждан Британии¹⁷. Причем к 2016 г. их число значительно возросло. По российским данным, к 2016 г. в составе ИГИЛ воевало более 4,7 тыс. выходцев из РФ и стран СНГ¹⁸.

Наиболее значительные их силы были представлены в таких исламистских группировках, как неоднократно менявшая свое название *Джабхат ан-нусра*¹⁹ (Фронт победы), *Ахрар аш-Шам*²⁰ (Освободители Сирии), *Джейш аль-ислам* (Армия ислама), *Аль-джейш аль-хурр ас-сурий* (Свободная сирийская армия — ССА) а также группами, аффилированными с ИГИЛ и «Аль-Каидой»²¹. США и их союзники, в том числе Турция, провозглашали ССА и ряд других вооруженных группировок «умеренной оппозицией»²², несмотря на то что их боевики вели террористическую войну в Сирии и совершали варварские преступления. Так, в докладе Миссии Лиги арабских государств (ЛАГ), работавшей в САР в 2011—2012 гг., указывались такие действия исламистских группировок, как «похищение людей, обстрелы зданий, атаки против журналистов» (Ходынская-Голенищева, 2019,

проживавший до 2021 г. в Лондоне. В марте 2021 г. Алжир выдал международный ордер на его арест «за нарушения общественного порядка и государственной безопасности». Еще один руководитель движения Рашад Ахмед Мансури, бывший член ИФС, арестованный в 1990-х гг., а затем освобожденный, был повторно арестован в феврале 2021 г., согласно сообщениям алжирского информационного агентства APS, за его якобы руководящую роль в готовившемся антигосударственном заговоре и финансировании нелегальной деятельности Рашад. Двое других членов руководства движения Рашад, которые также были членами ИФС, находятся в Женеве и Лондоне.

¹⁴ Организация запрещена в РФ.

¹⁵ Левант — латинский перевод арабского термина *аш-Шам*, названия региона, охватывавшего территорию современных Сирии, Палестины, Ливана, части Иордании и Ирака.

¹⁶ Беседа автора с г-ном Хилялем, помощником Генерального секретаря Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ). Дамаск, 20.10.2016.

¹⁷ Сколько террористов и из каких стран воюют в рядах ДАИШ: Отчет The Soufan Group // EurAsia Daily. 26.03.2016. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2016/03/26/skolko-terroristov-i-iz-kakih-stran-voyuat-v-ryadah-daish-otchet-the-soufan-group> (дата обращения: 26.03.2016).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Организация запрещена в РФ.

²⁰ Организация запрещена в РФ.

²¹ Организация запрещена в РФ.

²² Во время встречи автора 19 ноября 2015 г. с руководством и студентами Дамасского университета студенты рассказывали о том, что несколько их товарищей погибли и получили ранения в результате террористических действий боевиков ССА и задавали вопрос: «Как можно считать “умеренной оппозицией” бандитов, обстреливающих из минометов Дамасский университет?». Дамаск, 19.11.2015.

с. 543). В свою очередь, министр информации Сирии Омран аз-Зааби подтверждал, что радикальные исламисты «уничтожают наследие сирийской цивилизации — исторические и архитектурные памятники разных эпох, храмы, церкви, мечети, монастыри и в их числе уникальные комплексы в городах Маалюля, Сейдняя, Пальмира, Алеппо. От их рук погибли сотни представителей сирийской интеллигенции, преподавателей, ученых, религиозных деятелей, мусульман и христиан, а также тысячи мирных жителей, убитых боевиками во время массовых расправ в районах Дейр аз-Зор, Хама, Хомс, Латакия, Дараа, Джиср аш-Шухур, Алеппо, Восточная Гута»²³. Результаты действий исламистских боевиков в Восточной Гуте (руины жилых домов, разрушенные объекты социальной и промышленной инфраструктуры) автору также довелось увидеть при посещении Сирии в составе делегации по мониторингу президентских выборов в САР в 2021 г.²⁴

Видный отечественный арабист В.В. Наумкин выделял в сирийском конфликте следующие силы: «Сирийская армия с участием бригад Хизбаллы при поддержке ВКС России; отряды террористов из ИГИЛ и «Джабхат ан-нусра»; альянс «Сирийские демократические силы» (СДС), в котором

²³ Беседа автора с министром информации САР г-ном Омраном аз-Зааби. Дамаск, 26.07.2015 г.

²⁴ Провинция Восточная Гута более трех лет находилась под контролем боевиков радикальных исламистских группировок «Джейш аль-ислам» и «Джабхат ан-нусра». Боевики чинили расправы над всеми, кто хоть как-то был связан с сирийскими властями и не согласными с исламистской доктриной «исламского государства». Жители практически были лишены возможности в полном объеме пользоваться медицинскими услугами, образованием, отсутствовало полноценное снабжение медикаментами и продовольствием. Причем боевики ставили жителей перед альтернативой: либо сотрудничать с ними, получать соответствующую оплату и жить более или менее нормально, либо вести полуголодное существование. Наряду с этим жителям было запрещено покидать территорию Восточной Гуты, так как боевики прикрывались жителями как живым щитом, что значительно затрудняло действия сирийской правительственной армии по освобождению Восточной Гуты. Тех жителей, кто пытался это сделать, беспощадно расстреливали (Долгов, 2021b, с. 186).

наряду с курдами действуют представители других местных этносов, поддерживаемый США; различные вооруженные группировки, поддерживаемые США, Турцией и государствами Персидского залива, в основном Саудовской Аравией и Катаром» (Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте, 2018, с. 127).

Несмотря на подавление ИГИЛ в основном в результате действий сирийской правительственной армии при поддержке российских Воздушно-космических сил (ВКС), исламистские силы продолжают существовать в форме так называемых спящих ячеек, а также в районе Идлиба в Сирии. Здесь под покровительством Турции сосредоточено, по разным данным, до 30 тыс. боевиков²⁵ различных исламистских группировок, часть которых турецкое руководство считает «умеренной оппозицией». Наиболее влиятельной из них является «Джабхат ан-нусра», которой Турция оказывает всяческую поддержку.

Наряду с районом Идлиба, находящимся под контролем Турции и лояльных ей исламистских группировок, турецкая армия оккупирует также «зону безопасности», созданную вдоль сирийско-турецкой границы. При этом руководство Турции мотивирует ее создание необходимостью недопущения проникновения на территорию Турции курдских вооруженных групп, связанных с Рабочей партией Курдистана, которая признана в Турции террористической организацией. В свою очередь, оценивая действия Турции, заместитель министра иностранных дел САР Башар Джаафари заявил, что «Турция, с одной стороны, участвует в Астанинском процессе по урегулированию сирийского кризиса. С другой стороны, турецкая армия незаконно оккупирует часть сирийской территории, по площади в четыре раза превышающей незаконно оккупированную Израилем сирийскую территорию Голанских высот. Это заставляет сирийцев рассматривать Турцию как оккупанта, который в четыре раза опаснее Израиля»²⁶.

²⁵ Беседа автора с министром информации САР г-ном Омраном аз-Зааби. Дамаск, 21.10.2016 г.

²⁶ Беседа автора с Башаром Джаафари. Дамаск, 28.05.2021.

Другую часть территории САР оккупируют воинские подразделения США, создавшие здесь ряд военных баз, наиболее крупная из которых находится в районе Ат-Танф. Руководство США, несмотря на ранее звучавшие заявления о выводе американских военных из САР, объявило, что американские подразделения останутся также в районах сирийских нефтяных месторождений (Дейр аз-Зор, Хасеке) якобы для их охраны в случае возможных атак со стороны оставшихся отрядов ИГИЛ. Здесь активно велась добыча и переработка нефти компаниями, называвшимися сирийскими, но полностью контролируемые США. Наряду с находившимися в этих районах под эгидой США курдскими вооруженными формированиями сюда в июле 2019 г. были направлены подготовленные американскими инструкторами на военной базе в Ат-Танфе около 2700 боевиков сирийской вооруженной оппозиции, которая формировалась в том числе из числа бывших членов ИГИЛ²⁷. В связи с данными неправомерными действиями США сирийское правительство заявило протест и потребовало вывода американских воинских формирований и возвращения этого района под юрисдикцию САР.

Нелегитимное присутствие в Сирии иностранных воинских контингентов, а также тысяч исламистских боевиков в контролируемом Турцией районе Идлиба провоцирует продолжение сирийского конфликта, создавая вероятность распространения действий исламистов за пределы САР. Доказательством этого стала переброска лояльных Турции сирийских боевиков для участия в конфликтах в Ливии и Нагорном Карабахе в 2021 г.²⁸ В свою очередь, президент Сирии Б. Асад подтвердил переброску Турцией исламистских боевиков в район Нагорного Карабаха и в интервью РИА Новости заявил, что «руководитель Турции Р. Эрдоган является

²⁷ Беседа автора с Башаром Джаафари. Дамаск, 28.05.2021.

²⁸ Нарышкин заявил о переброске тысяч террористов в Нагорный Карабах // Коммерсантъ. 06.10.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4520578#id1953226> (дата обращения: 06.10.2020).

подстрекателем и вдохновителем обострения армяно-азербайджанского конфликта»²⁹.

Глобальный аспект ливийского кризиса

Еще одним конфликтом в Большом Средиземноморье, в котором значительную роль играют исламистские силы и который также в достаточной степени можно определить как глобальный, является конфликт в Ливии. После свержения режима Муаммара Каддафи в 2011 г. в результате действий оппозиционных сил, в которых основную роль играли исламистские группировки, поддержанные прямым военным вмешательством НАТО и ряда арабских стран, ливийская государственность была разрушена. Территория Ливии стала контролироваться кланово-племенными структурами, имевшими свои вооруженные формирования, часть которых продвигала различные исламистские доктрины, в том числе радикальные. В то же время в Ливии сформировались два основных центра силы, боровшихся за власть в стране. Первый — базирующееся в ливийской столице г. Триполи Правительство национального согласия (ПНС), в котором значительным влиянием пользовались различные исламистские группы, часть которых исповедовала идеологию «Братьев-мусульман», и которое, тем не менее, было признано ООН «легитимным представителем ливийского народа», и второй — Временное правительство, представленное избранным ливийским парламентом, действующее в г. Тобруке на востоке Ливии, которое поддерживается созданной Ливийской национальной армией (ЛНА) во главе с маршалом Халифой Хафтаром. В ЛНА вступили ряд военнослужащих ливийской армии времен М. Каддафи.

Эти противоборствующие центры силы получили поддержку различных внешних акторов. Так, Временное правительство в Тобруке поддерживали Египет, Королевство Саудовская Аравия (КСА), Объединенные

²⁹ Асад назвал Эрдогана инициатором конфликта в Карабахе // РИА Новости. 06.10.2020. URL: <https://ria.ru/20201006/karabakh-1578356443.html> (дата обращения: 06.10.2020).

Арабские эмираты (ОАЭ) и отчасти Франция. В свою очередь, Турция и Катар поддерживали ПНС в Триполи. Наибольшую активность в этой ситуации проявляла Турция, оказывая поддержку вооруженным формированиям ПНС. В частности, в 2020 г. для поддержки этих формирований Турция передислоцировала боевиков из лояльных сирийских вооруженных группировок³⁰ и, заключив с ПНС соглашение о разработке полезных ископаемых на ливийском шельфе, военно-техническом сотрудничестве и в сфере разведки, начала массированную переброску в Ливию вооружений, включая бронетехнику, системы противовоздушной обороны (ПВО) и беспилотных летательных аппаратов (БПЛА).

Получив столь мощную военную поддержку, военные формирования ПНС начали наступательные операции против ЛНА. В результате формирования ПНС одержали ряд военных успехов, отбросив ЛНА от Триполи, заняв район по ливийско-тунисской границе и продвинувшись на восток Ливии до г. Сирта. При этом необходимо отметить, что Турция, осуществляя активную военную поддержку ПНС, которую она оправдывает официальным признанием ПНС со стороны ООН, в то же время нарушает решения международной конференции по Ливии, состоявшейся в Берлине в январе 2020 г. Участники проводившейся под эгидой Генерального секретаря ООН конференции, представлявшие целый ряд европейских и арабских стран, ЕС, Африканский союз и Лигу арабских государств, призвали стороны ливийского конфликта к диалогу, ввели эмбарго на поставки вооружений в Ливию и внешнее вмешательство в ливийский конфликт.

Со своей стороны Турция обвиняла во вмешательстве в ливийский конфликт на стороне ЛНА Египет, ОАЭ, Судан и Россию,

³⁰ Al-djeysh al-libiy yanshur iitirafat li-irhabiyyin nakaluhum nizam irduhan min idlib li-l-kital fi libiya [Ливийская армия опубликовала сообщение о террористах, которых режим Эрдогана переправил из Идлиба для ведения боевых действий в Ливии] // As-Saura [Революция]. April 22, 2020. URL: <http://thawra.sy/index.php/Syria-and-the-world/227494-2020-04-22-15-19-17> (accessed: 22.04.2020).

заявляя, что военные российских частных охранных предприятий (ЧОП) якобы воюют в Ливии, а военные самолеты РФ, базировавшиеся на российской военной базе в сирийском Хмеймиме, якобы действовали на стороне ЛНА (Долгов, 2021а, с. 153). В результате действий Турции в июне 2020 г. между кораблями ВМС Франции, которые выполняли решения берлинской конференции по эмбарго по Ливии и пытались досмотреть турецкий транспорт с вооружением для ПНС, и сопровождавшими его ВМС Турции произошел инцидент, едва не закончившийся военным столкновением³¹.

Такого рода инциденты имели место также между Грецией и Кипром, с одной стороны, и Турцией — с другой, причиной чему послужили начатые Турцией геологоразведочные работы по освоению нефтегазовых месторождений в районах Средиземного моря вблизи Кипра и акватории греческих островов, которую Греция считает своими территориальными водами. Активные экспансионистские действия Турции в Восточном Средиземноморье обусловлены политическим курсом турецкого руководства, представленного умеренными исламистами, идеологически близкими «Братьям-мусульманам». Турция позиционирует себя в качестве лидера исламского мира, что поддерживается, как отмечалось выше, частью исламистских деятелей. При этом турецкое руководство стремится закрепить свою позицию, как регионального центра силы, претендуя в то же время на свою роль в глобальной политике, поддерживая идеологически близкие исламистские движения и реализуя доктринальные концепции неоосманства и «пантурсизма» (объединение тюркоязычных народов на основе общей культуры и языка) (Надеин-Раевский, 2018, с. 298).

В связи с агрессивными действиями турецких ВМС Франция призвала руководство НАТО осудить поведение Турции, а Греция

³¹ Стало известно об инциденте между военными кораблями Турции и Франции в Ливии // Lenta.ru. 17.06.2020. URL: https://lenta.ru/news/2020/06/17/turkey_vs_france/ (дата обращения: 17.06.2020).

предложила ввести против Анкары санкции³². В свою очередь руководство Египта на основании решения египетского парламента и в ответ на просьбу о военной помощи со стороны ливийского правительства в Тобруке заявило, что готово направить свои войска для поддержки ЛНА. В этой связи, как отмечалось выше, на территории Египта в районе Синайского полуострова продолжают совершать террористические акции радикальные группировки «Братьев-мусульман», с которыми ведет борьбу египетская армия. Поэтому продвижение к египетской границе ливийских вооруженных формирований ПНС, в которых преобладают последователи «Братьев-мусульман», вызывало обеспокоенность руководства Египта. Со своей стороны США призвали Грецию не обострять ситуацию и предупредили Египет о возможности наложения на него санкций в случае введения египетских войск на ливийскую территорию (Долгов, 2021а, с. 154).

В результате ряда раундов переговоров между представителями ПНС и Временного правительства при посредничестве ООН и ЕС 15 марта 2021 г. в Женеве был сформирован новый состав Президентского совета и объединенного Временного правительства национального единства Ливии³³. Его возглавил Абдель Хамид ад-Дбейба, близкий к группам, исповедующим доктрину «Братьев-мусульман». Цель нового руководства страны — добиться национального единства и подготовить всеобщие выборы в конце 2021 г. При этом должны быть сформированы единые государственные структуры, включая армию

³² Обострению греко-турецких отношений в достаточной степени способствовало решение Турции превратить в действующую мечеть древнейшую (построена в VI веке н. э.) и самую большую византийскую базилику Св. Софии, имевшую с 1934 г. статус музея. Такое решение турецкого парламента, подтвержденное президентом Р.Т. Эрдоганом в июле 2020 г., вызвало негативную реакцию в ООН и во многих странах христианского мира, в особенности тех, где исповедуется православие (в наибольшей степени в Греции, а также России).

³³ Новые власти присягнули Ливии // Коммерсантъ. 15.03.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4730030> (дата обращения: 16.03.2021).

и правоохранительные органы, путем объединения соответствующих структур двух противоборствующих центров силы, что является достаточно сложной задачей. Не менее сложным вопросом остается присутствие в Ливии до 20 тыс. иностранных наемников³⁴. Тем не менее объединенное Временное правительство подтвердило, что президентские выборы пройдут 24 декабря 2021 г. При этом в ноябре 2021 г. о желании баллотироваться на пост президента Ливии объявили свыше 90 известных политических деятелей, в том числе премьер-министр Абдель Хамид ад-Дбейба, маршал Халифа Хафтар, командующий Ливийской национальной армией (ЛНА), министр внутренних дел Фатхи Бочаги и сын Муаммара Каддафи Сейф аль-Ислам Каддафи³⁵.

Радикальный исламизм и социально-экономические проблемы в европейском Средиземноморье

Террористические акции, осуществляемые радикальными исламистами в Большом Средиземноморье, а также в Западной Европе, стали во многом следствием распространения радикальных «джихадистских» течений политического ислама в мусульманских сообществах. В наибольшей степени от них в 2015—2021 гг. пострадала Франция, где существует самая многочисленная арабомусульманская диаспора. Наиболее масштабными по количеству жертв стали взрыв на стадионе Stade de France в Париже, расстрел сотрудников журнала *Charlie Hebdo* и посетителей в кафе и ресторанах Парижа в ноябре 2015 г. (Kerel, 2015, р. III), террористические акты в Руане и Ницце в 2016 г., а также убийство школьного учителя и сотрудницы

³⁴ Selon L'ONU: 20 000 mercenaires et les forces etrangeres activent encore en Libye // El Watan. Decembre 6, 2020. URL: <https://www.elwatan.com/edition/international/selon-lonu-20-000-mercenaires-et-des-forces-etrangeres-activent-encore-en-libye-06-12-2020> (accessed: 06.12.2020).

³⁵ Le premier ministre lybien annonce sa candidature a l'election presidentielle // Xinhuanet. Novembre 22, 2021. URL: http://french.news.cn/2021-11/22/c_1310324440.htm (accessed: 23.11.2021).

полицей в Париже в 2020 г.³⁶ Ответственность за данные террористические атаки взяло на себя ИГИЛ, объявившее их «благословенным нашествием солдат Халифата на крестonosную Францию» (Kerel, 2015, p. II). Важным фактором радикализации части европейского мусульманского сообщества, в том числе во Франции, является обострение социально-экономических проблем, от которого в первую очередь страдает мусульманская молодежь.

Одной из наиболее острых социально-экономических проблем в современной Франции является рост числа безработных, оценивающийся в 9—10 %³⁷. При этом в мусульманской среде, в частности среди мусульман, имеющих французское гражданство, особенно среди молодежи, уровень безработицы существенно выше. Рост безработицы, так же как появление категории «новых бедных» во Франции и в целом в Европе, в определенной степени представляет собой объективный процесс, которого вряд ли возможно избежать в рамках действующей экономической модели свободного рынка. Это обусловлено начавшимся в 1980-х гг. выводом промышленных предприятий в регионы, где производство по причине более дешевой рабочей силы рентабельнее и предполагает большие прибыли. Наряду с этим современный французский, как и в целом, рынок труда в экономически развитых странах не нуждается в большом количестве трудовых ресурсов низкой и средней квалификации. Напротив, он требует высококвалифицированных специалистов, что предполагает достаточно высокий уровень образования и специализации в High tech и IT-технологиях.

Вместе с тем представителям мусульманского сообщества, даже являющимся французскими гражданами, достаточно сложно в

силу ряда причин, в том числе элементов исламофобии и расизма во французском обществе, получить такой уровень профессиональной подготовки. Данные факторы провоцируют определенную маргинализацию, в особенности части молодежного сегмента французских мусульман, которые пополняют армию безработных, заняты в малом, иногда полукриминальном бизнесе или наркоторговле и, как правило, имеют проблемы с французским законодательством. Так, например, по сообщениям Euronews, в августе 2021 г. в Марселе за один день в результате криминальной разборки погибли пятеро молодых людей. Причем один из них 12 раз привлекался к уголовной ответственности. Рост уровня преступности в Марселе заставил его мэра обратиться за необходимой помощью к МВД Франции³⁸.

Такая категория молодых французских мусульман является чрезвычайно восприимчивой средой для проповедников радикального исламизма, и, соответственно, они способны пополнить ряды потенциальных террористов. В то же время пандемия COVID-19 в 2021 г. значительно усугубила социально-экономическую ситуацию в связи с ростом безработицы и потерей большого числа рабочих мест во Франции и Европе в целом, что в первую очередь затронуло европейское мусульманское сообщество, особенно молодежь. При этом проблемы, обостренные пандемией, усилили социальное расслоение в обществе. Так, за чертой бедности во Франции в 2021 г. оказалось около 1 млн французских граждан и около 8 млн обратилось за продовольственной поддержкой в благотворительные организации³⁹, что также способствует процессу маргинализации во французской мигрантско-мусульманской среде.

³⁶ Un professeur d'histoire decapité près de Paris, le parquet antiterroriste saisi // France 24. Octobre 16, 2020. URL: <https://www.france24.com/fr/france/20201016-un-homme-%C3%A9gorg%C3%A9-pr%C3%A8s-de-paris-un-suspect-abattu-par-la-police> (accessed: 24.10.2020).

³⁷ French unemployment rate // Investing.com. November 19, 2021. URL: <https://www.investing.com/economic-calendar/french-unemployment-rate-397> (accessed: 20.11.2021).

³⁸ Schofield H. Guerre des gangs a Marseille: des enfants victimes innocents // BBC News. Septembre 7, 2021. URL: <https://www.bbc.com/afrique/region-58457724> (accessed: 07.09.2021).

³⁹ In France's poorest region, the COVID-19 vaccination drive faces hurdles // Euronews. January 30, 2021. URL: <https://www.euronews.com/2021/01/30/in-france-s-poorest-region-the-covid-19-vaccination-drive-faces-hurdles> (accessed: 30.01.2021).

Во Франции ислам рассматривается уже не как некий феномен, привнесенный извне, а как интегральный элемент французской социокультурной жизни⁴⁰. Так, Франк Фрегози, видный ученый-исламовед, директор программы исламских исследований в Национальном центре научных исследований (CNRS), подтверждал, что «французский ислам представляет собой социальную и религиозную реальность»⁴¹. В то же время известный проповедник концепции «европейского ислама», внук Хасана аль-Банни Тарик Рамадан утверждает, что мусульмане — граждане европейских стран, в том числе Франции, «являются мусульманами по своей религиозной принадлежности и полноценными европейцами по своей культуре» (Ramadan, 2008, p. 67). При этом французское мусульманское сообщество активно поддерживается в финансовом и организационно-идеологическом плане арабскими суннитскими нефтедобывающими монархиями — КСА и Катаром (Ennasri, 2013, p. 180).

Усиление роли ислама во французском обществе происходило на фоне явного ослабления христианской конфессии. Во Франции это проявляется в уменьшении числа прихожан в католических соборах (причем значительную часть этих прихожан составляют неевропейцы), принятии ислама этническими французами и детьми от смешанных браков, а также повышенным вниманием французского востоковедного сообщества к изучению различных аспектов исламской религии и культуры. Так, автор принимал участие в коллоквиуме по рассмотрению культурно-религиозных особенностей одной из французских мусульманских общин и возможностей проведения ею своих обрядов, и на вопрос одной из участниц коллоквиума о совместимости таких действий с государствен-

ной идеологией светскости и соответствия конституции Французской Республики никто из участников так и не смог дать внятного ответа⁴².

Отражением обеспокоенности и неприятия частью французского общества усиления роли ислама в социокультурной и духовно-религиозной сферах страны стала активизация дискуссий о понятии французской национальной идентичности и республиканских ценностях. Представители ряда общественно-политических организаций интерпретировали эти процессы как попытки «исламизации Франции». Такие заявления звучали, в частности, со стороны молодежной организации «Поколение идентичности» (*Génération identitaire*), основанной в 2012 г. и известной своими антиисламскими и антимигрантскими акциями в 2016—2021 гг. Так, в одном из ее лозунгов провозглашалось, что «перед лицом массовой иммиграции и исламизации наша страна, наш народ, наша цивилизация могут и должны защитить себя»⁴³.

Организация, распущенная в марте 2021 г., была вновь создана под названием *Natifs* (Рожденные здесь). В свою очередь, в мае 2021 г. более 200 отставных старших офицеров французской армии и бывших руководителей французских правоохранительных органов направили открытое письмо президенту Э. Макрону, в котором критиковали неспособность властей эффективно бороться с радикальным исламизмом. В их поддержку выступил ряд действующих военных, также написавших письмо президенту Франции о «бандах преступников и исламистов, орудующих на окраинах французских городов, провоцирующих угрозу гражданской войны». При этом начальник Генерального штаба

⁴⁰ Во французском мусульманском сообществе с 1980-х гг. действует целый ряд организаций, как, например, Союз молодых мусульман (*L'Union des jeunes musulmans*), которые требуют права открыто выражать свою конфессиональную принадлежность (Bowen, 2011, p. 49).

⁴¹ Беседа автора с Франком Фрегози. Париж, 12.05.2014.

⁴² Коллоквиум Института изучения ислама и обществ мусульманского мира (*L'institut de l'islam et des sociétés du monde musulman — IISMM*), Париж, 12.10.2014.

⁴³ Louvet S. Des anciens de Generation Identitaire creent un nouveau groupe d'extrême-droite à Paris // *ActuParis*. Novembre 23, 2021. URL: https://actu.fr/ile-de-france/paris_75056/des-anciens-de-generation-identitaire-creent-un-nouveau-groupe-d-extreme-droite-a-paris_46640974.html (accessed: 23.11.2021).

французской армии в своем заявлении обещал наказать подписантов письма⁴⁴. Тем не менее большая часть французского общества, так же как и власти Франции, достаточно толерантно относились к стремлению мусульман — граждан Франции сохранить свою исламскую идентичность, считая это совместимым с французскими демократическими традициями и законодательством⁴⁵.

Заключение

Проблема противостояния исламистскому вызову и его радикальным «джихадистским» течениям как в Большом Средиземноморье, так и в целом в странах, где существуют мусульманские сообщества, является сложной и многогранной. Ее решение зависит не только от принимаемых мер по улучшению законодательства и активизации работы правоохранительных органов. Зачастую непродуманные действия во внешней политике стран НАТО вели к усилению радикального исламизма, с последствиями чего им приходилось бороться.

Важным фактором является обострение социально-экономических проблем, усугубленное эпидемией COVID-19 и затрагивающее в наибольшей степени мусульманское

⁴⁴ Более 100 тысяч человек поддержали обращение военных // РИА Новости. 10.05.2021. URL: <https://ria.ru/20210510/frantsiya-1731660792.html> (дата обращения: 11.05.2021).

⁴⁵ *Laïcité et liberté religieuse. Recueil de textes et de jurisprudence.* Paris: Les éditions des journaux officiels, 2011.

сообщество. Значительной проблемой становятся кризисные явления в институтах западной демократии, отражением чего стали протестные движения «желтых жилетов» во Франции, поддержанные в ряде стран Европы, и невиданные в истории США протестные манифестации в ходе президентских выборов 2020 г. Проявлением кризиса также является неспособность Запада осуществить заявленное «продвижение демократии» в таких странах, как Ирак, Ливия, Сирия и в особенности Афганистан. Здесь двадцатилетняя война Международной коалиции во главе с США с исламистским движением «Талибан»⁴⁶ закончилась в 2021 г. полным провалом и выводом сил коалиции.

Данные явления в немалой степени обусловлены общим кризисным состоянием современной западной общественно-экономической модели либеральной демократии. Свообразным цивилизационным вызовом для нее является исламистское движение. Идеологи исламизма проповедуют альтернативный и более справедливый, согласно их риторике, миропорядок в форме «исламского государства». Западный социум на данный момент не дает внятного ответа на этот вызов. Возможно, ответом на него может стать формирование социально ориентированной модели общественного развития, вобравшего в себя весь предыдущий опыт социальных преобразований.

⁴⁶ Организация запрещена в РФ.

Поступила в редакцию / Received: 03.08.2021
Принята к публикации / Accepted: 26.10.2021

Библиографический список

- Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте* / отв. ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин. М.: ИВ РАН, 2018.
- Большаков О.Г. История Халифата. Т. 1. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000.
- Долгов Б.В. Исламистское движение в Алжире и Тунисе: 1970—2017 гг. М.: ЛЕНАНД, 2018.
- Долгов Б.В. Россия и Турция в региональном и геополитическом пространстве // *Контур* глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021а. Т. 14. № 3. С. 147—160. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-8
- Долгов Б.В. Сирийское противостояние: внутренние и внешние факторы (2011—2021 гг.). М.: ЛЕНАНД, 2021б.

- Долгов Б.В. Феномен «арабской весны» 2011—2016 гг.: причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир. М.: ЛЕНАНД, 2017.
- Ислам: энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991.
- История Востока. Т. 2: Восток в средние века / отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002.
- Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм: от Османской империи до наших дней. М.: Русская панорама, 2018.
- Пир-Будагова Э.П. История Сирии XX век. М.: ИВ РАН, 2015.
- Ходынская-Голенищева М.С. Сирия: трудный путь от войны к миру. Многосторонняя дипломатия сирийского урегулирования. М.: Абрис, 2019.
- Al-Ahnaf M., Botiveau B., Fregosi F. *L'Algérie par ses islamistes*. Paris: Karthala, 1991.
- Al-Gannushi R. *Al-Harakat al-islamiya vat-tajdid* [Исламское движение и обновление]. Hartum: Dar al-fikr, 1984. (На арабском языке).
- Al-Madini T. *Sukut ad-daula al-buliciya fi Tunis* [Крах полицейского государства в Тунисе]. Beirut: Arab Scientific Publishers, 2011. (На арабском языке).
- Bowen J.R. *L'islam á la française*. Paris: Steinks Editions, 2011.
- Ennasri N. *L'enigme du Qatar*. Paris: Iris Edition, 2013.
- Kepel G. *Sortir du chaos. Les crises en Méditerranée et au Moyen-Orient*. Paris: Gallimard, 2018.
- Kepel G. *Terreur dans l'Hexagon*. Paris: Gallimard, 2015.
- L'Islam en France* / ed. by Y.Ch. Zarka, S. Taussig, Ch. Fleury. Paris: PUF, 2004.
- Ramadan T. *Face à nos peurs: Le choix de la confiance*. Paris: Tawhid, 2008.
- Rougier B. *Qu'est ce que le salafisme?* Paris: PUF, 2008.
- Shaaban A.A. *Ashaab yurid...!* [Народ хочет...!]. Beirut: Atlas Edition, 2012. (На арабском языке).
- Stern J., Berger J.M. *ISIS: The State of Terror*. Washington: Harper Collins Publishers, 2015.
- Thomson D. *Les français djihadistes*. Paris: Arenes, 2014.
- Willis M. *The Islamist Challenge in Algeria*. New York: New York University Press, 1997.

References

- Alaev, L. B., & Ashrafyan, K. Z. (Eds.). (2002). *History of the East*. Vol. 2. The East in the Middle Ages. Moscow: Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura" RAN publ. (In Russian).
- Al-Ahnaf, M., Botiveau, B., & Fregosi, F. (1991). *L'Algérie par ses islamistes*. Paris: Karthala.
- Al-Gannushi, R. (1984). *Al-Harakat al-islamiya vat-tajdid* [Islamic movement and renovation]. Hartum: Dar al-fikr. (In Arabic).
- Al-Madini, T. (2011). *Sukut ad-daula al-buliciya fi Tunis* [Crash of police-state in Tunisia]. Beirut: Arab Scientific Publishers. (In Arabic).
- Baranovsky, V. G., & Naumkin, V. V. (Eds.). (2018). *The Middle East in the changing global context*. Moscow: IV RAN publ. (In Russian).
- Bolshakov, O. G. (2000). *History of Caliphate*. Vol. 1. Moscow: Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura" RAN publ. (In Russian).
- Bowen, J. R. (2011). *L'islam á la française*. Paris: Steinks Editions.
- Dolgov, B. V. (2017). *Phenomenon of the Arab Spring 2011—2016: Causes, development, perspectives. Tunisia, Egypt, Libya, Syria, Algeria*. Moscow: LENAND publ. (In Russian).
- Dolgov, B. V. (2018). *Islamist movement in Algeria and Tunisia: 1970—2017*. Moscow: LENAND publ. (In Russian).
- Dolgov, B. V. (2021a). Russia and Turkey in regional and geopolitical space. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 14(3), 147—160. (In Russian). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-3-8>
- Dolgov, B. V. (2021b). *Syrian withstanding: Internal and external factors (2011—2021)*. Moscow: LENAND publ. (In Russian).
- Ennasri, N. (2013). *L'enigme du Qatar*. Paris: Iris Edition.
- Islam: Encyclopedic dictionary* (1991). Moscow: Nauka publ. (In Russian).
- Kepel, G. (2015). *Terreur dans l'Hexagon*. Paris: Gallimard.
- Kepel, G. (2018). *Sortir du chaos. Les crises en Méditerranée et au Moyen-Orient*. Paris: Gallimard.
- Khodynskaya-Golenischeva, M. S. (2019). *Syria: A difficult path from the war to the world. Multilateral diplomacy of the Syrian settlement*. Moscow: Abris publ. (In Russian).
- Nadein-Raevskiy, V. A. (2018). *Panturkism: From the Ottoman Empire until our days*. Moscow: Russkaya panorama publ. (In Russian).

- Pir-Budagova, E. P. (2015). *History of Syria 20th century*. Moscow: IV RAN publ. (In Russian).
- Ramadan, T. (2008). *Face à nos peurs: Le choix de la confiance*. Paris: Tawhid.
- Rougier, B. (2008). *Qu'est ce que le salafisme?* Paris: PUF.
- Shaaban, A. A. (2012). *Ashaab yurid...! [People wants...!]*. Beirut: Atlas Edition. (In Arabic).
- Stern, J., & Berger, J. M. (2015). *ISIS: The state of terror*. Washington: Harper Collins Publishers.
- Thomson, D. (2014). *Les français djihadistes*. Paris: Arenes.
- Willis, M. (1997). *The Islamist challenge in Algeria*. New York: New York University Press.
- Zarka, Y. Ch., Taussig, S., & Fleury, Ch. (Eds.). (2004). *L'islam en France*. Paris: PUF.

Сведения об авторе: Долгов Борис Васильевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН; ORCID: 0000-0001-6541-5862; e-mail: dolgov.boris@list.ru

About the author: Dolgov Boris Vasilievitch — PhD, Dr. Sc. (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Leading Research Fellow, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0001-6541-5862; e-mail: dolgov.boris@list.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-671-682

Научная статья / Research article

Восточное Средиземноморье во внешней политике ОАЭ: цели и принципы

Т.И. Тюкаева

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Москва, Российская Федерация

 tatyana-tyukaeva@yandex.ru

Аннотация. Регион Восточного Средиземноморья в последние годы стал зоной нарастающей активности региональных государств и источником напряженности в отношениях между ними. Важность данного региона с энергетической и военно-политической точек зрения предопределила интенсивную вовлеченность в формирующийся здесь конфликтный узел Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ), нерегионального игрока, столь активно включившегося в восточно-средиземноморскую повестку и рассматривающего Восточное Средиземноморье как один из наиболее стратегически важных регионов в своей глобальной стратегии. ОАЭ относительно недавно начали проводить энергичный внешнеполитический курс, выходящий за пределы субрегиона Залива, а Восточно-Средиземноморский регион стал достаточно новым его направлением. В этой связи количество и спектр научных работ как в отечественной, так и зарубежной литературе, посвященных отдельно эмиратской внешнеполитической активности и, тем более, политике в отношении Восточного Средиземноморья, достаточно ограничены и не отражают усилившегося влияния малой монархии Залива в трансрегиональном масштабе. Это обуславливает необходимость в проведении комплексного исследования по данной проблематике. На основании анализа имеющихся научных публикаций, затрагивающих отдельные аспекты внешней политики ОАЭ и проблематики напряженности в Восточном Средиземноморье, а также изучения источников аналитического и статистического характера автор приходит к следующему выводу. Резко возросший интерес ОАЭ к Восточному Средиземноморью является частью значительных трансформаций эмиратской внешней политики, наблюдающихся с начала 2010-х гг. и включающих не только изменения в ее содержательном наполнении, но и в расширении ее масштабов и задействовании новых инструментов ее реализации. Активность ОАЭ в Восточно-Средиземноморском регионе объясняется не только общей задачей внешнеполитического курса по сдерживанию Турции и борьбе с исламистской угрозой, но и глобальными амбициями эмиратского руководства в энергетической и логистической сферах, а также укреплению престижа малой монархии Залива на международном уровне.

Ключевые слова: внешняя политика ОАЭ, Восточное Средиземноморье, турецко-эмиратское соперничество, египетско-эмиратское сотрудничество, израильско-эмиратское сотрудничество, ливийский кризис, французско-эмиратское сотрудничество

© Тюкаева Т.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Тюкаева Т.И. Восточное Средиземноморье во внешней политике ОАЭ: цели и принципы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 671—682. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-671-682

The Eastern Mediterranean in UAE Foreign Policy: Goals and Principles

Tatiana I. Tyukaeva

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

 tatyana-tyukaeva@yandex.ru

Abstract. The Eastern Mediterranean in recent years has become an arena of growing activity of regional states causing tensions among them. The importance of this region from political and military point of view combined with its strategic value in the world energy markets underpins the growing involvement of the UAE, a non-regional actor that lately has become deeply engaged in the regional agenda. Due to the fact that the UAE has taken up a quite active foreign policy course outside of its traditional Gulf circle only recently — with the Eastern Mediterranean becoming a new area of Emirati activities — the volume and scope of Russian and foreign research on this topic is rather limited. The existing works that in some way cover issues of the UAE foreign policy do not reflect the increasing influence of this small Gulf state in the Middle East and North Africa and beyond. For this reason, there is a need for complex research on the matter. This paper is based on analysis of existing works on topics related to some aspects of Emirati foreign policy and tensions in the Eastern Mediterranean, as well as analytical articles and statistics. The dramatically increased interest of the UAE in the Eastern Mediterranean is part of significant transformations in the monarchy's foreign policy that have been taking place since early 2010s. These transformations manifest themselves in new goals and purposes of Emirati foreign policy, its expanding scale and new instruments for its implementation. Not only is the UAE policy in the Eastern Mediterranean consistent with its general goal of containing Turkey and fighting the threat of Islamism, but it is also a part of realizing Emirati global ambitions of becoming a leader in energy and logistics and ensuring its international status as an influential actor.

Key words: UAE foreign policy, Eastern Mediterranean, Turkish-UAE rivalry, Egyptian-UAE cooperation, Israeli-UAE cooperation, Libyan crisis, French-Emirati cooperation

For citation: Tyukaeva, T. I. (2021). The Eastern Mediterranean in UAE foreign policy: Goals and principles. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 671—682. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-671-682>

Введение

Растущая напряженность в Восточном Средиземноморье в последние несколько лет вышла за пределы проблемы делимитации морских границ между Турцией и Грецией, Турцией и Кипром, став новой зоной стратегического противостояния между Турцией, с одной стороны, и арабскими и европейскими государствами региона — с другой. Сложился своего рода «антиисламистский / антитурецкий» лагерь (Египет, Израиль, Греция, Кипр, Франция) региональных сил, участником которого стали ОАЭ. Данная статья ставит своей целью поиск ответа на вопрос: какие интересы в Восточно-Средиземноморском регионе преследует малая монархия географически отдаленного Персидского залива и как она их реализует?

Проблематика внешней политики ОАЭ не часто становится объектом исследования востоковедов-арабистов (особенно отечественных) и, как правило, изучается в работах, посвященных динамике отношений внутри Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и внешней политике всех его членов (Мелкумян, 2016; 2018; 2019; Кузнецов, 2017; *The Small Gulf States...*, 2017).

По мере роста эмиратской активности в регионе Ближнего Востока и Северной Африки во время и после «арабской весны» начали появляться некоторые научные работы, посвященные трансформации внешней политики ОАЭ в последнее десятилетие (Almezaini, 2018b; Antwi-Boateng & Binhuwaidin, 2017; Guéraiche, 2019; Roberts, 2017; Ulrichsen,

2016) и ее отдельным аспектам (Горбатова, 2019; Мелкумян, 2021; Федорченко, Артюшкин, 2020; Almezaini, 2018a), однако их число и тематический охват остаются достаточно ограниченными. Особенности эмиратской региональной политики частично рассматриваются в ряде статей, исследующих изменения баланса сил на Ближнем Востоке и соперничество между новыми складывающимися альянсами (Brun & Feuer, 2021; Dell & Feuer, 2021; Miller & Verhoeven, 2020). Кроме того, эмиратская внешняя политика и ее особенности все чаще анализируются в работах турецких авторов — преимущественно в негативном свете (Telci & Horoz, 2018; Bakir, 2020).

Если говорить о вопросах напряженности в Восточном Средиземноморье, то они также достаточно мало исследованы в российской научной литературе (Горбунова, Иванова, 2019; 2020), все чаще становясь объектом изучения зарубежных авторов (Evaghorou, 2018; Güney & Korkmaz, 2021; *The Eastern Mediterranean in Transition...*, 2015; Prontera & Ruszel, 2017), однако даже в их работах политике ОАЭ в этом регионе уделяется недостаточно внимания, если уделяется вовсе. В данной статье автор ставит перед собой задачу заполнить этот вакуум.

Трансформация внешней политики ОАЭ в 2010-х гг.

За непродолжительный период своего существования как независимого государства ОАЭ удалось закрепить свое положение не только как нефтеэкспортера, но и как крупнейшего регионального финансового и торгового хаба, международного инвестора и донора. Ряд эмиратских фондов осуществляли гуманитарную деятельность в различных странах мира, уделяя особое внимание поддержке мусульманских сообществ и меньшинств (Мелкумян, 2018). Однако в политической сфере интересы ОАЭ практически не выходили за пределы субрегиона Залива: их внешнеполитический курс, как и политика других малых монархий — участниц ССАГПЗ, шел в фарватере стратегии Саудовской Аравии. Военная поддержка США и

членство в ССАГПЗ были основой обеспечения безопасности ОАЭ перед лицом главной внешней угрозы — Ирана.

Ситуация начала стремительно меняться с начала 2010-х гг., когда события «арабской весны» и постепенное снижение американской вовлеченности в региональную повестку на фоне ослабления позиций традиционно влиятельных Ирака, Египта, Ливии и Сирии спровоцировали изменение баланса сил в масштабах всего Ближневосточного региона и стимулировали внутрирегиональное соперничество между усиливающимися Турцией, Ираном и отдельными монархиями Залива (Мелкумян, 2016, с. 55).

Немаловажным фактором трансформации эмиратской внешней политики является смена руководства страны. После смерти в 2004 г. эмира Абу-Даби, основателя и первого президента ОАЭ шейха Зайда Аль Нахайяна, государство возглавил его старший сын Халифа, однако функции фактического лидера (особенно после 2014 г., когда Халифа перенес инсульт) и главного архитектора эмиратской внешней политики все больше выполнял его брат, наследный принц Мухаммад бин Зайд. Получивший профессиональное военное образование и отличающийся амбициозностью и решительным характером, Мухаммад бин Зайд стал инициатором планов по укреплению позиций ОАЭ на международной арене в военно-политической и экономической сферах, а также масштабных экономических стратегий развития малой монархии, первой в субрегионе Залива начавшей курс на снижение зависимости от экспорта углеводородов, технологизацию и диверсификацию экономики, развитие «зеленой» энергетики. Помимо этого эмиратский лидер является ярким противником политического ислама главным образом в лице «Братьев-мусульман»¹ и последовательно отстаивает борьбу с ними — сначала внутри страны, а затем и вовне, рассматривая их как главную угрозу безопасности монархии и правящей семьи (Roberts, 2017, pp. 553—554). Что касается Ирана, который по-прежнему

¹ Организация запрещена в РФ.

рассматривается в качестве потенциальной, хотя уже и не основной, угрозы, то в отношении него был избран подход наращивания экономической вовлеченности², в результате чего ОАЭ за последние десять лет стали вторым по важности иранским торговым партнером.

Трансформация внешней политики ОАЭ с начала 2010-х гг. проявилась как в формулировании новых целей и задач, так и еще более ощутимо — в инструментах ее реализации и масштабах по мере разрастания эмиратской активности не только за пределы субрегиона Залива, но и арабского региона в целом, в первую очередь в прилежащие регионы (Африканский Рог, Сахель, Европа).

Так, в сфере обеспечения безопасности ОАЭ по-прежнему рассматривают военнотехническое сотрудничество с США и членство в ССАГПЗ как важные составляющие, однако предпочитают более активную политику, что выражается в диверсификации военно-политического сотрудничества и поиске новых партнеров с точки зрения как потенциальных поставщиков военных технологий и техники — в лице, например, европейских государств, России, Китая и Израиля, так и сильных региональных союзников в борьбе с исламистской угрозой. В целом военный компонент внешней политики ОАЭ становится все более явным: Абу-Даби является одним из крупнейших покупателей вооружений в регионе и обладает достаточно квалифицированными и технологически продвинутыми военно-воздушными силами, которые в том числе активно направляются в помощь союзникам (например, в Ливии и Йемене). Новым инструментом в эмиратской политике безопасности также стали военные базы (Telci & Hozoz, 2018) в стратегически важных для ОАЭ районах Красного моря и Восточного Средиземноморья.

Высокую значимость с точки зрения обеспечения своей безопасности ОАЭ придают наращиванию контроля над морскими

путями, в особенности в таких важных для их внешнеэкономической деятельности точках, как Баб-эль-Мандебский и Ормузский проливы и Суэцкий канал. Этим во многом обусловлены «особые» отношения с Ираном, размещение военных баз на Африканском Роге и в Йемене, как и активная вовлеченность ОАЭ в йеменский конфликт и цели в нем, отличающиеся от политики Саудовской Аравии, возглавляющей арабскую коалицию. Помимо этого ОАЭ также активно расширяют сеть своих портов по всему миру усилиями DP World, которая на сегодняшний день является одним из крупнейших портовых операторов на планете в более чем 50 странах.

Главными характеристиками внешней политики ОАЭ представляются прагматизм и самостоятельность, основывающиеся на диверсификации и «проактивности». Расширение портфолио военно-политических и экономических активов является не только средством обеспечения собственной безопасности и реализации амбициозных планов развития, но и способом повышения престижа и наращивания влияния на международной арене.

Интересы ОАЭ в Восточном Средиземноморье

Регион Восточного Средиземноморья относительно недавно начал привлекать внимание эмиратского руководства. После начала «арабской весны» и на фоне роста активности Турции как в арабских восточно-средиземноморских странах, так и в морском пространстве региона все больше увеличивались эмиратские региональные военно-политические и экономические амбиции. Немаловажную роль сыграло и открытие газовых месторождений на шельфе Израиля, Египта и Кипра в 2009—2018 гг. Все это в совокупности привело к заметной активизации ОАЭ последние несколько лет в Восточном Средиземноморье — географически достаточно отдаленном от малой монархии Залива.

Основной интерес ОАЭ в Восточном Средиземноморье лежит в геополитической плоскости и заключается в сдерживании Турции, недопущении усиления позиций политического ислама в лице, в первую

² Guzansky Y. Sparta in the Gulf: The Growing Regional Clout of the United Arab Emirates // INSS Insight. No. 882. January 8, 2017. URL: <https://www.inss.org.il/publication/sparta-gulf-growing-regional-clout-united-arab-emirates/> (accessed: 03.09.2021).

очередь, «Братьев-мусульман» и поддержке союзников — как традиционных (например, Египта), так и новых (например, Греции, Кипра, Израиля), преимущественно разделяющих эмиратские опасения в отношении экспансии турецкого и исламистского влияния.

Не меньшую значимость Восточное Средиземноморье представляет в свете реализации эмиратских амбиций по наращиванию своего контроля над глобальными морскими путями. В этом контексте Средиземное море в целом представляется «стратегически важным пространством», где проходят судоходные маршруты, принципиально важные с точки зрения мировой торговли и энергетических потоков и соединяющие Европу, Красное море и Индийский океан³. В этой связи турецкая доктрина «Голубая родина» (*Mavi Vatan*), подразумевающая закрепление доминирующей роли Турции в Восточном Средиземноморье и наращивание контроля над стратегически важными морскими путями⁴, и первые шаги по ее реализации рассматриваются ОАЭ как прямая угроза их интересам.

Кроме того, восточно-средиземноморские страны, такие как Греция и Кипр, отношения с которыми по ряду направлений резко активизировались в середине 2010-х гг., рассматриваются ОАЭ как «ворота» в Европу⁵: развитие связей с ними представляется способом расширить взаимодействие со структурами ЕС и влиятельными европейскими государствами по целому спектру направлений — от торгово-экономических до военно-технических. В

³ A Geopolitical Sea: The New Scramble for the Mediterranean / ed. by G. Dentice, V. Talbot // ISPI Dossier. July 17, 2020. P. 29. URL: https://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/ispidossier_a_geopolitical_sea_july_2020.pdf (accessed: 03.09.2021).

⁴ Denizeau A. *Mavi Vatan, the “Blue Homeland” The Origins, Influences and Limits of an Ambitious Doctrine for Turkey* // IFRI. April, 2021. URL: ifri.org/sites/default/files/atoms/files/denizeau_mavi_vatan_turkey_2021.pdf (accessed: 03.09.2021).

⁵ Guzansky Y., Lindenstrauss G. *The Growing Alignment between the Gulf and the Eastern Mediterranean* // Middle East Institute. May 25, 2021. URL: <https://www.mei.edu/publications/growing-alignment-between-gulf-and-eastern-mediterranean> (accessed: 25.08.2021).

свою очередь, Ливия, где ОАЭ проявляли заметную, в том числе военную, вовлеченность с начала «арабской весны», имеет значимость для эмиратского руководства как важный опорный пункт в Магрибе и Сахеле в обеспечении своих интересов в сфере безопасности и в реализации разнообразных инвестиционных проектов в области развития морских и сухопутных коммуникаций, портовой инфраструктуры и энергетики.

Растущую активность ОАЭ в Восточном Средиземноморье и деятельную вовлеченность в повестку соперничества и сотрудничества, конфликтов и коллективных проектов восточно-средиземноморских и сопредельных государств в целом следует рассматривать не только как реализацию эмиратских региональных и трансрегиональных интересов в сферах безопасности и экономики. Это часть позиционирования малой монархией Залива своего статуса на международной арене в качестве влиятельного, авторитетного игрока, ценного партнера и потенциального брокера для третьих государств, что представляет собой отдельную значимость и важный внешнеполитический актив для Абу-Даби.

Отношения ОАЭ с государствами Восточного Средиземноморья

Недовольство политикой Анкары, и в особенности турецко-ливийские соглашения 2019 г. о делимитации морских границ и военном сотрудничестве, послужило дополнительным стимулом для интенсификации взаимодействия ОАЭ со странами условного «антиисламистского / антитурецкого» лагеря, что вылилось помимо прочего в формирование в феврале 2021 г. Форума дружбы (*Philia Forum*) при участии Кипра, Греции, Франции, Саудовской Аравии, Египта, ОАЭ и Бахрейна⁶. Форум формально является площадкой для диалога в целях укрепления взаимодействия между Заливом и Восточным Средиземноморьем и поддержания стабильности в

⁶ Baker R. *The EastMed Gas and Philia Forums: Reimagining Cooperation in the Mediterranean* // Washington Institute. March 18, 2021. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/eastmed-gas-and-phia-forums-reimagining-cooperation-mediterranean> (accessed: 25.08.2021).

регионе, а по факту представляется неким политическим заявлением о формировании «антиисламистского / антитурецкого» лагеря восточно-средиземноморских стран при поддержке монархий Залива, в первую очередь ОАЭ. Параллельно Абу-Даби все более активно развивает сотрудничество в военно-политической и экономической сферах с вовлеченными государствами в соответствии с общими принципами своей внешней политики и непосредственными интересами в Восточном Средиземноморье.

Египет является традиционным партнером для монархий Залива в *военно-политической сфере*, однако в 2010-х гг. наиболее активно сотрудничество развивается именно с ОАЭ. В 2013 г. эмиратское руководство поддержало министра обороны, нынешнего президента Абдельфаттаха ас-Сиси в свержении президента-исламиста Мухаммеда Мурси и вслед за египетскими властями официально объявило «Братьев-мусульман» террористической организацией. Каир и Абу-Даби разделяют позицию в отношении угрозы политического ислама в регионе в целом и координируют свою деятельность по борьбе с исламистским терроризмом — в первую очередь в Ливии, а также в соседних арабских странах и приграничных районах Сахеля, оказывая военно-техническую и политическую поддержку антиисламистским силам. Два государства регулярно проводят совместные военные учения при участии военно-воздушных, морских и сухопутных сил как в Заливе, так и в различных районах Средиземного и Красного морей. По некоторым данным, монархии Залива — не в последнюю очередь ОАЭ — активно участвуют в финансировании заметно выросших в 2010-х гг. египетских закупок вооружений и наращивании военной мощи, а также создании нескольких военных морских и воздушных баз в Красном и Средиземном морях⁷ (в регионах приоритетной значимости для ОАЭ в последние годы), о чем косвенно

⁷ Kuimova A. Understanding Egyptian Military Expenditure // SIPRI Background Paper. October, 2020. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-10/bp_2010_egyptian_military_spending.pdf (accessed: 25.08.2021).

свидетельствует присутствие Мухаммада бин Зайда на их открытии.

Франция также является одним из традиционных для ОАЭ партнеров в политической и военно-технической областях. С 2009 г. в Абу-Даби действует французская военноморская база, продолжает расширяться сотрудничество в военной сфере в рамках обновляемых (с 1995 по 2019 г.) соглашений об обороне, а также стратегического диалога, при этом ОАЭ остаются крупнейшим покупателем французской военной техники и вооружений в регионе⁸. Париж и Абу-Даби разделяют позиции по целому ряду приоритетных направлений эмиратской внешней политики, и не в последнюю очередь — в отношении политического ислама и «Братьев-мусульман» (что для Франции также является внутривосточной проблемой). Это позволяет им координировать свои усилия при проведении антитеррористических операций, например, в Ливии, Йемене, Сахеле. Дополнительный стимул в развитии эмиратско-французского военно-политического сотрудничества придает недовольство политикой Турции в Восточном Средиземноморье, масштабная и развивающаяся параллельно их кооперация с Египтом, а также динамичные личные контакты между Мухаммадом бин Зайдом и президентом Эммануэлем Макроном.

Относительно новыми партнерами в военно-политической сфере для ОАЭ являются Греция и в особенности Кипр, в котором эмиратское посольство было официально открыто лишь в 2016 г. Греко-эмиратские отношения имеют более продолжительную историю, однако до недавнего времени ограничивались преимущественно экономической сферой. После подписания Турцией и ливийским Правительством национального соглашения о делимитации морских границ в 2019 г. контакты двух восточно-средиземноморских государств, чьи отношения с Анкарой исторически омрачены

⁸ UAE Still a Top Client as French Arms Sales Fall // The Defense Post. June 3, 2020. URL: <https://www.thedefensepost.com/2020/06/03/uae-still-a-top-client-as-french-arms-sales-fall/> (accessed: 25.08.2021).

напряженностью по целому ряду направлений, с ОАЭ в области безопасности заметно активизировались. Участились взаимные визиты — как в двустороннем, так и трехстороннем формате — на высоком и высшем уровнях, были подписаны соглашения о стратегическом партнерстве и сотрудничестве в сфере обороны (Меморандум о взаимопонимании — с Кипром), подразумевающие в том числе обмен разведанными и позволяющие размещение вооруженных сил на территории друг друга⁹. Греция проявляет интерес к эмиратским инвестициям в свою оборонную промышленность, а также закупке некоторых видов военной техники¹⁰.

Нормализация отношений позволила ОАЭ и Израилю, разделяющим опасения в отношении политики Ирана и деятельности исламистов в регионе, более открыто развивать взаимодействие в сфере безопасности. Оба государства стремятся к расширению присутствия израильских производителей вооружений на эмиратском рынке и развитию сотрудничества в сфере кибербезопасности. Кроме того, ОАЭ выражают особую заинтересованность в приобретении системы противоракетной обороны «Железный купол», а Израиль видит выгоду в получении дополнительных платформ для сбора разведанных — с учетом расширившейся сети эмиратских баз — и наращивании взаимодействия в сфере безопасности в районах Красного моря, Аденского, Персидского и Оманского заливов. Так, по некоторым данным, Израиль и ОАЭ планируют создать совместную базу на Сокотре¹¹. Также сообщается о некоем

трехстороннем взаимодействии между израильтянами, эмиратцами и проэмиратским Южным переходным советом в Йемене¹².

Помимо этого эмиратские авиация и флот начали более активно принимать участие в совместных многосторонних военных учениях по приглашению других восточно-средиземноморских государств. Например, с 2017 г. ОАЭ участвуют в ежегодных учениях военно-воздушных сил *Iniochos*, организуемых Грецией, при участии США, Франции, Испании, Кипра и Израиля, а в 2020 г. ОАЭ и Франция впервые присоединились к регулярным греко-египетско-кипрским учениям *Medusa* вблизи побережья Александрии.

Отдельного внимания заслуживает военная активность ОАЭ в Ливии. Вовлеченность Абу-Даби в ливийский конфликт обозначилась еще в 2011 г. на первой его стадии, когда в координации с Францией¹³ ОАЭ оказывали поддержку оппозиционным силам в Зинтане. По мере активизации в стране различных исламистских организаций и группировок интенсифицировалось участие во внутриливийском конфликте Абу-Даби, который поддержал антиисламистские военные кампании маршала Халифы Хафтара и в активном взаимодействии с Каиром — и менее открыто с Парижем — оказывал военно-техническую и финансовую помощь Ливийской национальной армии. Имеются данные о египетско-эмиратских военно-воздушных боевых операциях против сил исламистов¹⁴, а в 2016 г.

<https://gulrif.org/what-would-a-closer-security-partnership-between-israel-and-the-uae-look-like/> (accessed: 25.08.2021).

¹² Jalal I. UAE — Israel Normalization Gives Rise to New Risks for Yemen and the Region // Middle East Institute. September 14, 2020. URL: <https://www.mei.edu/publications/uae-israel-normalization-gives-rise-new-risks-yemen-and-region> (accessed: 25.08.2021).

¹³ Gillon J. France — Libya: Marshal Haftar, the Controversial Friend of the Élysée // The Africa Report. March 20, 2020. URL: <https://www.theafricareport.com/24823/france-libya-marshal-haftar-the-controversial-friend-of-the-elysee/> (accessed: 25.08.2021).

¹⁴ См.: Egypt, UAE Carried out Airstrikes in Libya, Says US // France 24. August 26, 2014. URL: <https://www.france24.com/en/20140826-egypt-uae-airstrikes-libya-tripoli-usa-officials-say> (accessed: 25.08.2021); UAE Implicated in Lethal Drone Strike in Libya // BBC News. August 28, 2020. URL:

⁹ Mathews S. UAE joins Greek, Egyptian naval exercise in Eastern Mediterranean // Al-Monitor. December 1, 2020. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2020/12/uae-greece-defense-agreement-turkey-eastern-mediterranean.html> (accessed: 25.08.2021).

¹⁰ Iddon P. Greece — UAE Defense Pact Could Benefit the Hellenic Air Force // Forbes. December 17, 2020. URL: <https://www.forbes.com/sites/pauliddon/2020/12/17/heres-how-greeces-defense-pact-with-the-uae-could-benefit-the-hellenic-air-force/?sh=772bfb306165> (accessed: 25.08.2021).

¹¹ Cafiero G., Sudetic B. What Would a Closer Security Partnership between Israel and the UAE Look Like? // Gulf International Forum. October 14, 2020. URL:

на востоке Ливии даже появилась эмиратская военная база Аль-Хадим¹⁵.

Во многом эмиратская активность на ливийском направлении представляется отражением квинтэссенции политики ОАЭ в Восточном Средиземноморье: она включает идеологический компонент — глобальное противостояние исламу во всех его формах, геополитический компонент — сдерживание Турции в Ближневосточном и смежных с ним регионах и оказание поддержки союзникам (в первую очередь Египту), имиджевый компонент — демонстрацию технических возможностей и военного потенциала, способности проецировать свою «жесткую силу», а также региональное и международное позиционирование своей роли как выгодного партнера посредством активного взаимодействия с рядом региональных и внерегиональных государств. Помимо этого Ливия является важной страной для ОАЭ с точки зрения их глобальной экономической стратегии — как «вход» в Африку, «выход» к Восточному Средиземноморью и потенциальный район для расширения эмиратской международной портовой сети¹⁶. Отдельный интерес для Абу-Даби представляет перспективный ливийский энергетический сектор.

Взаимодействие ОАЭ в *экономической сфере* со странами, вовлеченными в восточно-средиземноморский конфликтный узел, заметно интенсифицировалось с середины 2010-х гг. Так, в Египте после прихода к власти А. ас-Сиси эмиратский инвестиционный поток вырос более чем вдвое, а ОАЭ на сегодня являются крупнейшим после

Великобритании инвестором в стране¹⁷. Основными сферами эмиратских инвестиций являются недвижимость, телекоммуникации, проекты в сфере традиционной и альтернативной энергетики. Кроме того, ОАЭ входят в пятерку крупнейших торговых партнеров Египта. Франция также является одновременно одним из традиционных направлений для инвестиций ОАЭ — преимущественно в сфере недвижимости — и одним из крупнейших инвесторов в эмиратской энергетике (нефть, газ, солнечная энергетика, производство электроэнергии), областях опреснения воды и гостиничной инфраструктуры. В последние годы взаимные инвестиционные потоки наращиваются: Франция на сегодняшний день входит в пятерку крупнейших инвесторов эмиратской экономики, а ОАЭ являются одним из пяти главных инвесторов — во французской, а также вторым по значимости торговым партнером Франции в регионе. Наконец, Израиль стал новым и очень перспективным направлением для эмиратских инвестиций: меньше чем за год с момента подписания соглашения о нормализации отношений было заключено более 20 соглашений в более чем 15 областях¹⁸. ОАЭ также заявили о создании фонда объемом 10 млрд долл. США с целью инвестирования в стратегические израильские отрасли, в первую очередь — энергетику, водные ресурсы, космос, здравоохранение и агротехнологии¹⁹.

Большое внимание ОАЭ уделяют участию в различных проектах в энергетической сфере в странах Восточного Средиземноморья.

<https://www.bbc.com/news/world-africa-53917791> (accessed: 25.08.2021).

¹⁵ Sons S. A New 'Pivot to the Maghreb' or 'More of the Same': The Transformative Shift of the Gulf Engagement in North Africa // Konrad Adenauer Stiftung. 2021. P. 27. URL: <https://www.kas.de/documents/282499/282548/Gulf+Engagement+in+North+Africa.pdf/ef8db39-f0df-be85-c8c7-818ef12cc18c?version=1.1&t=1629992999800> (accessed: 03.09.2021).

¹⁶ Turkey Headed for an Unexpected Victory Libya's Oil War // Oil Price. May 24, 2020. URL: <https://oilprice.com/Geopolitics/Africa/Turkey-Headed-For-An-Unexpected-Victory-Libyas-Oil-War.html> (accessed: 25.08.2021).

¹⁷ Egypt's Biggest Foreign Investors are Britain and the UAE during 2019—2020 // Business Today Egypt. February 8, 2021. URL: <https://www.businesstodayegypt.com/Article/1/249/Egypt%E2%80%99s-biggest-foreign-investors-are-Britain-and-the-UAE-during> (accessed: 25.08.2021).

¹⁸ Batrawy A., Harb M. Israelis, Emiratis Meet in Dubai to Discuss Investments // AP News. June 2, 2021. URL: <https://apnews.com/article/israel-dubai-middle-east-lifestyle-travel-c6d4be3c428d7c2867464db785af722e> (accessed: 25.08.2021).

¹⁹ UAE Announces \$10 Billion Fund for Investments in Israel // Times of Israel. March 12, 2021. URL: <https://www.timesofisrael.com/uae-announces-10-billion-fund-for-investments-in-israel/> (accessed: 25.08.2021).

Эмиратская Mubadala в 2018 г. приобрела доли в египетских средиземноморских шельфовых газовых месторождениях «Зохран» и «Нур», Блоке 4 Красного моря, а в 2021 г. — в израильском «Тамар». Ряд эмиратских государственных и частных компаний (например, Dragon Oil, Mubadala Petroleum, Dana Gas, South Trading Establishment) имеют доли и продолжают наращивать свое участие в египетских нефтяных и газовых проектах по разведке и добыче, разработке месторождений, хранению и транспортировке ресурсов. В 2020 г. также было объявлено о совместном эмиратско-израильском проекте строительства нефтепровода Эйлат — Ашкелон, соединяющего побережья Красного и Средиземного морей, как альтернативного пути поставки нефти из ОАЭ в Европу в обход Суэцкого канала, пропускной способности которого уже не хватает, чтобы обеспечить бесперебойное движение танкеров.

ОАЭ заинтересованы в укреплении позиций Египта как энергетического хаба, центрального пункта в процессе транспортировки нефти и в большей степени газа как из залива, так и стран южного побережья Восточного Средиземноморья (в противовес аналогичным планам Турции), увеличении своего присутствия в одном из перспективных для глобального энергетического рынка с точки зрения газовых ресурсов Восточно-Средиземноморском регионе²⁰ и развитии многостороннего сотрудничества с Египтом, Израилем, Грецией и Кипром как ключевых звеньев энергетических и транспортных цепочек. В этой связи ОАЭ выступают в поддержку проекта газопровода EastMed, соединяющего газовые месторождения Восточного Средиземноморья с европейским рынком, а также стремятся к участию в новой региональной организации — Восточно-Средиземноморском газовом форуме, получение статуса наблюдателя в которой официально было заблокировано Палестиной в декабре 2020 г.

²⁰ Kozhanov N. The Billion-Dollar UAE — Israel Gas Deal Will Go Forward // Al Jazeera. May 20, 2021. URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2021/5/20/the-billion-dollar-uae-israel-gas-deal-will-go-forward> (accessed: 25.08.2021).

Рост интереса ОАЭ к возобновляемым источникам энергии и их стратегические планы в сфере развития «зеленой» энергетики преопределили активное сотрудничество с восточно-средиземноморскими странами также в этой сфере. Несколько французских энергетических компаний в последние годы стали играть значительную роль в развитии эмиратской атомной энергетики, участвуют в реализации двух проектов в Абу-Даби и Дубае в области солнечной энергетики, а также планируют совместную работу в области водородной энергетики²¹. В свою очередь, эмиратские компании Masdar, принадлежащая государственной Mubadala, и частная Alcazar Energy реализуют ряд проектов в солнечной энергетике в Египте и Греции. Masdar в январе 2021 г. также подписал соглашение о стратегическом партнерстве с израильской EdF Renewables в целях развития сотрудничества в сфере возобновляемых источников энергии²².

Особую значимость для ОАЭ Восточно-Средиземноморский регион представляет с точки зрения их глобальной стратегии по наращиванию «связанности» морских путей и расширению сети пунктов эмиратского присутствия в портах Восточного Средиземноморья и прилегающих районах. Так, DP World с 2008 г. является оператором египетского порта Сохна в Красном море на входе в Суэцкий канал и с того времени активно расширяет его инфраструктурные возможности. В 2017 г. было подписано соглашение о создании интегрированной промышленной и жилой зоны в районе Сохна²³, а в 2020 г.

²¹ Gnana J. Emirates Nuclear Energy Corporation and France's EDF in Joint Nuclear Research Pact // The National. June 30, 2021. URL: <https://www.thenationalnews.com/business/energy/2021/06/30/emirates-nuclear-energy-corporation-and-frances-edf-in-joint-nuclear-research-pact/> (accessed: 25.08.2021).

²² Masdar and EDF Renewables to Support Renewable Energy in Israel // Energy Global. January 27, 2021. URL: <https://www.energyglobal.com/special-reports/27012021/masdar-and-edf-renewables-to-support-renewable-energy-in-israel/> (accessed: 03.09.2021).

²³ SCZone, DP World Discuss Operation of Second Basin at Egypt's Sokhna Port // Ahram. September 2, 2020. URL: <https://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/64/379201/Egypt/Politics-/SCZone,-DP-World-discuss-operation-of-second-basin.aspx> (accessed: 25.08.2021).

в сотрудничестве с саудовской MAWANI была запущена первая прямая судоходная линия, соединяющая его с эмиратским портом Джабель Али через Исламский порт Джидда. Израильские порты Эйлат, Хайфа и Ашдод представляют большой интерес для DP World: был подписан ряд соглашений в сфере развития портовой инфраструктуры Израиля, создания зон свободной торговли и потенциального открытия прямой судоходной линии между двумя государствами²⁴. В 2016 г. DP World получила концессию на 25 лет на эксклюзивное управление крупнейшим мультифункциональным кипрским портом Limassol²⁵. Во Франции DP World является оператором терминалов в портах Гавр и Фос, на северном и южном побережьях соответственно, параллельно осуществляя логистические проекты по строительству железнодорожных путей, соединяющих портовую инфраструктуру как внутри страны, так и в Северной Европе в целом²⁶. При этом DP World проявляет большой

интерес к усилению своего присутствия во французских портах, а также портах Греции и Ливии.

Заключение

Таким образом, активность Арабских Эмиратов в Восточном Средиземноморье в различных сферах заметно выросла за последние годы. При этом политика Турции в регионе стала одним из мотивирующих факторов для такой интенсификации сотрудничества в области безопасности. Однако очевидно, что стремление к сдерживанию экспансии Анкары — далеко не единственный стимул для Абу-Даби. Не менее значимым фактором выступают амбициозные глобальные планы в сфере энергетики, расширения сети своих портов и наращивания контроля над морскими путями, а также региональное и международное позиционирование своего статуса как влиятельного игрока — хотя эти амбиции и сталкиваются зачастую с интересами Турции. В этом контексте Восточное Средиземноморье представляется одним из наиболее стратегически важных регионов глобальной внешней политики ОАЭ — наряду с Африканским Рогом и Сахелем, где в последние годы также заметно расширяется экономическое и военно-политическое эмиратское присутствие.

²⁴ DP World and Dubai Customs to Assess Opportunities to Develop Trade Links between UAE and Israel // DP World. September 16, 2020. URL: <https://www.dpworld.com/news/releases/dp-world-and-dubai-customs-to-assess-opportunities-to-develop-trade-links-between-uae-and-israel/> (accessed: 25.08.2021).

²⁵ About DP World Limassol // DP World. URL: <https://www.dpworld.com/limassol/about-us/who-we-are> (accessed: 25.08.2021).

²⁶ DP World Expands European Inland Network through Swissterminal Tender Success to Operate Three Alsace Ports // DP World. May 10, 2021. URL: [https://www.dpworld.com/news/releases/dp-world-](https://www.dpworld.com/news/releases/dp-world-expands-european-inland-network-through-swissterminal-tender-success-to-operate-three-alsace-ports/)

[expands-european-inland-network-through-swissterminal-tender-success-to-operate-three-alsace-ports/](https://www.dpworld.com/news/releases/dp-world-expands-european-inland-network-through-swissterminal-tender-success-to-operate-three-alsace-ports/) (accessed: 25.08.2021).

Поступила в редакцию / Received: 14.09.2021

Принята к публикации / Accepted: 26.10.2021

Библиографический список

- Горбатова В.В. Саудовская Аравия и ОАЭ в Йемене: противоречивая коалиция // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 6 (57). С. 52—69.
- Горбунова Н.М., Иванова И.И. Борьба за шельф Восточного Средиземноморья: итоги и перспективы // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 2 (12). С. 64—79. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-64-79
- Горбунова Н.М., Иванова И.И. Газ в Восточном Средиземноморье как причина новых конфликтов стран региона // Вестник Института востоковедения РАН. 2019. № 2 (8). С. 226—234.
- Кузнецов А.А. Разногласия между государствами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива как фактор изменения политической ситуации в регионе Ближнего Востока // Международная аналитика. 2017. № 2. С. 69—77. DOI: 10.46272/2587-8476-2017-0-2-69-77
- Мелкумян Е.С. Гуманитарная политика арабских монархий Персидского залива // Пути к миру и безопасности. 2018. № 1 (54). С. 299—307. DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-299-307
- Мелкумян Е.С. Израиль во внешней политике ОАЭ: от конфронтации к нормализации // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 2. С. 107—118. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-2-77-107-118

- Мелкумян Е.С. Новые тенденции в политике ССАГЗ в период региональной трансформации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 4. С. 55—64.
- Мелкумян Е.С. Стратегия развития арабских монархий Залива: основные приоритеты // Труды Института востоковедения РАН. 2019. № 26. С. 601—610.
- Федорченко А.В., Артюшкин В.Ф. Экономическое проникновение в Африку стран Персидского залива // Азия и Африка сегодня. 2020. № 4. С. 26—33. DOI: 10.31857/S032150750009089-9
- Almezaini K. Implementing Global Strategy in the UAE Foreign Aid: From Arab Solidarity to South — South Cooperation // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2018a. Vol. 18. No. 3. P. 579—594. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-579-594
- Almezaini K. The Transformation of UAE Foreign Policy since 2011 // *The Changing Security Dynamics of the Persian Gulf* / ed. by K.C. Ulrichsen. London: C. Hurst & Co Publishers, 2018b. P. 191—205. DOI: 10.1093/oso/9780190877385.003.0011
- Antwi-Boateng O., Binhuwaidin M. Beyond Rentierism: The United Arab Emirates' Exceptionalism in a Turbulent Region // *Contemporary Arab Affairs*. 2017. Vol. 10. No. 4. P. 522—536. DOI: 10.1080/17550912.2017.1399640
- Bakir A. The UAE's Disruptive Policy in Libya // *Insight Turkey*. 2020. Vol. 22. No. 4. P. 157—178. DOI: 10.25253/99.2020224.10
- Brun I., Feuer S. In Search of a Regional Order: The Struggle over the Shape of the Middle East // *Strategic Assessment*. 2021. Vol. 24. No. 1. P. 5—20.
- Dell D., Feuer S. Toward a New “Solution”? Islamic Ideologies in the Middle East a Decade after the Uprisings // *Strategic Assessment*. 2021. Vol. 24. No. 1. P. 56—73.
- Evaghorou E.L. Turbulent Times in the Eastern Mediterranean: The Struggle for Power // *Mediterranean Quarterly*. 2018. Vol. 29. No. 1. P. 1—18.
- Guéraiche W. The UAE and the Arab Spring: Rethinking Foreign Policy // *The World Community and the Arab Spring* / ed. by C. Çakmak, A. Özçelik. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. P. 395—407. DOI: 10.1007/978-3-319-60985-0_18
- Güney N.A., Korkmaz V. A New Alliance Axis in the Eastern Mediterranean Cold War: What the Abraham Accords Mean for Mediterranean Geopolitics and Turkey // *Insight Turkey*. 2021. Vol. 23. No. 1. P. 61—76. DOI: 10.25253/99.2021231.6
- Miller R., Verhoeven H. Overcoming Smallness: Qatar, the United Arab Emirates and Strategic Realignment in the Gulf // *International Politics*. 2020. Vol. 57. P. 1—20. DOI: 10.1057/s41311-019-00180-0
- Prontera A., Ruszel M. Energy Security in the Eastern Mediterranean // *Middle East Policy*. 2017. Vol. XXIV. No. 3. P. 145—162.
- Roberts D.B. Qatar and the UAE: Exploring Divergent Responses to the Arab Spring // *Middle East Journal*. 2017. Vol. 71. No. 4. P. 544—562. DOI: 10.3751/71.4.12
- Telci I.N., Horoz T.O. Military Bases in the Foreign Policy of the United Arab Emirates // *Insight Turkey*. 2018. Vol. 20. No. 2. P. 143—166. DOI: 10.25253/99.2018202.11
- The Eastern Mediterranean in Transition: Multipolarity, Politics and Power* / ed. by S.N. Litsas, A. Tziampiris. New York: Routledge, 2015.
- The Small Gulf States: Foreign and Security Policies before and after the Arab Spring* / ed. by K. Almezaini, J.M. Rickli. New York: Routledge, 2017.
- Ulrichsen K. *The United Arab Emirates: Power, Politics and Policy-Making*. London: Routledge, 2016. DOI: 10.4324/9781315748023

References

- Almezaini, K. (2018a). Implementing global strategy in the UAE foreign aid: From Arab solidarity to South — South cooperation. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18(3), 579—594. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-3-579-594>
- Almezaini, K. (2018b). The transformation of UAE foreign policy since 2011. In K.C. Ulrichsen (Ed.), *The changing security dynamics of the Persian Gulf* (pp. 191—205). London: C. Hurst & Co Publishers, 2018. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190877385.003.0011>
- Almezaini, K., & Rickli, J. M. (Eds.). (2017). *The small Gulf States: Foreign and security policies before and after the Arab Spring*. New York: Routledge.
- Antwi-Boateng, O., & Binhuwaidin, M. (2017). Beyond rentierism: The United Arab Emirates' exceptionalism in a turbulent region. *Contemporary Arab Affairs*, 10(4), 522—536. <https://doi.org/10.1080/17550912.2017.1399640>

- Bakir, A. (2020). The UAE's disruptive policy in Libya. *Insight Turkey*, 22(4), 157—178. <https://doi.org/10.25253/99.2020224.10>
- Brun, I., & Feuer, S. (2021). In search of a regional order: The struggle over the shape of the Middle East. *Strategic Assessment*, 24(1), 5—20.
- Dell, D., & Feuer, S. (2021). Toward a new “solution”? Islamic ideologies in the Middle East a decade after the uprisings. *Strategic Assessment*, 24(1), 56—73.
- Evaghorou, E. L. (2018). Turbulent times in the Eastern Mediterranean: The struggle for power. *Mediterranean Quarterly*, 29(1), 1—18.
- Fedorchenko, A. V., & Artyushkin, V. F. (2020). Economic Involvement of Persian Gulf Countries in Africa. *Asia and Africa Today*, (4), 26—33. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S032150750009089-9>
- Gorbatova, V. V. (2019). Saudi Arabia and the UAE in Yemen: The dissonant coalition. *National Strategy Issues*, 6(57), 52—69. (In Russian).
- Gorbunova, N. M. & Ivanova, I. I. (2019). Natural gas in the Eastern Mediterranean as a trigger of new conflicts between the countries of the region. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*, (2), 226—234. (In Russian).
- Gorbunova, N. M., & Ivanova, I. I. (2020). Rivalry over the gas deposits in the Eastern Mediterranean: Results and prospects. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*, (2), 64—79. (In Russian). <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2020-2-64-79>
- Guéraiche, W. (2019). The UAE and the Arab Spring: Rethinking foreign policy. In C. Çakmak & A. Özçelik (Eds.), *The world community and the Arab Spring* (pp. 395—407). Cham: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-319-60985-0_18
- Güney, N. A., & Korkmaz, V. (2021). A new alliance axis in the Eastern Mediterranean Cold War: What the Abraham accords mean for Mediterranean geopolitics and Turkey. *Insight Turkey*, 23(1), 61—76. <https://doi.org/10.25253/99.2021231.6>
- Kuznetsov, A. A. (2017). Disagreements between member states of the GCC as a factor of the political situation in the Middle East region. *Journal of International Analytics*, (2), 69—77. (In Russian). <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2017-0-2-69-77>
- Litsas, S. N., & Tziampiris, A. (Eds.). (2015). *The Eastern Mediterranean in transition: Multipolarity, politics and power*. New York: Routledge.
- Melkumyan, E. S. (2016). New trends of the Gulf Cooperation Council policy in the context of regional transformation. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, (4), 55—64. (In Russian).
- Melkumyan, E. S. (2018). Humanitarian policies of the Arab monarchies of the Persian Gulf. *Pathways to Peace and Security*, (1), 299—307. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2018-1-299-307>
- Melkumyan, E. S. (2019). Strategy of development of the Arab Gulf monarchies: Major priorities. *Papers of the Institute of Oriental Studies of RAS*, (26), 601—610. (In Russian).
- Melkumyan, E. S. (2021). Israel in foreign policy of the United Arab Emirates: From confrontation to normalization. *MGIMO Review of International Relations*, 14(2), 107—118. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-2-77-107-118>
- Miller, R., & Verhoeven, H. (2020). Overcoming smallness: Qatar, the United Arab Emirates and strategic realignment in the Gulf. *International Politics*, (57), 1—20. <https://doi.org/10.1057/s41311-019-00180-0>
- Prontera, A., & Ruszel, M. (2017). Energy security in the Eastern Mediterranean. *Middle East Policy*, XXIV(3), 145—162.
- Roberts, D. B. (2017). Qatar and the UAE: Exploring divergent responses to the Arab Spring. *Middle East Journal*, 71(4), 544—562. <https://doi.org/10.3751/71.4.12>
- Telci, I. N., & Horoz, T. O. (2018). Military bases in the foreign policy of the United Arab Emirates. *Insight Turkey*, 20(2), 143—166. <https://doi.org/10.25253/99.2018202.11>
- Ulrichsen, K. (2016). *The United Arab Emirates: Power, politics and policy-making*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315748023>

Сведения об авторе: Тюкаева Татьяна Иршатовна — кандидат политических наук, научный сотрудник лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН); ORCID: 0000-0003-0758-4187; e-mail: tatyana-tyukaeva@yandex.ru

About the author: Tyukaeva Tatiana Irshatovna — PhD in Political Sciences, Research Fellow, Center for the Middle East Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0003-0758-4187; e-mail: tatyana-tyukaeva@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-683-699

Научная статья / Research article

Германо-алжирские отношения к началу 2020-х гг. в контексте регионального курса ФРГ: политические и военные аспекты

Ф.О. Трунов

Институт общественной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН,
Москва, Российская Федерация
 ltrunov@mail.ru

Аннотация. С начала XXI в. отмечается заметный рост усилий ФРГ по обеспечению безопасности в акватории Средиземного моря. Это выступает частью деятельности по обеспечению прочных стратегических позиций в Северной и Западной Африке, в том числе урегулированию здесь действующих вооруженных конфликтов как источников угроз нестабильности для Германии и ее партнеров по ЕС. Соответственно, наблюдается повышенная заинтересованность ФРГ в поиске надежных стратегических партнеров, одним из которых выступает Алжир, чем обусловлена актуальность выбора темы статьи. Цель исследования — изучение двусторонних отношений в сфере безопасности и обороны с фокусом на период второй половины 2010-х — начало 2020-х гг. Применяются методы сравнительного и ивент-анализа. Имея прикладной характер, данная тематика пока не нашла подробного освещения в работах как отечественных, так и зарубежных, особенно немецких, исследователей. Изучается исторический фон диалога. Показывается рост числа контактов на высшем уровне во второй половине 2010-х гг. с вынужденным фокусированием ФРГ на переговорах с часто менявшейся фигурой премьер-министра Алжира. Выделены сдерживающие факторы для развития сотрудничества вооруженных сил двух стран на суше и море, изучена динамика военно-технической кооперации. Рассмотрены особенности координации усилий по урегулированию вооруженного конфликта в Мали — прежде всего, нормализации ситуации в северных провинциях страны (Гао, Кидаль и Томбукту). Выявляется направленность политико-дипломатического сотрудничества на ливийском треке в середине и второй половине 2010-х гг., а также вскоре после проведения Берлинской конференции по Ливии в январе 2020 г. В начале 2020-х гг. наблюдался резкий спад интенсивности и объемов кооперации практически на всех направлениях. Помимо COVID-19 отмечается важность внутривнутриполитических факторов и временное снижение практической ценности партнерства в Ливии и Мали для Германии. Дается прогноз динамики двусторонних отношений.

Ключевые слова: межгосударственные отношения, дипломатия, ФРГ, Алжир, Северная Африка, Мали, Ливия, вооруженные конфликты, урегулирование

© Трунов Ф.О., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Трунов Ф.О. Германо-алжирские отношения к началу 2020-х гг. в контексте регионального курса ФРГ: политические и военные аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 683—699. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-683-699

German-Algerian Relations by the Early 2020s in the Context of the Germany's Regional Policy: Political and Military Aspects

Philipp O. Trunov

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS),
Moscow, Russian Federation

 1trunov@mail.ru

Abstract. Since the beginning of the 21st century, there has been a noticeable increase in German efforts to ensure security in the Mediterranean Sea. This is part of the growing activities to ensure a strong strategic position in North and West Africa, including the settlement of existing armed conflicts here as sources of threats to instability for Germany and its EU partners. Consequently, Germany found itself increasingly interested in finding reliable strategic partners, one of which is Algeria, which makes the topic of this article relevant. The purpose of the study is to examine bilateral security and defense relations with a special focus on the second half of the 2010s and early 2020s with the help of comparative and event-analysis. Having an applied character, this topic has not yet found detailed coverage in the works of both domestic and foreign, especially German, researchers. The historic background of the German-Algerian dialogue is presented. The growth of high-level contacts in the second half of the 2010s is shown, with Germany having to focus on negotiations with the frequently changing figure of the Algerian prime minister. The article also explores the constraints for the cooperation of German and Algerian armed forces on land and sea, as well as the dynamics of military-technical cooperation. The bilateral cooperation in the resolution of the armed conflict in Mali, first of all, in its northern region (Gao, Kidal and Timbuktu) is considered. The political and diplomatic cooperation on the Libyan track in the middle and second half of the 2010s, as well as shortly after the Berlin Conference on Libya in January 2020, is revealed. In the early 2020s, there was a sharp decline in the intensity and volume of bilateral cooperation in almost all areas. In addition to COVID-19, the importance of domestic political factors and the temporary decline in the practical value of the partnership in Libya and Mali for Germany are stressed. A forecast of the dynamics of bilateral relations is finally given.

Key words: interstate relations, diplomacy, Germany, Algeria, Northern Africa, Mali, Libya, armed conflicts, resolution

For citation: Trunov, Ph. O. (2021). German-Algerian relations by the early 2020s in the context of the Germany's regional policy: Political and military aspects. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 683—699. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-683-699>

Введение

С начала XXI в. наблюдается рост усилий ФРГ в сфере безопасности и обороны в зоне Средиземного моря, особенно в рамках расширения военно-морского присутствия. Уже с начала 2000-х гг. ВМС Германии принимали участие в имевшей антитеррористическую направленность операции НАТО «Активные усилия» (*Active Endeavor*) в средиземноморской акватории¹. После прекращения ее

проведения в условиях свертывания деятельности первой западной антитеррористической коалиции в целом в середине 2010-х гг. на Варшавском саммите Альянса в июле 2016 г. было принято решение о запуске миссии-продолжения — «Морской страж» (*Sea Guardian*)². Оно было поддержано ФРГ как в

for Armed Bundeswehr Missions Abroad. Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. P. 74.

² Mittelmeer — Sea Guardian // BMVg. 2021. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/mittelmeer-unifil-irini-sea-guardian/sea-guardian-nato-operation> (accessed: 30.07.2021).

¹ The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate

политическом, так и в военном отношении: был установлен и сохранялся высокий «потолок» контингента бундесвера (по меркам именно военно-морской операции) — 650 военнослужащих на момент 2021 г.³, притом фактическая численность миссии составляла по состоянию на июль 2021 г. 365 моряков и офицеров ВМС ФРГ, то есть полноценную военно-морскую группу, что было вторым по численности (после многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации в Мали (МИНУСМА)) показателем среди группировок бундесвера в составе многосторонних сил вне зоны ответственности НАТО⁴.

Основными задачами военных кораблей являлось охранное сопровождение пассажирских и особенно транспортных судов. Зоной проведения операции «Морской страж» была обозначена вся акватория Средиземного моря, притом корабли стран — участниц НАТО, в том числе ФРГ, резко интенсифицировали дружеские визиты в порты Алжира, Туниса и Египта к началу 2020-х гг.⁵ Параллельно с операцией «Морской страж» в Средиземноморье до половины календарного года с конца 2000-х гг. оперируют 2-я постоянная морская и 2-я постоянная контрминная группы НАТО, в состав которых ФРГ на ротационной основе предоставляет надводные боевые корабли и вспомогательные суда⁶.

Еще в марте 1978 г. в ходе вторжения Израиля на юг Ливана в регионе были развернуты Временные силы ООН в Ливане (ВСООНЛ) с целью подтверждения вывода

израильских сил с оккупированных территорий. После завершения вооруженного конфликта между Израилем и партией «Хезболла» на юге Ливана в 2006 г. мандат миссии был существенно расширен — теперь миротворцы должны были наблюдать за прекращением боевых действий в регионе и др.⁷ С момента ее учреждения представители ФРГ неоднократно принимали на себя руководство военно-морской составляющей сил ВСООНЛ, и Берлин вносил решающий вклад в их комплектование и деятельность. ВМС Германии участвовали в мониторинге условий выполнения соглашений о прекращении огня августа 2006 г., досматривая проходящие суда на предмет перевозки оружия и взрывчатых веществ, своим присутствием не допуская флот Израиля в территориальные воды Ливана. ФРГ также оказывала активную помощь Ливану, поставляя на безвозмездной основе радиолокационные станции (РЛС) и поддерживаемые катера, а также участвуя в подготовке сил охраны побережья Ливана⁸.

Хотя «потолок» контингента бундесвера в составе ВСООНЛ в 2006—2021 гг. существенно сократился (с 1400 до 300 военнослужащих), ФРГ продолжает вносить вклад в обеспечение мира в территориальных водах и на побережье Ливана под эгидой ООН⁹. В июле 2021 г. здесь находилось 130 моряков и офицеров (4-е место по числу военных

⁷ ВСООНЛ — Фактологический бюллетень // Операции ООН по поддержанию мира. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/mission/unifil> (дата обращения: 30.07.2021).

⁸ См.: Libanon — UNIFIL // BMVg. 2021. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/mittelmeer-unifil-irini-sea-guardian/die-bundeswehr-im-libanon> (accessed: 30.07.2021); Bundeswehr setzt UNIFIL-Mission fort // Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 12.01.2016. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/sicherheit-und-verteidigung/bundeswehr-setzt-unifil-united-nations-interim-force-in-lebanon-mission-fort-1605862> (accessed: 30.07.2021).

⁹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der „United Nations Interim Force in Lebanon“ (UNIFIL) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/29626, 12.05.2021. S. 5—6.

³ Mittelmeer — Sea Guardian // BMVg. 2021. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/mittelmeer-unifil-irini-sea-guardian/sea-guardian-nato-operation> (accessed: 30.07.2021).

⁴ Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr // Statista.de. 05.07.2021. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/> (accessed: 30.07.2021).

⁵ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der NATO-geführten Maritimen Sicherheitsoperation SEA GUARDIAN im Mittelmeer // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/26558, 10.02.2021. S. 4.

⁶ Standing NATO Maritime Group Two (SNMG2) // MARCOM — Allied Maritime Command. 2021. URL: <https://mc.nato.int/SNMG2> (accessed: 30.07.2021).

в списке действующих миссий бундесвера вне зоны ответственности НАТО)¹⁰.

С мая 2015 г. по июнь 2019 г. ВМС ФРГ принимали участие в операции ЕС «София» (Sophia), основной задачей которой являлось недопущение (точнее, сокращение объемов) неконтролируемого перемещения масс беженцев из стран Африки и Ближнего Востока в ЕС¹¹. Соответственно, миссия «София» была инструментом снижения того огромного давления, которое оказывалось на ЕС в ходе миграционного кризиса 2015—2016 гг. Основной поток беженцев попадал в Европу через огромную «зону нестабильности», возникшую на территории Ливии, прежде всего вследствие вмешательства группы стран — участниц НАТО в ход вооруженного конфликта в этой стране в 2011 г., далее перемещаясь в южноевропейские страны — члены ЕС через Средиземное море.

Небезуспешная попытка перекрыть «ливийские ворота» посредством урегулирования в этой стране была предпринята на Берлинской конференции в январе 2020 г. Одним из ее следствий стало развертывание в марте 2020 г. новой миссии ЕС «Ирини» (IRINI) с активным участием Германии. Ключевой задачей миссии выступал мониторинг прекращения огня и недопущение перевозок на ливийские территории морским путем оружия, взрывчатых веществ и наемников. Операция «Ирини» проводилась в территориальных водах Ливии¹². При неизменном «потолке» в 300 военнослужащих фактическая численность

личного состава ВМС ФРГ составляла 47 человек по состоянию на июль 2021 г.¹³

Всего в начале 2020-х гг. в акватории Средиземного моря было развернуто три из четырех военно-морских контингентов ФРГ (еще один — в составе сил ЕС «Аталанта» (Atalanta) по борьбе с пиратством у берегов Сомали имел де-факто всего два (!) военных моряка на июль 2021 г.¹⁴) и было задействовано свыше 27 % от общего числа военнослужащих бундесвера по состоянию на середину 2021 г.¹⁵ Более того, присутствие Германии в средиземноморской акватории осуществлялось под эгидой НАТО, ООН и ЕС одновременно.

Это резко контрастировало с ограниченностью наземных усилий ФРГ в Средиземноморском регионе: ни в Ливии, ни в Ливане не было сухопутных контингентов Германии; более того, бундесвер практически не использовался в учениях на территории южноевропейских стран — участниц НАТО. Чем обусловлена данная разница? Прежде всего, нежеланием официального Берлина оказаться втянутым в реальные боевые действия, особенно с участием террористических или в целом радикальных формирований, что чревато риском безвозвратных потерь и отзывом мандата Бундестага. В случае государств — членов Альянса в Южной Европе следует отметить ограниченность контактов в области безопасности и обороны (даже с Испанией, Португалией и Грецией, не говоря уже о малых странах региона) либо наличие геостратегической конкуренции (в случае Италии, которая последовательно стремится не допустить закрепления за Германией роли «старшего партнера» в двусторонних отношениях).

¹⁰ Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr // Statista.de. 05.07.2021. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/> (accessed: 30.07.2021).

¹¹ Mittelmeer — EUNAVFOR MED Operation Sophia // BMVg. 2021. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/abgeschlossene-einsaetze-der-bundeswehr/eunavfor-med-operation-sophia> (accessed: 30.07.2021).

¹² Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der durch die Europäische Union geführten Operation EUNAVFOR MED IRINI // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/27661, 17.03.2021. S. 4—6.

¹³ Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr // Statista.de. 05.07.2021. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/> (accessed: 30.07.2021).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Рассчитано автором на основе: Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr // Statista.de. 05.07.2021. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/> (accessed: 30.07.2021).

Значимой причиной можно считать также угрозу региональных (в Средиземноморье) игроков, которые могут рассматриваться в качестве надежных партнеров в общеполитической и военной сферах после событий «арабской весны». Они привели к глубоким внутренним изменениям в большинстве затронутых ею стран, причем в значительной части случаев это сопровождалось существенным снижением уровня внутренней стабильности и предсказуемости на международной арене. Иллюстрацией тому служит провал попыток ФРГ установить дружественные отношения с режимом «Братьев-мусульман»¹⁶, пришедших к власти в условиях свержения президента Х. Мубарака, и те сложности, которые возникли с учетом этих усилий после утверждения в Арабской Республике Египет военных во главе с фельдмаршалом А. ас-Сиси — заметный подъем диалога стартовал лишь с начала второй половины 2010-х гг.

Несмотря на существенный рост объемов сотрудничества с ФРГ, Тунис в свете ограниченности его ресурсной базы, а также колоссального давления угроз нестабильности с ливийской территории также не мог рассматриваться в качестве влиятельного регионального партнера. ФРГ приходилось учитывать рост угроз не только с ближневосточного, но и африканского направления. Активизация террористических группировок в Нигерии, а также странах «сахельской пятерки» (прежде всего в Мали) к середине 2010-х гг. вкупе с деградацией института государства в Ливии создавали мощные источники угроз нестабильности, проецируемых на ЕС с юга и способных создать как минимум новый миграционный кризис в увязке с активизацией боевиков в странах — участниках объединения.

На этом фоне повышенную ценность для ФРГ приобретал Алжир, который в реалиях второй половины 2010-х гг. выступал, несмотря на многочисленные внутренние проблемы, «бастионом безопасности» одновременно для Средиземноморья, Северной Африки и Западного Сахеля. Симптоматично

¹⁶ Организация запрещена в РФ.

восприятие Алжира официальным Берлином в качестве «якоря стабильности в регионе»¹⁷.

Задача статьи — раскрытие характера и содержания германо-алжирских отношений в общеполитической и военной сферах в середине — второй половине 2010-х гг. Двусторонние отношения не могут быть рассмотрены вне «эффекта переплескивания», то есть вписывания их в более широкий контекст действий ФРГ в Средиземноморье, Северной и Западной Африке.

Основными методами исследования выбраны сравнительный анализ (прежде всего в контексте сопоставления подходов ФРГ к развитию диалога с Алжиром в середине 2010-х гг. и на рубеже второго и третьего десятилетий XXI в.) и ивент-анализ. Так, изучаются чувствительные политико-дипломатические (официальные визиты на высшем уровне, их отмены, старт и развитие переговорных процессов) и военные (развертывание миссий в сопредельных территориях и акваториях, крупные поставки вооружений и военной техники) мероприятия.

Отечественными исследователями двусторонние германо-алжирские отношения рассматривались точно в контексте развития экономических (Ткаченко, 2011) и политических (Жирнов, 2007; Казаринова, 2017; Ханнанова, 2017) контактов ФРГ со странами севера Африки, притом в основном применительно лишь к концу 2000-х — середине 2010-х гг. Рассматривая внешнюю политику самого Алжира, российские специалисты уделяли основное внимание общим вопросам ее развития (Богучарский, 2008) и особенно связям с Францией (Бородкина, 2013). На страницах отечественных изданий также рассматривались вопросы российско-алжирского диалога (Mousli, 2019).

Для иностранных, прежде всего самих немецких, экспертов также характерно вписывание диалога ФРГ с Алжиром в более насыщенные кейсы политики Германии в

¹⁷ Algerien ist Stabilitätsanker in der Region // Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. 12.01.2016. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/algerien-ist-stabilitaetsanker-in-der-region-321054> (accessed: 30.07.2021).

Африке в целом. В период «арабской весны» наиболее подробно исследовалась ситуация в Тунисе и Ливии, но не сопредельной с ними арабской стране (Pinfari, 2012).

Наибольшее внимание уделялось эволюции стратегии и тактики официального Берлина в Мали и в целом в странах «сахельской пятерки» (Буркина-Фасо, Мавритания, Нигер, Чад) с момента подключения германской стороны к борьбе с угрозами нестабильности в данном регионе в 2013 г., однако фактор Алжира фактически игнорировался (Kaim, 2013; Lacher & Tull, 2013), и это притом, что «туарегский вопрос», обострение которого стало ключевой причиной риска обрушения государственности в Мали, в полной мере стоял и перед Алжиром, что признавалось немецкими учеными (Klute, 2013). Лишь к середине 2010-х гг. обозначилась принципиальная важность сотрудничества с Алжиром как фактора для достижения успехов в сахельской зоне (Hanish, 2015, pp. 1—3). Однако не наблюдалось попыток раскрытия его практического потенциала: в частности, при освещении масштабных усилий ФРГ по реорганизации армии Мали (Tull, 2017; 2019a), а также «узких мест» участия Германии в деятельности миссии МИНУСМА в этой африканской стране (Peifer, 2016; Kinzel, 2020; Tull, 2019b) внимание было обращено на сотрудничество с Францией и рядом региональных стран — участниц Африканского союза (АС), но не с Алжиром. Этот подход не претерпел существенных изменений даже в 2020—2021 гг., когда на фоне имевшихся серьезных проблем, обостренных фактором пандемии, стала наблюдаться заметная деградация стабилизации в Мали (Lacher, 2021, pp. 25—37).

Аналогичный характер носило изучение экспертами из ФРГ действий Берлина по урегулированию конфликтов как в Мали, так и Ливии (Lacher, 2018; 2021; Pusztai, 2015), хотя уже в силу своего географического положения и ресурсных возможностей Алжир оказывал на них существенное влияние (Васецова, 2017). Недооценивалась его роль и при рассмотрении развития средиземноморской стратегии ЕС в целом (Harder, 2013).

Некоторый рост интереса к ситуации внутри Алжира стал наблюдаться в контексте развития событий «арабской весны» и их последствий (Mühlhausen & Riedel, 2015), особенно роста миграции в эту страну с территории соседей (Werenfels, 2018) и сохранения беспорядков в стране, стартовавших в связи с попытками А. Бутефлики переизбраться на пятый срок (до апреля 2019 г.)¹⁸.

В статье сделана попытка исследовать сотрудничество Германии и Алжира в области безопасности и обороны по проблемному принципу. Ключевая роль будет отводиться использованию источников, основу которых составляют материалы пресс-службы Федерального правительства и МИД ФРГ.

Исторические и общеполитические контуры диалога

С 1830 г. Алжир был колонией Франции. Последняя со времени франко-прусской войны 1870—1871 гг. и до капитуляции Третьего рейха в 1945 г. рассматривалась официальным Берлином в качестве одного из ключевых противников. Однако, стремясь к разгрому и оккупации метрополии, а в годы Второй мировой войны — и части колоний, подмандатных французских территорий, Германия не предприняла сколько-нибудь масштабных попыток стратегического проникновения в Алжир. Так, в 1941—1943 гг. в Северной Африке зона оперирования вермахта ограничивалась западной частью Египта, Ливией и Тунисом, однако отнюдь не Алжиром¹⁹, притом это положение не изменилось даже после оккупации юга французской метрополии в ноябре 1942 г.: Алжир был оставлен под юрисдикцией режима Виши. Тем самым Германия даже на пике своих возможностей и результатов в деле осуществления агрессии де-факто демонстрировала неспособность обеспечить полноценное военное и политическое присутствие в Алжире.

¹⁸ Werenfels I., Mische L. Ein Jahr Proteste in Algerien: Wer wird sich durchsetzen? // SWP. 14.02.2020. URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/ein-jahr-proteste-in-algerien> (accessed: 30.07.2021).

¹⁹ Атлас офицера. М.: Военно-топографическое управление, 1974. С. 284.

Тем более не стремилась к сколько-нибудь заметному участию в решении проблем безопасности и обороны в Алжире Боннская республика. В частности, ФРГ дистанцировалась от войны Франции в Алжире (1954—1962 гг.). Показательно, что после обретения страной независимости достаточно медленно развивались даже внешнеэкономические связи ФРГ с ней — так, по состоянию на конец 2010-х гг. в Алжире работали всего 0,2 тыс. германских фирм²⁰. Это диссонировало с традиционным для Боннской (а затем и Берлинской) республики стремлением к наращиванию торгово-промышленных связей со странами Азии и Африки. Ограниченность объемов экономического сотрудничества даже в начале XXI в. вновь отражала уже отмеченную тенденцию недостаточного внимания к Алжиру в германской внешнеполитической деятельности до середины 2010-х гг.

Представленный исторический фон создавал, как ни парадоксально покажется на первый взгляд, не только трудности, но и существенные преимущества — прежде всего имиджевого характера — для перспективного развития двусторонних отношений. В них фактически отсутствовало негативное значение фактора исторической памяти — напротив, оно было скорее позитивным. Так, Германия не ассоциировалась в сознании алжирского общества и элиты с непростым колониальным прошлым. Положительному восприятию ФРГ способствовало и отсутствие официальной поддержки с ее стороны силовым действиям Франции в Алжире в 1954—1962 гг. В этой связи особо следует отметить факт неучастия Германии в военно-воздушной операции группы стран НАТО в Ливии и последующем убийстве М. Каддафи в 2011 г. Это также обеспечивало резко выигрышное восприятие истеблишмента ФРГ (и персонально А. Меркель) со стороны лидеров стран Африки — прежде всего Западной и Северной, в том числе и Алжира, и стало

²⁰ Beziehungen zu Algerien. Deutschland investiert in algerische Sicherheit // Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. 2019. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/deutschland-investiert-in-algerische-sicherheit-1523386> (accessed: 30.07.2021).

одной из причин подъема германо-алжирского диалога на высшем уровне.

Де-юре его интенсификация началась с 2015—2016 гг., то есть на фоне миграционного кризиса в ЕС. Показателем этой тенденции стал выход частотности прямых двусторонних переговоров на высшем уровне на показатель один раз в 18—24 месяцев во второй половине 2010-х гг.²¹

12 января 2016 г. в Берлин с официальным визитом прибыл премьер-министр Алжира А. Селлаль. Его приезд сопровождался проведением с максимальной торжественностью всех положенных процедур. Этот факт далеко не случаен: переговоры продемонстрировали резко возросшую заинтересованность ФРГ в Алжире как гаранте региональной безопасности и в этой связи — в существенном углублении кооперации с ним в борьбе с международным терроризмом, прежде всего на малийском, а также ливийском треках²².

Следует подчеркнуть, что частота встреч на высшем уровне могла бы быть существенно большей (с выходом на ежегодный показатель), если бы не весьма напряженная по своему характеру ситуация в высшем руководстве Алжира. Так, в начале февраля 2017 г. был анонсирован запланированный на 20—21 февраля 2017 г. визит А. Меркель в Алжир — он должен был носить характер ответного после поездки премьер-министра А. Селлала в Берлин в 2016 г. Однако буквально в последний момент алжирская сторона обратилась к германской с просьбой отменить визит²³. Поводом для этого была

²¹ Рассчитано автором на основе данных сайта Ведомства федерального канцлера: URL: <https://www.bundestkanzlerin.de/> (accessed: 30.07.2021).

²² Algerien ist Stabilitätsanker in der Region // Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. 12.01.2016. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/algerien-ist-stabilitaetsanker-in-der-region-321054> (accessed: 30.07.2021).

²³ Reise von Bundeskanzlerin Merkel in die Demokratische Volksrepublik Algerien verschoben // Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. 20.02.2017. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/reise-von-bundestkanzlerin-merkel-in-die>

обозначена болезнь президента А. Бутефлика²⁴, хотя к этому времени он имел серьезные проблемы со здоровьем уже продолжительное время (как минимум с 2013 г.). С учетом этого до конца 2010-х гг. диалог А. Меркель выстраивала с фигурой именно премьер-министра Алжира, что осложнялось частой сменой персон, занимавших данный пост.

Более реальной причиной отмены визита уместно признать подготовку запланированных на 4 марта 2017 г. выборов в парламент: для пропрезидентских «Фронта национального освобождения» (ФНО) и «Национального демократического объединения» (НДО) было крайне важно сохранить устойчивое большинство в депутатском корпусе: так, выборный список ФНО возглавил А. Селлаль. В условиях риска утраты электоральной поддержки ФНО, а также персонально А. Бутефликой процесс подготовки к выборам в парламент заставил руководство Алжира временно снизить внешнеполитическую активность. Вызывает интерес реакция ФРГ: Ведомство федерального канцлера подчеркнуло полный учет просьбы алжирской стороны, не выразив какого-либо официального недовольства. Уже на следующий день после отмены визита, 21 февраля 2017 г., состоялся продолжительный телефонный разговор между А. Меркель и А. Селлалем, в ходе которого германская сторона подчеркнула исключительный интерес к интенсификации диалога, в том числе на малийском и ливийском направлениях²⁵.

Возросшая к концу 2010-х гг. практическая ценность Алжира как партнера в области обеспечения безопасности и обороны обуславливала повышенное внимание Германии к процессу смены высшей элиты в этой

североафриканской стране. 2 апреля 2019 г. под давлением масштабных протестных акций А. Бутефлика, пересмотрев первоначальное решение о выдвижении своей кандидатуры на новый (уже пятый) президентский срок, ушел в отставку. На фоне этого события и неопределенности, предшествовавшей ему как минимум с 2017 г., А. Меркель продолжала выстраивать диалог с премьер-министром страны. Так, 17 сентября 2018 г. она «сверила часы» по всем ключевым вопросам повестки дня с занимавшим этот пост А. Уяхья²⁶. Причем встреча проходила в Алжире — тот факт, что в данном случае визит состоялся, несмотря на сохранение сложной ситуации вокруг фигуры А. Бутефлика, свидетельствовал о растущей взаимной заинтересованности сторон в сохранении полноценного сотрудничества.

Переходный период в алжирской внутренней политике продолжался с апреля по середину декабря 2019 г., завершившись избранием новым президентом страны А. Теббуна. Уже 19 января 2020 г. он встретился с канцлером А. Меркель на полях Берлинской конференции по Ливии. Однако в последующие полтора года двусторонние встречи на высшем уровне не проводились²⁷. Почему и о чем это свидетельствует?

Разумеется, следует подчеркнуть значение фактора COVID-19, приведшего к «подмораживанию» мирополитических процессов: это не стало исключением для самой ФРГ, которая с весны 2020 г. по весну 2021 г. представляла собой один из эпицентров пандемии. Принимая также во внимание предшествующую частотность встреч на высшем уровне (раз в 1,5—2 года) во второй половине 2010-х гг., некоторое «замирание» диалога

demokratische-volksrepublik-algerien-verschoben-750036 (accessed: 30.07.2021).

²⁴ Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem algerischen Premierminister Abdelmalek Sellal // Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. 21.02.2017. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-algerischen-premierminister-abdelmalek-sellal-750060> (accessed: 30.07.2021).

²⁵ Ibid.

²⁶ Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem algerischen Premierminister Ahmed Ouyahia in Algier // Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. 17.09.2018. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-algerischen-premierminister-ahmed-ouyahia-1523382> (accessed: 30.07.2021).

²⁷ На основе данных сайта Ведомства федерального канцлера: URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/> (accessed: 30.07.2021).

формально нельзя признать критическим. Однако *фактически* все выглядит не столь позитивно. В отличие от других направлений в Северной Африке и Сахеле спад политической (и военной) активности имел место, но не был столь же значительным в удельном отношении. Растущую обеспокоенность ФРГ не могла не вызывать ситуация в Мали (в частности, двукратное силовое оттеснение гражданской администрации военными в 2020—2021 гг.). Не столь быстрым и эффективным, как предполагалось на Берлинской конференции в 2020 г., оказалось и урегулирование в Ливии. Притом именно эти два направления в начале 2020-х гг. являлись важнейшими для приложения политико-дипломатических и военных усилий ФРГ.

Чем же тогда объяснялся спад контактов на высшем уровне в германо-алжирских отношениях? В Алжире с июня 2020 г. возобновились протесты против ФНО и НДО, ключевую роль в которых играло движение Хирак. Его сторонники жестко выступали против доминирования на внутривосточной арене сил, связанных с экс-президентом А. Бутефликой. Это, особенно вкуче с продолжением течения пандемии, в определенной мере сковывало активность нового алжирского руководства, а с учетом деградации ситуации в Мали ФРГ была прежде всего заинтересована в партнерах, готовых оказать существенную практическую помощь. Определенным «раздражителем» стало и углубление сотрудничества Алжира с РФ: в «борьбе вакцин» алжирская сторона не демонстрировала готовности отдавать предпочтение Евро-Атлантическому сообществу²⁸. Большое значение играет и фактор окончания «эры» А. Меркель в самой ФРГ: ее администрация, уделяя повышенное внимание внутренним сюжетам (особенно в условиях незавершенности борьбы с пандемией и, главное, ее социально-экономическими последствиями), сосредоточилась на наиболее перспективных направлениях, способных принести результат

²⁸ В частности, Алжир первым в Африке одобрил российскую вакцину «Спутник V», осуществляя ее массовые закупки.

уже на «коротком шаге». Алжирское к числу оных не относится, однако, безусловно, недооценивать его важность и особенно потенциал не следует, о чем, в частности, свидетельствуют масштабы военно-технической кооперации.

Особенности двустороннего сотрудничества в военной сфере

На пути координации усилий в области обороны существовало значимое препятствие: фактический отказ Алжира от использования армии за пределами государственных границ, в том числе в Мали и Ливии. Это сужало, но не исключало тактического взаимодействия с бундесвером. Так, оно возникло в начале 2016 г. после развертывания разведывательных и сухопутных войсковых подразделений в северомалийских провинциях Гао, Кидаль и Томбукту, прилегающих к границам Алжира (Hanish, 2015). Мониторинг ситуации (прежде всего с помощью беспилотников) с целью недопущения инфильтрации боевиков в преимущественно «зачищенные» районы, перегруппировки их сил и восстановления облегчал патрулирование пограничной зоны алжирскими войсками. Вместе с тем следует признать, что решающую роль непосредственно в борьбу (а не отслеживание перемещений) с незаконными вооруженными формированиями вносили войска Мали, Франции (в рамках операции «Бархан» (Barkhane)) и сил стран — участниц АС в составе миссии МИНУСМА (Tull, 2019, pp. 1—3), а не малочисленные собственно миротворческие подразделения ФРГ. Их численность резко сократилась в марте-июле 2020 г. вследствие временной эвакуации части контингента бундесвера на родину в условиях пандемии (Major, Schulz & Vogel, 2020, pp. 2—3), однако быстро, уже к осени 2020 г., была восстановлена²⁹.

Запуск военно-морской миссии ЕС «Ирини» в 2020 г. в территориальных водах

²⁹ Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr // Statista.de. 05.07.2021. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/> (accessed: 30.07.2021).

Ливии и прилегающей акватории Средиземного моря расширил «окно возможностей» для практической координации усилий ВМС Германии и Алжира³⁰. Безусловно, таковая существовала и ранее, будучи обусловлена проведением операций «София» (2015—2019 гг.) и «Морской страж» (с 2016 г.), однако, исходя из особенностей мест проведения (основная операционная зона «Ирини» пролегла непосредственно вблизи берегов Алжира), была не столь широкой. Этому способствовали и закупки для алжирских ВМС германских фрегатов МЕКО 200 (табл. 1).

«Узким местом» двустороннего сотрудничества является неучастие бундесвера в учениях алжирских войск. Если в случае ВМС здесь есть достаточно четкие перспективы (в частности, проведение двусторонних маневров в ходе дружественных визитов фрегатов и корветов ФРГ в порты Алжира), то в случае армии и военно-воздушных сил они не просматриваются.

Основным «драйвером» германо-алжирского сотрудничества в военной сфере выступал экспорт оборонной продукции ФРГ в эту страну, динамика которого отражена в табл. 1.

Во второй половине 2010-х гг. Алжир уверенно занимал 1-е и 2-е места среди государств — импортеров германской военной продукции, а среднегодовой объем экспорта составлял свыше 1 110 млн евро (!), что создавало определенную «страховку» развития диалога.

Двумя основными статьями поставок германских вооружений в Алжир выступали:

— фрегаты и компоненты их оснащения (вплоть до бортовых вертолетов), что говорило об обоюдной заинтересованности в наращивании надводного потенциала ВМС Алжира и их вклада в обеспечение безопасности в Средиземноморье;

— грузовики и бронированная техника (в том числе без башен с пушками), особенно

востребованная в условиях пустынь, составляющих основную площадь приграничных зон Алжира на западе, востоке и особенно юге. Большие объемы запчастей требовались для амортизации быстро изнашиваемых в условиях песков Сахары и жары парков грузовиков и бронетехники.

Помимо извлечения огромной коммерческой прибыли ФРГ продажей военной продукции инвестировала в собственную безопасность — алжирская армия выступала существенным фактором сдерживания роста террористических группировок в северной части Африки и сужала географические и функциональные возможности их проникновения через Средиземное море в ЕС.

В 2020 г. военный экспорт в Алжир упал более чем в 10 раз по сравнению с 2018—2019 гг. и почти в 20 раз — по отношению к среднегодовому показателю 2016—2017 гг. Безусловно, важную роль сыграл фактор COVID-19, стимулирующий перенаправление значительных средств алжирского бюджета на социальные нужды. Однако Алжир также опустился на 15-е место в рейтинге экспортеров (притом, что Египет сохранил свое место в тройке, купив германской военной продукции на 763,7 млн евро³¹). Определенную роль в этом сыграло «пресыщение» армии и флота Алжира новой техникой из ФРГ в предшествующее пятилетие. Улучшение ситуации непосредственно у границ Алжира (заметные сдвиги в урегулировании ливийской проблемы, смещение основного очага нестабильности в Мали из северной части на юго-восток) также не стимулирует сохранение исключительно высоких уровней закупок вооружений у Германии. Нельзя не отметить заинтересованность Алжира в диверсификации поставщиков оборонной продукции (в том числе за счет России).

Снижение объемов импорта вооружений из ФРГ продемонстрировало, что в начале 2020-х гг. двусторонние отношения с Алжиром проходят непростую фазу своего развития.

³⁰ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der durch die Europäische Union geführten Operation EUNAVFOR MED IRINI // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/27661, 17.03.2021. S. 4—6.

³¹ Ibid. S. 100.

Таблица 1

Экспорт германской продукции военного назначения в Алжир в 2009—2020 гг.

Год	Объем (число сделок), млн евро	Место Алжира среди топ-20 импортеров военной продукции ФРГ	Основные статьи экспорта	Отчет об экспорте вооружений
2009	9,0 (17)	—	Седелные автопоезда	Rüstungsexportbericht 2009, S.109
2010	19,8 (12)	—	Грузовики	Rüstungsexportbericht 2010, S. 114
2011	217,4 (8)	8-е	БТР, комплектующие для бронетехники	Rüstungsexportbericht 2011, S. 77—94
2012	286,7 (20)	3-е	Армейские внедорожники, комплектующие для бронетехники	Rüstungsexportbericht 2012, S. 77—94
2013	825,7 (37)	1-е	Грузовики, армейские внедорожники, комплектующие для бронетехники	Rüstungsexportbericht 2013, S. 82—99
2014	163,7 (22)	7-е	Грузовики и запчасти к ним	Rüstungsexportbericht 2014, S. 86, 101
2015	411,4 (29)	6-е	Грузовики и запчасти к ним	Rüstungsexportbericht 2015, S. 82, 97—98
2016	1 418,1 (41)	1-е	Фрегат, грузовики и запчасти к ним, торпеды	Rüstungsexportbericht 2016, S. 74—89
2017	1 358,8 (28)	1-е	Фрегат, палубные вертолеты, грузовики и запчасти к ним, торпеды	Rüstungsexportbericht 2017, S. 73, 89
2018	818,1 (29)	1-е	Грузовики, БТР, комплектующие для бронетехники	Rüstungsexportbericht 2018, S. 72, 87
2019	846,6 (24)	2-е	Грузовики, комплектующие для бронетехники	Rüstungsexportbericht 2019, S. 82, 102
2020	76,3 (16)	15-е	Грузовики, комплектующие для бронетехники	Rüstungsexportbericht 2020, S. 100, 114

Источник: составлено автором по: Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2012 (Rüstungsexportbericht 2012). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Technologie, 2013. S. 77—94; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2013 (Rüstungsexportbericht 2013). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2014. S. 82—99; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2014 (Rüstungsexportbericht 2014). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2015. S. 86, 101; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2015 (Rüstungsexportbericht 2015). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2016. S. 82, 97—98; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2016 (Rüstungsexportbericht 2016). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2017. S. 74—89; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2017 (Rüstungsexportbericht 2017). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2018. S. 73, 89; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2018 (Rüstungsexportbericht 2018). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2019. S. 72, 87; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2019 (Rüstungsexportbericht 2019). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2020. S. 82, 102; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2020 (Rüstungsexportbericht 2020). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2021. S. 100, 114.

Table 1

Export of German military products to Algeria, 2009—2020

Year	Volume (number of deals), mln euros	Algeria's place among the top-20 importers of military products in Germany	Main export items	Report on Military Equipment Exports
2009	9,0 (17)	—	Semi-trailer trucks	Rüstungsexportbericht 2009, S.109
2010	19,8 (12)	—	Trucks	Rüstungsexportbericht 2010, S. 114
2011	217,4 (8)	8	Armoured personnel carriers and parts for armored vehicles	Rüstungsexportbericht 2011, S. 77—94
2012	286,7 (20)	3	Light utility vehicles, parts for armored vehicles	Rüstungsexportbericht 2012, S. 77—94
2013	825,7 (37)	1	Trucks, light utility vehicles, parts for armored vehicles	Rüstungsexportbericht 2013, S. 82—99
2014	163,7 (22)	7	Trucks and parts for it	Rüstungsexportbericht 2014, S. 86, 101
2015	411,4 (29)	6	Trucks and parts for it	Rüstungsexportbericht 2015, S. 82, 97—98
2016	1 418,1 (41)	1	Frigate, trucks and parts for it, torpedoes	Rüstungsexportbericht 2016, S. 74—89
2017	1 358,8 (28)	1	Frigate, naval helicopters, trucks and parts for it, torpedoes	Rüstungsexportbericht 2017, S. 73, 89
2018	818,1 (29)	1	Trucks, armoured personnel carriers, parts for armored vehicles	Rüstungsexportbericht 2018, S. 72, 87
2019	846,6 (24)	2	Trucks, parts for armored vehicles	Rüstungsexportbericht 2019, S. 82, 102
2020	76,3 (16)	15	Trucks, parts for armored vehicles	Rüstungsexportbericht 2020, S. 100, 114

Source: compiled by the author in accordance with: Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2012 (Rüstungsexportbericht 2012). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Technologie, 2013. S. 77—94; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2013 (Rüstungsexportbericht 2013). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2014. S. 82—99; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2014 (Rüstungsexportbericht 2014). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2015. S. 86, 101; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2015 (Rüstungsexportbericht 2015). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2016. S. 82, 97—98; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2016 (Rüstungsexportbericht 2016). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2017. S. 74—89; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2017 (Rüstungsexportbericht 2017). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2018. S. 73, 89; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2018 (Rüstungsexportbericht 2018). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2019. S. 72, 87; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2019 (Rüstungsexportbericht 2019). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2020. S. 82, 102; Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2020 (Rüstungsexportbericht 2020). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2021. S. 100, 114.

Взаимодействие по урегулированию вооруженного конфликта: кейс Мали

Важнейшей составляющей практической кооперации Германии и Алжира выступало обеспечение сонаправленных усилий по урегулированию вооруженных конфликтов на севере Африки.

Первым подобным случаем координации усилий двух государств стала ситуация в Мали. Угроза обрушения института государства в Мали в условиях восстания туарегов с начала 2012 г., резко усилившаяся по мере радикализации повстанцев, принятия ключевой роли террористическими группировками («Ансар ад-дин» и «Аль-Каида в Исламском Магрибе»³²), вызвала растущую обеспокоенность Алжира и Германии. Однако обе стороны в этот период не были готовы к использованию своих войск в Сахеле: Алжир — в принципе, ФРГ — в боевом плане, следуя в этом отношении в фарватере действий Пятой республики, которая являлась традиционным гарантом безопасности на бывших территориях французской колониальной империи. В период проведения операции «Сервал» (Serval) (январь 2013 г. — июль 2014 г.) и на первых этапах осуществления миссии-преемницы «Бархан» (с июля 2014 г. имела как боевую, так и небоювую составляющую) ФРГ придерживалась концепции «разгрузки» при использовании бундесвера: оказание логистической, медицинской помощи войскам партнера (Международная миссия под африканским руководством по поддержке в Мали (АФИСМА) и МИНУСМА), а также обучение в его тылу вновь формируемых и реорганизуемых подразделений и частей армии Мали (Тренировочная миссия ЕС в Мали (EUTM Mali)).

Несмотря на ограниченность масштаба задействованных военных ресурсов, ФРГ отправляла Алжиру «сигнал» о принципиальной готовности участвовать в решении региональных проблем безопасности. В дипломатическом плане выражением этого, прежде всего, стало участие представителей МИД Германии, а не только Франции в межмалийских — между делегациями официального Бамако и «умеренных» туарегов —

³² Организация запрещена в РФ.

переговорах о примирении, проходивших в Алжире. Они завершились подписанием договоренностей 15 мая и 20 июня 2015 г. о прекращении огня, разоружении антиправительственных комбатантов, сохранении территорий с частично туарегским населением в Мали в обмен на федерализацию образуемых ими северных провинций Гао, Кидаль и Томбукту³³.

Выработка алжирских договоренностей в 2015 г., сопровождаясь установлением достаточно доверительных отношений ФРГ с властями — как с центральными в Бамако, так и местными на севере Мали — открыла широкое «окно возможностей» для увеличения спектра задач и объемов применения бундесвера в Сахеле. Германия окончательно утвердилась в роли «рамочного государства», то есть ключевого координатора в рамках тренировочной миссии ЕС в Мали, ответственной за подготовку и переобучение правительственных войск³⁴. Параллельно бундесвер принял на себя ключевую нагрузку в функционировании базы «Лагерь Кастор» миссии МИНУСМА в Гао и проведении в ее интересах всей тактической разведки — как с помощью наземных подразделений, так и с использованием беспилотных аппаратов³⁵. Все эти меры объективно содействовали усилению безопасности Алжира. В свою очередь, успешное обеспечение им охраны своих границ способствовало силам МИНУСМА в недопущении восстановления позиций террористических группировок на севере Мали.

Исключительно важным стал обмен информацией, а также координация усилий по мониторингу выполнения межмалийских договоренностей 2015 г., которые осуществля-

³³ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Militärmission der Europäischen Union als Beitrag zur Ausbildung der malischen Streitkräfte (EUTM Mali) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/8090, 13.04.2016. S. 4—6.

³⁴ Ibid.

³⁵ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1098, 07.03.2018. S. 4—8.

лись между Германией и Алжиром на высшем и высоком (главы МИД) уровнях³⁶.

В начале 2020-х гг. стала происходить заметная деградация ситуации в Мали. С одной стороны, незаконные вооруженные формирования (группирующиеся под эгидой «Исламского государства в странах Сахеля») (Tull, 2019b, pp. 2—5) сумели частично восстановить свои силы, перегруппировавшись со ставшего относительно спокойным севера Мали в юго-восточные районы и сопредельные территории Буркина-Фасо³⁷. Здесь возможности Алжира влиять на ход урегулирования были несоизмеримо ниже, чем в случае провинций Томбукту, Гао и Кидаль, что вкупе с непростой внутренней ситуацией сводило к минимуму возможность ФРГ получить эффективную поддержку от партнера по этому направлению.

С другой стороны, обвиняя (во многом справедливо) правительство и президента Мали И.Б. Кейту (дважды побеждавшего на выборах 2013 и 2018 г.) в неэффективном использовании огромной военной помощи, а также вновь обученных частей армии, малийские военные 19—20 августа 2020 г. оттеснили и арестовали гражданское руководство страны, создав «Национальный комитет спасения» (НКС). Передав де-юре часть властных полномочий переходным властям в сентябре 2020 г., 24 мая 2021 г. военные Мали повторно оттеснили гражданских представителей, что вызвало исключительную острую реакцию Франции — в частности, президент Э. Макрон заявил о возможности полностью прекратить операцию «Бархан»³⁸.

³⁶ Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem algerischen Premierminister Abdelmalek Sellal // Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. 21.02.2017. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-algerischen-premierminister-abdelmalek-sellal-750060> (accessed: 30.07.2021).

³⁷ Unterrichtung durch die Bundesregierung. Bericht der Bundesregierung zur Lage und zum deutschen Engagement in Mali/Sahel. Aktuelle Lage, Ziele und Handlungsfelder des deutschen Engagements // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/18080, 25.03.2020. S. 8—11.

³⁸ Францию обидели в Африке: там ждут Россию // РИА-Новости. 03.06.2021. URL: <https://ria.ru/20210603/politika-1735330640.html> (дата обращения: 30.07.2021).

Алжир обладал еще меньшими возможностями по оказанию влияния на ситуацию непосредственно в Бамако (в отличие от северомалийских провинций). Это существенно снижало практическую ценность Алжира как партнера для ФРГ, учитывая исключительную заинтересованность последней в сохранении и по возможности упрочении позиций в Мали — в пользу этого свидетельствовало установление и сохранение контактов с НКС, а также сохранение неизменным (в случае миссии МИНУСМА, 1,1 тыс. военнослужащих) и почти двукратное увеличение «потолка» инструкторов (до рекордных 600 солдат и офицеров) в составе EUTM Mali весной 2021 г. по сравнению с 2016—2020 гг.³⁹

Сотрудничество по урегулированию ливийской проблемы

В отличие от большой группы стран — участниц НАТО во главе с Францией и Великобританией (де-факто активно поддерживаемых США), ФРГ не приняла военного участия в силовом вмешательстве государств Запада в ход вооруженного конфликта в Ливии в 2011 г. Хаотизация ситуации в этой стране, в 2012—2014 гг. перетекшей в борьбу «всех против всех», не могла не беспокоить официальный Берлин: обладая протяженным побережьем, ливийская территория географически стала представлять стратегический плацдарм в Северной Африке для распространения угроз нестабильности в сторону ЕС. Эта стала особенно острой в середине 2010-х гг. на фоне мощного миграционного кризиса на территории ЕС, вызванного притоком масс беженцев и мимикрирующих под них боевиков из зон вооруженных конфликтов в Сирии и Ираке, огромную роль в которых играли террористические группировки.

Однако в еще большей степени, чем на Ближнем Востоке (ограничившись принятием мер по «разгрузке» партнеров по II западной антитеррористической коалиции с зимы

³⁹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Militärmission der Europäischen Union EUTM Mali // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/28804, 21.04.2021. S. 1—3.

2015/2016 гг.), в случае Ливии ФРГ проявляла неготовность использовать свой военный инструментарий для борьбы с нестабильностью. Официальный Берлин ограничился участием в создании периметра «ограживания» ливийской проблемы: с севера эти функции возлагались на военно-морские миссии ЕС (прежде всего) и НАТО, с юга — силы EUTM Mali, МИНУСМА (все с участием ФРГ), а также операцию «Бархан», на западе — на Алжир.

Помимо охраны границы с Ливией ценность Алжира для ФРГ во второй половине 2010-х гг. была обусловлена сонаправленным оказанием дипломатической поддержки Правительству национального согласия (ПНС) во главе с Ф. Сарраджем. Соответственно, Германия, как и Алжир, в этот период критически относилась к успехам Ливийской национальной армии (ЛНА) Х. Хафтара. Как и в случае Мали, координация политических усилий происходила на всех уровнях, вплоть до высокого (в частности, ливийскому сюжету была посвящена встреча глав МИД двух стран в мае 2017 г.⁴⁰) и высшего.

Успешное наступление войск ЛНА весной и летом 2019 г. стимулировало поиск мер для оказания поддержки ПНС, а главное — обеспечению выхода Ливии из состояния перманентного вооруженного конфликта. Опираясь на поддержку Секретариата ООН (прежде всего спецпредставителя ООН в Ливии Г. Саламе), ФРГ к началу 2020 г. сумела обеспечить свою роль как модератора межливийского диалога.

После предварительных переговоров в Москве 13 января 2020 г., давших скорее отрицательный результат, но подготовивших почву для последующего успеха, 19 января 2020 г. состоялась Берлинская конференция по Ливии. Изначально в ее работе было заявлено участие пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, самой ФРГ, а также Италии, Турции, Египта, ОАЭ и трех международных структур — ООН, АС и ЕС. Непосредственно накануне запуска работы в

состав формата также вошли Республика Конго и Алжир. Несмотря на внутренние трудности, связанные с наступлением эпохи пост-Бутефлики, алжирская сторона проявила готовность участвовать в работе Берлинской конференции, будучи активно поддержана ФРГ⁴¹. По итогам переговоров были приняты решения о прекращении огня, запуске процедуры формирования общеливийских, то есть со смешанным участием уполномоченных от ЛНА и ПНС, органов управления. Для обеспечения мониторинга договоренностей о примирении, прекращении поставок в Ливию вооружений извне и прибытия наемников и учреждалась военно-морская миссия ЕС «Ирини», имевшая также воздушную разведывательную компоненту⁴².

Проработка технических деталей выполнения условий Берлинской конференции 19 января 2020 г. была осуществлена в ходе поездки министра иностранных дел ФРГ К. Мааса в Алжир и Тунис 23 января 2020 г.⁴³ В этот период обе стороны (официальные Берлин и Алжир) перешли как минимум де-юре от поддержки ПНС к занятию равноудаленной позиции от основных сторон конфликта⁴⁴. Это положение оказалось выигранным в условиях прогресса в урегулировании ливийской проблемы — прежде всего, формировании нового правительства в марте 2021 г. и обозначении стремления провести парламентские выборы в декабре 2021 г. Однако и в случае Ливии наблюдался определенный спад германо-алжирского сотрудничества в начале 2020-х гг.

⁴¹ Antrag der Bundesregierung. Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der durch Europäische Union geführten militärischen Krisenbewältigungsoperation in Mittelmeer EUNAVFOR MED IRINI // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/18734, 22.04.2020. S. 4.

⁴² Ibid. S. 2—5.

⁴³ Zusammenarbeit für Libyen intensivieren: Maas in Alger und Tunis // Auswärtiges Amt. 23.01.2020. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/algerien-node/maas-algerien-tunesien/2295050> (accessed: 30.07.2021).

⁴⁴ Bundeskanzlerin Merkel trifft General Chalifa Haftar // Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. 10.03.2020. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-trifft-general-chalifa-haftar-1729592> (accessed: 30.07.2021).

⁴⁰ Außenminister Gabriel trifft algerischen Außenminister Lamamra // Auswärtiges Amt. 08.05.2017. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/170508-am-algerien/289758> (accessed: 30.07.2021).

Уместно подчеркнуть, что в 2018—2019 гг. на фоне роста объемов координации усилий на ливийском и особенно малийском направлениях Германия проявила заинтересованность в налаживании кооперации с Алжиром по урегулированию еще одного вооруженного конфликта — в Западной Сахаре⁴⁵. Однако здесь, даже с учетом точечного (менее 10 человек) присутствия военных наблюдателей ФРГ, следует говорить скорее о «заявке на будущее», чем о создании практического задела. Таковой может возникнуть в условиях нового подъема германо-алжирских отношений.

Заключение

Имея все же достаточно ограниченные в практическом плане стартовые позиции, германо-алжирские отношения в области безопасности и обороны продемонстрировали взлет во второй половине 2010-х гг. Ключевая причина — взаимная заинтересованность в успокоении ситуации в Западной (особенно странах «сахельской пятерки») и Северной Африке, а также Средиземноморье. ФРГ была заинтересована в Алжире как «бастионе стабильности», влияющем на ситуацию во всех трех регионах, а Алжир в Германии — как в новом и дополнительном партнере в рамках решения острых проблем безопасности в северной части Африки, а также как источнике для диверсификации своих внешнеполитических контактов. Важную роль в подъеме отношений играло и наличие Франции как общего стратегического партнера.

⁴⁵ Algerien: Selbstbestimmte Zukunft // Auswärtiges Amt. 20.03.2019. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/algerien-node/aussenminister-maas-trifft-algerischen-amtskollegen/2201078> (accessed: 30.07.2021).

Чем обусловлен заметный спад сотрудничества в начале 2020-х гг. и главное — насколько он необратим? Помимо фактора пандемии COVID-19 важно подчеркнуть одновременный рост внимания сторон к внутренним сюжетам как из-за сложностей преодоления эпидемии, так и наступления новых политических эпох — в случае Алжира после ухода А. Бутефлики (апрель 2019 г.), а Германии — А. Меркель (сентябрь 2021 г.).

Обе стороны исключительно осторожно подходят к использованию своего военного инструментария, особенно в боевых действиях с незаконными вооруженными формированиями (НВФ), что снижает ценность одного партнера для другого. На данном этапе и в Ливии (из-за общего, хотя и медленного прогресса), и в Мали (смещение основной проблемной зоны на юг) Алжир не может объективно оказывать Германии такую же партнерскую помощь, как в середине — второй половине 2010-х гг.

Однако если на «коротком шаге» объемы сотрудничества будут существенно ниже отметки конца 2010-х гг., то в средне- и особенно долгосрочной перспективе будет наблюдаться восстановление масштабов координации усилий. Это обусловлено отмеченной выше фундаментальной заинтересованностью друг в друге как региональных (Алжира как внутреннего для севера Африки, Германии — как внешнего) гарантов безопасности, помноженной на стремление ФРГ упрочить здесь военно-политическое присутствие. Причина этого желания — сложность упрочения стратегических позиций на Ближнем Востоке и «хрупкость» на Среднем, что показала экстренная эвакуация бундесвера из Афганистана в первом полугодии 2021 г.

Поступила в редакцию / Received: 30.07.2021
Принята к публикации / Accepted: 26.10.2021

Библиографический список / References

- Богучарский Е.М. Дипломатия и внешняя политика независимого Алжира: эволюция главных направлений и приоритетов // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2008. № 2. С. 123—136. [Bogucharskiy, E. M. (2008). Diplomacy and foreign policy of independent Algeria: Evolution of main directions and priorities. *Vostok. Afro-Aziatskie Obschestva: Istorii i Sovremennost*, (2), 123—136. (In Russian).]
- Бородкина Н.В. Франция — Алжир: от политической риторики к политическим действиям (конец XX — начало XXI вв.) // Азия и Африка сегодня. 2013. № 6. С. 30—35. [Borodkina, N. V. (2013). France —

- Algeria: From political rhetoric to political action (the end of the 20th — beginning of the 21st century). *Asia and Africa Today*, (6), 30—35. (In Russian.)
- Васецова Е.С. Алжир в контексте региональной безопасности на Ближнем Востоке // Век глобализации. 2017. № 4. С. 82—91. [Vasetsova, E. S. (2017). Algeria in the context of regional security in the Near East. *Vek Globalizatsii*, (4), 82—91. (In Russian).]
- Жирнов О.А. Германская политика на Африканском континенте // Актуальные проблемы Европы. 2007. № 3. С. 114—133. [Zhirnov, O. A. (2007). German policy in the African continent. *Current problems of Europe*, (3), 114—133. (In Russian).]
- Казаринова М.И. Ключевые интересы ФРГ в Средиземноморском регионе // Панорама. 2017. Т. 29. С. 16—21. [Kazarinova, M. I. (2017). The key German interests in the Mediterranean region. *Panorama*, 29, 16—21. (In Russian).]
- Ткаченко К.А. Внешнеэкономические связи ФРГ с Северной Африкой // Азия и Африка сегодня. 2011. № 9. С. 57—61. [Tkachenko, K. A. (2011). External economic links of Germany with the countries of Northern Africa. *Asia and Africa Today*, (9), 57—61. (In Russian).]
- Ханнанова Г.А. Особенности внешней политики ФРГ на Ближнем Востоке и Северной Африке // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 760—769. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-760-769 [Khannanova, G. A. (2017). Specifics of German foreign policy in the Middle East and North Africa, *Vestnik RUDN. International Relations*, 17(4), 760—769. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-4-760-769>]
- Hanish, M. (2015). A new quality of engagement Germany's extended military operation in Northern Mali. *Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Arbeitspapier Sicherheitspolitik*, (8), 1—5.
- Harder, M. (2013). Anforderungen an eine Europäische Maritime Sicherheitsstrategie. *SWP-Aktuell*, (43), 1—4.
- Kaim, M. (2013). Deutschland und das internationale Konfliktmanagement in Mali. *SWP-Aktuell*, (8), 1—4.
- Kinzel, W. (2020). Mali, der Terror im Sahel und Covid-19. *SWP-Aktuell*, (27), 1—4. <https://doi.org/10.18449/2020A27>
- Klute, G. (2013). *Tuareg-Aufstand in der Wüste. Ein Beitrag zur Anthropologie der Gewalt und des Krieges*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.
- Lacher, W. (2018). Das Milizenkartell von Tripolis. *SWP-Aktuell*, (4), 1—4.
- Lacher, W. (2021). Unser schwieriger Partner. Deutschlands und Frankreichs erfolgloses Engagement in Libyen und Mali. *SWP-Studie*, (3), 1—42. <https://doi.org/10.18449/2021S03>
- Lacher, W., & Tull, D. M. (2013). Mali: Jenseits von Terrorismusbekämpfung. *SWP-Aktuell*, (9), 1—8.
- Major, C., Schulz, R., & Vogel, D. (2020). Die neuartige Rolle der Bundeswehr im Corona-Krisenmanagement. *SWP-Aktuell*, (51), 1—8. <https://doi.org/10.18449/2020A51>
- Mousli, M. (2019). Algerian-Russian cooperation: True strategic partnership? *Vestnik RUDN. International Relations*, 19(2), 284—292. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-284-292>
- Mühlhausen, A., & Riedel, S. (2015). Algerien zwischen Transformation und Kontinuität. Stabilisierung autoritärer Herrschaft am Rande des Arabischen Frühlings. *SWP-Arbeitspapier FG Globale Fragen*, (1), 1—51.
- Peifer, D. (2016). Why Germany won't be dropping bombs on Syria, Iraq or Mali. *Orbis*, 60(2), 266—278. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2016.02.008>
- Pinfari, M. (2012). Tunisia and Lybia. In J. Peters (Ed.), *The European Union and the Arab Spring. Promoting democracy and human rights in the Middle East* (pp. 33—47). Lexington: Lexington Books.
- Pusztai, W. (2015). Libyen: Was wurde falsch gemacht? *Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Arbeitspapier Sicherheitspolitik*, (13), 1—4.
- Tull, D. M. (2017). Mali und G5: Ertüchtigung des Sicherheitssektors. *SWP-Aktuell*, (76), 1—4.
- Tull, D. M. (2019a). Rebuilding Mali's army: The dissonant relationship between Mali and its international partners. *International Affairs*, 95(2), 405—422. <https://doi.org/10.1093/ia/iiz003>
- Tull, D. M. (2019b). UN peacekeeping in Mali. *SWP Comment*, (23), 1—4. <https://doi.org/10.18449/2019C23>
- Werenfels, I. (2018). Migrationsstrategie Marokko — Abschotter Algerien. In A. Koch, A. Weber & I. Werenfels (Hrsg.), *Migrationsprofiteure? Autoritäre Staaten in Afrika und das europäische Migrationsmanagement* (pp. 25—37). Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik.

Сведения об авторе: Трунов Филипп Олегович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН; ORCID: 0000-0001-7092-4864; e-mail: 1trunov@mail.ru

About the author: Trunov Philipp Olegovich — PhD in Political Sciences, Senior Research Fellow, Department of Europe and America, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS); ORCID: 0000-0001-7092-4864; e-mail: 1trunov@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-700-711

Научная статья / Research article

Отношения Китая со странами Средиземноморья: военные и политические аспекты

О.А. Тимакова

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Российская Федерация

o.timakova@dipacademy.ru

Аннотация. Китай является одним из самых значимых внерегиональных акторов в Средиземноморье — на 2021 г. он занимает место в первой тройке торговых партнеров практически всех государств региона. Китайская внешнеполитическая деятельность в Средиземноморье отражает рост значения геоэкономики, и в частности экономических инструментов внешней политики в стратегии КНР. Это связано с тем, что в Средиземноморском бассейне пересекаются маршруты «Морского Шелкового пути XXI века» и «Экономического пояса Шелкового пути», что делает регион перспективным для развития новых логистических путей, экономических коридоров и цепочек поставок. Несмотря на значительные последствия коронавирусных ограничений для мировой экономики и крупнейший экономический кризис последних лет, Китай не сократил свою глобальную активность. Именно пандемия может стать стимулом к развитию новых форматов сотрудничества в рамках «Одного пояса — одного пути» в Средиземноморье. Традиционная внешнеполитическая парадигма Китая предполагает акцент исключительно на экономическом взаимодействии и «невовлеченности» в политические вопросы. Де-факто же экономические отношения Китая со странами региона все более осложняются вопросами военно-политического взаимодействия. В статье классифицированы основные вопросы повестки дня в политической сфере и сфере безопасности, возникающие между Китаем и странами-партнерами в Средиземноморском регионе. Если в отношениях с государствами Европы превалирует дискурс прав человека и устойчивого развития, то во взаимодействии с государствами Северной Африки и Ближнего Востока на первый план выходят вопросы обеспечения безопасности в условиях общей нестабильности. Учитывая растущие экономические потребности Китая, весьма вероятно, что в среднесрочной перспективе произойдет доктринальное закрепление роли и места Китая в политическом процессе в Средиземноморье.

Ключевые слова: Китай, Средиземноморье, Один пояс — один путь, Европейский союз, арабские государства

Для цитирования: Тимакова О.А. Отношения Китая со странами Средиземноморья: военные и политические аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 700—711. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-700-711

China's Relations with the Mediterranean States: Military and Political Aspects

Olga A. Timakova

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

o.timakova@dipacademy.ru

Abstract. China is one of the most influential non-regional actors in the Mediterranean. As of 2021, it is ranked among the top three trading partners of almost all Mediterranean states. Chinese foreign policy in the

© Тимакова О.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Mediterranean reflects the growing importance of geoeconomics and, in particular, economic instruments of foreign policy in China's foreign policy strategy. The intersection of the routes of the "Maritime Silk Road of the 21st Century" and the "Silk Road Economic Belt" in the Mediterranean basin indicates the region's high potential for the development of new logistics routes, economic corridors and supply chains. Despite significant impact of the coronavirus restrictions on the global economy and the deepest economic crisis seen in recent years, China has not reduced its global activity. Actually, it is the pandemic that can become an incentive for the development of new formats of cooperation within the "Belt and Road" in the Mediterranean. China's traditional foreign policy paradigm presupposes emphasis exclusively on economic interaction and "non-involvement" in political issues. De facto China's economic relations with the countries of the region are increasingly complicated by military and political issues. The article categorizes the main political and security issues that arise between China and partner countries in the Mediterranean region. While the discourse of human rights and sustainable development prevails in relations with Europe, the issues of ensuring security and managing regional instability come to the fore when dealing with the states of North Africa and the Middle East. Given China's growing economic needs, it is likely that in the medium term there will be a doctrinal formalization of China's role in the political process in the Mediterranean region.

Key words: China, Mediterranean, Belt and Road Initiative, European Union, Arab countries

For citation: Timakova, O. A. (2021). China's relations with the Mediterranean states: Military and political aspects. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 700—711. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-700-711>

Введение

Китай — одна из крупнейших стран мира, которая интенсифицирует свою внешнеэкономическую деятельность в различных регионах мира, в частности в Средиземноморском бассейне. Статус Китая как ведущей в мире державы по совокупному ВВП не мог не сказаться на его политике и, как указывает, например, А.Д. Богатуров, «на манере общаться с внешним миром и приходиться к соглашениям» (Богатуров, 2019, с. 86).

Китайские официальные лица и экспертное сообщество редко используют термин Средиземноморье, исследуя политику Китая в отношении стран региона, и чаще обращаются к конкретным субрегионам: Южной Европе, Балканам, Северной Африке и Западной Азии. На данный момент в политике Китая не существует единой платформы или механизма для сотрудничества со странами Средиземноморья в целом (Семенов, Зонн, 2020). Между тем Средиземноморье является ключевым регионом для реализации крупнейшего инфраструктурного проекта Китая «Один пояс — один путь» (далее — ОПОП), так как именно там пересекаются сухопутный маршрут «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Более того, государства Средиземноморья, в частности его северного берега, являются

финальным пунктом назначения для тех продуктов, которые идут через ОПОП. Кроме того, регион также открывает доступ для китайских товаров, доставляемых в североамериканские порты на Атлантическом океане¹.

Коронавирусный кризис, начавшийся в 2020 г., привел к крупнейшему спаду мировой экономики за последние годы. Однако Китай, в отличие от стран Средиземноморья, потенциально выйдет из него без ощутимых потерь в темпах роста ВВП, что может сделать проекты ОПОП в регионе драйвером восстановления экономики в постпандемический период. Таким образом, вовлеченность Китая в дела региона может возрасти.

Второй краткосрочный кризис, вызванный блокадой Суэцкого канала судном Ever Given, остановил торговый поток через канал. Согласно списку Ллойда, блокада приводила к потерям примерно до 9 млрд долл. США в день². Это происшествие акцентировало

¹ Один пояс, один путь. Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века // Один пояс, один путь. 30.11.2017. URL: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/ydylzt.htm> (дата обращения: 29.04.2021).

² Ever Given partially refloated raising hopes of Suez Canal reopening // Lloyd's List Intelligence. March 3, 2021. URL: <https://lloydslist.maritimeintelligence.informa.com/LL1136281/Ever-Given-partially-refloated-raising-hopes-of-Suez-Canal-reopening> (accessed: 29.04.2021).

внимание на важности развития сухопутных коридоров ОПОП, которые позволили бы не допустить аналогичного кризиса в будущем.

Экономические отношения Китая и стран региона все чаще затрагивают вопросы политического взаимодействия и разрешения проблем безопасности. Повестка дня в данных сферах получает все большее значение. В таких условиях сохранять исключительно экономические отношения между КНР и странами региона в рамках китайской внешнеполитической концепции «невовлеченности» становится невозможно. В статье будут классифицированы основные форматы взаимодействия Китая и государств Северного и Юго-Восточного берегов Средиземного моря в политической сфере и по вопросам безопасности.

«Один пояс — один путь» во внешней политике Китая

«Один пояс — один путь» — это не только проект, направленный на продвижение коммерческих, торговых и прочих экономических интересов Китая. Глава Китая Си Цзиньпин в мае 2017 г. назвал ОПОП «проектом века» и предложил рассматривать его как средство открытия рынков, решения проблемы избыточных экспортных мощностей, создания рабочих мест, сокращения регионального неравенства, содействия политической стабильности и безопасности через устойчивое развитие, а также процветания и восстановления китайских сфер влияния на Евразийском континенте и за его пределами³. Проект Си Цзиньпина получил статус государственной важности, когда был включен в Устав партии КНР в 2017 г., а официальной датой окончания проекта назван 2049 г. — столетний юбилей партии КНР (Blanchard, 2021, p. 34). Уже к 2021 г. общий объем торговли с государствами, участвующими в ОПОП, составляет почти 30 % всей внешнеэкономической деятельности Китая⁴.

³ Full Text of President Xi's Speech at Opening of Belt and Road Forum // Xinhuanet. April 14, 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-05/14/c_136282982.htm (accessed: 29.04.2021).

⁴ China in the Mid-Med: Connectivity and Security // ChinaMed. October 9, 2020. URL: <https://www.chinamed.it/>

Взаимодействие Китая со странами Средиземноморского бассейна в рамках проекта ОПОП основывается на серии документов и платформ сотрудничества. С 2015 г. для укрепления отношений между Китаем и странами северного побережья Средиземного моря (Греция, Италия, Испания, Кипр, Португалия и Мальта) создан Форум морского сотрудничества между Китаем и государствами Южной Европы. С каждым из государств на данный момент достигнут статус всеобъемлющего морского партнерства, что подразумевает создание государственных механизмов взаимодействия. Дополнительно по инициативе Китая еще в 2012 г. создана модель ежегодного форума в формате 16+1, которая объединяет Китай и 16 стран Центральной и Восточной Европы (среди участников как страны — члены ЕС, так и государства, еще не вступившие в Союз). После присоединения к формату Греции в 2019 г. форум был переименован в 17+1. Однако китайские эксперты отмечают, что в связи с институциональными изменениями в ЕС этот формат больше не рассматривается как перспективный вариант в краткосрочной перспективе (Vangeli, 2020).

Что касается сотрудничества со странами юго-восточного берега Средиземного моря, то необходимо выделить «Арабский программный документ» 2016 г.⁵ и «Видение и действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» 2015 г.⁶, где отражена центральная роль экономического сотрудничества и развития во взаимодействии Китая со странами Ближнего Востока и Северной Африки. Рамки сотрудничества, изложенные в этих документах, сосредоточены

[publications/china-in-the-mid-med-connectivity-and-security](https://www.chinamed.it/publications/china-in-the-mid-med-connectivity-and-security) (accessed: 29.04.2021).

⁵ Full text of China's Arab Policy Paper // China.org.cn. January 14, 2016. URL: http://www.china.org.cn/world/2016-01/14/content_37573547.htm (accessed: 26.04.2021).

⁶ Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road // Belt and Road Portal. March 30, 2015. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/qwyw/qwfb/1084.htm> (accessed: 26.04.2021).

на энергетике, строительстве инфраструктуры, торговле и инвестициях в регион. Основы для более тесных отношений со странами этого региона были заложены еще к середине 2000-х гг., когда были созданы Форум сотрудничества Китая и арабских государств (CASCF) в 2004 г. и Форум сотрудничества Китая и Африки (FOCAC) в 2006 г. К концу 2010 г. также был основан Стратегический диалог между Китаем и странами Персидского залива.

В условиях ускоряющейся цифровизации мирового пространства расширяется сотрудничество и в сфере цифровых технологий. Поэтому кроме двух основных маршрутов ОПОП перспективным направлением, которое получает все большее развитие, стал «Цифровой Шелковый путь». В рамках этого проекта Китай продвигает китайский цифровой сектор, в том числе цифровую инфраструктуру, а также способствует принятию единых цифровых стандартов. В качестве примера можно привести сотрудничество в развитии умных городов, искусственного интеллекта, биотехнологий, финансовых технологий и электронной коммерции на основе технологии 5G⁷. В Средиземноморском регионе наивысшего уровня сотрудничества в данном проекте достигли арабские государства. Египет и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) подписали Меморандумы о взаимопонимании, согласно которым Китай будет участвовать в создании умных городов с полным подключением всей инфраструктуры к Интернету⁸. Хотя европейские страны согласовали план по ограничению проникновения китайских технологических компаний на свой рынок, они не распространяются на страны-кандидаты на вступление в ЕС. Сербия, например, в сентябре 2020 г. приветствовала помощь Huawei в модернизации

своей цифровой инфраструктуры⁹. Было подписано партнерское соглашение о прокладке широкополосного Интернета и реализации проекта умных городов. Другое направление «Цифрового шелкового пути» — развитие телекоммуникационной инфраструктуры. Hengtong Group — ведущий китайский производитель волоконно-оптических и силовых кабелей — возглавляет консорциум телекоммуникационных компаний из стран Африки, Пакистана и Гонконга и с 2017 г. ведет проект прокладки кабеля PEACE, что расшифровывается как «Пакистан и Восточная Африка соединяются с Европой», по дну Индийского океана в Средиземное море и к побережью Франции¹⁰.

Пандемия COVID-19 придала новый импульс развитию еще одного проекта ОПОП — «Шелкового пути здоровья» (Facing forwards along the Health Silk Road, 2017). Инициированный еще в 2017 г. в целях координации политики по поставкам медицинского оборудования и фармацевтических препаратов, сейчас он может позиционироваться как глобальный ответ на коронавирусный кризис и механизм содействия глобальному сотрудничеству в области здравоохранения. В качестве совмещения инициатив ОПОП в том числе предполагается цифровизация здравоохранения и использование новейших технологий для борьбы с болезнями (Глянц, 2020, с. 124). За время пандемии Китай быстро занял первое место по поставкам медицинского и защитного оборудования, тестов и диагностических приборов, что получило известность как «дипломатия масок». Во время первой волны пандемии Китай направлял команды врачей для помощи местным специалистам, например, в Сербию. Правительство Сербии также подписало несколько договоров с компанией BGI Genomics на строительство лабораторий для проведения тестов на

⁷ См., например: China — EU Summit Joint Statement // Belt and Road Portal. April 10, 2019. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/zchj/sbwj/85336.htm> (accessed: 26.04.2021).

⁸ The Digital Silk Road: Expanding China's Digital Footprint // Eurasian Group. April 8, 2020. URL: <https://www.eurasiagroup.net/files/upload/Digital-Silk-Road-Expanding-China-Digital-Footprint-1.pdf> (accessed: 15.07.2021).

⁹ Vasovic A. Serbia chooses links with China to develop economy, telecoms despite U.S. warning campaign // Reuters. August 13, 2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-serbia-china-huawei-idUSKCN2592AN> (accessed: 26.04.2021).

¹⁰ Pakistan and East Africa Connecting Europe // PEACE Cable. URL: <http://www.peacecable.net/#about> (accessed: 26.04.2021).

коронавирусную инфекцию¹¹. Что касается Юго-Восточного Средиземноморья, то в данном случае «Шелковый путь здоровья» реализуется в том числе с помощью так называемой «вакцинной дипломатии». Из более чем 75 млн доз китайской вакцины от коронавируса, которые получили страны региона, почти 2 млн доз были поставлены на безвозмездной основе¹².

Проблемы и перспективы отношений Китая со странами Северного Средиземноморья

Инфраструктура проекта ОПОП на северном побережье Средиземного моря основывается на нескольких портах в странах Европы. Среди ключевых из них можно выделить порты в Греции, Италии и Испании. Порт Пирей в Греции еще в 2008 г. начал сотрудничество с Китаем, когда было подписано соглашение об аренде его двух терминалов. Затем в августе 2016 г. Китайская морская судоходная компания (COSCO) приобрела контрольный пакет акций порта, сделав его основой «Морского Шелкового пути XXI века» в Средиземном море. За этот период мощность, инфраструктура, операции и доходы порта значительно возросли благодаря китайским инвестициям, а также за счет увеличения объема импорта из Китая. Если в 2018 г. через порт проходили перевозки в объеме 4,9 млн ДФЭ, то в 2020 г. этот показатель увеличился до 5,43 млн, несмотря на экономический спад, вызванный пандемией¹³. Согласно договору с правительством Греции, в августе 2021 г. китайская компания получила еще 16 % акций¹⁴.

¹¹ Aixin L. China's Aid to Serbia Not Geopolitically Motivated, Meant for Strong, United EU: Expert // Global Times. April 9, 2020. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1185161.shtml> (accessed: 25.07.2021).

¹² China COVID-19 Vaccine Tracker // Bridge. URL: <https://bridgebeijing.com/our-publications/our-publications-1/china-covid-19-vaccines-tracker/> (accessed: 02.08.2021).

¹³ Greece's Piraeus Port Refilled with Vitality under BRI Cooperation // China Daily. September 8, 2021. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202109/08/WS61381b5da310efa1bd66e1a6.html> (accessed: 26.09.2021).

¹⁴ China's Cosco Tightens Grip on Piraeus Port by Raising Stake to 67 % // Greek Reporter. August 22, 2021.

Также COSCO приобрела 40-процентную долю в компании, которая управляет двумя терминалами в порту Вадо в Италии и в двух портах в Испании — Валенсии и Альхесираесе, производительность которых с 2015 г. выросла на 70 %¹⁵. С 2010 по 2019 г. рыночная доля портов Средиземного моря выросла на 4 %, тогда как за тот же период североевропейские маршруты сократились на 5 % (Blanchard, 2019, p. 81).

В то же время результатом притока китайского капитала в такие порты, как Джибути (Джибути), Уолфиш-Бей (Намибия), Гвадар (Пакистан), Хамбантота (Шри-Ланка), Пирей (Греция), стало размещение там кораблей Народно-освободительной армии Китая и заключение военных соглашений. Иными словами, как отмечает ведущий научный сотрудник Института Африки РАН Т.Л. Дейч, посредством прямого инвестирования Пекин решает и геостратегические задачи (Дейч, 2020, с. 120).

Сухопутная инфраструктура «Экономического пояса Шелкового пути» проходит через страны Западных Балкан, Центральной и Восточной Европы. Европейские аналитики объясняют политику Китая в Балканском регионе в рамках проекта ОПОП с геополитической точки зрения. Данный регион рассматривается как «черный ход» для укрепления позиций КНР в Европе, а также для противодействия повестке США и ЕС в политическом процессе стран Балканского полуострова, не являющихся членами ЕС (Pavličević, 2018). Ключевым же для политики Китая является не Балканский регион, а его соседи — государства Западной Европы и Европейский союз в целом.

Отношения Китая с государствами Европы строятся неравномерно. С одной стороны, по мнению члена-корреспондента РАН М.Г. Носова, в отношениях КНР со странами

URL: <https://greekreporter.com/2021/08/22/china-cosco-tightens-grip-piraeus-port/> (accessed: 26.09.2021).

¹⁵ Glass D. China and Greece Pledge Joint Work on Belt and Road Initiative // Seatrade Maritime News. September 11, 2020. URL: <https://www.seatrademaritime.com/ports-logistics/china-and-greece-pledge-joint-work-belt-and-road-initiative> (accessed: 29.04.2021).

ЕС, «если не считать давно ставшими ритуальными дебатами по вопросам соблюдения прав человека в Китае и визитов Далай-ламы в Европу, нет идеологических конфликтов. Их экономики высокоразвиты и вполне сопоставимы, что в целом обеспечивает баланс интересов, а географическая отдаленность лишает их военно-стратегических противоречий» (Носов, 2018, с. 15). ЕС, осознавая значимость экономического сотрудничества с Китаем, пытается не быть втянутым в торговую войну США и Китая. Согласно последним данным Eurostat, в 2020 г. Китай стал крупнейшим торговым партнером ЕС: импорт из Китая достиг отметки в 383,4 млрд евро, а экспорт — 202,5 млрд евро¹⁶. С другой стороны, политические элиты Европейского союза уже много лет не могут достичь консенсуса по общей политике в отношении Китая (Жильцов, 2019; Veretta, Berkofsky & Zhang, 2017).

Однако, по мнению А.В. Цвыка, «Брюссель не может не беспокоить тот факт, что Китай предпочитает развивать отношения на двустороннем уровне со странами ЦВЕ, которые зачастую не согласовывают свои действия с Брюсселем» (Цзык, 2019, с. 109). Например, к 2019 г. 11 государств Европы уже подписали Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в рамках ОПОП. В том числе это сделали Италия, Португалия, Хорватия и Венгрия — государства, через которые уже проходит инфраструктура ОПОП из Средиземноморья в Европу, что вызывает серьезную озабоченность руководства Европейского союза (Гаврилова, 2020). В глазах Брюсселя главная проблема заключается в том, что подписание меморандума о взаимопонимании в рамках китайской инициативы «Один пояс — один путь» между Китаем и Италией, которая является одной из стран — основательниц ЕС и страной — участницей G7, может поставить под угрозу попытку

Европы создать единый переговорный фронт в отношении Пекина¹⁷.

В апреле 2019 г. в рамках ЕС был принят Регламент проверки иностранных инвестиций, что полностью переводит их в сферу компетенции Союза. Регламент играет важную роль в исключительных случаях, когда иностранные инвесторы стремятся приобрести активы, важные для национальных интересов ЕС. Регламент снабдил Брюссель политическими рамками и общими критериями по выявлению рисков, связанных с приобретением стратегических активов или контролем над ними в случаях, когда это представляет угрозу безопасности или общественному порядку. Кроме того, это также формирует рамки сотрудничества между государствами-членами и Комиссией: последняя оценивает прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в государствах-членах и облегчает принятие окончательного решения европейским государством, где планируются или уже были совершены прямые иностранные инвестиции¹⁸.

Отсутствует консенсус и в отношении некоторых проблем экономического сотрудничества. Среди наиболее существенных можно отметить непрозрачность, перерасход средств, коррупцию и низкую экологическую эффективность проектов ОПОП. В 2018 г. 27 из 28 послов стран ЕС в Китае подготовили доклад, в котором сошлись во мнении, что ОПОП представляет «угрозу международным нормам прозрачности и открытости», а также «противоречит повестке дня ЕС по либерализации торговли и изменяет баланс сил в пользу субсидируемых Китаем компаний»¹⁹. Страны Европы также устанавливают

¹⁷ Проди Дж., Фарделла Э. Чем опасен «один путь» Италии и Китая для США и ЕС? // Валдай. 28.03.2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/odin-put-italii-i-kitaya/> (дата обращения: 29.04.2021).

¹⁸ Screening of Foreign Direct Investment // European Commission. April 10, 2019. URL: <http://trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=2006> (accessed: 19.07.2021).

¹⁹ Connecting Europe and Asia — Building Blocks for an EU Strategy // European Economic and Social Committee. September 19, 2018. URL <https://www.eesc.europa.eu/en/our-work/opinions-information-reports/opinions/connecting-europe-and-asia-building-blocks-eu-strategy> (accessed: 29.04.2021).

¹⁶ Client and Supplier Countries of the EU27 in Merchandise Trade // Directorate General for Trade, European Commission. April 12, 2021. URL: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_122530.pdf (accessed: 29.04.2021).

требования по найму местной рабочей силы при реализации проектов ОПОП. В свою очередь, китайские эксперты отмечают, что наибольшая эффективность, а соответственно, и экономическая выгода достигаются при привлечении китайских работников на условиях КНР (Silin et al., 2018). В частности, китайский бизнес обвиняет Европу в применении против него протекционистских мер²⁰. Кроме того, реализация многих заявленных проектов откладывается, другие так и не были запущены, что сказывается на ожиданиях партнеров Китая в Европе. Более того, после взаимных политических санкций весной 2021 г. Европейская комиссия решила заморозить реализацию Всеобъемлющего соглашения по инвестициям, о заключении которого было объявлено в конце декабря 2020 г.²¹

Неопределенными становятся и политические отношения. С 1989 г. в ЕС действует эмбарго на продажу оружия в Китай. В стратегическом обзоре ЕАВС 2019 г. Китай классифицируется не только как партнер, но и как «конкурент» и «системный соперник»²². Одновременно в выступлении председателя Еврокомиссии Урсулы фон дер Ляйен на саммите ЕС — Китай, состоявшемся в июне 2020 г., отмечалось, что восстановление мира после пандемии невозможно без сотрудничества ЕС и Китая, однако отношения между ними, хотя и «являются стратегически значимыми, представляют собой наиболее сложный вызов для Европы»²³.

²⁰ China and the Mediterranean: Open for Business // European Council on Foreign Relations. June 21, 2017. URL: https://ecfr.eu/publication/china_and_the_mediterranean_open_for_business/ (accessed: 29.04.2021).

²¹ European Parliament Votes through Motion to Freeze China Investment Deal, Risking Bloc's Economy amid Political Self-Entertainment // Global Times. May 21, 2021. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202105/1224083.shtml> (accessed: 07.07.2021).

²² EU — China Relations Factsheet // European External Action Service. June 20, 2020. URL: https://eeas.europa.eu/topics/external-investment-plan/34728/eu-china-relations-factsheet_en (accessed: 29.04.2021).

²³ Von der Leyen following EU — China Summit: We Must Make Progress, One That Implies Reciprocity and Trust // European Commission. June 22, 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ac_20_1170 (accessed: 29.04.2021).

Европейская общественность также настроена настороженно в отношении Китая. Согласно опросу Института Тони Блэра, 60 % французов смотрят на китайское правительство в негативном свете, и их мнение о китайском правительстве ухудшилось во время пандемии. До 44 % респондентов считают правительство Китая ответственным за серьезные последствия пандемии²⁴.

Значительное место в повестке дня отношений стран ЕС и Китая занимают насущные для Европы вопросы демократии, прав человека и экологической проблематики²⁵. Европарламент обращает внимание на сложную внутривнутриполитическую ситуацию в Китае, коррупцию и как следствие — нарушения прав человека²⁶. В западном экспертном сообществе получила распространение аббревиатура 4ТНКХТ, которая расшифровывается как «Тайвань, Тибет, площадь Тяньаньмэнь, Коммунистическая партия, Гонконг, Синьцзян» и является призывом к правительствам западных государств привлечь Китай к ответственности по обвинениям в нарушении прав человека²⁷. Первый раунд санкций в отношении официальных лиц Китая по обвинению в нарушении прав человека был введен в первой половине 2021 г.²⁸

²⁴ China's Role in the World // Tony Blair Institute for Global Change. June 15, 2020. URL: <https://institute.global/sites/default/files/2020-06/Tony%20Blair%20Institute%2C%20China%27s%20Role%20in%20the%20World.pdf> (accessed: 29.04.2021).

²⁵ Brattberg E., Le Corre P. The EU and China in 2020: More Competition Ahead // Carnegie Endowment for International Peace. February 19, 2020. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/02/19/eu-and-china-in-2020-more-competition-ahead-pub-81096> (accessed: 26.09.2021).

²⁶ Saarela A. A New Era in EU – China Relations: More Wide-Ranging Strategic Cooperation? // Directorate-General for External Policies, European Parliament. July 19, 2018. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/570493/EXPO_STU\(2018\)570493_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/570493/EXPO_STU(2018)570493_EN.pdf) (accessed: 26.03.2021).

²⁷ Ruehlig T. Towards a More Principled European China Policy // French Institute of International Relations. November 30, 2020. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ruehlig_european_china_policy_2020.pdf (accessed: 26.05.2021).

²⁸ Chair's Statement of 23 March 2021 on EU Sanctions on Human Rights Violations; Counter-sanctions

Сотрудничество Китая с государствами Юго-Восточного Средиземноморья

Изначально государства Юго-Восточного Средиземноморья не входили в финальный пункт назначения проекта ОПОП. Для большинства стран региона, которые не поставляют энергоресурсы в Китай, он является преимущественно источником импорта. Торговые отношения Китая с арабскими странами остаются одними из наименее развитых. На сегодняшний день у Китая нет ни одного соглашения о зоне свободной торговли с государствами Юго-Восточного Средиземноморья²⁹. Высший уровень дипломатических отношений между Китаем и странами региона — всеобъемлющее стратегическое партнерство — установлено с пятью странами: Алжиром, Египтом, Ираном, Саудовской Аравией и ОАЭ. Отношения с еще восемью государствами находятся на уровне партнерства.

Страны — стратегические партнеры являются ключевыми поставщиками энергоресурсов для Китая. Прямые инвестиции в проекты данной сферы в этих государствах имеют первостепенную важность для КНР. За последние пять лет 58 % прямых инвестиций Китая были направлены на развитие энергетического сектора, из них 40 % — в нефтегазовую сферу, еще 15 % — в сельское хозяйство, вторую по важности сферу для КНР. Наибольший объем инвестиций направлен в Израиль (10 млрд долл. США) и ОАЭ (7,79 млрд долл. США)³⁰.

Когда инфраструктура ОПОП протянулась и на Юго-Восточное побережье Средиземного моря, намного больший объем финансирования стали получать инфраструктурные и строительные проекты. За пятилетний период их сумма превысила 100 млрд

долл. США. В данном случае ключевыми странами-получателями стали Саудовская Аравия (35,5 млрд долл. США), ОАЭ (28,4 млрд долл. США), Алжир (24,6 млрд долл. США) и Египет (19,1 млрд долл. США)³¹.

Особая значимость здесь также придается аренде портов со стратегически значимым местоположением. Среди них можно выделить аренду порта Черчель в Алжире и, кроме того, начавшееся в 2016 г. строительство нового порта Аль-Хамдания также в Алжире. Проект стоимостью более 6 млрд долл. США должен будет обладать пропускной способностью в 6,5 млн ДФЭ и создать в Алжире распределительный коридор товаров протяженностью в 4,6 тыс. км между Центральной Африкой через Транссахарское шоссе и Европой, соединив два берега Средиземного моря³².

Сотрудничество между Китаем и Египтом, например, напрямую связано со специальными экономическими зонами. Одна из таких зон, в которой Китай является главным инвестором, предполагает превращение района Суэцкого канала в крупный глобальный коммерческий центр с промышленными, технологическими и сельскохозяйственными зонами, жилыми и торговыми комплексами и современными морскими портами. Среди прочего это влечет за собой реализацию таких проектов, как строительство второго канала, параллельного существующему, мостов, туннелей, более совершенных телекоммуникационных систем, промышленных парков и особых экономических зон, совершенствование логистики, а также улучшение терминалов, судостроительных предприятий и новых доков в таких портах, как Порт-Саид и Адабия³³.

by the PRC // European Parliament. March 23, 2021. URL: <https://www.europarl.europa.eu/delegations/en/chair-s-statement-of-23-march-2021-on-eu/product-details/20210324DPU29209> (accessed: 26.05.2021).

²⁹ *China FTA Network* // China's Ministry of Commerce (MOFCOM). URL: <http://fta.mofcom.gov.cn/english/index.shtml> (accessed: 20.07.2021).

³⁰ *China Global Investment Tracker* // American Enterprise Institute (AEI). URL: www.aei.org/china-global-investment-tracker/ (accessed: 19.07.2021).

³¹ Ibid.

³² Tanchum M., Alvarez-Ariztegui N. *China's Chance to Bridge the Algeria — Morocco divide* // East Asia Forum. March 12, 2021. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2021/03/12/chinas-chance-to-bridge-the-algeria-morocco-divide/> (accessed: 29.04.2021).

³³ См.: Ghoneim A.F. *Egypt's Suez Canal Corridor Project* // Middle East Institute, August 19, 2014. URL: <https://www.mei.edu/publications/egypts-suez-canal-corridor-project-0> (accessed: 29.04.2021); *China Now Biggest Investor in Suez* // China Daily. March 23, 2017.

Полностью исключить вопросы политики и безопасности из повестки дня Китая становится невозможно. КНР не может оставаться невовлеченным в некоторых ситуациях. Обеспечение собственных экономических интересов стало важным стимулом, например, для поддержания стабильности в регионе посредством участия в миссиях по борьбе с пиратством, а также в совместных военных учениях (Horesh, 2016; Shichor, 2018). Китай реализует программы обмена визитами высокопоставленных военных, а также инициирует программы курсов подготовки для ближневосточных военных на своей территории. Китай также является одним из ключевых поставщиков вооружения в страны Ближнего Востока и Северной Африки³⁴.

Революционные процессы «арабской весны», которые начались в 2011 г. и продолжаются до сих пор, не только повлекли непредвиденные экономические потери для Китая, но и поставили его перед необходимостью впервые использовать вооруженные силы КНР за границей. Во время протестов в Египте в 2011 г. китайское правительство было вынуждено организовать вывозные чартерные рейсы для 2000 своих граждан³⁵. В 2012 г. 25 китайских рабочих были взяты в плен группой вооруженных повстанцев, но руководству Китая быстро удалось их освободить³⁶.

Во время ливийского кризиса в 2011 г. 36 тыс. граждан Китая нуждались в эвакуации. Кроме того, ливийский конфликт стал важным опытом для политики тщательного балансирования Китая. Во время событий

URL: https://www.chinadaily.com.cn/business/2017-03/23/content_28648386.htm (accessed: 29.04.2021).

³⁴ China's Impact on Conflict Dynamics in the Red Sea Arena // United States Institute of Peace. April 24, 2020. URL: <https://www.usip.org/publications/2020/04/chinas-impact-conflict-dynamics-red-sea-arena> (accessed: 16.07.2021).

³⁵ Backgrounder: China's Major Overseas Evacuations in Recent Years // China Daily. March 30, 2015. URL: https://www.chinadaily.com.cn/china/2015-03/30/content_19954649.htm (accessed: 22.07.2021).

³⁶ Kidnapped Chinese Workers Freed in Egypt's Sinai Region // BBC. February 1, 2012. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-16828127> (accessed: 22.07.2021).

2011 г. КНР открыто поддержала действующее тогда правительство Ливии, что в дальнейшем создало напряженную ситуацию по налаживанию сотрудничества с Переходным национальным советом. На данный момент Китай быстро адаптируется к изменениям в Ливии. Поддерживая международно признанное Правительство национального согласия, КНР одновременно сохраняет отношения с Ливийской национальной армией³⁷.

В 2015 г. ВМС Китая осуществили еще одну миссию, на этот раз в Адене (Йемен), по эвакуации людей из зоны конфликтов, но в этот раз помощь была оказана в том числе и иностранным гражданам (Chaziza, 2020). Уже в 2020 г. эвакуация потребовалась гражданам Китая, которые работали в провинции Тыграй в Эфиопии³⁸.

Расширение интересов и присутствия Китая в регионе, а также необходимость защиты растущего числа китайских граждан в условиях продолжающейся нестабильности «арабской весны» выявили необходимость пересмотра традиционного подхода Китая о невмешательстве, дав развитие дискурсу о новой роли и ответственности КНР³⁹. Сама реализация инициативы «Один пояс — один путь» также может быть подвержена угрозам безопасности. В апреле 2017 г. Ассоциация междилерских брокеров Китая и Китайская академия общественных наук выпустили «Синюю книгу иностранных инвестиций и рисков»⁴⁰, где подчеркивается,

³⁷ Ramani S. Where Does China Stand on the Libya Conflict? // The Diplomat. June 18, 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/06/where-does-china-stand-on-the-libya-conflict/> (accessed: 17.07.2021).

³⁸ Bodetti A. What Ethiopia's Ethnic Unrest Means for China // The Diplomat. December 10, 2020. URL: <https://thediplomat.com/2020/12/what-ethiopias-ethnic-unrest-means-for-china/> (accessed: 22.07.2021).

³⁹ Scobell A., Nadel A. China in the Middle East: The Wary Dragon // Rand Corporation. 2016. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1229.html (accessed: 26.04.2021).

⁴⁰ Wuthnow J. Chinese Perspectives on the Belt and Road Initiative: Strategic Rationales, Risks, and Implications // National Defense University Press. September 27, 2017. URL: <https://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratperspective/china/ChinaPerspectives-12.pdf?ver=2017-09-27-133545-700> (accessed: 26.04.2021).

что религиозные и этнические факторы, геополитические изменения и глобальные экономические дисбалансы представляют собой риски и проблемы для китайских иностранных инвестиций.

Концепция «Новой арабской политики Китая» впервые появилась на официальном сайте Государственного совета КНР, а впоследствии и в официальных китайских СМИ в 2016 г. во время визита Си Цзиньпина в Саудовскую Аравию, Египет и Иран. По мнению эксперта МГИМО А.В. Худайкуловой, «в результате Китай плавно принял стратегию перехода от невмешательства во внутренние дела к более активному подходу неравнодушия, выступая в качестве посредника между сторонами конфликта» (Khudaykulova, 2019, p. 427).

Другая проблема в сфере безопасности для Китая связана с боевиками и радикальными исламистами, находящимися в зонах нестабильности в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. СМИ сообщают о масштабных уйгурских джихадистских лагерях в сирийской провинции Идлиб. Присутствие антикитайских террористов, использующих сирийскую базу также для нападений на китайские объекты и китайских граждан, не может не вызывать серьезную озабоченность в Пекине⁴¹. Осложняет данную ситуацию прямая и косвенная поддержка этих групп, которую они могут получить, например, от Турции и Саудовской Аравии.

Что касается политического сотрудничества, то здесь наблюдается постепенное формирование консенсуса. Так, Египет поддержал позицию КНР по ряду вопросов, включая политику китайского правительства в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). В 2019 г. другие страны региона, участвовавшие в Форуме сотрудничества китайских и арабских государств, также подтвердили принцип невмешательства во внутренние дела других стран⁴². Не только

политические элиты, но и широкая общественность настроены преимущественно положительно к политике Китая в регионе, что подтверждается опросами общественного мнения⁴³. Что касается разворачивающегося кризиса по поводу ГЭС Хидасэ между Египтом, Эфиопией и Суданом, эксперты, которых опрашивали журналисты «Аль-Джазир», сошлись во мнении, что Китай стал бы лучшим посредником по его разрешению, а правительствам стран следовало бы привлечь его к этой роли⁴⁴.

Страны Северной Африки заинтересованы в более масштабных китайских инвестициях в свой регион в рамках проекта ОПОП. В то же время сотрудничество между государствами Юго-Восточного Средиземноморья и Китаем может представлять угрозу для них самих. Эксперты, в основном западные, акцентируют внимание, что, как правило, упускаются из виду некоторые проблемные условия и обстоятельства, связанные с этими инвестициями, что уже привело к ряду проблем в реализации проектов Китая в Африке, Центральной Азии, Южной Азии и Европе (Bianchi, 2019). Проблема так называемой «дипломатии долговых ловушек», например, подтверждается в заявлении управляющего директора МВФ, которая предостерегает Китай от излишнего финансирования проектов в тех государствах, которые потенциально не смогут выплатить долг, что поставит их в зависимость от КНР⁴⁵. Однако сам Китай

East Monitor. October 31, 2019. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20191031-egypt-praises-chinas-remarkable-rights-achievements-despite-uyghur-crackdown/> (accessed: 29.04.2021).

⁴³ Arab Barometer. 2020. URL: www.arabbarometer.org/ (accessed: 15.07.2021).

⁴⁴ Siddiq M. Hal min dawr mumkin lil-siyn fi hali 'azmat sadi al-nahdati? Wama 'awraq al-daght al-misriyyat ealaa bikin? [Сиддик М. Может ли Китай сыграть роль в разрешении строительства дамбы Великого Эфиопского Возрождения? Какие рычаги давления на Китай есть у Каира?] // Al-Jazeera. 26.06.2021. URL: <https://www.aljazeera.net/news/politics/2021/6/29/هل-من-سد-أزمة-حلحلة-في-الصين-ممكن-دور> (accessed: 29.07.2021). (На арабском языке).

⁴⁵ Glover C. IMF's Lagarde Warns China on Belt and Road Debt // Financial Times. April 12, 2018. URL: <https://www.ft.com/content/8e6d98e2-3ded-11e8-b7e0-52972418fec4> (accessed: 29.04.2021).

⁴¹ Dzyubenko O. Kyrgyzstan Says Uighur Militant Groups behind Attack on China's Embassy // Reuters. September 6, 2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-kyrgyzstan-blast-china-idUSKCN11C1DK> (accessed: 29.04.2021).

⁴² Egypt Praises China's 'Remarkable Rights Achievements' Despite Uyghur Crackdown // Middle

отрицает данные обвинения, а статистические данные на выборке из более 40 случаев демонстрируют, что Пекин придерживается более сбалансированного подхода — от продления сроков займа и рефинансирования до частичного или даже полного списания долгов⁴⁶.

Заключение

Еще десять лет назад присутствие Китая в Средиземноморье было незначительным. К 2021 г. благодаря проекту «Один пояс — один путь» и связанным с ним институтам (таким как платформа 17+1) степень взаимодействия между Китаем и странами региона значительно увеличилась, перейдя от экономического сотрудничества и инвестиционных проектов до координации программ развития и обмена между представителями научного,

культурного, академического и предпринимательского сообществ.

Официальные лица Китая настаивают на том, что политика КНР носит взаимовыгодный экономический характер, а проект «Один пояс — один путь» не является геополитическим орудием. Несмотря на то, что ОПОП позиционируется в первую очередь как программа инвестиций в инфраструктурные проекты — даже мегапроекты, в реальности эта инициатива создает сложные и долгосрочные рамки взаимозависимости. Когда на повестке дня в регионе возникают вопросы безопасности китайским интересам или политические проблемы, позиция Китая по умолчанию состоит в том, чтобы поощрять диалог, воздерживаться от принятия чьей-либо стороны, а также поддерживать национальный суверенитет и цели устойчивого развития. Однако растущая политизация китайского присутствия в средиземноморском пространстве может создавать ситуации, для решения которых Китаю придется адаптировать свою политику «невовлеченности».

⁴⁶ Kratz A., Feng A., Wright L. New Data on the “Debt Trap” Question // Rhodium Group. April 29, 2019. URL: <https://rhg.com/research/new-data-on-the-debt-trap-question/> (accessed: 28.07.2021).

Поступила в редакцию / Received: 29.04.2021

Принята к публикации / Accepted: 26.10.2021

Библиографический список / References

- Богатуров А.Д. Китайский угол в миротехническом управлении // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 85—95. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.07 [Bogaturov, A. D. (2019). The Chinese angle in the world-system management. *Polis. Political Studies*, (5), 85—95. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.07>]
- Гаврилова С.М. Россия и Италия: тенденции сотрудничества // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 2(24). С. 64—77. [Gavrilova, S. M. (2020). Russia and Italy: Trends in cooperation. *Vestnik Diplomaticheskoi Akademii MID Rossii. Rossiya i Mir*, (2), 64—77. (In Russian).]
- Глянц М.Г. Инициатива Китая «Один пояс — Один путь» и пандемия коронавируса // Проблемы постсоветского пространства. 2020. № 7(2). С. 120—129. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-2-120-129 [Glantz, M. G. (2020). China’s One Belt One Road (OBOR) Initiative and the Coronavirus pandemic. *Post-Soviet Issues*, (7), 120—129. (In Russian). <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-120-129>]
- Дейч Т.Л. Место Африки в инициативе Китая «Один пояс, один путь» // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 2. С. 118—127. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-2-118-127 [Deich, T. L. (2020). Africa’s place in the Chinese initiative “One Belt, One Road”. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 64(2), 118—127. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-2-118-127>]
- Жильцов С.С. Инициатива «Один пояс — один путь»: движение Китая к мировому лидерству // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2019. № 4(22). С. 196—202. [Zhiltsov, S. S. (2019). “One Belt — One Road” initiative: China’s movement to global leadership. *Vestnik Diplomaticheskoi Akademii MID Rossii. Rossiya i Mir*, (4), 196—202. (In Russian).]
- Носов М.Г. ЕС и Китай: торговля или стратегия // Современная Европа. 2018. № 6. С. 5—17. DOI: 10.15211/soveurope620180517 [Nosov, M. G. (2018). EU and China: Trade or strategy. *Contemporary Europe*, (6), 5—17. (In Russian). <https://doi.org/10.15211/soveurope620180517>]

- Семенов А.В., Зонн И.С. Энциклопедизация Средиземноморского пространства // Проблемы постсоветского пространства. 2020. № 7(4). С. 460—469. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-4-460-469 [Semenov, A. V., & Zonn, I. S. (2020). Mediterranean region encyclopedia. *Post-Soviet Issues*, (7), 460—469. (In Russian). <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-460-469>]
- Цвык А.В. «Один пояс, один путь»: взгляд из Европы // Современная Европа. 2019. № 1. С. 104—112. DOI: 10.15211/soveurope12019104112 [Tsvyk, A. V. (2019). The “Belt and Road” initiative: A view from Europe. *Contemporary Europe*, (1), 104—112. (In Russian). <https://doi.org/10.15211/soveurope12019104112>]
- Beretta, S., Berkofsky, A., & Zhang, L. (2017). *Understanding China today*. Cham, Switzerland: Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-29625-8>
- Bianchi, R. R. (2019). *China and the Islamic world: How the New Silk Road is transforming global politics*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190915285.001.0001>
- Blanchard, J.-M. F. (2019). Chinese outward foreign direct investment (COFDI): A primer and assessment of the state of COFDI. In K. Zeng (Ed.), *Handbook on the international political economy of China* (pp. 76—97). Cheltenham: Elgar.
- Blanchard, J.-M. F. (2021). *China’s Maritime Silk Road Initiative, Africa and the Middle East*. Singapore: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-981-33-4013-8>
- Chaziza, M. (2020). *China’s Middle East diplomacy: The Belt and Road strategic partnership*. East Sussex: Sussex Academic Press.
- Facing forwards along the Health Silk Road. (2017). *The Lancet Global Health*, 5(10), e948. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(17\)30349-2](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(17)30349-2)
- Horesh, N. (Ed.). (2016). *Toward well-oiled relations? China’s presence in the Middle East following the Arab Spring*. London: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137539793>
- Khudaykulova, A. V. (2019). China as an emerging actor in conflict management: From non-interference in internal affairs to “constructive” engagement. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19(3), 420—431. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-3-420-431>
- Pavličević, D. (2018). A power shift underway in Europe? China’s relationship with Central and Eastern Europe under the Belt and Road Initiative. In L. Xing (Ed.), *Mapping China’s “One Belt One Road” Initiative* (pp. 249—278). London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-319-92201-0_10
- Shichor, Y. (2018). Vision, revision, and supervision: The politics of China’s OBOR and AIIB and their implications for the Middle East. In A. Ehteshami & N. Horesh (Eds.), *China’s presence in the Middle East: The implications of the One Belt, One Road initiative* (pp. 38—53). Abingdon: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315185736>
- Silin, Y., Kapustina, L., Trevisan, I., & Drevalev, A. (2018). The Silk Road economic belt: Balance of interests. *Economic and Political Studies*, 6(3), 293—318. <https://doi.org/10.1080/20954816.2018.1499072>
- Vangeli, A. (2020). *China’s Belt and Road in the Balkans in the post-COVID-19 era*. European Institute of the Mediterranean. Retrieved from https://www.iemed.org/wp-content/uploads/2021/01/5.1.3.3-Cvijic-2020-02-16T184332Z_1075847178_RC2U1F9VJ9XW_RTRMADP_3_EU-BALKANS-1.jpg

Сведения об авторе: Тимакова Ольга Александровна — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России; ORCID: 0000-0003-4185-0194; e-mail: o.timakova@dipacademy.ru

About the author: Timakova Olga Alexandrovna — PhD in Political Science, Associate Professor, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; ORCID: 0000-0003-4185-0194; e-mail: o.timakova@dipacademy.ru

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ APPLIED ANALYSIS

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-712-733

Научная статья / Research article

Ключевые модели взаимодействия религиозных институтов в контексте государственно-церковных отношений на примере России и Египта

Г.О. Лукьянова^{ID}, О.С. Чикризова^{ID}✉Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
✉chikrizova-os@rudn.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению и сравнительному анализу особенностей государственно-церковных отношений в России и Египте. В настоящее время наблюдается заметное повышение роли религии и религиозных институтов в мировой политике, а также переосмысление процесса секуляризации общественной жизни. Религия по-прежнему нередко становится причиной дискриминации, гонений на отдельные группы общества; не снижается «градус» исламофобии в странах Запада и религиозофобии — в мире. В этих условиях также возрастает значимость государственно-церковных отношений внутри ключевых международных акторов. Цель исследования заключается в сравнительном анализе особенностей государственной политики России и Египта в отношении религии, чтобы разработать рекомендации по использованию российских религиозных институтов по укреплению позиций России на Ближнем Востоке. Россия и Египет выбраны в качестве объектов исследования, поскольку эти страны имеют богатую историю взаимодействия в религиозной сфере, которая станет базисом для сотрудничества религиозных институтов двух стран. Кроме того, Египет — одно из ключевых государств Ближнего Востока, где российское влияние никогда не было доминирующим, но именно там религиозные организации типа Русской православной церкви (РПЦ) наиболее активно и успешно проводили интересы России. Методологически статья опирается на исторический и эмпирический институционализм, а также сравнительный анализ и историко-генетический метод. Новизна исследования состоит в том, что разработаны четыре модели взаимодействия религиозных общин, которые построены на двух критериях, таких как: а) наличие религиозных институтов, представляющих интересы той или иной общины; б) статус религии в государстве (доминирующая или религия меньшинства). Практическая значимость исследования состоит в том, что на основе выделенных особенностей государственно-церковных отношений в Египте предложены рекомендации по совершенствованию использования религиозных организаций России для продвижения государственных интересов в Египте.

Ключевые слова: Россия, Египет, государственно-церковные отношения, государственная политика в отношении религии, Русская православная церковь, РПЦ

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-41002 «Взаимодействие России и Русской православной церкви с мусульманскими и христианскими общинами на Ближнем Востоке».

© Лукьянова Г.О., Чикризова О.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Лукьянова Г.О., Чикризова О.С. Ключевые модели взаимодействия религиозных институтов в контексте государственно-церковных отношений на примере России и Египта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 712—733. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-712-733

Key Models of Religious Institutions' Interaction in the Context of the State-Church Relations in Russia and Egypt

Galina O. Lukyanova^{ID}, Olga S. Chikrizova^{ID}✉

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
✉chikrizova-os@rudn.ru

Abstract. The article reveals and comparatively analyses the peculiarities of the state-church relations in Russia and Egypt. Currently, the role of religion and religious institutions in world politics is actively increasing, as well as the process of secularization of public life is being redefined. Religion still often becomes the cause of discrimination, persecution of certain groups of society; the level of Islamophobia in Western countries and Religiophobia in the whole world is not decreasing. In these conditions, the importance of state-church relations within key international actors is also growing. The purpose of the study is to provide comparative analysis of the specifics of the state religion policy of Russia and Egypt in order to develop recommendations for the use of Russian religious institutions to strengthen Russia's position in the Middle East. Russia and Egypt were chosen as research objects, since these countries have a rich history of interaction in the religious sphere, which could become a basis for the future cooperation between religious institutions of the two countries. In addition, Egypt is one of the key states in the Middle East, where Russian influence has never been dominant, but where exactly religious organizations such as the Russian Orthodox Church (ROC) most actively and successfully pursued Russia's interests. Methodologically, the article is based on historical and empirical institutionalism, as well as comparative analysis and historical-genetic method. The study is quite novel, as it identifies four models of interaction between religious communities, which are based on two criteria: a) presence of religious institutions representing the interests of a particular community; b) status of religion in the state (dominant / minority religion). The practical significance of the study lies in its attempt to make recommendations for improving the use of religious organizations in Russia to promote state interests in Egypt on the basis of the highlighted features of state-church relations in Egypt.

Key words: Russia, Egypt, state-church relations, state religion policy, Russian Orthodox Church, ROC

Acknowledgements: The research was funded by RFBR according to the scientific project No. 20-014-41002 "Interaction between Russia and the Russian Orthodox Church with Muslim and Christian communities in the Middle East".

For citation: Lukyanova, G. O., & Chikrizova, O. S. (2021). Key models of religious institutions' interaction in the context of the state-church relations in Russia and Egypt. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 712—733. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-712-733>

Введение

В мае 2022 г. в Санкт-Петербурге состоится Всемирная конференция по межрелигиозному и межэтническому диалогу под эгидой ООН¹, направленная на создание условий для взаимодействия глав государств, лидеров

ведущих религиозных сообществ и общественных деятелей по вопросам сохранения культурного, конфессионального и этнического разнообразия. Примечательно, что в 2022 г. исполнится 40 лет, с тех пор как в мае 1982 г. в Москве прошла Всемирная конференция религиозных деятелей, в которой участвовали «590 представителей буддистской, зороастрийской, индуистской, иудаистской, мусульманской, сикхской, синтоистской и христианской религий из 90 стран всех континентов» (Керимов, 1983, с. 162).

¹ См.: Резолюция ГА ООН A/Res/72/278, принятая 22 мая 2018 г. <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/72/278> (дата обращения: 13.07.2021); Всемирная межрелигиозная конференция пройдет в России в 2022 году // РИА Новости. 20.01.2021. <https://ria.ru/20210120/religii-1593800514.html> (дата обращения: 13.07.2021).

Для России как полиэтничного и многоконфессионального государства, имеющего многовековую историю мирного сосуществования представителей многочисленных народностей и религий, конференция может стать возможностью закрепиться в качестве лидера международного сообщества по налаживанию диалога между политиками и религиозными деятелями с целью гуманизации международных отношений и мировой политики. Конференция позволит главам крупнейших религиозных общин мира донести до политических лидеров взгляды на решение глобальных проблем, урегулирование многочисленных конфликтов, а также преодоление распространения экстремизма, национализма и религиозной фобии.

В этой связи особенно актуальным представляется рассмотрение особенностей государственно-церковных отношений в Египте, который выступает одной из ведущих стран арабо-мусульманского мира и неотъемлемой частью Святой земли. Будучи также многоконфессиональным государством, Египет сталкивается с проблемами дискриминации по религиозному признаку. В то же время исторически Египет выступал центром суннитско-шиитского сближения в исламе: в Каире в 1947 г. молодым иранским муджтахидом Мухаммадом Таки аль-Кумми была основана ассоциация по сближению исламских течений «Джамаат ат-такриб», создание которой поддержали улемы Аль-Азхара и египетское правительство. Деятельность «Джамаат ат-такриб» ознаменовала важный шаг в деле преодоления суннитско-шиитских разногласий, хотя и не привела к их полному урегулированию: ассоциация пала жертвой кризиса 1960 г. в египетско-иранских отношениях (Чикризова, 2018, с. 169—170). Тем не менее Египет еще не раз обратится к идее возрождения «Джамаат ат-такриб» в стремлениях возглавить внутриисламский диалог.

В последние годы Египет в лице Аль-Азхара становится одним из главных локомотивов межрелигиозного диалога (Fahmi, 2019). Так, в феврале 2019 г. в Абу-Даби состоялась историческая встреча папы Римского Франциска и верховного имама Аль-Азхара д-ра Ахмада ат-Таййба, которой

в апреле 2017 г. предшествовало выступление папы Франциска с речью о межрелигиозном диалоге в египетском университете. По итогам встречи, на которой также присутствовали представители Русской православной церкви (РПЦ)², подписана декларация «О человеческом братстве во имя мира и мирного сосуществования», призванная возобновить диалог между христианством и исламом в условиях, когда последователи обеих религий столкнулись с проявлениями религиозной фобии (религиозной нетерпимости) и даже физическим истреблением за религиозные убеждения, которым подвергаются как христиане, так и мусульмане со стороны джихадистских террористических группировок типа ИГИЛ³.

Важно отметить, что для России и Египта, имеющих богатейшую историю духовных связей, взаимодействие в религиозной сфере является естественным. В свою очередь, исторически во взаимоотношениях Российского государства со странами Арабского Востока религиозная миссия и дипломатия были неразрывны. При этом в задачи авторов статьи не входит анализ двусторонних российско-египетских отношений, которым посвящены многочисленные основательные труды ведущих российских исследователей, в частности А.З. Егорова (1998; 2016), В.В. Белякова (2007; 2010), Г.В. Горячкина (2014) и С.А. Кириллиной (2000), а также монография египетской исследовательницы М. Халиль (2019).

Методология исследования

Исследование опирается на исторический институционализм, который позволяет анализировать социальные институты в исторической динамике и учитывать, что они неравномерно представляют различные социальные группы и их интересы (Peters, 2000; Hall & Taylor, 1996; Hurd, 2017), а также эмпирический институционализм, предусматривающий

² Представители Русской Православной Церкви приняли участие во Всемирной конференции «Человеческое братство» // РПЦ, 08.02.2019. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5370269.html> (дата обращения: 15.07.2021).

³ Организация запрещена в РФ.

прямую взаимосвязь между институтами и политическим выбором и дающий возможность выявить специфику государственно-церковных отношений в конкретном государстве (Martino, 2014; Fox, 2015; 2019).

Используя базу данных проекта «Религия и государство»⁴, проводимого в Университете Бар-Илана (Рамат-Ган, Израиль) и сосредоточившего информацию о государственно-религиозных отношениях в 183 странах мира за 1990—2014 гг., в том числе разработанные и рассчитанные в рамках проекта индексы, авторы дают характеристику религиозной ситуации в Египте, а также проводят сравнительный анализ государственно-церковных отношений в Египте и России.

Под *государственно-церковными отношениями* понимается «совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязей и взаимоотношений институтов государства, включая органы власти и управления, государственные учреждения и организации, с одной стороны, и религиозных объединений (религиозных организаций, религиозных групп, руководящих или координирующих органов, духовных образовательных учреждений), а также учреждений и предприятий религиозных организаций — с другой. В основе этих отношений лежат законодательно закрепленные представления о месте религии и религиозных объединений в жизни общества, их функциях, сферах деятельности и компетенции всех субъектов данных отношений» (Шахов, 2013, с. 12).

Цель исследования заключается в определении наиболее эффективных механизмов и инструментов, которые может применить Россия во взаимодействии с мусульманскими и христианскими общинами Египта в рамках традиционной опоры для российской дипломатии в регионе Ближнего Востока — религиозных организаций (главным образом РПЦ), а также с учетом особенностей политики, проводимой Египтом как в отношении представителей доминирующей религии, так и религиозных меньшинств. Под *доминирующей*

религией понимается та религия, к которой относит себя большинство населения того или иного государства, при этом данная религия может как иметь статус государственной, так и не обладать подобным статусом в соответствии с национальным законодательством.

Структура статьи обусловлена методологией исследования. Первый раздел посвящен рассмотрению особенностей религиозной ситуации в современном Египте с целью выявления групп религиозных меньшинств и формированию понимания, представлены ли они какими-либо институтами во взаимоотношениях с государством и внешним миром. В этом же разделе проведен сравнительный анализ ключевых составляющих государственно-церковных отношений в Египте и России на основе данных проекта «Религия и государство». Во втором разделе на примере взаимодействия РПЦ и Аль-Азхара рассмотрены направления первой модели взаимодействия религиозных акторов — институтов, представляющих доминирующие религии России и Египта. В третьем разделе изучена специфика взаимодействия института доминирующей религии с институтами религии меньшинства: контакты между Аль-Азхаром и Духовным управлением мусульман России (ДУМ РФ), РПЦ и Александрийской православной церковью, а также РПЦ и Коптской православной церковью (КПЦ) Египта. Наконец, заключительный раздел сфокусирован на взаимодействии (точнее, его отсутствии) шиитских общин России и Египта, не имеющих собственных религиозных институтов, которые могли бы выражать их интересы как в странах проживания, так и за рубежом.

Особенности государственной политики Египта и России в отношении религии

Религиозная ситуация в современном Египте

Согласно последнему отчету «Религиозная свобода в мире» (2020), подготовленному Госдепартаментом США, население Египта составляет 104,1 млн человек, из которых около 90 % исповедует суннитский ислам и около 10 % — христианство. Отмечается также, что подавляющее большинство всех

⁴ The Religion and State Project, Round 3 // The ARDA. URL: <https://www.thearda.com/Archive/Files/Descriptions/RAS3.asp> (accessed: 21.09.2021).

христиан Египта причисляют себя к Коптской православной церкви, представители других течений христианства⁵ в совокупности составляют около 2 %. Менее 1 % составляют иудеи, мусульмане-шииты, бахаиты, члены ордена ахмадийя и давиди бора⁶.

Таблица 1

Религиозная ситуация в Египте и России в 2015 г.

Критерий	Египет	Россия
Население, млн чел. (2021)	106,437,241	142,320,790
Официальная религия	Суннитский ислам	Православие
Доля последователей различных религий		
<i>Мусульмане (всего, %), из них:</i>	<i>88,4</i>	<i>10,6</i>
сунниты	88,3	10
шииты	0,2	0,7
другие	> 0,1	—
<i>Христиане (всего, %), из них:</i>	<i>10,9</i>	<i>48,2</i>
православные	9,3	44,6
пятидесятники	0,3	1,5
протестанты	1,1	1,1
католики	0,2	0,5
другие	> 0,1	0,5
<i>Этнические религии (анимизм, шаманизм и др.), %</i>	—	<i>1,4</i>
<i>Буддисты (всего, %), из них:</i>	—	<i>0,5</i>
ваджраяна	—	0,5
другие	—	0,1
<i>Другие религии, %</i>	<i>> 0,1</i>	<i>0,1</i>
<i>Нерелигиозные (в т.ч. атеисты), %</i>	<i>0,6</i>	<i>8,2</i>
<i>Нет данных, %</i>	—	<i>31</i>

Источник: составлено авторами по данным: Egypt // CIA. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/egypt/#people-and-society> (accessed: 12.08.2021); Russia // CIA. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/russia/#people-and-society> (accessed: 12.08.2021); Compare Nations // The ARDA. URL: <https://www.thearda.com/internationalData/compare2.asp?c=73&c=186> (accessed: 12.08.2021).

⁵ Среди них: англикане, Армянская Апостольская церковь, католики (армяне, халдеи, мелькиты, марониты, католики латинского обряда, сиро-католики), православные (греческого и сирийского обрядов), а также протестанты, подавляющее большинство которых принадлежит зонтичной организации Протестантских церквей Египта, или Ассоциации Евангелической церкви. См.: Egypt 2020 International Religious Freedom Report. United States Department of State, 2020. P. 3. URL: <https://www.justice.gov/eoir/page/file/1395811/download> (accessed: 18.08.2021).

⁶ Ibid.

В табл. 1 представлены данные о доле последователей различных религий в составе населения Египта и России на 2015 г., аккумулярованные проектом «Религия и государство», которые не сильно разнятся с данными за 2020 г. по Египту, представленными выше.

Table 1

Religious situation in Egypt and Russia, 2015

Criterion	Egypt	Russia
Total population, mln (2021)	106,437,241	142,320,790
Official Religion	Sunni Islam	Orthodoxy
Religious Adherents		
<i>Muslim (all denominations combined), %:</i>	<i>88.4</i>	<i>10.6</i>
Sunni Muslim	88.3	10
Shia Muslim	0.2	0.7
Other and unknown Muslim	> 0.1	—
<i>Christian (all denominations combined), %:</i>	<i>10.9</i>	<i>48.2</i>
Orthodox	9.3	44.6
Pentecostal	0.3	1.5
Protestant	1.1	1.1
Catholic	0.2	0.5
Other and unknown Christian	> 0.1	0.5
<i>Ethnoreligionist (incl. Animist, Shamanist), %</i>	—	<i>1.4</i>
<i>Buddhist (all denominations combined), %:</i>	—	<i>0.5</i>
Vajrayana Buddhist	—	0.5
Other and unknown Buddhist	—	0.1
<i>Other Religionist, %</i>	<i>> 0.1</i>	<i>0.1</i>
<i>Not Religious (incl. Atheist), %</i>	<i>0.6</i>	<i>8.2</i>
<i>Unknown, %</i>	—	<i>31</i>

Source: compiled by the authors based on the data: Egypt // CIA. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/egypt/#people-and-society> (accessed: 12.08.2021); Russia // CIA. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/russia/#people-and-society> (accessed: 12.08.2021); Compare Nations // The ARDA. URL: <https://www.thearda.com/internationalData/compare2.asp?c=73&c=186> (accessed: 12.08.2021).

Исходя из данных табл. 1, следует, что религия занимает более важное место в жизни египтян, нежели россиян (0,6 % нерелигиозных в Египте против 8,2 % — в России, а также 31 % россиян, которые либо не придают значения религии в своей жизни, либо не могут отнести себя к конкретной религии (графа «нет данных»)), следовательно, она оказывает более существенное влияние на общественно-политические отношения в

Египте. Также египетское общество более однородно в конфессиональном плане: 88 % населения исповедуют ислам, при этом только 0,1 % — его шиитскую версию. Согласно имеющимся данным, в России шиитская община, состоящая преимущественно из этнических азербайджанцев, часть из которых — мигранты и не имеют российского гражданства, более многочисленна, чем в Египте, хотя здесь требуется оговорка: в странах, где наблюдается дискриминация в отношении шиитского населения, шииты могут воспользоваться принципом сокрытия своей веры (*ат-такыйя*) ради выживания, что осложняет процесс подсчета численности шиитов в некоторых государствах и относительность доступных показателей.

Что же касается христиан, то в обеих странах подавляющее большинство составляют православные. Однако проект «Религия и государство» Университета Бар-Илана не выделил в отдельную группу христиан-коптов Египта, которые отрицают решения Халкидонского Вселенского собора 451 г., ключевым вопросом которого был христологический спор (о природе и воле Иисуса Христа), поэтому Коптская православная церковь относится к дохалкидонским церквам, в то время как РПЦ признает решения этого собора, что делает ее частью сообщества халкидонских церквей (El Masri, 1978, p. 276). Между церквами двух разных обрядов отсутствует евхаристическое общение (возможность совместного служения), поэтому в дальнейшем мы будем различать отношения РПЦ с Александрийским патриархатом (халкидонская церковь, евхаристическое общение с РПЦ было до 2019 г.) и отношения РПЦ с Коптской церковью.

Государственно-церковные отношения в России и Египте: сравнительный анализ

Данные проекта «Религия и государство» позволяют выявить ключевые сходства и различия политики Египта и России в отношении религиозных общин, причем учитывая, являются члены той или иной общины последователями доминирующей религии —

в нашем случае суннитского ислама в Египте и православного христианства в России — или религиозным меньшинством. Сравнение проводится по ряду критериев, среди которых государственное регулирование религиозной сферы, наличие дискриминации по религиозному признаку, государственное финансирование религии и др. (табл. 2).

Данные, представленные в табл. 2, не противоречат тому факту, что, согласно основным законам двух стран, в Египте ислам признан государственной религией, а в России «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»⁷. Так, о значительном контроле религиозной сферы со стороны государства свидетельствуют показатели 1, 3, 5 и 6 табл. 2. Значения для России по указанным показателям ниже (кроме показателя 6), что свидетельствует о более низком уровне контроля религии со стороны государства.

Показатели 9, 11 и 13, отражающие официальный религиозный статус, представленность в религиозном образовании и финансовую поддержку государством *доминирующей* религии — суннитского ислама в Египте и православия в России, — свидетельствуют о безусловной поддержке Египтом религиозных институтов суннизма и его высоком статусе, среднее значение (2 из 4) демонстрирует только показатель о требованиях к религиозному образованию. В свою очередь, по России несколько ниже только показатели 9 и 13, в то время как требования к религиозному образованию также показывают среднее значение, что объясняют данные табл. 3, где отмечается, что в российских школах ученик (в частности, исповедующий другую религию) вправе отказаться от курса по основам православия.

Остальные показатели в табл. 2 относятся к государственной политике двух стран в отношении *религиозных меньшинств*. Что

⁷ П. 1 ст. 14 Конституции Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10103000/paragraph/92:0> (дата обращения: 20.09.2021).

касается Египта, то данные таблицы демонстрируют достаточно высокую (но не максимальную) степень ущемления религиозных меньшинств (показатель 2), особенно в социальной сфере (показатель 4), а также большое количество жертв преследований по религиозным соображениям (показатель 8). Очень

низким оказался статус религиозных меньшинств в Египте (показатель 10), что подтверждается также низкими требованиями к религиозному образованию недоминирующих религий (показатель 12) и отсутствие их финансирования со стороны государства (показатель 14).

Таблица 2

**Сравнение ключевых индексов государственной политики Египта и России
в отношении религии**

№ п/п	Индекс	Египет	Россия
1	Государственное регулирование большинства или всех религий (0—87, чем ниже индекс, тем меньше степень регулирования)	29	17
2	Индекс дискриминации религиозных меньшинств со стороны государства (0—108, чем ниже индекс, тем меньше степень дискриминации)	46	49
3	Государственное финансирование религии (0—10, чем ниже индекс, тем меньше уровень финансирования)	6	4
4	Индекс социальной дискриминации религиозных меньшинств (0—81, чем ниже индекс, тем меньше степень дискриминации)	62	26
5	Индекс религиозного законодательства (0—52, чем ниже индекс, тем меньше законодательного контроля в сфере религии)	28	12
6	Средний балл социального регулирования по кодировке ARDA по данным отчетов Государственного департамента США о международной религиозной свободе за 2003, 2005 и 2008 гг. (0—10, чем ниже индекс, тем меньше степень регулирования)	8	9,8
7	Сводная оценка свободы вероисповедания для недоминирующих религий (0—4, чем ниже индекс, тем больше уровень свободы)	1,3	2,0
8	Среднее количество людей, подвергшихся физическому насилию, перемещению, заключению в тюрьму или убитых из-за их религии, согласно отчетам Государственного департамента США о свободе вероисповедания за 2005 и 2008 гг. (кодировка ARDA). 0 = нет; 1 = 1—10; 2 = 11—20; 3 = 21—100; 4 = 101—500; 5 = 501—1000; 6 = 1001—5000; 7 = 5 001—10 000; 8 = 10 001—50 000; 9 = 50 001—100 000; 10 = больше 100 000 чел.	7	3
9	Официальный религиозный статус — совокупный балл для предпочитаемой / официальной религии (0—4, чем ниже балл, тем ниже статус)	3,5	3
10	Официальный религиозный статус — совокупный балл для религий меньшинства (0—4, чем ниже балл, тем ниже статус)	0,5	1
11	Религиозное образование — совокупный балл для предпочитаемой / официальной религии (0—4, чем ниже балл, тем меньше требования)	2	2
12	Религиозное образование — совокупный балл для религий меньшинства (0—4, чем ниже балл, тем меньше требования)	1	1
13	Финансовая поддержка — совокупный балл для предпочитаемой / официальной религии (0—4, чем ниже балл, тем меньше поддержка)	4	2
14	Финансовая поддержка — совокупный балл для религий меньшинства (0—4, чем ниже балл, тем меньше поддержка)	0	2

Примечание. Исследование проводилось в 1990—2015 гг., однако данные для показателей 6 и 8 рассчитаны на основании кодирования отчетов Госдепартамента США о религиозной свободе в мире за 2003, 2005 и 2008 г. с применением методики кодирования Б. Грима и Р. Финке (Grim & Finke, 2006).

Источник: составлено авторами по данным: Compare Nations // The ARDA. URL: <https://www.thearda.com/internationalData/compare3.asp?c=73&c=186> (accessed: 02.09.2021); Religious Regulations — Compare Nations // The ARDA. URL: <https://www.thearda.com/internationalData/compare4.asp?c=73&c=186> (accessed: 02.09.2021).

Table 2

Comparison of key indices of government policy in Egypt and Russia in relation to religion

No.	Index	Egypt	Russia
1	State Regulation of Majority or All Religions Index (0—87, lower means less regulation)	29	17
2	State Religious Minority Discrimination Index (0—108, lower means less discrimination)	46	49
3	State Funding of Religion Summary (0—10, lower means less state funding)	6	4
4	Societal Discrimination of Minority Religions Index (0—81, lower means less discrimination)	62	26
5	Religious Legislation Index (0—52, lower means less religious legislation)	28	12
6	Average social regulation score over ARDA researchers' coding of 2003, 2005 and 2008 U.S. Department of State's International Religious Freedom Reports (0—10, lower means less regulation)	8	9.8
7	Religious Freedom Composite Score for Nonpreferred Religion(s) (0—4, lower means more freedom) (2015)	1.3	2.0
8	Average number of people physically abused, displaced, imprisoned, or killed due to their religion according to the U.S. Department of State's 2005 and 2008 International Religious Freedom Reports (as coded by ARDA researchers). 0 = None; 1 = 1—10; 2 = 11—20; 3 = 21—100; 4 = 101—500; 5 = 501—1000; 6 = 1001—5000; 7 = 5001—10 000; 8 = 10 001—50 000; 9 = 50 001—100 000; 10 = greater than 100 000	7	3
9	Religious Official Status Composite Score of Preferred Religion(s) (0—4, lower means less established or favored)	3.5	3
10	Religious Official Status Composite Score of Nonpreferred Religion(s) (0—4, lower means less established or favored)	0.5	1
11	Religious Education Composite Score of Preferred Religion(s) (0—4, lower means less religious education requirements)	2	2
12	Religious Education Composite Score of Nonpreferred Religion(s) (0—4, lower means less religious education requirements)	1	1
13	Religious Financial Support Composite Score of Preferred Religion(s) (0—4, lower means less financial support)	4	2
14	Religious Financial Support Composite Score of Nonpreferred Religion(s) (0—4, lower means less financial support)	0	2

Note. The study was conducted in 1990—2015; however, the data for indicators 6 and 8 were calculated based on the coding of the International Religious Freedom Reports of the US Department of State for 2003, 2005 and 2008 using the coding methodology of B. Grim and R. Finke (Grim & Finke, 2006).

Source: compiled by the authors based on the data: Compare Nations // The ARDA. URL: <https://www.thearda.com/internationalData/compare3.asp?c=73&c=186> (accessed: 02.09.2021); Religious Regulations — Compare Nations // The ARDA. URL: <https://www.thearda.com/internationalData/compare4.asp?c=73&c=186> (accessed: 02.09.2021).

Любопытен в этой связи показатель 7, который демонстрирует казалось бы противоречащую всем остальным пунктам достаточно низкую сводную оценку свободы вероисповедания для недоминирующих религий (1,3 из 4). Однако это можно объяснить тем, что, согласно Конституции Египта, религиозный и личный статус христиан и иудеев регулируется в соответствии с их собственными религиозными законами, что фактически приравнивает их по статусу к мусульманам (подробнее об этом ниже). Это, как представляется, несколько размывает общий балл Египта.

Оценки политики России в отношении религиозных меньшинств значительно расходятся с баллами Египта по таким параметрам, как дискриминация в социальной сфере (показатель 4): результаты России свидетельствуют о достаточно развитых свободах для религиозных меньшинств и среднем уровне дискриминации⁸; среднее количество людей,

⁸ «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» (ст. 28 Конституции

пострадавших за свои религиозные убеждения (до 100 человек) (показатель 8); финансовая поддержка религиозных меньшинств (2 из 4, 0 — у Египта) (показатель 14). По остальным показателям значения двух стран очень близки.

Табл. 3 содержит критерии сравнения политики Египта и России в отношении религии, среди которых легальность прозелитизма, специфика финансирования религиозных институтов доминирующей религии, обязательность религиозного образования и необходимость регистрации религиозных организаций.

Таблица 3

Особенности государственной политики Египта и России в отношении религии

Критерий	Египет	Россия
Легальность прозелитизма	Да	
Официальные отношения между религией и государством	Религия контролируется государством, позитивное отношение	Многоуровневые
Обязательность религиозного образования в государственных школах	Обязательно для всех	Обязательно, но по особому запросу обучающийся может отказаться от курса
Финансирование государственной / доминирующей религии	Государственное финансирование религии идет в основном на одну религию, другие религии также получают определенные средства	
Необходимость регистрации религиозных организаций	Регистрация требуется, но иногда в ней отказывают	
Последствия регистрации религиозных организаций	Группы официально обязаны регистрироваться; незарегистрированные группы могут подвергаться преследованиям.	

Источник: составлено авторами по данным: Compare Nations // The ARDA. URL: <https://www.thearda.com/internationalData/compare3.asp?c=73&c=186> (accessed: 02.09.2021); Religious Freedom — Compare Nations // The ARDA. URL: <https://www.thearda.com/internationalData/compare4.asp?c=73&c=186> (accessed: 02.09.2021); Religious Regulations — Compare Nations // The ARDA. URL: <https://www.thearda.com/internationalData/compare5.asp?c=73&c=186> (accessed: 02.09.2021).

Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10103000/paragraph/154:0> (дата обращения: 20.09.2021).

Table 3

Features of the state religion policy of Egypt and Russia

Criterion	Egypt	Russia
Is proselytizing Legal?	Yes	
Official Support: The formal relationship between religion and state	State controlled religion, positive attitude	Multi-tiered preferences
The extent to which religious education is mandatory in public schools	Mandatory for all; the course must be in religion	Mandatory, but upon specific request, a student may opt out of the course
The extent to which funding is exclusive to one or a few religions	Government funding of religion goes primarily to one religion but at least some other religions receive some funds	
Is religious registration sometimes denied?	Registration is required but sometimes denied	
What are the consequences of registration?	Groups are officially required to register, and the government enforces this and discriminates against unregistered groups.	

Source: compiled by the authors based on the data: Compare Nations // The ARDA. URL: <https://www.thearda.com/internationalData/compare3.asp?c=73&c=186> (accessed: 02.09.2021); Religious Freedom — Compare Nations // The ARDA. URL: <https://www.thearda.com/internationalData/compare4.asp?c=73&c=186> (accessed: 02.09.2021); Religious Regulations — Compare Nations // The ARDA. URL: <https://www.thearda.com/internationalData/compare5.asp?c=73&c=186> (accessed: 02.09.2021).

Данные табл. 3 демонстрируют сходство политики российского и египетского правительств в отношении религии по трем критериям из пяти, что подтверждают и индексы, отраженные в табл. 2. При этом отношения между религией и государством в Египте более определенные, что объясняется статусом ислама как государственной религии, находящейся под контролем государства и служащей его интересам, в то время как в России государственно-церковные отношения многоуровневые, что обусловлено как конфессиональным разнообразием (табл. 1), так и безоговорочно светским характером Российского государства.

Исходя из вышеизложенного, можно выделить четыре модели взаимодействия религиозных акторов: 1) доминирующая религия + доминирующая религия; 2) доминирующая религия + религиозное меньшинство;

3) религиозное меньшинство + религиозное меньшинство; 4) взаимодействие религиозных меньшинств, не представленных каким-либо институтом. Рассмотрим особенности каждой из этих моделей.

Диалог по линии институтов доминирующих религий: РПЦ и Аль-Азхар

Согласно ст. 7 Конституции Арабской Республики Египет, «Аль-Азхар — независимое научное исламское учреждение, обладающее исключительной компетенцией в своих делах. Это главный авторитет в области религиозных наук и исламских дел. Он отвечает за проповедь ислама и распространение религиозных наук и арабского языка в Египте и во всем мире. Государство должно выделять достаточно финансовых средств для достижения этих целей. Великий шейх Аль-Азхара независим и не может быть уволен. Порядок назначения Великого шейха из числа членов Совета старших ученых определяется законом»⁹.

В свою очередь, РПЦ является неправительственной организацией, глава которой — патриарх — также избирается независимо от государства и не может быть смещен с должности по его воле. При этом РПЦ не обладает каким-либо особым статусом, поскольку «религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом»¹⁰.

РПЦ взаимодействует с Аль-Азхаром в рамках межрелигиозного диалога, координацию которого со стороны Московского патриархата осуществляет Отдел внешних церковных связей (ОВЦС).

Двусторонние встречи деятелей РПЦ с руководством университета имели место в

2010 и 2011 гг.¹¹, и в ходе данных встреч обсуждались главным образом проблемы противодействия радикализму и экстремизму, а также преследований за веру. В частности, в ходе совпавшего по времени с событиями «арабской весны» визита главы ОВЦС митрополита Илариона РПЦ выразила озабоченность положением христианского населения Ближнего Востока и Африки, рассматривая межрелигиозный диалог как перспективу, «которая обеспечит христианам Ближнего Востока мирное и уважительное отношение со стороны мусульманского большинства»¹². В частности, митрополит поддержал выдвинутую шейхом ат-Тайебом идею создания организации «Наш дом — Египет», членами которой были бы как мусульманские, так и христианские деятели, которые совместно будут «вести работу по укреплению межрелигиозных связей, бороться с распространением радикальных взглядов и призывать египтян к национальному единству независимо от конфессиональной принадлежности»¹³.

Примечательно, как деятели РПЦ высказываются об образовании, которые российские мусульмане получают в Аль-Азхаре: «Университет Аль-Азхар — заведение очень сдержанное, классическое, суннитское мусульманское, и его выпускники, возвращаясь к нам в Россию, кроме света религии ничего с собой не привозят. Но есть же другие места,

¹¹ См.: Русская православная церковь начнет сотрудничать с исламским университетом «Аль-Азхар» // Интерфакс. 12.10.2010. URL: <http://www.interfax-religion.ru/islam/index.php?act=news&div=35121> (дата обращения: 01.10.2021); Председатель Отдела внешних церковных связей провел встречу с заместителем генерального секретаря Лиги арабских государств // РПЦ. 03.09.2021. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5840385.html> (дата обращения: 01.10.2021).

¹² Выступление митрополита Волоколамского Илариона на совместной конференции Русской Православной Церкви и Евангелической церкви в Германии «Мученики, мученичество, христианское свидетельство» // РПЦ. 02.11.2017. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5053661.html> (дата обращения: 01.10.2021).

¹³ Состоялась встреча председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата с Верховным имамом университета Аль-Азхар // РПЦ. 14.06.2011. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1541001.html> (дата обращения: 01.10.2021).

⁹ Egypt's Constitution of 2014. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Egypt_2014.pdf (accessed: 13.09.2021).

¹⁰ П. 2 ст. 14 Конституции Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10103000/paragraph/94:0> (дата обращения: 20.09.2021)

куда ездят учиться наши мусульмане, где проповедуют совсем другие идеи»¹⁴. Однако очевидно, что данное высказывание оставляет за скобками проблему радикализации студентов Аль-Азхара, проявляющуюся в популярности таких проповедников, как идеолог «Братьев-мусульман»¹⁵ Юсуф аль-Кардауи, который выступает против действующего египетского режима в лице президента А. ас-Сиси¹⁶, а также называет Россию «врагом ислама»¹⁷.

Чаще всего взаимодействие РПЦ и Аль-Азхара осуществляется на многосторонних площадках, в рамках международных конференций и форумов, объединяющих представителей различных религиозных общин. Целью подобных мероприятий, как правило, является привлечение внимания мирового сообщества к консолидированной позиции религиозных деятелей по защите мира.

Среди стимулов продвижения диалога двух институтов, представляющих интересы доминирующих религий России и Египта, в последние годы центральную роль играет общая для христианства и ислама проблема религиозной фобии, уходящей корнями в деятельность многочисленных экстремистских группировок на Ближнем Востоке, которые выбирают в качестве объекта для преследований представителей религиозных меньшинств или тех, кто не разделяет их «идеалов» — будь то их единоверцы или последователи других религий. Взаимодействию также способствует высокий уровень государственной поддержки РПЦ и Аль-Азхара, которые фактически являются выразителями интересов и взглядов

правительств России и Египта в вопросах религии (табл. 2 и 3).

Что же касается ограничений диалога, то они связаны скорее со статусом и полномочиями Московского патриархата, которому очень сложно соперничать с Римской католической церковью (РКЦ) в вопросах активизации межрелигиозного диалога с исламом. РПЦ не имеет тех финансовых, имиджевых и дипломатических средств, которыми обладает Святой Престол, будучи полноправным государством с развитой сетью дипломатических представительств за рубежом. Здесь также следует упомянуть и фактор личности папы Франциска, который избрал одной из своих главных целей укрепление контактов с инославными христианскими церквями и нехристианскими сообществами (Данненберг, Касаткин, 2018). В 2015 г. Ватикан (наряду с Россией и Ливаном) был одним из инициаторов принятия Советом ООН по правам человека заявления в защиту христиан Ближнего Востока, где впервые катастрофическое положение христианских общин региона названо «геноцидом»¹⁸. В подготовке данного документа с российской стороны значительную роль сыграла и РПЦ, которая одной из первых забила тревогу в СМИ и на международных площадках относительно гонений на ближневосточных христиан¹⁹. Тем не менее среди инициаторов заявления РПЦ по понятным причинам не значится.

Взаимодействие института доминирующей религии с институтами религии меньшинства

ДУМ РФ — Аль-Азхар

Взаимодействие исламских религиозных институтов Египта и России развивается достаточно активно. Партнером Аль-Азхара

¹⁴ Митрополит Волоколамский Иларион: Для того чтобы представители разных народов и религий жили в мире и согласии, нужна крепкая государственная власть // РПЦ. 02.03.2015. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2322704.html> (дата обращения: 01.10.2021).

¹⁵ Организация запрещена в РФ.

¹⁶ Qaradawi's Fatwa Bans Voting in Egypt Elections // Al-Arabiya. May 12, 2014. URL: <https://english.alarabiya.net/News/middle-east/2014/05/12/Qatar-based-cleric-calls-for-Egypt-vote-boycott-> (accessed: 01.10.2021).

¹⁷ Russia Islam's No. 1 Enemy? Russia's Grand Mufti responds to Shaykh al-Qaradawi // Muslimvillage.com. November 23, 2021. URL: <https://muslimvillage.com/2012/11/23/32029/russia-islams-no-1-enemy-russias-grand-mufti/> (accessed: 01.10.2021).

¹⁸ На сессии Совета по правам человека ООН впервые принято заявление в защиту христиан Ближнего Востока // РПЦ. 18.03.2015. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4015461.html> (дата обращения: 11.11.2020).

¹⁹ Митрополит Волоколамский Иларион: Задача религиозных лидеров всех традиционных конфессий — борьба с радикализмом // РПЦ. 03.02.2011. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1401182.html> (дата обращения: 11.09.2020).

по диалогу выступает Духовное управление мусульман Российской Федерации — централизованная религиозная организация, имеющая официальную регистрацию в Минюсте РФ. Договорно-правовая база диалога включает Меморандум о сотрудничестве между генеральным секретариатом управлений и ведомств по фетвам в странах мира, действующим при Управлении по фетвам Арабской Республики Египет, и Духовным управлением мусульман Российской Федерации (подписан 21 декабря 2020 г.).

Одним из ключевых вопросов сотрудничества ДУМ РФ и Аль-Азхара является *исламское образование*. Для России проблема возрождения системы исламского образования после 70-летнего периода господства атеизма стоит особенно остро, а пока эта проблема не решена — естественным выходом является направление будущих мусульманских религиозных деятелей на обучение за рубеж, в том числе в один из крупнейших центров исламского образования — египетский Университет Аль-Азхар. Самые ранние сообщения о намерениях советской стороны договориться с Египтом о направлении своих студентов в этот университет, которые авторам удалось обнаружить в архивных документах, датируются 1947 г.²⁰

Среди выпускников Аль-Азхара, составляющих интеллектуальную элиту российских мусульман, необходимо в первую очередь отметить богословов-реформаторов Мусу Бигеева и Зия Камали²¹. По данным на 2016 г. (более свежих данных в официальных источниках обнаружить не удалось), в Аль-Азхаре обучалось 920 российских студентов²². Среди

²⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 14. Л. 140. Египетская пресса о церкви и религии в СССР. 1947 г.

²¹ Муса Бигеев (1873—1949) — выдающийся татарский философ-богослов, публицист, один из лидеров прогрессивного движения (джадидизм) среди мусульман России начала XX в. Зия Камали (1873—1942) — татарский философ-реформатор, ученик Мухаммада Абдо.

²² Меморандум между ДУМ РФ и Домом фетв Египта вписывается в повестку российско-египетских и российско-африканских взаимоотношений // Духовное управление мусульман Российской Федерации.

ключевых фигур российского мусульманского сообщества выпускниками Аль-Азхара являются Айнур Биргалин, председатель Духовного управления мусульман и муфтий Башкортостана, и Ильдар Аляутдинов, муфтий Москвы.

Второе направление взаимодействия Аль-Азхара и ДУМ РФ — *обмен опытом методологии вынесения фетв и мусульманского богословия*. В рамках данного направления высококвалифицированные сотрудники Управления по делам фетв выступают в качестве приглашенных специалистов на заседаниях Совета улемов ДУМ РФ²³. Последнее по времени подобное выступление имело место 21 декабря 2020 г., когда перед Советом улемов ДУМ РФ выступили советник муфтия Египта по религиозным вопросам, доктор шариатских наук Магди Ашур и руководитель центра обучения Управления по делам фетв Египта Амр аль-Варданий²⁴.

Следующее направление — *духовно-просветительское сотрудничество и интеллектуальные обмены*, которые приобретают особое значение в условиях растущей исламофобии (а в более широком смысле — религиозной фобии), активного распространения идей экстремизма и терроризма. Российская сторона осуществляет переводы на русский язык богословских трудов и работ по общественно-политической проблематике ведущих египетских мыслителей: «Трактат о единобожии» исламского теолога, философа и общественного деятеля, Верховного муфтия Египта Мухаммада Абдо²⁵, «Диалог реформатора

21.12.2020. URL: <http://dumrf.ru/regions/77/opinions/18229> (дата обращения: 22.07.2021).

²³ Рушан Аббясов обсудил с послом Египта в РФ Ихабом Насером вопросы сотрудничества // Духовное управление мусульман Российской Федерации. 02.02.2021. URL: <http://dumrf.ru/regions/77/event/18410> (дата обращения: 22.07.2021).

²⁴ Совет улемов ДУМ РФ подвел итоги деятельности в 2020 г. // Духовное управление мусульман Российской Федерации. 28.12.2020. URL: <http://dumrf.ru/regions/77/event/18295> (дата обращения: 22.07.2021).

²⁵ Презентация книжной серии «Возрождение и обновление» состоится 12 апреля в Московской Соборной мечети // Духовное управление мусульман Российской Федерации. 08.04.2021. URL: <http://dumrf.ru/regions/77/announcement/18757> (дата обращения: 22.07.2021).

и мукаллида» Мухаммада Рашида Риды, «Ислам: вероучение и закон» Махмуда Шальтута, «Освобождение женщины» Касима Амина, «Ислам и принципы правления» Али Абдаррафика, «Реформация исламской мысли» Насра Хамида Абу Зайда и др.²⁶ В свою очередь, египетская сторона осуществляет переводы на русский язык избранных изданий Министерства вакфов Египта, в том числе работ по исламскому богословию²⁷. В Университете Аль-Азхар также издаются и изучаются труды татарского ученого и богослова Шихабуддина Марджани.

Таким образом, Аль-Азхар и ДУМ РФ, объединенные общей религией, сотрудничают по целому ряду направлений, по объективным причинам отсутствующих среди вопросов, по которым ведется диалог Аль-Азхара с РПЦ. Тем не менее, на наш взгляд, взаимодействие двух мусульманских религиозных институтов все же ограничено статусом ДУМ РФ как одной из многочисленных религиозных организаций России. Управление представляет всех российских мусульман, что является его безусловным достоинством, однако организации пока не удалось выстроить эффективную модель работы на международной арене, о чем свидетельствует, в частности, отсутствие данных о количестве студентов из России, обучающихся в зарубежных исламских университетах, то есть не только в Египте, но и других странах, хотя исламское образование — ключевое направление деятельности ДУМ РФ.

²⁶ См.: Делегация ДУМ РФ встретила в Каире с министром вакфов Египта Мухаммадом Мухтаром Гомаа // Духовное управление мусульман Российской Федерации. 15.03.2021. URL: <http://dumrf.ru/common/event/18608> (дата обращения: 22.07.2021); Рушан Аббясов обсудил с послом Египта в РФ Ихабом Насером вопросы сотрудничества // Духовное управление мусульман Российской Федерации. 02.02.2021. URL: <http://dumrf.ru/regions/77/event/18410> (дата обращения: 22.07.2021).

²⁷ Делегация ДУМ РФ встретила в Каире с министром вакфов Египта Мухаммадом Мухтаром Гомаа // Духовное управление мусульман Российской Федерации. 15.03.2021. URL: <http://dumrf.ru/common/event/18608> (дата обращения: 22.07.2021).

РПЦ — Александрийский патриархат

Александрийская православная церковь (АПЦ), каноническая территория которой охватывает Египет (за исключением южной части Синая), а также страны Северной, Центральной и Южной Африки, включает в себя 31 епархию, 6 монастырей и около 1000 приходов. Количество прихожан составляет порядка 500 тыс. египтян (включая египетские диаспоры за рубежом) и около 6,3 млн жителей стран Африки²⁸. Александрийский патриархат наряду с Константинопольским, Римским (до отпадения в 1054 г.), Антиохийским и Иерусалимским составляет древнюю «пентархию» православных церквей. Однако в настоящее время этот статус остается лишь символическим: как отмечают О.Е. Петрунина, Л.А. Герд и К.А. Вах, «после османского завоевания Александрийская церковь фактически утратила самостоятельность, попав в зависимость от Константинопольского патриархата. Крайняя бедность, политическая неустойчивость в период правления мамелюков, иноверная власть, продолжающееся сокращение паствы — все это привело к тому, что от прежнего величия Египетской церкви осталось одно воспоминание» (Петрунина и др., 2020, с. 37). Серьезным ударом по статусу Александрийского патриархата и его политическому влиянию стало и снижение роли Александрии в средиземноморской торговле.

Одним из главных ограничений, всегда препятствовавших контактам православных Египта с Россией, было то, что православная община Египта состоит преимущественно из торговцев греческого происхождения, проживавших в Каире и Александрии; арабы-христиане Египта в большинстве своем принадлежат к Коптской церкви. Как известно, патриархаты греческого обряда, возглавляемые Константинополем, противостоят росту влияния РПЦ, что ярко продемонстрировал кризис вокруг автокефалии Православной церкви Украины, о котором будет сказано

²⁸ Поместные православные церкви // Монастырский хронограф. 24.01.2017. URL: <http://monasterium.by/biblioteka/infografika/pomestnye-pravoslavnye-tserkvi/> (дата обращения: 16.08.2021).

ниже. Кроме того, внутри греческой паствы АПЦ наблюдалось противостояние различных богатых семейств, каждое из которых стремилось оказывать влияние на управление церковными делами, главным образом финансовыми. Кроме того, греческие подданные, составлявшие основу православной общины Египта, следуя за своим родным правительством, избрали прозападную ориентацию — на Англию или Францию, с которыми у них были установлены более тесные торговые и коммерческие отношения (Петрунина и др., 2020, с. 45).

Таким образом, исходя из сложившегося положения, у России сохранялся единственный инструмент косвенного влияния на политическую ситуацию в Египте — оказание *регулярной* материальной помощи православному духовенству в этой стране. Финансовая поддержка была направлена на противодействие распространению католицизма и протестантизма на Ближнем Востоке, осуществлявшееся при поддержке Парижа и Лондона. Когда после Октябрьской революции 1917 г. материальная помощь от Москвы прекратилась, Российское правительство утратило важный канал взаимодействия с Египтом. Но здесь важную роль сыграла РПЦ: в 1956 г. в Троицкой церкви в Одессе начало функционировать Патриаршее Александрийское подворье. РПЦ на регулярной основе выдавала из доходов Одесского подворья суммы на расходы экзарха (настоятеля Александрийского подворья), а остальное высылала в Александрию непосредственно патриарху. В 1999 г. подворье было перенесено в Храм всех Святых на Кулишках в Москве.

В 2019 г. по причине разногласий относительно признания Александрийским патриархатом вслед за Константинополем автокефалии Православной церкви Украины Священный Синод Московского патриархата принял решение о приостановке деятельности подворья. Кроме того, представительство Патриарха Московского и всея Руси при Патриархе Александрийском было решено преобразовать в приход Русской православной церкви в Каире. Приходы РПЦ, находящиеся на Африканском континенте, были выведены

из юрисдикции Александрийского патриархата и получили ставропигиальный статус²⁹.

На отношениях РПЦ и АПЦ очень заметно отражается давнее противостояние между Московской и Константинопольской патриархиями, соперничающими за *реальное* лидерство в мировом православии и отстаивающими противоположные парадигмы церковного устройства (Касаткин, 2011; *Eastern Christianity and Politics...*, 2014; Кырлежев, 2016). По мнению РПЦ, Константинополь уже давно является «выразителем греческих узконациональных, а не вселенских православных интересов» (Петрунина и др., 2020, с. 72). В свою очередь, Константинополь исторически является лидером православных церквей греческого обряда, к коим принадлежит и АПЦ, чью паству составляют греки, проживающие в Египте. Именно принадлежность РПЦ и АПЦ к разным «блокам» внутри мирового православия является главным и пока неустранимым препятствием на пути установления более прочных и регулярных контактов между двумя церквями.

РПЦ — Коптская церковь

Копты составляют самую многочисленную христианскую общину на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Диалог между РПЦ и КПЦ в Новейшее время начал активно развиваться во второй половине прошлого века: предстоятели Московского патриархата посещали Египет в 1945, 1960, 1991 и 2010 гг. В свою очередь, патриархи Коптской церкви посещали Москву в 1972, 1988, а затем в 2014 г. (Аджбан, 2015). Кроме того, в России находится представитель Коптской церкви, которым в настоящее время является иеромонах Дауд аль-Антони.

Ключевым направлением взаимодействия РПЦ и КПЦ является *преодоление многовековых разногласий по богословским вопросам*, которые долгие столетия создавали в отношениях двух церквей атмосферу взаимного недоверия. Первый раунд переговоров по

²⁹ Александрийская Православная Церковь (историческая справка) // РПЦ. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/134420.html> (дата обращения: 02.09.2021).

данной проблеме состоялся в январе 2020 г. в Нидерландах. Кроме того, в рамках активной деятельности РПЦ по привлечению внимания мировой общественности к проблеме гонений на ближневосточных христиан Московский патриархат неоднократно выражал обеспокоенность положением египетских коптов, особенно в ходе событий «арабской весны» и после прихода к власти движения «Братья-мусульмане»³⁰.

В 2014 г. была создана двусторонняя Комиссия по диалогу между Русской православной и Коптской церквями, первое заседание которой состоялось в феврале 2016 г. в Каире³¹. Самыми значимыми сферами сотрудничества двух церквей объявлены двусторонние богословские консультации, а также *взаимодействие в академической, медийной, социальной и молодежной сферах*³². Данные сферы выбраны неслучайно: обе церкви уделяют значительное внимание работе с молодым поколением верующих, поскольку в России все меньше молодых людей стремятся приобщиться к вере, а в Египте в условиях социальной и политической нестабильности среди молодежи растут радикальные настроения.

23 мая 2017 г. в Москве состоялась встреча Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла со Святейшим Патриархом Коптским Тавадросом II, в ходе которой РПЦ отметила свою удовлетворенность «разумной политикой правительства Египта в отношении межрелигиозных связей»³³, несмотря на случаи нападения на коптские святыни в Египте. Визиту Тавадроса II предшествовало посещение Москвы 11—17 марта делегацией Коптской церкви с целью

ознакомления с социальным служением Московского патриархата в рамках деятельности двусторонней Комиссии³⁴.

В рамках двустороннего сотрудничества РПЦ и КПЦ также наладили обмены студентами и монашескими группами, а также контакты на уровне библиотек, регентских и иконописных школ³⁵. Российская сторона предоставляет стипендии египетским коптам, обучающимся в духовных семинариях и светских высших учебных заведениях России³⁶.

Таким образом, диалог между РПЦ и КПЦ, несмотря на отсутствие евхаристического общения, развивается более активно, чем взаимодействие Московского и Александрийского патриархатов. Как представляется, это обусловлено невовлеченностью Коптской церкви в противостояние между Москвой и Константинополем (КПЦ не поддержала раскольнические настроения внутри Православной церкви Украины), а также заинтересованностью обеих сторон в укреплении связей. Для России КПЦ является единственным реальным союзником в Египте, а для КПЦ важна поддержка РПЦ в деле отстаивания интересов коптской общины и повышения ее роли в общественно-политической жизни в мусульманском государстве.

В то же время необходимо отметить, что в 2019 г., по сообщениям СМИ, которые не нашли подтверждения на официальном сайте Московского патриархата, глава Коптской церкви Тавадрос II признал автокефалию Православной церкви Украины. В ответ на это РПЦ якобы разорвала отношения с лидером египетских коптов, при этом сохранив связи с другими высокопоставленными священниками, поскольку Священный Синод

³⁰ Организация запрещена в РФ.

³¹ Состоялась встреча Святейшего Патриарха Кирилла с Патриархом Коптской Церкви // РПЦ. 23.05.2017. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4903265.html> (дата обращения: 20.09.2021).

³² В Россию прибыла делегация игуменов и насельников египетских монастырей // РПЦ. 24.08.2021. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5838002.html> (дата обращения: 20.09.2021).

³³ Состоялась встреча Святейшего Патриарха Кирилла с Патриархом Коптской Церкви // РПЦ. 23.05.2017. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4903265.html> (дата обращения: 20.09.2021).

³⁴ Там же.

³⁵ Состоялось совещание по вопросу развития сотрудничества духовных школ Русской Православной Церкви и Коптской Церкви // Отдел внешних церковных связей Московского патриархата. 29.08.2021. URL: <https://mospat.ru/ru/news/87942/> (дата обращения: 20.09.2021).

³⁶ Глава Нижегородской митрополии встретился со студентами — представителями коптской общины // Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата. URL: <https://mospat.ru/ru/news/88294/> (дата обращения: 20.09.2021).

Египта не имел отношения к решению патриарха Тавадроса II³⁷. Ситуация остается до конца не проясненной, поскольку других источников информации по указанному поводу найти не удалось. Кроме того, последующие частые контакты представителей двух церквей и отсутствие официальных заявлений с обеих сторон противоречат сообщениям о разрыве отношений. Подобная сомнительная информация не отразится на наших выводах, хотя и вынудит нас продолжить изыскания по поводу позиции КПЦ относительно статуса Православной церкви Украины.

Нет институтов — нет диалога: мусульмане-шииты

В контексте шиитской истории Египет занимает особое место, поскольку именно на его территории в 909—1171 гг. существовал Фатимидский халифат шиитов-исмаилитов. Кроме того, один из самых авторитетных в мире исламских высших учебных заведений — Университет Аль-Азхар, базирующийся в Каире, изначально был одним из центров исмаилитской общественно-политической мысли и образования. В Каире также находится мечеть Сайидуна аль-Хусейн, одна из старейших в Египте. Мечеть названа в честь ключевой фигуры шиитского ислама — имама Хусейна ибн Али. По одной из версий (правда, не имеющей достоверных доказательств), в 1153 г. голова Хусейна была перенесена из иракского города Кербела, где захоронен имам, в Египет, и для хранения этой ценности в 1154 г. была и воздвигнута мечеть Сайидуна аль-Хусейн.

Точная численность шиитского населения Египта неизвестна. Как представляется, это может быть связано с традицией соблюдения принципа *ат-такыйя* — сокрытия религиозных убеждений с целью выживания себя и единоверцев, который приобретает особую актуальность в условиях социальной дискриминации (страха перед потерей работы

или карьерных перспектив) и межконфессиональных столкновений. Здесь будет уместна параллель с другим североафриканским государством — Королевством Марокко, страной с незначительным (но в последние годы динамично растущим) шиитским меньшинством, где следование принципу *ат-такыйя* также не позволяет оценить численность шиитского сообщества (Чикризова, Морозова, 2020, с. 29).

Согласно египетскому законодательству, переход человека из одной религии в другую разрешается, однако на практике правительство признает только обращение в ислам представителей других религий, в то время как переход из ислама, например, в христианство сопровождается огромным количеством бюрократических процедур, серьезно осложняющих жизнь такому «вышедшему» из ислама гражданину³⁸. В свою очередь, обращение суннитов в шиизм нельзя рассматривать как переход в другую религию, это внутриисламское «перемещение», которое, по сути, не должно было повлечь за собой каких-либо юридических последствий. Однако на практике все несколько иначе.

По мнению К. Асето, обращение в шиизм в случае египетских мусульман-шиитов нередко выступало как форма личностной эмансипации, особенно это касается первого поколения «обращенных» на волне эйфории от успехов Исламской революции в Иране (Aceto, 2017, р. 5). С политической точки зрения большинство египетских шиитов составляют противники концепции «веляят-э факих» аятоллы Хомейни, лидера иранской Исламской революции. Они выступают за сохранение светского характера египетского государства (Aceto, 2017, р. 1).

Сложившаяся в Египте система межконфессиональных отношений очень сильно напоминает систему миллетов (автономных религиозных общин), существовавшую в Османской империи: в этом исламском государстве, где мусульмане были господствующей общностью (*миллет-и хакиме*), были

³⁷ Russian Church Cuts Ties with Egypt's Coptic Pope over Ukraine // Naharnet. December 26, 2019. URL: <https://www.naharnet.com/stories/en/267595> (accessed: 01.10.2021).

³⁸ Egypt 2020 International Religious Freedom Report. United States Department of State, 2020. P. 4.

созданы руководимые, «подчиненные» общины (*миллет-и махкюме*) — православная (Рум миллети), армянская (Эрмени миллети) и иудейская (Яхуда миллети), каждой из которых разрешалось сохранять свою веру, соблюдать обряды и иметь судебную автономию по таким вопросам, как браки и разводы, наследование, некоторые уголовные дела, использование церковного имущества и т. д. Мусульманские судьи (кади) рассматривали только те споры с участием немусульманина, где ему противостоял мусульманин (Орешкова, 2018, с. 420—421, 482).

В рамках данной системы мусульмане-шииты, в отличие от суннитов, христиан и иудеев, не признаны правительством как религиозное сообщество, имеющее право открыто отправлять свои религиозные обряды и строить культовые сооружения³⁹. Также существуют свидетельства, что шииты в Египте не допускаются до службы в вооруженных силах, органах безопасности и разведке⁴⁰. В этой связи, с одной стороны, можно назвать египетских шиитов дискриминируемым меньшинством. С другой стороны, шиитские браки признаются мусульманскими⁴¹, что свидетельствует о том, что шииты не исключаются полностью из мусульманского сообщества Египта, по крайней мере в правовом аспекте.

Вместе с тем нередки случаи судебного преследования мусульман-шиитов в Египте именно за их религиозные убеждения, которые часто смешиваются с политикой. Так, основанием для обвинений в адрес известного шиитского активиста Ахмеда Расема ан-Нафиса стала опасность, якобы проистекающая из шиитской идеологии, для египетского общества и национальной безопасности, поскольку, по мнению египетского правосудия, шииты в Египте используют религию в

политических целях⁴². В то же время данные обвинения вступают в противоречие с фетвой экс-ректора Аль-Азхара Махмуда Шальтута, который в рамках деятельности «Джамаат ат-такриб» в 1959 г. подтвердил легитимность шиитского джафаритского мазхаба наряду с четырьмя суннитскими правовыми школами — ханафитской, маликитской, шафиитской и ханбалитской (Чикризова, 2018, с. 170). Также в Египте, где запрещена деятельность политических партий, созданных на религиозной основе, провалилась попытка создать партию мусульман-шиитов, которая могла бы стать фактически единственным институтом, представляющим их интересы в условиях отсутствия шиитских религиозных организаций.

Что касается шиитской общины в России, то она представлена главным образом этническими азербайджанцами, хотя некоторая их доля привержена суннитскому исламу. Шиизм также исповедует значительная часть жителей Дагестана. При этом важно, что в Российской Федерации, как и в Египте, отсутствует единый институт, представляющий интересы разрозненных шиитских общин. Создано несколько организаций локального уровня, которые взаимодействуют между собой на низовом уровне⁴³. Кроме того, в России отсутствует духовный лидер всех шиитов, который исполнял бы функции *марджии ат-таклида* (образца для подражания) и выступал непререкаемым авторитетом для всей общины.

Таким образом, нельзя говорить о каком-либо взаимодействии шиитов двух стран. При этом примечательно, что у РПЦ налажены устойчивые связи с шиитским Ираном, в том числе по линии диалога «Православие — ислам», начатого в годы президентства М. Хатами (1997—2005 г.), который продвигал инициативу «Диалога цивилизаций». Однако в Иране шиизм является государственной

³⁹ Данный запрет также распространяется на бахаитов, членов Церкви Иисуса Христа и Свидетелей Иеговы.

⁴⁰ Egypt 2020 International Religious Freedom Report. United States Department of State, 2020. P. 14. URL: <https://www.justice.gov/eoir/page/file/1395811/download> (accessed: 18.08.2021).

⁴¹ Ibid. P. 8.

⁴² Ibid. P. 12.

⁴³ Раис Сулейманов: «Шиизм в России постепенно институционализируется» // EurAsia Daily. 10.01.2021. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/01/10/rais-suleymanov-shiizm-v-rossii-postepenno-institucionaliziruetsya> (дата обращения: 01.08.2021). См. также: (Гибадуллин, 2013).

религией и представлен многочисленными институтами, в отличие от шиизма в Египте. В этой связи в случае с Ираном сотрудничество осуществляется по первой модели — двух институтов доминирующей религии.

Заключение

Анализ государственно-церковных отношений в России и Египте выявил существенные различия в подходах стран к доминирующему вероисповеданию и религиозным меньшинствам. Наиболее ярко эти различия проявляются в Египте, где только суннитский ислам получает финансовую поддержку со стороны правительства, а также играет весомую роль в общественно-политической жизни страны. Особый статус Университета Аль-Азхар и его великого шейха закреплены в Конституции Арабской Республики Египет.

Изучение общественно-политического положения христианских и мусульманских меньшинств Египта показало, что политические преобразования в стране, имевшие место за последние 10 лет, практически не изменили жизнь египетских христиан или мусульман-шиитов. По-прежнему имеют место факты ограничения прав коптов в таких сферах, как прием на государственную гражданскую и военную службу.

В свою очередь, в России по законодательству религиозные организации отделены от государства и имеют одинаковый статус, хотя уровень сотрудничества российского правительства с Русской православной церковью в части, касающейся отстаивания интересов РФ на международной арене посредством взаимодействия религиозных институтов, очевидно на порядок выше, чем с институтами, представляющими остальные общины верующих. В этой связи при иллюстрации особенностей четырех моделей взаимодействия религиозных институтов выделяется роль Московского патриархата, который развивает контакты не только с единоверцами, но и с инославными христианами, а также мусульманами, проживающими как в России, так и за рубежом.

Исходя из выделенных особенностей государственно-церковных отношений в

Египте, а также наличия острой проблемы религиозной фобии, стоящей перед всеми религиозными организациями, можно дать ряд практических рекомендаций для российской стороны, которая стремится сохранить и упрочить влияние на Ближнем Востоке.

Во-первых, целесообразно использовать слабые места политики египетского правительства по отношению к религиозным меньшинствам, в частности недостаточное финансирование деятельности, например, Коптской церкви. В свою очередь, для России оказание материальной помощи ближневосточным христианам — традиционный инструмент влияния в регионе. Наиболее перспективным партнером может стать Коптская православная церковь, поскольку у Александрийского патриархата уже есть покровители в лице греческого правительства и Константинопольской православной церкви. При этом в современных условиях материальная помощь может не ограничиваться банальным направлением финансовых средств, судьбу которых впоследствии сложно отследить. Более продуктивным здесь может оказаться продолжение практики предоставления квот и стипендий на обучение в российских духовных семинариях и академиях, тем более что подобная работа уже ведется, а также содействие со стороны государства работе двусторонней Комиссии РПЦ и КПЦ и многоплановая поддержка инициатив двух церквей.

Во-вторых, будет естественным использовать многосторонние каналы взаимодействия с египетскими мусульманами, в частности Университетом Аль-Азхар. Речь идет в первую очередь о трехстороннем формате диалога РПЦ — Ватикан — Аль-Азхар, поскольку для подобного диалога созданы все условия. В 2016 г. состоялась историческая встреча Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с папой Римским Франциском, которая вывела межхристианский диалог из состояния «анабиоза», в 2017 г. было налажено взаимодействие РПЦ с Аль-Азхаром, а в 2019 г. возобновились контакты Аль-Азхара с Ватиканом. Этому в значительной степени способствовал личностный фактор: патриарх

Кирилл долгие годы возглавлял ОВЦС РПЦ, и внешняя деятельность — один из его приоритетов; папа Франциск также провозгласил сближение религий важнейшей задачей своего папства. Свидетельством прорыва в отношениях двух христианских церквей стало заявление Совета ООН по правам человека о положении ближневосточных христиан, ставшее результатом совместной инициативы Ливана, Ватикана и России во взаимодействии с РПЦ. Очевидно, что поддержка российскими властями внешней деятельности Московского патриархата способствует продвижению межхристианского и межрелигиозного диалога, и подобная практика обязана получить продолжение на конференции, намеченной на 2022 г.

Перспективным трехсторонним форматом также может стать диалог РПЦ, Совета муфтиев России и Университета Аль-Азхар, для чего заложены достаточно прочные основы в виде соглашений между Советом муфтиев и египетским университетом, а российские

религиозные институты взаимодействуют в рамках деятельности органов власти и на многочисленных международных площадках межрелигиозного сотрудничества.

Наконец, в диалоге с Аль-Азхаром у РПЦ существует важное преимущество перед Ватиканом: Московский патриархат, являющийся религиозной организацией, представляющей интересы доминирующей религии России, близок по статусу к Аль-Азхару, и их двусторонние отношения лишены той асимметрии, которая присутствует в контактах *государства* Ватикан с Университетом Аль-Азхар. Финансовые и дипломатические возможности Святого престола, которые ограничиваются только количеством католиков в отдельно взятой стране, могут вызывать обеспокоенность у руководства египетского университета (Pratt, 2010; 2015). В свою очередь, РПЦ не имеет базы для прозелитизма на территории Египта, что делает ее безопасным партнером для Аль-Азхара, и России следует этим воспользоваться.

Поступила в редакцию / Received: 21.09.2021
Принята к публикации / Accepted: 26.10.2021

Библиографический список

- Аджбан И.И. Отношения между двумя Церквями — Коптской и Русской — в XIX — XXI веках. Каир: Российские новости, 2015.
- Беляков В.В. Роль гуманитарных связей в межкультурном взаимодействии России и Египта (конец XIX — середина XX века): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007.
- Беляков В.В. Россия и Египет: межкультурное взаимодействие до Хрущева и Насера // Vitaleus: сборник статей, посвященный 70-летию В. И. Шеремета / отв. ред. В.В. Беляков, В.В. Наумкин. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 52—64.
- Гибадуллин И.Р. Шиизм в России: поиск адекватной модели самоутверждения в общем контексте российской уммы // Ислам в мультикультурном мире: мусульманские движения и механизмы воспроизводства идеологии ислама в современном информационном пространстве: сборник статей международной конференции. Казань, 14—17 ноября 2013 г. / отв. ред. Д.В. Брилев. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2013. С. 67—88.
- Горячкин Г.В. Русское присутствие в Палестине как фактор взаимоотношений между правящими династиями России и Египта (конец XIX — начало XX в.) // Православный палестинский сборник. 2014. Вып. 110. С. 72—78.
- Данненберг А.Н., Касаткин П.И. Святой престол на Святой земле: история и современность // Вестник МГИМО Университета. 2018. № 2 (59). С. 185—200. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-185-200
- Егорин А.З. Египет — Россия: 500 лет сотрудничества. Казань: Изд-во Казанского университета, 2016.
- Егорин А.З. Египет нашего времени. М.: ИВ РАН, 1998.
- Касаткин П.И. Управление церковной диаспорой как ключевая проблема межправославных отношений // Право и управление. XXI век. 2011. № 4 (21). С. 72—79.
- Керимов Г.М. Проблемы войны и мира в исламе // Вопросы научного атеизма. Вып. 31: Современный ислам и проблемы атеистического воспитания. М.: Мысль, 1983. С. 148—162.

- Кириллина С.А.* Русские путешественники и миссионерские деятели в Египте XIX — начала XX в. и их взгляды на культурный подъем на Арабском Востоке // *Россия и Восток: взгляд из Сибири в конце столетия: материалы и тезисы докладов к международной научно-практической конференции*. Иркутск, 24—27 мая 2000 года: в 2 т. Т. 1. Иркутск: Отгиск, 2000. С. 250—255.
- Кырлежев А.* Мировое православие: типология автокефальных церквей // *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. 2016. Т. 34. № 1. С. 74—101. DOI: 10.22394/2073-7203-2016-34-1-74-101
- Орешкова С.Ф.* Османская империя: очерки истории. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2018.
- Петрунина О.Е., Герд Л.А., Вах К.А.* Александрийский патриархат и Россия в XIX веке: исследования и документы. М.: Индрик, 2020.
- Халиль М.А.М.* Межкультурная коммуникация России и Египта в XX—XXI вв.: политические и религиозные аспекты. М.: МГИМО-Университет, 2019.
- Чикризова О.С.* «Экуменизм» в исламе: исторические этапы преодоления суннитско-шиитского антагонизма // *Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран*. Ежегодник 2018. С. 166—172.
- Чикризова О.С., Морозова Н.Н.* Шиизм в Марокко: историческое наследие и современность // *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 5. С. 28—35. DOI: 10.31857/S032150750009547-3
- Шахов М.О.* Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации: 2-е изд., доп. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013.
- Aceto C.* Shi'a in Egypt. One in a Hundred: Analysis of Sectarianism — Confronting a Controversial and Fragmented Community. Aahrus University, 2017. URL: https://www.academia.edu/32601963/Shi_a_in_Egypt_One_in_a_Hundred_Analysis_of_Sectarianism_Confronting_a_Controversial_and_Fragmented_Community (accessed: 12.08.2021).
- Eastern Christianity and Politics in the Twenty-First Century* / ed. by L.N. Leustean. London—New York: Routledge, 2014.
- El Masri I.H.* The Story of the Copts: The True Story of Christianity in Egypt. Book I: From the Foundation of the Church by Saint Mark to the Arab Conquest. Cairo: Middle East Council of Churches, 1978.
- Fahmi G.* The Rapprochement between Al-Azhar and the Vatican: Opportunities and Limits // *Cooperation with Religious Institutions as a European Policy Tool* / ed. by P. Sasnal. European Institute of the Mediterranean, 2019. P. 98—116.
- Fox J.* A World Survey of Secular-Religious Competition: State Religious Policy from 1990 to 2014 // *Religion, State & Society*. 2019. Vol. 47. No. 1. P. 10—29. DOI: 10.1080/09637494.2018.1532750
- Fox J.* Political Secularism, Religion, and the State: A Time Series Analysis of Worldwide Data. New York, NY: Cambridge University Press, 2015.
- Grim B.J., Finke R.* International Religion Indexes: Government Regulation, Government Favoritism, and Social Regulation of Religion // *Interdisciplinary Journal of Research on Religion*. 2006. Vol. 2. P. 1—40.
- Hall P.A., Taylor R.C.R.* Political Science and the Three New Institutionalisms // *Political Studies*. 1996. Vol. 44. No. 5. P. 936—957. DOI: 10.1111/j.1467-9248.1996.tb00343.x
- Hurd E.S.* Beyond Religious Freedom: The New Global Politics of Religion. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017.
- Martino M.G.* The State as an Actor in Religion Policy: Policy Cycle and Governance Perspectives on Institutionalized Religion. Wiesbaden: Springer, 2014.
- Peters B.G.* Institutional Theory: Problems and Prospects // *Reihe Politikwissenschaft*. 2000. Vol. 69. P. 1—28. URL: https://www.ihs.ac.at/publications/pol/pw_69.pdf (accessed: 20.07.2021).
- Pratt D.* The Vatican in Dialogue with Islam: Inclusion and Engagement // *Islam and Christian-Muslim Relations*. 2010. Vol. 21. No. 3. P. 245—262. DOI: 10.1080/09596410.2010.496656
- Pratt D.* Theology after Dialogue: Christian-Muslim Engagement Today and Tomorrow // *Islam and Christian-Muslim Relations*. 2015. Vol. 26. No. 1. P. 89—101. DOI: 10.1080/09596410.2014.965882

References

- Aceto, C. (2017). *Shi'a in Egypt. One in a hundred: Analysis of sectarianism — confronting a controversial and fragmented community*. Aahrus University. Retrieved from https://www.academia.edu/32601963/Shi_a_in_Egypt_One_in_a_Hundred_Analysis_of_Sectarianism_Confronting_a_Controversial_and_Fragmented_Community
- Adjban, I. I. (2015). Relations between the two Churches — Coptic and Russian — in the 19th — 21st centuries. Cairo: Rossijskie novosti publ. (In Russian).

- Belyakov, V. V. (2007). *The role of humanitarian ties in intercultural interaction between Russia and Egypt (late 19th — mid 20th centuries)* [thesis]. Moscow. (In Russian).
- Belyakov, V. V. (2010). Russia and Egypt: Intercultural interaction before Khrushchev and Nasser. In V. V. Belyakov & V. V. Naumkin (Eds.), *Vitaleus: a collection of articles dedicated to the 70th anniversary of V. I. Sheremet* (pp. 52—64). Moscow: Institut vostokovedeniya RAN publ. (In Russian).
- Chikrizova, O. S. (2018). “Ecumenism” in Islam: Historical stages of overcoming the Sunni-Shi‘ite antagonism. *Economic, Socio-Political, Ethno-Confessional Problems of Afro-Asian Countries. Yearbook*, 166—172. (In Russian).
- Chikrizova, O. S., & Morozova, N. N. (2020). Shi‘ism in Morocco: Historical heritage and modernity. *Asia and Africa Today*, (5), 28—35. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S032150750009547-3>
- Dannenberg, A. N., & Kasatkin, P. I. (2018). The Holy See in the Holy land: History and the present. *MGIMO Review of International Relations*, (2), 185—200. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-2-59-185-200>
- Egorin, A. Z. (1998). *Egypt of our times*. Moscow: IV RAN publ. (In Russian).
- Egorin, A. Z. (2016). *Egypt — Russia: 500 years of cooperation*. Kazan: Izd-vo Kazanskogo universiteta publ. (In Russian).
- El Masri, I. H. (1978). *The story of the Copts: The true story of Christianity in Egypt*. Book I: From the foundation of the Church by Saint Mark to the Arab conquest. Cairo: Middle East Council of Churches.
- Fahmi, G. (2019). The Rapprochement between Al-Azhar and the Vatican: Opportunities and Limits. In P. Sasnal (Ed.), *Cooperation with religious institutions as a European policy tool* (pp. 98—116). European Institute of the Mediterranean.
- Fox, J. (2015). *Political secularism, religion, and the state: A time series analysis of worldwide data*. New York, NY: Cambridge University Press.
- Fox, J. (2019). A world survey of secular-religious competition: state religious policy from 1990 to 2014. *Religion, State & Society*, 47(1), 10—29. <https://doi.org/10.1080/09637494.2018.1532750>
- Grim, B. J., & Finke, R. (2006). International religion indexes: Government regulation, government favoritism, and social regulation of religion. *Interdisciplinary Journal of Research on Religion*, 2, 1—40.
- Gibadullin, I. R. (2013). Shi‘ism in Russia: The search of appropriate model of self-constitution within Russian Muslim community. In D. V. Brilev (Ed.), *Islam in a multicultural world: Muslim movements and mechanisms of the reproduction of the ideology of Islam in the modern information space: a collection of articles of the international conference* (pp. 67—88). Kazan, November 14—17, 2013. Kazan: Kazanskii (Privolzhskii) federal’nyi universitet publ. (In Russian).
- Goryachkin, G. V. (2014). Russian presence in Palestine as a factor in the relationship between the ruling dynasties of Russia and Egypt (late 19th — early 20th centuries). *Orthodox Palestinian Collection*, (110), 72—78. (In Russian).
- Hall, P. A., & Taylor, R. C. R. (1996). Political science and the three new institutionalisms. *Political Studies*, 44(5), 936—957. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.1996.tb00343.x>
- Hurd, E. S. (2017). *Beyond religious freedom: The new global politics of religion*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Kasatkin, P. I. (2011). Governance of church diaspora as a key problem of inter-Orthodox relations. *Journal of Law and Administration*, (4), 72—79. (In Russian).
- Kerimov, G. M. (1983). Problems of war and peace in Islam. *Questions of Scientific Atheism*, (31), 148—162. Moscow: Mysl’ publ. (In Russian).
- Khalil, M. A. M. (2019). *Intercultural communication between Russia and Egypt in the 20th — 21st centuries: Political and religious aspects*. Moscow: MGIMO-Universitet publ. (In Russian).
- Kirillina, S. A. (2000). Russian travellers and missionary figures in Egypt in the 19th — early 20th centuries and their views on the cultural upsurge in the Arab East. In *Russia and the East: a view from Siberia at the end of the century: materials and abstracts of reports for the international scientific-practical conference*. Irkutsk, May 24—27, 2000: in 2 volumes. Vol. 1 (pp. 250—255). Irkutsk: Ottisk publ.
- Kyrlezhev, A. (2016). Orthodox commonwealth: A typology of autocephalous churches. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 34(1), 74—101. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2016-34-1-74-101>
- Leustean, L. N. (Ed.) (2014). *Eastern Christianity and politics in the twenty-first century*. London — New York: Routledge.
- Martino, M. G. (2014). *The State as an actor in religion policy: Policy cycle and governance perspectives on institutionalized religion*. Wiesbaden: Springer.
- Oreshkova, S. F. (2018). *The Ottoman Empire: Essays on history*. Moscow: Rubezhi XXI publ. (In Russian).

- Peters, B. G. (2000). Institutional theory: Problems and prospects. *Reihe Politikwissenschaft*, 69, 1—28. Retrieved from https://www.ihs.ac.at/publications/pol/pw_69.pdf
- Petrulina, O. E., Gerd, L. A., & Vakh, K. A. (2020). *The Alexandrian Patriarchate and Russia in the 19th century: Research and documents*. Moscow: Indrik publ. (In Russian).
- Pratt, D. (2010). The Vatican in dialogue with Islam: Inclusion and engagement. *Islam and Christian-Muslim Relations*, 21(3), 245—262. <https://doi.org/10.1080/09596410.2010.496656>
- Pratt, D. (2015). Theology after dialogue: Christian-Muslim engagement today and tomorrow. *Islam and Christian-Muslim Relations*, 26(1), 89—101. <https://doi.org/10.1080/09596410.2014.965882>
- Shakhov, M. O. (2013). *Legal basis for the activities of religious associations in the Russian Federation*. 2nd edition. Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyrya publ. (In Russian).

Сведения об авторах: Лукьянова Галина Олеговна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-4033-4852; e-mail: lukianova-go@rudn.ru
Чикризова Ольга Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-1678-0967; e-mail: chikrizova-os@rudn.ru

About the authors: *Lukyanova Galina Olegovna* — PhD in Philology, Associate Professor, Head, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); ORCID: 0000-0002-4033-4852; e-mail: lukianova-go@rudn.ru
Chikrizova Olga Sergeevna — PhD in History, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); ORCID: 0000-0002-1678-0967; e-mail: chikrizova-os@rudn.ru

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

PEACE AND SECURITY

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-734-746

Научная статья / Research article

Исламистский терроризм в контексте современных гибридных войн

Ю.М. Почта Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
 pochta-yum@rudn.ru

Аннотация. Рассматриваются современные причины воспроизводства исламистского терроризма. В качестве методологии используются концепции десекуляризации, гибридных войн, а также системно-функциональный подход. Исходя из признания провала либеральных объяснений причин исламистского терроризма, автор критикует либеральную методологию, которая основана на эссенциалистском объяснении ислама и мусульманской цивилизации и приписывает исламу неизменный набор качеств как онтологическому злу, варварству, враждебному западной цивилизации. В статье представлена точка зрения, основанная на подходах, предложенных представителями леворадикальной мысли, постмодернизма и неомарксизма. Сделан вывод о том, что политизация ислама, включая его радикальные интерпретации, обусловлена кризисом ряда мусульманских обществ. Реакция мусульманского мира на западный глобализм также является попыткой реализовать свои собственные глобальные политические проекты, что можно трактовать как ответ исламского фундаментализма на вызов западного демократического фундаментализма. Автор анализирует феномен гибридных войн как форму вооруженного и информационно-идеологического насилия, которую западный мир использует для наведения порядка в своей глобальной империи. Показана связь гибридных войн с концепцией справедливой войны, а также востребованность исламистского терроризма как элемента системы гибридных войн. Исламистский терроризм и борьба с терроризмом присутствуют во всех гибридных войнах, которые ведутся в мусульманском мире. Это проявляется как в военных действиях на местах, так и в информационной войне, а также в виртуальном пространстве. Рассматривается рынок террористических и антитеррористических услуг, присущий гибридным войнам, и место в нем исламистского терроризма. Финансовые отношения связывают участников террористической деятельности, включая заказчика, спонсора, посредника, организатора, информатора и исполнителя. Делается вывод, что исламистский терроризм не является деятельностью отдельных фанатиков или проявлением воинственного характера ислама, а продуцируется конфликтной системой современных международных отношений.

Ключевые слова: ислам, гибридные войны, терроризм, симулякр, десекуляризация, рынок террористических услуг

Благодарности: Статья подготовлена в рамках гранта РНФ 19-18-00155 «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

© Почта Ю.М., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Почта Ю.М. Исламистский терроризм в контексте современных гибридных войн // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 734—746. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-734-746

Islamist Terrorism in the Context of Contemporary Hybrid Wars

Yuriy M. Pochta

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

 pochta-yum@rudn.ru

Abstract. The article deals with the present-day causes of the reproduction of Islamist terrorism. The concepts of desecularization, hybrid wars, and a system-functional approach form the methodological basis of the research. Recognizing the failure of liberal explanations of the causes of Islamist terrorism, the author criticizes the liberal methodology, which is based on an essentialist explanation of Islam and Muslim civilization and attributes a fixed set of qualities to Islam as an ontological evil, a barbarism hostile to Western civilization. The paper presents a viewpoint based on the approaches proposed by representatives of left-wing radical thought, postmodernism and neo-Marxism. It is concluded that the politicization of Islam, including its radical interpretations, is due not to the militant unchanging nature of Islam, but to the crisis of a number of Muslim societies. The Muslim world's reaction to Western globalism is also an attempt to implement its own global political projects as a response of Islamic fundamentalism to the challenge of Western democratic fundamentalism. The author analyzes the phenomenon of hybrid wars as a form of armed violence that the Western world uses to restore order in its global empire. The connection between hybrid wars and the concept of a just war is shown, as well as the relevance of Islamist terrorism as an element of the system of hybrid wars. Islamist terrorism and counterterrorism are present in all hybrid wars waged in the Muslim world. This is manifested both in military actions on the ground, and in information warfare, as well as in virtual space. The market for terrorist and counterterrorist services inherent in hybrid wars and the place of Islamist terrorism in it are examined. Financial relations bind the participants in terrorist activities, including the customer, sponsor, mediator, organizer, informant, and performer. It is concluded that Islamist terrorism is not the activity of individual fanatics or a manifestation of the militant nature of Islam, but is produced by the conflict system of contemporary international relations.

Key words: Islam, hybrid wars, terrorism, simulacrum, desecularization, market of terrorist services

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the Russian Science Foundation grant 19-18-00155 “Islamist extremism in the context of international security: threats to Russia and the possibilities of counteraction”.

For citation: Pochta, Yu. M. (2021). Islamist terrorism in the context of contemporary hybrid wars. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 734—746. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-734-746>

Введение

Замысел статьи связан с критическим отношением автора к существующим либеральным представлениям о причинах исламистского экстремизма и желанием высказать иную точку зрения, основанную на подходах, предлагаемых представителями леворадикальной мысли. Причины сомнения автора в либеральной методологии связаны с тем, что мы являемся свидетелями провала плана создания однополярного мира во главе с США после окончания холодной войны, а также неудачи тенденции канонизации либеральной

демократии при одновременной дискредитации любых нелиберальных концепций общественного устройства. «Отказ преклоняться перед либеральным Западом стал основой антилиберальной контрреволюции в посткоммунистическом мире и за его пределами», — полагают болгарский политический аналитик Иван Крастев и американский правовед Стивен Холмс (Крастев, Холмс, 2020, с. 22—23).

Среди ряда событий, свидетельствующих о неудаче либерализма после холодной войны, можно назвать такое связанное с нашей темой, как афганская авантюра США и их союзников. Бесславно завершилась самая

долгая война в истории США, организованная под предлогом борьбы с глобальным терроризмом, стоившая многие сотни миллиардов долларов¹. Она показала, что США не только весь мир, но даже и одну отдельно взятую страну мировой периферии не могут подчинить своей воле. Правительство Афганистана, которое американцы все эти годы создавали и поддерживали, обладало лишь номинальной властью, а реальная власть принадлежит террористической организации «Талибан»², которая за годы американской оккупации существенно усилила свое влияние, и поэтому до своего ухода и после него американцы вынуждены вести с ними прямые переговоры. Оценивая эту ситуацию, в своем выступлении перед студентами Дальневосточного федерального университета 8 июля 2021 г. министр иностранных дел РФ С.В. Лавров отметил, что США «выводят войска из Афганистана... признав провал своей двадцатилетней миссии»³.

¹ Как полагают ученые Нета Кроуфорд и Катерин Лутц из американского исследовательского центра при Университете Брауна в Провиденсе, штат Род-Айленд, «с момента вторжения в Афганистан в 2001 г. Соединенные Штаты потратили на войну 2,26 триллиона долларов, включая операции как в Афганистане, так и в Пакистане... Эта общая сумма не включает средства, которые правительство Соединенных Штатов обязано потратить на пожизненный уход за американскими ветеранами этой войны, а также не включает будущие выплаты процентов по деньгам, заимствованным для финансирования войны». См.: Crawford N., Lutz C. Costs of War // Watson Institute for International & Public Affairs. April 15, 2021. URL: <https://watson.brown.edu/costsofwar/files/cow/imce/figures/2021/Human%20and%20Budgetary%20Costs%20of%20Afghan%20War%2C%202001-2021.pdf> (accessed: 02.07.2021). См. также: Reality Check team. Afghanistan: What Has the Conflict Cost the US and Its Allies? // BBC. September 3, 2021. URL: <https://www.bbc.com/news/world-47391821> (accessed: 02.07.2021).

² Организация запрещена в РФ.

³ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в Дальневосточном федеральном университете (ДВФУ) на тему «Международная деятельность России для развития российских регионов» и ответы на вопросы студентов и профессорско-преподавательского состава, Владивосток, 8 июля 2021 года // МИД России. 08.07.2021. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4809543 (дата обращения: 09.07.2021).

Об изменении российской позиции по отношению к либеральной демократии последнее время много пишет российский политолог Сергей Караганов. Он убежден в том, что с 2000-х гг. западничество в российских элитах становится маргинальным, так как стало очевидным, что Запад находится в глубоком цивилизационном кризисе. Утратив иллюзии и идеологические шоры, Россия берет курс на великодержавное возрождение как незападная страна, начинающая поворот на Восток и создающая миросистему Большой Евразии. Ученый полагает, что навязываемая Западом дихотомия «демократия — авторитаризм» является ложной и России необходимо будет доказать, что ее модернизационный авторитарный политический режим способен обеспечить развитие страны (Караганов, 2021).

Методология исследования

Ярким представителем либерального подхода к проблеме исламистского терроризма можно назвать американского политолога-востоковеда Валида Фареса. Этому выходцу из Ливана, христианину-марониту по вероисповеданию, присущи крайне правые политические взгляды. В частности, его упрекают в исламофобии, в том, что он занимает видное место в сформировавшемся после 11 сентября 2001 г. антиисламском движении в США. В. Фарес уверен, что после падения Османской империи в 1919 г. и до настоящего времени в регионе Ближнего и Среднего Востока (БСВ) идет борьба «между силами, стремящимися к восстановлению теократического исламского Халифата, и силами прогресса, ориентированными на демократию» (Фарес, 2012, с. 14). Поддерживаемые США силы, стремящиеся к демократии, борются против «объединенных сил господствующих режимов и фашиствующего джихада (салафитов и хомейнистов)» (Фарес, 2012, с. 16—17). Он убежден в том, что «подъем и успехи террора начала XXI века непосредственно связаны с экспансией радикальных идеологий, а рост этих идеологий обратно пропорционален несостоятельности демократической культуры в гражданских обществах» (Фарес, 2012,

с. 59). В. Фарес говорит о фанатизме джихадистов, считающих себя наследниками многовекового исламского халифата и стремящихся реализовать в глобальном масштабе эту концепцию, ссылаясь на волю Аллаха (Phares, 2005, p. 69).

С таким пониманием причин исламистского терроризма трудно согласиться. Оно основано на эссенциалистском объяснении ислама и мусульманской цивилизации, приписывающем исламу неизменный набор качеств онтологического зла, противостоящего западной цивилизации. Объяснение В. Фареса западоцентрично, имеет элементы социального расизма, исламофобии и в конечном счете служит оправданием необходимости господства США и их союзников над мусульманским миром. Следует уточнить, что определение «исламистский терроризм» является крайне условным, приписывающим одной из монотеистических мировых религий террористический характер. Необходимо иметь в виду, что речь идет о террористических группах, использующих фундаменталистски интерпретированные идеи и концепции ислама (джихад, халифат) для обоснования их собственной политической деятельности⁴. Так как эта деятельность носит экстремистский характер и связана с применением насилия, то необходимо выяснить, с какими современными широкомасштабными формами насилия этот экстремизм связан.

Терроризм и экстремизм в данной статье рассматриваются как типологически близкие понятия, а различие между ними можно определить, опираясь на существующее в действующем российском законодательстве понимание террористической деятельности как наиболее радикальной разновидности экстремизма⁵. На основе системно-функционального

⁴ Было бы ошибочным видеть фундаментализм только у мусульман, игнорируя существование американского религиозного (Phillips, 2006) и светского (Barber, 1995.) фундаментализмов, противостоящих исламскому фундаментализму.

⁵ См.: Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», ст. 1. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=14&nd=102079221&intelsearch= (дата обращения: 01.06.2021).

подхода в статье ставится цель изучения исламистского терроризма как элемента системы, имеющего определенные свойства и выполняющего определенные функции. Для достижения этой цели исламистский терроризм будет рассматриваться как элемент системы современных гибридных войн.

Гипотеза. Исламистский терроризм как радикальный вариант политического ислама является элементом современных гибридных войн. Специфика гибридных войн приводит к тому, что действия исламистских террористов востребованы на рынке террористических услуг. Поэтому в среднесрочной перспективе исламистский терроризм будет продолжать воспроизводиться.

План исследования. Для проверки этой гипотезы будут рассмотрены современные причины воспроизводства исламистского терроризма; феномен гибридных войн как той формы вооруженного насилия, которую западный мир использует для наведения порядка в своей империи; востребованность исламистского терроризма в гибридных войнах; присущий гибридным войнам рынок террористических и антитеррористических услуг и место в нем исламистского терроризма.

Причины воспроизводства исламистского экстремизма

Контекст воспроизводства

Для понимания причин воспроизводства терроризма необходим учет процессов, происходящих во всем мире и его мусульманской части в особенности. Арабский национализм не смог решить насущные социально-экономические проблемы арабских стран после обретения независимости, и исламизм (как политический ислам, включая его экстремистские проявления) выдвинулся на ведущее место в их политической жизни. Способствовали этому социокультурные и политические факторы. К социокультурным факторам необходимо отнести десекуляризацию эпохи постмодерна⁶, а к политическим —

⁶ Используя понятие «постмодерн», можно сослаться на мнение политолога Ю.В. Ирхина о том, что «понятие “постмодерна” стало широко использоваться

дестабилизацию ряда государств в результате иностранных вмешательств, а также стремление обладающих большими финансовыми ресурсами нефтедобывающих монархий региона сохранить свои авторитарные политические режимы и распространить свое влияние на другие страны мусульманского мира.

Дестабилизация мусульманских государств

Коллективный Запад во главе с США после холодной войны стремится переформатировать под свои глобальные интересы Большой Ближний Восток. Это приводит к дестабилизации политических режимов, хаосу и вакууму власти. Французский философ и социолог Жан Бодрийяр, использовавший идеи постмодернизма и неомарксизма, еще в 1991 г. в работе «Войны в Заливе не было» обратил внимание на внутренние противоречия торжествующей глобализации. Он показал, что ислам (мусульманский мир) демонстрирует лишь одну из радикальных форм антизападного вызова (Бодрийяр, 2016, с. 92). Фактически, ведя спор с представителями эссенциалистской трактовки причин существования исламистского терроризма, он настаивает на идее о сопричастности Запада к его появлению. Он утверждает, что террористические акты против США 11 сентября 2001 г. не являются произвольным актом нескольких недобитых фанатиков. Существует «ненависть к доминирующей глобальной силе, которую испытывают обездоленные и эксплуатируемые, к которым мировой порядок обращен своей худшей стороной... Аллергия на всякий окончательный и безапелляционный порядок, на всякую безапелляционную власть, по счастью, универсальна...» (Бодрийяр, 2016, с. 97—98).

с конца 1970-х гг. для обозначения периода вступления и развития человечества в эпоху постиндустриализма. Именно качественные изменения и сдвиги в обществе привели к формированию постмодерна как нового общественного явления и, соответственно, постмодернизма как одной из его мировоззренческих тенденций. В этом смысле «постмодерн» представляет собой интегральную характеристику современного постиндустриального, информационного общества» (Ирхин, 2005, с. 136).

Такой подход к интерпретации западной глобализации как организованной формы всемирного насилия разделяют такие леворадикальные мыслители, как американец Майкл Хардт и итальянец Антонио Негри. В своей работе «Множество: война и демократия в эпоху империи», впервые опубликованной в 2004 г., они трактуют глобализацию как глобальное состояние войны, для которой «война с терроризмом», в нашем случае исламистским, является лишь одним из предложений к подчинению всего человечества (Хардт, Негри, 2006, с. 292).

Ответом мусульманского мира на западный глобализм являются также попытки реализации собственных глобальных политических проектов. Это — современный ответ исламского фундаментализма на западный демократический фундаментализм. Процесс возрождения политического ислама может иметь организованные формы, когда отдельные государства проводят многолетнюю политику распространения в мусульманском мире (и в перспективе — во всем мире) различных версий политического ислама (Саудовская Аравия — ваххабизм, Иран — шиитский революционный ислам, Турция и Катар — идеологию организации «Братья-мусульмане»⁷) (Хайруллин, 2019). Эти версии исламизма конкурируют между собой, в том числе и в радикальных террористических формах, подкрепляемых финансовой, организационной, информационной поддержкой правительств и фондов ряда мусульманских государств.

Феномен гибридных войн в современном мире

Новые войны

Общепризнано, что после окончания холодной войны традиционные военные конфликты XX в. между регулярными армиями отдельных государств и их союзов маловероятны. В XXI в. возникают войны нового типа, которые получают различное обозначение: новая, политическая, имперская, глобальная

⁷ Организация запрещена в РФ.

гражданская, четвертая мировая, третья мировая сетевая война, гибридные военные действия, гибридная война.

Современной войной нового типа является феномен гибридной войны как той формы вооруженного насилия, которую западный мир использует для наведения порядка в своей империи и в которой вынужденно или по своей воле участвуют региональные государства. Новые способы ведения военных действий включают все современные формы противостояния, в том числе ожесточенную борьбу в информационном пространстве, поле смыслов и ценностей. Как полагают российские исследователи Ю.Б. Щипицин и А.Ю. Щипицина, «сегодня сами “гибридные войны” проходят на уровне противостояния идей, мировоззренческих позиций относительно современного мироустройства, вокруг смыслов создаются социальные группы, которые на трансграничном пространстве формируют “гибридные” войска» (Щипицин, Щипицина, 2018, с. 6).

О противостоянии идей в современных войнах пишет также британский профессор Мэри Калдор, защищая гегемонистскую политику Запада по отношению к незападным обществам. Новые войны, полагает исследовательница, «можно описать как войны, в которых представители партикуляристской политики идентичности кооперируются друг с другом, подавляя ценности цивилизованного поведения и мультикультурализма» (Калдор, 2015, с. 46). Исходя из этого, пока во всем мире не победит западный глобализм (западная цивилизация), гибридные войны будут продолжаться, так как представители незападных культур и цивилизаций будут фанатично защищать свои «партикулярные» ценности. Незападным культурам и цивилизациям великодушно предоставляется возможность сохранить свое декоративное существование в лоне западной цивилизации только в форме мультикультурализма.

Таким образом, гибридными можно назвать войны, которые идут непрерывно, в них неразличимы состояния мира и войны, не имеют значения государственные границы, международное право, нет различия между

комбатантами и некомбатантами, внутренними и внешними участниками. Это новый тип организованного насилия с глобальным присутствием, который использует террор и вызывает дестабилизацию в государствах, ставших объектами такой агрессии.

В гибридных войнах может проявляться государственный терроризм, когда отдельное государство или их альянс используют террористические группировки для достижения своих целей. Такой аспект гибридных войн может получать название прокси-войн⁸. Борьба с терроризмом зачастую служит предлогом для вторжений, смены политических режимов (Хардт, Негри, 2006, с. 14).

Достаточно откровенно о новой роли США в мире после окончания холодной войны и особенно после терактов 11 сентября 2001 г. писал в 2004 г. американский военный аналитик Томас Барнетт. США должны сделать глобализацию действительно глобальной, так как они являются «ключевым участником этого процесса, но не из-за не имеющей конкурентов способности вести войну, но из-за их уникальной способности экспортировать безопасность по всему миру... Эта новая глобальная война с терроризмом должна быть подчинена большей цели распространения экономической глобализации во всей планете» (Barnett, 2004, pp. 4—8).

Французско-египетский экономист и политолог-неомарксист Самир Амин объясняет, что на самом деле американский «экспорт безопасности» состоит в осуществлении постоянного военного контроля над планетой: «Глобализированный “либеральный” экономический порядок нуждается в непрекращающейся войне с бесконечной чередой военных вторжений, являющейся единственным способом подчинения народов периферии» (Амин, 2007, с. 36).

⁸ По мнению ряда российских авторов, «в Афганистане проводились прокси-операции США и Пакистана против СССР. В Сирии против России, иранских и сирийских правительственных войск использовались отряды боевиков (запрещенные в России ИГИЛ, Аль-Каиды и др.)» (Капицын и др., 2019).

Место терроризма в гибридных войнах

В современных военных конфликтах имеется большое количество сторон. Среди них российские ученые И.М. Попов и М.М. Хамзатов выделяют непосредственных и косвенных участников. К первым относятся вооруженные силы или иррегулярные формирования непосредственных сторон межгосударственного или внутригосударственного конфликта, а также население — как жертва или участник конфликта. К косвенным участникам — заказчики, спонсоры и медиаторы. Специфика современных военных конфликтов состоит в том, что значение косвенных участников резко возросло, так как для проведения продолжительных вооруженных действий требуется много средств и ресурсов, которыми непосредственные участники не располагают (Попов, Хамзатов, 2018, с. 263—264). Одними из непосредственных участников гибридных войн являются террористические организации. По мнению российских ученых М.А. Шугалей, И.С. Буриковой, О.В. Суханова и А.И. Юрьева, изучающих роль терроризма в современной гибридной войне в Ливии, «терроризм оказался очень эффективной и экономичной версией войны: с минимальными военными затратами на максимальную дестабилизацию состояния населения страны-противника» (Шугалей и др., 2020, с. 17).

Итак, важным аспектом гибридных войн является террористическая и антитеррористическая деятельность. Однако постоянно возникает вопрос о том, какие иррегулярные формирования, участвующие в гибридных войнах, можно называть террористическими. Встречаются противоположные оценки принадлежности к террористам со стороны различных государств, в том числе являющихся союзниками. Одной из причин этой неопределенности является процесс приватизации насилия в современном мире. Так как гибридный характер современных войн предполагает использование любых, в том числе террористических, методов достижения целей, то не только иррегулярные группировки,

но и любое государство, использующее такие методы, может быть названо своими оппонентами террористическим или покровительствующим терроризму.

Востребованность исламистского терроризма в гибридных войнах

Исламистский терроризм и противостоящий ему антитерроризм присутствуют во всех гибридных войнах, ведущихся в регионе БСВ. Проявляется это как в военных действиях на земле, так и в информационном противоборстве. Возможно, второе направление борьбы оказывается решающим. Связано это с тем, что в мире постмодерна создаваемая СМИ виртуальная реальность вытесняет фактическую. Все важнейшие события, в том числе и военные действия, проводятся не только на поле боя, но и в информационном пространстве, в котором конструируется искусственная реальность на основе симулякров.

Исламистские террористы, опираясь на разработки видных представителей современного исламского фундаментализма (суннитского и шиитского), оказывают мощное воздействие на сознание (и подсознание) мусульман на уровне мировоззренческих ценностей, используя в своем «медиа-джихаде» или культуре «цифровых боевиков» для достижения информационной революции (сетевые технологии и стратегии) (Васильев и др., 2018). По мнению российского востоковеда В.И. Сажина, «ИГИЛ⁹ совершило настоящую революцию в сфере онлайн-продвижения джихадистской идеологии, сумев исключительно через социальные сети создать мощное социальное движение и рекрутировать в свои ряды десятки тысяч иностранных бойцов со всего мира, включая Россию»¹⁰.

Российский политолог А.И. Неклесса настаивает на учете глобального характера

⁹ ИГИЛ, ИГ, «Исламское государство», «Исламское государство Ирака и Леванта», ДАИШ — запрещенная в РФ террористическая организация.

¹⁰ Сажин В. Исламский халифат разгромлен, но его опасная и заразная идеология жива // Международная жизнь. 11.03.2019. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21870> (дата обращения: 07.07.2021).

такого террористического явления, как ИГ. Принципиальная новизна ИГ как явления исламистского терроризма (своеобразного симулякра) состоит в том, что «это не просто разветвленная подпольная организация, наподобие “Аль-Каиды”¹¹, а специфический вселенский агрегатор — сложное сплетение явлений, намерений и ситуаций, рабочая модель некой постсовременной государственности как политически организованного сообщества, обоснованного волеизъявлением, а не территорией» (Неклесса, 2018).

Глобальные и региональные державы на Ближнем и Среднем Востоке используют борьбу с исламистским терроризмом как для обеспечения своей национальной безопасности, так и как средство или предлог для интервенций в отдельные государства, а также для оправдания своего военно-политического присутствия за рубежом, смены режимов и национального строительства. США оккупировали Афганистан под предлогом борьбы с «Аль-Каидой», а затем и с «Талибаном». Оккупация Ирака осуществлялась США под фиктивным предлогом наличия там оружия массового уничтожения, но затем огромные усилия были затрачены на поиски доказательств связи режима Саддама Хусейна с «Аль-Каидой». Турция использует борьбу с терроризмом (с ИГ или Рабочей партией Курдистана) как предлог для геополитической экспансии на территориях других государств (Сирии, Ирака, Ливии), реализуя концепцию панисламизма и неоосманизма. Декларируя борьбу с терроризмом, одни государства не доверяют другим, понимая, что декларации и реальные цели этой деятельности могут сильно различаться. Так, российские американисты считают, что «для российского и иранского руководства пресловутое “американское лидерство” в борьбе с ИГИЛ совершенно неприемлемо: ни в Москве, ни в Тегеране не доверяют целям и методам американской антиигиловской кампании» (Локальная война..., 2017).

¹¹ Организация запрещена в РФ.

Рынок террористических и антитеррористических услуг гибридных войн и место в нем исламистского экстремизма

Война как бизнес

Гибридные войны как войны нового типа создают социальную среду, способствующую новой хищнической экономике. Многолетняя война становится образом жизни и источником дохода для всех ее участников. Как пишет британский специалист по глобальному управлению Мэри Калдор, «по существу, параллельно с фрагментацией и деформализацией войны происходит деформализация экономики. Вместо национальной формальной экономики, с ее акцентом на промышленном производстве и государственном регулировании, устанавливается новый тип глобализированной неформальной экономики, в которой потоки материальных средств извне (гуманитарная помощь и денежные переводы из-за рубежа) интегрированы в локальную и региональную экономику, основывающуюся на трансфере активов и не установленных законом видах торговли» (Калдор, 2015, с. 222). Если в непрерывных гибридных войнах одной из форм ведения борьбы являются антитеррористические и террористические действия, то должен быть как спрос на них, так и предложение таких услуг. То есть это бизнес, где есть товар, его цена, конъюнктура спроса и предложения товара на внутренних и внешних рынках. Это бурно развивающаяся часть мировой экономики, успешно реализующая достижения информационной революции.

Террористические услуги

Финансовые отношения связывают участников «традиционной» террористической деятельности, включая заказчика, спонсора, медиатора, организатора, информатора и исполнителя. Есть расценки на применяемое вооружение, разведку, планирование, подготовку и проведение терактов. Боевики получают деньги за уничтожение живой силы и техники противника (солдат, офицеров, танков, вертолетов, самолетов), за взрывы

домов. Происходят выплаты за вербовку (продажу) кандидата в террористическую группу, а также семьям «шахидов». Так как современный терроризм использует Интернет и социальные сети, то обеспечение этой деятельности также имеет стоимостное выражение. ИГ тратило большие деньги на создание в СМИ собственного положительного образа, размещая там большое количество информационных видеофайлов, пропагандистских фильмов.

Можно утверждать, что исламистские террористы одной из целей своей деятельности ставят получение прибыли, хотя собственно исламистскими они называются из-за того, что мотивация их деятельности носит религиозно-идеологический характер. Поэтому исламистские террористические группировки могут наряду с выполнением идеологических задач превращаться в высокодоходные предприятия. Происходящая в ситуации гибридных войн приватизация насилия приводит к тому, что насилие может эффективно использоваться террористами для получения доходов, наряду, а то и совместно с преступными группировками (контрабандистами, торговцами нефтью, наркодилерами, торговцами человеческими органами и людьми, грабителями исторических артефактов) (Hesterman, 2013). ИГ продемонстрировало весь спектр такой деятельности в Сирии и Ираке. В форме квазигосударства оно осуществляло широкомасштабные кампании захвата территорий, порабощения и ограбления населения, создания собственной финансовой и налоговой системы (включая выплату зарплаты боевикам, госслужащим, пособий безработным). Дэвид С. Коэн, заместитель министра финансов по вопросам терроризма и финансовой разведки США, признал в 2014 г., что ИГИЛ была «самой хорошо финансируемой террористической организацией, с которой мы сталкивались»¹². В докладе Группы разработки финансовых мер борьбы с

отмыванием денег (FATF) в 2015 г. сделан вывод, что «ИГИЛ представляет новую форму террористической организации, где сбор средств (*funding*) является центральным и критичным для его деятельности»¹³. В этом отношении представляется односторонним мнение выдающегося французского исламоведа Жилия Кепеля о том, что существование ИГИЛ было апогеем рентного государства, то есть типом государства, характерного для нефтедобывающих государств Ближнего и Среднего Востока (Кепель, 2021, с. 329). В условиях хаоса и безвластия в ряде стран Ближнего Востока институционализация террора как компонента гибридных войн становится способом получения доходов для таких исламистских террористических организаций, как ИГ.

Антитеррористические услуги

Защита от терроризма — это огромная индустрия и высокодоходный бизнес. Основным заказчиком этих услуг являются государственные правоохранительные и специальные службы. Вместе с тем нести расходы на обеспечение безопасности приходится крупным корпорациям, среднему и мелкому бизнесу. Антитеррористическая деятельность в современном обществе предполагает высокотехническое обеспечение национальной безопасности, соединяющее культуру безопасности и коммерцию. Это вызвало к жизни огромный рынок информационных технологий, на котором предлагаются различные средства тотального контроля над населением. Создается также специальная военная техника для антитеррористической деятельности, включая спутниковые системы, дроны, самолеты, вертолеты, ракеты. Можно говорить о существовании индустрии национальной безопасности, ставшей важной частью военно-промышленного комплекса.

Часть деятельности по обеспечению национальной безопасности государство

¹² Davis J. U.S. Strikes Cut Into ISIS Oil Revenues, Treasury Official Say // The New York Times. October 23, 2014. URL: https://www.nytimes.com/2014/10/24/world/middleeast/us-strikes-cut-into-isis-oil-revenues-treasury-official-says.html?_r=0 (accessed: 08.07.2021).

¹³ Financing of the Terrorist Organisation Islamic State in Iraq and the Levant (ISIL) // FATF. 2015. URL: www.fatf-gafi.org/topics/methodsandtrends/documents/financing-of-terrorist-organisation-isil.html (accessed: 08.07.2021).

передает частным структурам, занимающимся, в частности, составлением списков подозрительных лиц и организаций, созданием компьютерных программ защиты от террористических атак на сайты важнейших организаций и программ для атак на сайты террористических структур. В местах содержания подозрительных лиц допрашивать их могут сотрудники частных компаний, заключивших контракты с государственными организациями. Чем больше признаний они получают от подозреваемых, тем большими будут их доходы. Рыночные методы могут использоваться при поиске террористов, когда объявляется щедрая награда за выдачу боевиков террористических организаций или любую информацию о них. Одни государства могут получать финансирование антитеррористической деятельности у других государств. Так, президент Йемена А.А. Салех в 2009 г. требовал и получал финансовую поддержку и вооружение от США и Саудовской Аравии под предлогом борьбы с исламистскими террористами на своей территории. Однако на самом деле эта помощь была нужна ему в основном для борьбы со своими внутренними противниками. Президент А.А. Салех уговаривал США признать хуситское движение террористическим, поддерживаемым Ираном и ливанской «Хезболлой», а США отказывались это делать, ссылаясь на то, что хуситы не нападают на американцев и являются местным повстанческим движением (Скейхилл, 2015а, с. 331—342).

Государственный терроризм

Кроме традиционно рассматриваемых индивидов и группировок терроризмом могут заниматься государства (государственный терроризм) и военно-политические союзы (операция НАТО «Гладио» в Западной Европе) (Гансер, 2012). Существует и государственный терроризм, осуществляемый в мусульманском мире правительствами мусульманских и немусульманских стран. Для его анализа необходимо определить, кто здесь является заказчиком, спонсором и исполнителем.

Американский ученый-лингвист и публицист Ноам Хомский много лет пишет о государственном терроризме, осуществляемом, по его мнению, правительством США. Он показывает, что «война с террором» во многих регионах мира переросла в войну с применением американцами террористических методов (убийств, пыток и варварства) или с поддержкой государственного террора отдельных правительств против своего населения (Хомский, 2007, с. 15—17; 2019). Джереми Скейхилл в своем объемном исследовании тайных операций США в XXI в., проводившихся Командованием сил специальных операций, показывает, что заказчиком и спонсором тех тайных операций, которые можно отнести к государственному терроризму, выступают государственные структуры США (Госдепартамент, Пентагон). Президент и конгресс не всегда обладают информацией об этих операциях, о том, какие структуры их проводят, об источниках их финансирования. После оккупации Ирака США, осуществляя «иракизацию» войны с терроризмом, предоставляли оружие, деньги и поддержку шиитским эскадронам смерти для борьбы с иракской «Аль-Каидой». Зачастую ведение войны нетрадиционными методами, включая террористические, передается на аутсорсинг частным военным компаниям как исполнителям (Скейхилл, 2015а, с. 331—342; 2015b).

После разгрома политического режима «Братьев-мусульман» в Египте в 2013 г. эрдогановская Турция (совместно с Катаром) оказывается основным региональным игроком, использующим джихадистские группировки «Братьев-мусульман» и близких к ним организаций для достижения своих экспансионистских целей в Сирии и Ливии¹⁴. После «арабской весны» Турция заняла враждебную позицию по отношению к правительству Б. Асада в Сирии и стала поддерживать некоторые антиправительственные силы, в том

¹⁴ Engdahl F. William. Turkey's Erdogan — From Hagia Sophia to the Shores of Tripoli and Beyond // William Engdahl official website. July 30, 2020. URL: <http://williamengdahl.com/englishNEO30Jul2020.php> (accessed: 10.07.2021).

числе террористические (Наумкин, 2015). Таким образом, Турция выступает в Сирии, Ираке и Ливии как заказчик и спонсор террористической деятельности, а также самостоятельно проводит политику, которая оценивается Сирией и Ираком как политика государственного терроризма.

Можно спорить с этими выводами, однако они отражают то обстоятельство, что в современном мире терроризм имеет множество форм и используется как государствами, так и негосударственными субъектами.

Заключение

В статье проведен анализ причин существования исламистского терроризма в контексте процессов глобализации. Показаны недостатки эссенциалистских либеральных объяснений этого феномена. Исламистский терроризм как радикальная форма исламистского экстремизма имеет собственные причины для воспроизводства (культурно-цивилизационные, социальные, экономические и политические). Выявлена связь исламистского терроризма с гибридными войнами, в которых террор в самых разных формах является важным элементом. Адекватное понимание места исламистского терроризма в гибридных войнах должно предполагать учет

сложной взаимосвязи собственной активности исламистских террористов с их деятельностью по заказам от различных акторов мировой политики. Эти заказы они выполняют в качестве наемников в прокси-войнах, когда заказчик действует на чужой территории чужими руками.

После окончания холодной войны в связи с изменением характера военных конфликтов в пользу гибридных войн действия исламистских террористов по собственной инициативе и их деятельность в качестве исполнителей заказов получают стоимостное выражение. Возникает рынок террористических и анти-террористических услуг, следовательно, террор и борьба с ним становятся большим бизнесом, начинают приносить доход заинтересованным сторонам. Сделан вывод о том, что необходимо принимать во внимание существование тесной противоречивой связи террора исламистских группировок с государственным терроризмом. Одно предполагает другое. Организаторами государственного терроризма являются как государства мусульманского мира, так и западные державы. В условиях гибридных войн государственный терроризм вполне успешно может предполагать использование услуг исламистских террористов.

Поступила в редакцию / Received: 21.12.2020
Принята к публикации / Accepted: 26.10.2021

Библиографический список

- Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: РИПОЛ-Классик, 2016.
- Васильев А.М., Исаев Л.М., Коротаев А.В., Шишкина А.Р.* Инструменты «мягкой силы» ИГ: типология и оценка эффективности // *Азия и Африка сегодня.* 2018. № 12. С. 4—10. DOI: 10.31857/S032150750002565-3
- Гансер Д.* Секретные армии НАТО: Операция «Гладио» и терроризм в Западной Европе. М.: Кучково поле, 2012.
- Ирхин Ю.В.* Социум и политика в постмодернистском Зазеркалье: взгляды, подходы, анализ // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики).* 2005. № 4. С.136—160.
- Калдор М.* Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
- Катицын В.М., Смирнова А.М., Столетов О.В., Щерба К.Д., Зверева В.С. и др.* Прокси-войны и состоятельность государств в современном мире // *Социально-гуманитарные знания.* 2019. № 4. С. 117—139.
- Караганов С.* О третьей холодной войне // *Россия в глобальной политике.* 2021. № 4. С. 21—34. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-4-21-34
- Кепель Ж.* Выйти их хаоса. Кризисы на Ближнем Востоке и в Средиземноморье. М.: Политическая энциклопедия, 2021.

- Крестев И., Холмс С. Свет, обманувший надежды: почему Запад проигрывает борьбу за демократию. М.: Альпина Паблишер, 2020.
- Локальная война в военно-политической стратегии США в начале XXI века / отв. ред. В.И. Батюк. М.: Весь Мир, 2017.
- Наумкин В.В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1. С. 66—96.
- Неклесса А.И. «Исламское государство» как феномен государства-организации. От государства-утопии к постсовременному акционизму // Метафизика. 2018. Т. 29. № 3. С. 167—186.
- Попов И., Хамзатов М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. М.: Кучково поле, 2018.
- Скейхилл Д. Blackwater: самая могущественная наемная армия в мире. М.: Кучково поле; Институт внешнеполитических исследований и инициатив, 2015b.
- Скейхилл Д. Грязные войны: Поле битвы — земля. М.: Кучково поле, 2015a.
- Фарес В. Революция грядет: борьба за свободу на Ближнем Востоке. М.: Эксмо, 2012.
- Хайруллин Т. Борьба за лидерство в арабском регионе. Есть ли шанс для исламистов? М.: Институт Африки РАН, 2019.
- Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006.
- Хомский Н. Гегемония или борьба за выживание: стремление США к мировому господству. М.: Столица-Принт, 2007.
- Хомский Н. Культ государства. М.: РИПОЛ Классик / Панглосс, 2019.
- Шугалей М.А., Бурикова И.С., Суханов О.В., Юрьев А.И. Триполи как социальный лифт для ИГИЛ (террористическая организация) / науч. ред. А.И. Юрьев. СПб.: Б.м., 2020.
- Щипицин Ю., Щипицина А. Гибридная война: моделирование информационных полей. М.: ЛитРес, 2018.
- Barber B. *Jihad vs. McWorld: Terrorism's Challenge to Democracy*. New York: Ballantine Books, 1995.
- Barnett T. *The Pentagon's New Map: War and Peace in the Twenty-First Century*. New York: Berkley books, 2004.
- Hesterman J. *The Terrorist-Criminal Nexus: An Alliance of International Drug Cartels, Organized Crime, and Terror Groups*. Boca Raton, FL: CRC Press, 2013.
- Phares W. *Future Jihad: Terrorist Strategies against America*. New York: Palgrave Macmillan, 2005.
- Phillips K. *American Theocracy. The Peril and Politics of Radical Religion, Oil, and Borrowed Money in the 21st Century*. New York: Viking, 2006.

References

- Amin, S. (2007). *The Liberal virus: Permanent war and the Americanization of the world*. Moscow: Evropa publ. (In Russian).
- Barber, B. R. (1995). *Jihad vs. McWorld: Terrorism's challenge to democracy*. New York: Ballantine Books.
- Barnett, T. (2004). *The Pentagon's new map: War and peace in the twenty-first century*. New York: Berkley books.
- Batyuk, V. I. (Ed.). (2017). *Local war: The US and military strategy in the 21st century*. Moscow: Ves' Mir publ. (In Russian).
- Baudrillard, J. (2016). *The spirit of terrorism. There was no Gulf war*. Moscow: RIPOL Classic publ. (In Russian).
- Chomsky, N. (2007). *Hegemony or survival: America's quest for global dominance*. Moscow: Stolitsa-Print publ. (In Russian).
- Chomsky, N. (2019). *Optimism over despair: On capitalism, empire and social change*. Moscow: RIPOL Classic / Pangloss publ. (In Russian).
- Ganser, D. (2012). *NATO's secret armies: Operation "Gladio" and terrorism in Western Europe*. Moscow: Kuchkovo pole publ. (In Russian).
- Hardt, M., & Negri, A. (2006). *Multitude: War and democracy in the age of empire*. Moscow: Kul'turnaya revolutsia publ. (In Russian).
- Hesterman, J. (2013). *The Terrorist-criminal nexus: An Alliance of international drug cartels, organized crime, and terror groups*. Boca Raton, FL: CRC Press.
- Irkhin, Yu. V. (2005). Society and politics in the postmodern through the looking glass: Views, approaches, analysis. *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, (4), 136—160. (In Russian).
- Kaldor, M. (2015). *New and old wars: Organised violence in a global era*. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara publ. (In Russian).

- Kapitsyn, V. M., Smirnova A.M., Stoletov, O. V., Shcherba, K. D., Zvereva, V. S. et al. (2019). Proxy wars and the viability of states in the modern world. *Socio-Humanitarian Knowledge*, (4), 117—139. (In Russian).
- Karaganov, S. (2021). On the third Cold War. *Russia in Global Politics*, (4), 21—34. (In Russian). <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-4-21-34>
- Kepel, G. (2021). *Get out of the Chaos. Crises in the Middle East and the Mediterranean*. Moscow: ROSSPEN publ. (In Russian).
- Khairullin, T. (2019). *Struggle for leadership in the Arab region. Is there a chance for Islamists?* Moscow: Institut Afriki RAN publ. (In Russian).
- Krastev, I., & Holmes, S. (2020). *The light that failed: A reckoning*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russian).
- Naumkin, V. V. (2015). Deeply divided societies in the Middle East: Conflict, violence, and foreign intervention. *Moscow University Bulletin of World Politics*, (1), 66—96. (In Russian).
- Neklessa, A. I. (2018). ISIS as a soft state (state as organization). *Metaphysics*, 2018, (3), 167—186. (In Russian).
- Phares, W. (2005). *Future jihad: Terrorist strategies against America*. New York: Palgrave Macmillan.
- Phares, W. (2012). *The coming revolution: Struggle for freedom in the Middle East*. Moscow: EKSMO publ. (In Russian).
- Phillips, K. (2006). *American theocracy. The peril and politics of radical religion, oil, and borrowed money in the 21st century*. New York: Viking.
- Popov, I. M., & Khamzatov, M. M. (2018). *War of the future: Conceptual foundations and practical conclusions. Essays on strategic thinking*. Moscow: Kuchkovo pole publ. (In Russian).
- Scahill, J. (2015). *Blackwater: The rise of the world's most powerful mercenary army*. Moscow: Kuchkovo pole publ., Institut vneshnepoliticheskikh issledovaniy i initsiativ publ. (In Russian).
- Scahill, J. (2015). *Dirty wars: The world is a battlefield*. Moscow: Kuchkovo pole publ. (In Russian).
- Shipitsin, Y. B., & Shipitsina, A. Y. (2018). *Hybrid warfare: Modeling information fields*. Moscow: LitRes publ. (In Russian).
- Shugaley, M. A., Burikova, I. S., Sukhanov, O. V., & Yuryev, A. I. (2020). *Tripoli as a social elevator for ISIS*. Saint-Petersburg. (In Russian).
- Vasiliev, A. M., Isaev, L. M., Korotaev, A. V., & Shishkina, A. R. (2018). Instruments of the Islamic State “soft power”: Typology and performance evaluation. *Asia and Africa Today*, (12), 4—10. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S032150750002565-3>

Сведения об авторе: Почта Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-9600-2665; e-mail: pochta-yum@rudn.ru

About the author: Pochta Yuriy Mikhailovich — PhD, Dr. of Sc. (Philosophy), Professor, Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); ORCID: 0000-0001-9600-2665; e-mail: pochta-yum@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-747-757

Научная статья / Research article

Международные аспекты сепаратизма в современной Биафре

Т.С. Денисова¹ , С.В. Костелянец^{1,2} ¹Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация
 tsden@hotmail.com

Аннотация. Рост сепаратистских настроений стал одной из наиболее острых политических проблем, с которыми мир в целом и Африка в частности столкнулись в XXI в. На Черном континенте сепаратистские движения с разной степенью интенсивности действуют более чем в 20 странах; одни выступают с требованиями отделения территории, другие — расширения автономии в рамках существующего государства. Большинство африканских проектов, нацеленных на отделение, остаются незначительными по размаху и безрезультатными, что в значительной степени объясняется отсутствием или слабостью международной поддержки сепаратистов и приверженностью мирового сообщества сохранению — за редким исключением — территориальной целостности государств. Анализируются причины возрождения — через несколько десятилетий после окончания гражданской войны между центральным правительством Нигерии и сепаратистами Биафры — движения за отделение этого восточно-нигерийского региона и международные аспекты разгорающегося конфликта, способного обострить и без того беспокойную военно-политическую ситуацию, сложившуюся в Западной Африке благодаря деятельности террористической организации «Боко Харам», исламистских группировок в зоне Сахеля, камерунских сепаратистов Амбазонии и т. д. Актуальность предмета исследования обусловлена как возрастанием угрозы сепаратизма в Африке, так и отсутствием в российской африканистике работ, посвященных современной ситуации в Биафре. Используя исторический подход, авторы анализируют характер внешнего участия в нигерийском конфликте 1967—1970 гг. и пути поиска международной поддержки современными биафрскими сепаратистами. Делаются выводы, что в силу различных внутренних обстоятельств, а также практического отсутствия материальной помощи извне создание новой «Республики Биафра», по крайней мере в ближайшее десятилетие, останется проектом-утопией, хотя сепаратистские настроения будут распространяться и препятствовать достижению внутривнутриполитической стабильности в Западноафриканском регионе, на территории которого появляется все больше «горячих точек».

Ключевые слова: Нигерия, Биафра, гражданская война, конфликты, сепаратистские движения, международная поддержка, диаспора

Благодарности: Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 21-18-00123 «Анализ и моделирование развития Африки в контексте внешнеполитических интересов России».

© Денисова Т.С., Костелянец С.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Денисова Т.С., Костелянец С.В. Международные аспекты сепаратизма в современной Биафре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 747—757. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-747-757

International Aspects of Separatism in Contemporary Biafra

Tatyana S. Denisova¹ , Sergey V. Kostelyanets^{1,2}

¹Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

²HSE University, Moscow, Russia

tsden@hotmail.com

Abstract. In the 21st century, the world at large and Africa in particular have encountered the rise of separatism, which has become one of the major challenges to stability. In Africa, over 20 countries face separatist movements, some of which demand full secession, while the rest — greater autonomy within the existing state. Most of Africa’s secessionist projects remain insignificant in scope and ineffectual, largely due to the absence or weakness of external support for separatists and to the commitment of the international community to preserve, with rare exceptions, the territorial integrity of states. The paper analyzes the reasons for the revival of the movement for the secession of Biafra decades after the end of the civil war between the central government of Nigeria and the separatists and looks into the international aspects that could fuel the conflict and exacerbate the military-political situation in West Africa, which is already turbulent due to the activities of Boko Haram terrorist group, other Islamist groupings in the Sahel, Cameroonian separatists of Ambazonia, etc. The present paper attempts to fill the gap in Russian Africanist literature on the current situation in Biafra, which is especially urgent due to the growing threat of separatism in Africa. Employing the historical approach, the authors analyze the nature of external involvement in the 1967—1970 Nigerian conflict, as well as methods of contemporary Biafran separatists, who seek international support. The paper concludes that due to various internal circumstances, as well as the practical lack of external material assistance, the establishment of a new “Republic of Biafra” will remain a utopian project for at least a decade, although separatist sentiments is likely to spread and hinder the achievement of internal political stability in West Africa, which is ridden with an increasing number of “hot spots”.

Key words: Nigeria, Biafra, civil war, conflicts, separatist movements, external support, diaspora

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the Russian Science Foundation grant 21-18-00123 “Analysis and modeling of African development in the context of Russia’s foreign policy interests”.

For citation: Denisova, T. S., & Kostelyanets, S. V. (2021). International aspects of separatism in contemporary Biafra. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 747—757. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-747-757>

Введение

Слабая интеграция африканских обществ, обусловленная их этнической, языковой и религиозной неоднородностью, уровень которой примерно вдвое выше, чем в остальном мире, создает основания для распространения на континенте сепаратистских настроений. Именно поэтому в подавляющей части существующих работ по этой тематике отмечается склонность континента к сепаратизму и ирредентизму (Heraclides, 1994; Hashimoto, 2014; Clapham, 1996; Seymour, 2013). Действительно, число сепаратистских движений в Африке постоянно растет, и в настоящее

время их больше, чем было в первые постколониальные десятилетия. Однако лишь немногие сепаратистские выступления в Африке закончились — после многолетних войн — успехом. Среди них отделение Эритреи от Эфиопии в 1993 г. и Южного Судана от Судана в 2011 г. Хотя Сомалиленд в 1991 г. фактически вышел из состава Сомали, его суверенитет до сих пор не признан ни одним государством.

Между тем внешняя поддержка сепаратистских движений, запрещенная в соответствии с международным правом, оказывает едва ли не решающее влияние на их результат.

Легитимность выступлений за отделение или большую автономию в значительной степени зависит от восприятия требований сепаратистов мировым сообществом, которое в политической сфере особое внимание уделяет вопросам территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела других стран, национального самоопределения, прав человека и надлежащего управления (McConnell et al., 2012). Все эти принципы отличаются определенной расплывчатостью, которую сепаратисты могут использовать для оправдания своих претензий и завоевания внешних симпатий.

В условиях современного мирового порядка участие в ООН является главным признаком национального суверенитета. Именно церемония поднятия государственного флага около штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке обычно становится кульминацией долгой политической или вооруженной борьбы за отделение, которая, впрочем, чаще заканчивается трагически. Так, при поддержке своих американских сторонников представители непризнанной «Республики Биафра» в 1968—1969 гг. неоднократно проводили митинги против политики нигерийских властей на площади им. Дага Хаммаршельда в Нью-Йорке и обращались к ООН с призывом вмешаться в конфликт, но ни Генеральная Ассамблея, ни тогдашний Генеральный секретарь У Тан не ответили на просьбы сепаратистов, и гражданская война 1967—1970 гг. в Нигерии унесла более 2 млн жизней¹.

Хотя ООН и ее государства-члены приемлют идею национального самоопределения в принципе, они, как правило, избегают поддержки сепаратизма даже в странах, где для отделения имеются серьезные основания: маргинализация и дискриминация населения, компактно проживающего на определенной территории; репрессивный характер политики центральных властей; наличие природных ресурсов, способных обеспечить развитие отделившейся территории, и т. д. (Brucker, 2019, p. 1).

¹ Schell J. Demonstration // *The New Yorker*. August 9, 1968. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/1968/08/17/demonstration-4> (accessed: 01.06.2021).

Быстрый рост числа новых государств в Африке в 1960-е гг. был возможен лишь благодаря общему признанию незаконности колониализма и добровольному предоставлению метрополиями независимости своим колониям. Однако притязания на самоопределение народов, границы проживания которых не совпадали с колониальными демаркациями, не принимались во внимание в качестве достаточной причины для оправдания независимой государственности. Кроме того, появились опасения, что отдельные инциденты приведут к распространению требований самоопределения со стороны многочисленных меньшинств и в конечном итоге — к «балканизации» регионов и нарушению мирового порядка (Heraclides, 1994, pp. 285—286).

Между тем наблюдавшийся в 1960—1980-е гг. «дефицит» сепаратизма в Африке прежде всего можно объяснить получением этническими элитами материальных выгод в рамках формально единого государства, а также трудностями обретения сепаратистскими движениями международного признания. Ситуация изменилась в 1990-е гг. отчасти благодаря заметному оживлению политической жизни: проведению всеобщих президентских и парламентских выборов, результаты которых неминуемо вызывали недовольство отдельных групп населения; формированию гражданского общества; росту спроса на африканское сырье, приносящее большие доходы и добывавшееся на территориях компактного проживания того или иного народа; расширению прослойки более образованных, а потому и более честолюбивых африканцев, стремившихся сделать политическую карьеру, в том числе путем создания нового государства; возможности пропагандировать свои цели в социальных сетях и получать не только сочувствие, устное признание, но и материальную и военную помощь от международных организаций, диаспор и т. д.

Все или почти все перечисленные факторы послужили подъему сепаратистских настроений в современной Биафре, где на память о кровопролитной войне, которую в 1960-е гг. проживавшие в регионе представители народности игбо вели с федеральным

правительством, накладывается недовольство жителей нефтеносной области их сегодняшней политической и экономической маргинализацией.

Гражданская война 1967—1970 гг.: международная реакция

Биафра — территория на юго-востоке Нигерии, включающая штаты Абия, Имо, Эбони, Энугу и Анамбра с преимущественным проживанием игбо, которые составляют 18 % населения Нигерии и являются одной из трех (игбо, йоруба, хауса-фулани) крупнейших этнических групп страны².

Гражданская война, начавшаяся в 1967 г., закончилась 15 января 1970 г. полной капитуляцией войск «Республики Биафра», создание которой было провозглашено ее лидером Одумегву Оджукву 30 мая 1967 г. Возникновение конфликта тогда не было неожиданностью, для него существовал ряд причин: искусственное объединение отдельных народов, заметно различавшихся с точки зрения культуры и религии, в составе одной колонии, а затем — независимого государства; сохранившееся в постколониальный период несбалансированное распределение власти и государственных доходов между этническими группами и регионами и т. д. Конфликт с Биафрой стал одним из самых кровопролитных после окончания Второй мировой войны и потому привлек большое внимание международной общественности, СМИ и академического сообщества.

В Нигерии и на Западе причинам, ходу и жертвам войны — игбо было посвящено множество научных трудов (Uzokwe, 2003; Nwankwo & Ifejika, 1970; Byrne, 1997; Okonkwo, 2003) и художественных произведений³. В российской науке число исследований

вооруженного конфликта в Биафре, в том числе его международных аспектов, значительно меньше, хотя и эти работы внесли вклад в изучение событий 50-летней давности (Романов, 1987; Гевелинг, 2001; Мокрушина, 2010; Нигерия..., 2013; История Нигерии в новое и новейшее время, 1981; Катагощина, 1977; Мазов, 2020, 2021; Филиппов, 2016).

В 1960-е гг. благодаря демонстрации мировым сообществом своей приверженности принципу сохранения территориальной целостности крайнее недовольство центральной властью в Африке за редким исключением обрело форму не сепаратизма, а военного свержения режима. Биафра, которая три года сражалась за отделение от остальной части Нигерии, стала одним из таких исключений.

С тем чтобы предотвратить хаотический распад африканских стран на фоне «парада суверенитетов», крупные державы достигли консенсуса в защите принципа «территориальной целостности» и, по словам К. Клэпхэма, наложили на новые государства своего рода «колониальную решетку» (Clapham, 1996, p. 30). То есть использование принципа «национального самоопределения» как права на создание суверенного государства ограничивалось колониальными границами и правом на обретение большей автономии в составе государства, а принцип национального самоопределения был теоретически подтвержден, но практически ограничен.

В результате мировое сообщество в значительной степени проигнорировало конфликт. В отличие от США, категорически исключивших преждевременное признание «Республики Биафра» еще в июне 1967 г., другие государства даже не интересовались этим вопросом. В сентябре того же года Организация африканского единства (ОАЕ) объявила конфликт «внутренним делом, решение которого в первую очередь является ответственностью самих нигерийцев»⁴. Однако

² Country Policy and Information Note. Nigeria: Biafran separatists // Home Office. April 2020. P. 13. URL: <https://www.justice.gov/eoir/page/file/1267611/download> (accessed: 30.04.2021).

³ См.: Achebe Ch. There Was a Country: A Memoir. London: Penguin Books, 2013; Adichie Ch.N. Half of a Yellow Sun. New York: Anchor, 2007; Omotoso K. The Combat. London: Heinemann Educational Books, 1972; Saro-Wiwa K. Sozaboy: A Novel in Rotten English.

Port-Harcourt, Nigeria: Saros International Publishers, 1985; Soyinka W. The Man Died: Prison Notes. London: Rex Collings, 1972.

⁴ O.A.U. Resolution on Situation in Nigeria // International Legal Materials. 1967. Vol. 6. No. 6. P. 1243—1243. URL: <https://www.cambridge.org/core/>

гуманитарные работники и представители церкви, которые посетили Биафру, выражали свою озабоченность в международных СМИ (Heerten & Moses, 2014), и в январе 1968 г. правительство Биафры, осознавшее важность пробиафрской пропаганды, создало специальную Службу новостей Markpress с офисом в Женеве под управлением британского медиаэксперта Уильяма Бернхардта, главной задачей которого было донести требования сепаратистов до членов британского парламента, информационных агентств и организаций гражданского общества (Doron, 2014, pp. 241—242). Благодаря деятельности агентства Биафра стала получать все больше моральной и военно-технической поддержки, которая увенчалась успехом в апреле 1968 г., когда «Республика» была признана Танзанией на дипломатическом уровне. В мае суверенным государством Биафру признали Кот-д'Ивуар, Габон и Замбия, позже — Гаити.

В деятельность по поддержке Биафры включились журналисты, профсоюзы, христианские, студенческие организации и другие группы по всему миру. То есть возникла активная транснациональная сеть сторонников, оказывавшая давление на западные правительства, чтобы те поддержали независимую Республику (Kuhn, 2013). Франция, Португалия, Израиль, Южная Родезия, Китай и ЮАР начали оснащать армию Биафры оружием и боеприпасами, но ООН и ОАЕ сохраняли приверженность территориальной целостности Нигерии (Brucker, 2019, p. 10).

Конфликт оказал огромное влияние на международные гуманитарные организации, которым удалось доставить в Биафру большой объем продуктов питания и лекарств, что в конечном итоге спасло сотни тысяч жизней (Omenka, 1999).

На протяжении конфликта сепаратисты использовали почти все варианты международной поддержки — гуманитарную помощь, дипломатические рычаги, политическую пропаганду, материальную помощь, военное

вмешательство и преждевременное признание, которая имела немедленный и ощутимый эффект: осуществлялись тайные поставки оружия, которые позволили вооруженным силам Биафры удерживать оборону в течение длительного периода времени. Но главной цели — отделения — добиться не удалось.

Интересно, что кризис в Биафре привел к появлению новых международных альянсов. Так, Великобритания и Советский Союз совместно поддерживали федеральное правительство Нигерии, сражавшееся с сепаратистами. СССР сразу и недвусмысленно отказался признать Биафру и оказал огромную, а, по словам бывшего президента Нигерии О. Обасанджо, решающую помощь военной администрации Я. Говона (Обасанджо, 1984, с. 17). Уже в первые недели войны Нигерия получила из Москвы 15 транспортных самолетов и 6 истребителей, другую военную технику и около 170 советских специалистов по ее обслуживанию (Океке, 1986, p. 267).

Возрождение идеи отделения Биафры и международные контакты нынешних сепаратистов

Повседневная жизнь в регионе постоянно напоминает о нерешенности многих проблем, что особенно ярко проявляется при обсуждении вопросов распределения государственных доходов, экономического развития, разделения властей, прав человека и т. д. В результате, после длительного периода относительной постконфликтной «стабильности», обеспечивавшейся как военными, так и гражданскими режимами Нигерии, в конце 1990-х гг. в Биафре вновь возникло движение за создание суверенного государства.

Нынешняя администрация Мохаммаду Бухари, по мнению игбо, «пренебрежительно» относится к жителям Биафры, что, в частности, выражается в неадекватной представленности этой этнической группы в федеральном правительстве⁵. Кроме того, ни

journals/international-legal-materials/article/abs/oau-resolution-on-situation-in-nigeria/D13B9AD9DE24A8C1325A97CD37500FEC (accessed: 01.06.2021).

⁵ Nigeria: How to Solve a Problem Like Biafra // African Arguments. May 29, 2017. URL: <https://africanarguments.org/2017/05/nigeria-how-to-solve-a-problem-like-biafra> (accessed: 02.05.2021).

один игбо — после избрания 1 октября 1963 г. президентом Ннамди Азикиве (до 15 января 1970 г.) — не был гражданским главой государства. Перед президентскими выборами 2011 г., на которых победил Г. Джонатан, между политиками-игбо и представителями других этнических групп была достигнута негласная договоренность, что в 2015 г. президентом будет избран игбо, но этот пост занял северянин (фулани) М. Бухари (Okonta, 2012, p. 8).

Важным поводом для разногласий между юго-востоком и федеральным правительством остается несправедливое распределение доходов от добычи нефти, тем более что запасов «черного золота» в Биафре достаточно, чтобы в случае отделения регион мог стать средне-развитым по африканским меркам государством. Отчасти поэтому спустя 50 лет после окончания гражданской войны стремление игбо к отделению не исчезло, и в настоящее время в Биафре действует несколько организаций, выступающих под сепаратистскими лозунгами.

Первая из них — Движение за создание суверенного государства Биафра (MASSOB, *Movement for the Actualization of the Sovereign State of Biafra*, MASSOB) — была основана 13 сентября 1999 г., то есть вскоре после прихода к власти в Нигерии законно избранного гражданского правительства. Возглавил организацию молодой (тогда ему было 39 лет) юрист Ральф Увазурике. Видимо, лидер МАССОБ осознавал необходимость получения сепаратистами внешней помощи и моральной поддержки, так как уже 1 ноября 1999 г. отправил в офис ООН в Нью-Йорке документ, в котором утверждалось, что жители Биафры тверды в своем намерении добиваться создания суверенного государства. Ответа на послание получено не было (Okonta, 2012, pp. 22—23). С самого начала МАССОБ позиционировало себя как «мирное движение», намеренное добиваться независимости Биафры путем переговоров с центральным правительством, однако участие в массовых демонстрациях протеста против политики властей приводило к частым арестам лидеров организации. В 2013 г. она была

квалифицирована как экстремистская группа, угрожающая безопасности Нигерии.

В 2012 г. от МАССОБ откололась группа, назвавшая себя «Коренные народы Биафры» (КНБ, *Indigenous People of Biafra*, IPOB). Возглавил КНБ британец нигерийского происхождения Ннамди Окву Кану, родившийся 25 сентября 1967 г., то есть в начале гражданской войны, в г. Умуахия на территории «старой» самопровозглашенной «Республики Биафра»⁶. Изначально заявленной целью организации было восстановление независимого государства «Биафра» посредством соответствующего референдума, однако вскоре она начала пропаганду насильственных методов борьбы.

К 2014 г. отделения КНБ появились далеко за пределами Нигерии — в баскском графстве Виктория в Испании, Люксембурге⁷, Израиле, а также в странах с большими диаспорами игбо — в Великобритании, США и Германии. В 2015 г. Р. Увазурике привлек Ннамди Кану, проживавшего в Лондоне и оттуда руководившего КНБ, к работе на лондонской онлайн-радиостанции «Радио Биафра» (*Radio Biafra*), созданной для трансляции требований сепаратистов (ежедневное вещание ведется на английском и игбо). В своих передачах Кану нередко использовал риторику, призывавшую к насильственному сопротивлению⁸, и предлагал запастись оружием⁹. Радиопередачи лидера КНБ быстро

⁶ Nnamdi Kanu Biography and Net Worth // Austine Media. October 27, 2020. URL: <https://austinemedia.com/nnamdi-kanu-biography-and-net-worth> (accessed: 02.05.2021).

⁷ Nigeria's Biafran Separatist Upsurge // International Crisis Group. December 4, 2015. URL: <https://www.crisisgroup.org/africa/west-africa/nigeria/nigeria-s-biafran-separatist-upsurge> (accessed: 02.06.2021).

⁸ См.: Nigeria's Second Genocide on Biafra Authorized by Muhammadu Buhari // The Nigerian Voice. April 28, 2016. URL: <https://www.thenigerianvoice.com/movie/215090/nigerias-second-genocide-on-biafra-authorized-by-muhammadu.html> (accessed: 03.05.2021); Interview with Dott. Clifford Iroanya, COC of IPOB // Frontiere News. 2016. URL: <https://soundcloud.com/frontiere-news/interview-with-dott-clifford-iroanya-coc-of-ipob> (accessed: 03.05.2021).

⁹ Director Nnamdi Kanu's Speech at 2015 World Igbo Convention in Los Angeles // Biafra Television. September 15, 2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4fPQOPEH-0Y> (accessed: 04.05.2021).

завоевали популярность среди игбо, проживающих в диаспоре и ежегодно 30 мая отмечающих День Биафры в честь одностороннего провозглашения в 1967 г. независимости «Республики Биафра».

Самая крупная нигерийская диаспора сформировалась в США — около 400 тыс. человек, из которых примерно половина идентифицируют себя как игбо. Они объединены в ассоциации, из которых самыми известными являются Народный клуб Нигерии (*The People's Club of Nigeria*) и Ассоциация штата Анамбра (*Anambra State Association*)¹⁰, аффилированные с Всемирным конгрессом игбо (ВКИ, *World Igbo Congress*)¹¹ — неправительственной организацией, имеющей консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН¹². Формально ВКИ ставит перед собой вполне мирные цели «объединения народа игбо и обеспечения его благосостояния»¹³, но именно к нему в октябре 2015 г. на съезде Конгресса в Лос-Анджелесе Ннамди Кану обратился с просьбой о помощи в сборе средств на приобретение оружия «для борьбы с правительством Нигерии». Встреча транслировалась в

¹⁰ The Nigerian Diaspora in the United States // Migration Policy Institute. June 2015. URL: <https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/RAD-Nigeria.pdf> (accessed: 30.06.2021).

¹¹ Всемирный конгресс игбо был основан 27 августа 1994 г. в Хьюстоне (Техас, США), служит зонтичной организацией для всех игбо, проживающих за пределами Нигерии, прежде всего в США. В июле 2012 г. Экономический и Социальный Совет ООН (ЭКОСОС) предоставил ВКИ «специальный консультативный статус» (Всемирный конгресс игбо // ru.esc.wiki. URL: https://ru.esc.wiki/wiki/World_Igbo_Congress (accessed: 03.05.2021)).

¹² The New Biafrans: Historical Imagination and Structural Conflict in Nigeria's Separatist Revival // Paper presented at a seminar in the Changing Character of War series, Pembroke College, University of Oxford. March 2016. URL: <https://static1.squarespace.com/static/55faab67e4b0914105347194/t/570bcdfec6fc08b426187aa3/1460391422513/Biafra+presentation+CCW.pdf> (accessed: 25.05.2021).

¹³ Заявление, представленное Всемирным конгрессом игбо, — неправительственной организацией, имеющей консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете // ООН. 20.11.2013. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/E/CN.5/2014/NGO/49> (дата обращения: 22.05.2021).

Интернете¹⁴, и по прибытии в Нигерию Кану был арестован, но его призыв не остался без ответа, и неофициально (то есть формально ВКИ не имеет к этому отношения) собранные средства в 2018 г. были направлены на деятельность военного крыла КНБ¹⁵.

Среди других отколовшихся от МАССОБ групп — Революционная организация Биафры (*Biafran Revolutionary Organization*), Восточный народный конгресс (*Eastern People Congress*), Объединенный революционный совет Биафры (*Joint Revolutionary Council of Biafra*), Крестоносцы — освободители Биафры (*Biafra Liberation Crusaders*), Спасители Биафры (*Salvation People of Biafra*), Сионистское движение Биафры (СДБ, *The Biafran Zionist Movement*) и др.¹⁶

Из этих группировок заметным влиянием пользуется лишь СДБ во главе с юристом Бенджамином Онвукой. СДБ было создано в 2010 г., но получило известность 5 ноября 2012 г., когда объявило о создании независимого государства на митинге, во время которого было арестовано более 100 его участников. В 2012 г. Группа подала (безрезультатно) заявку Генеральному секретарю ООН Пан Ги Муну на получение Республикой Биафра статуса наблюдателя в Организации¹⁷.

Почему движение называется «сионистским»? В последние несколько десятилетий игбо, считающие себя «евреями» и претендующие на происхождение от одного из 10 «потерянных колен Израилевых», приступили к «возрождению» иудаизма в Нигерии и начали проводить субботние службы. Многие игбо

¹⁴ Nnamdi Kanu Solicited Guns To Fight Nigeria At World Igbo Congress // YouTube. October 27, 2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1XU2JtlUF6M> (accessed: 23.06.2021).

¹⁵ Country of Origin Information Report: Nigeria Targeting of Individuals // European Asylum Support Office. November 27, 2018. URL: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/2018_EASO_COI_Nigeria_TargetingIndividuals.pdf (accessed: 01.05.2021).

¹⁶ Country Policy and Information Note. Nigeria: Biafran separatists // Home Office. April 2020. P. 16. URL: <https://www.justice.gov/eoir/page/file/1267611/download> (accessed: 30.04.2021).

¹⁷ The Biafra Zionist Movement // The Nation. November 6, 2012. URL: <https://thenationonlineng.net/the-biafra-zionist-movement> (accessed: 05.05.2021).

поддерживают отделение Биафры и являются членами КНБ. Следует отметить, однако, что, хотя иудаизм популярен среди сепаратистов-игбо, среди населения он не распространен: из 30 млн игбо лишь около 2 тыс. считают себя евреями. Однако, если фактическая идентификация с евреями и практика иудаизма относительно редки, параллели с Холокостом сепаратистами проводятся довольно часто (Андреева, 2021, с. 87).

Сегодняшний сионизм среди игбо имеет свои корни и в гражданской войне 1967—1970 гг., так как Израиль поставлял в «старую» Биафру продовольствие, оружие и боеприпасы. Многие игбо рассматривают биафрский сепаратизм и израильский сионизм как сходные проявления национализма в его «патриотическом» смысле. Ряд сепаратистских лидеров восхищаются Израилем, подающим пример успешного государственного строительства, и считают его «естественным союзником»¹⁸. Однако сколько-нибудь существенного стремления поддержать биафрских игбо в деле отделения от Нигерии Израиль пока не проявляет.

Биафра и Амбазония

В апреле 2021 г. был сформирован военно-стратегический альянс — союз сепаратистов КНБ и самопровозглашенной «Республики Амбазония», созданной 1 октября 1999 г. на территории англоязычного Западного Камеруна (Денисова, Костелянец, 2021) и до 2006 г. действовавшей в подполье. О независимости Амбазонии несколько раз в одностороннем порядке объявлялось различными камерунскими сепаратистскими организациями, в последний раз — 1 октября 2017 г.¹⁹ Можно сказать, что подобный альянс — новое явление в африканской практике

¹⁸ Fredman N. The Sun Still Rises: Neo-Biafran Secessionism, Zionism, and the Question of Nigeria // *Brown Political Review*. April 26, 2019. URL: <https://brownpoliticalreview.org/2019/04/sun> (accessed: 01.05.2021).

¹⁹ Who are Cameroon's Self-Named Ambazonia Secessionists? // *Deutsche Welle*. September 30, 2019. URL: <https://www.dw.com/en/who-are-camerouns-self-named-ambazonia-secessionists/a-50639426> (accessed: 25.05.2021).

сепаратизма, вызванное прежде всего практическим отсутствием международной поддержки как Биафры, так и Амбазонии и необходимостью для нигерийских и камерунских сепаратистов объединения усилий и ресурсов.

Альянс нацелен на проведение совместных операций и осуществление военной подготовки боевиков Биафры и Амбазонии, контроль над общей границей, а также обмен оружием и персоналом²⁰. Создание альянса имело свои предпосылки.

Во-первых, в Юго-Восточной Нигерии — в дельте Нигера и Биафре — находится около 50 тыс. англофонных камерунских беженцев²¹, спасающихся от репрессий, осуществляемых администрацией П. Бийи и зачастую готовых примкнуть к сепаратистским движениям Биафры и Камеруна.

Во-вторых, правительство Амбазонии «в изгнании» осуществляет руководство именно с территории Нигерии, где имеет возможность установления контактов с сепаратистами Биафры.

В-третьих, в рядах камерунских сепаратистских организаций сражаются сотни боевиков из дельты Нигера и Биафры, то есть объединение соответствующих повстанческих группировок было лишь вопросом времени.

В-четвертых, в охваченных конфликтом районах Западного и Южного Камеруна проживает множество мигрантов из Нигерии, преимущественно игбо, большинство которых поддерживают идею создания на территории региона суверенного государства — отдельно от Камеруна и Нигерии. В этом контексте сепаратисты Биафры и Амбазонии должны были легко найти общий язык.

Кроме того, Биафра хорошо оснащена оружием и другой военной техникой, доступной на нигерийском «черном» рынке.

²⁰ Separatist Movements in Nigeria and Cameroon Are Joining Forces // *Foreign Policy*. May 20, 2021. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/05/20/separatists-nigeria-cameroon-biafra-ipob-ambazonia-anglophone-joining-forces> (accessed: 25.05.2021).

²¹ Is the Conflict in Anglophone Cameroon an Ethnonational Conflict? // *E-International Relations*. August 26, 2019. URL: <https://www.e-ir.info/2019/08/26/is-the-conflict-in-anglophone-cameroon-an-ethnonational-conflict> (accessed: 27.05.2021).

Сотрудничество между Биафрой и Амбазонией предположительно должно укрепить камерунских сепаратистов, страдающих от нехватки финансовой поддержки со стороны диаспоры, недовольной насилием, которому амбазонцы подвергают гражданское население.

Не все сепаратисты Биафры и Амбазонии поддерживают альянс, но эскалация насилия в Юго-Восточной Нигерии и Западном Камеруне может обострить проблему региональной безопасности в то время, когда страны Западной и Центральной Африки борются с экономическим спадом, распространением терроризма и пандемией COVID-19.

Заключение

Сепаратизм в современной Биафре заметно отличается от сепаратизма 1960-х гг., когда на стороне самопровозглашенной республики сражались части регулярной армии, обученные и экипированные не хуже войск федерального правительства, а цель отделения обуславливалась масштабными гуманитарными проблемами, в том числе погромами и репрессиями в отношении игбо, что не могло не вызывать сочувствия мирового сообщества.

Нынешние сепаратисты действуют совсем в других условиях, поэтому их главными методами являются нарушение общественного порядка и компрометация государственных органов власти, то есть изматывание противника, чтобы побудить его к решению вопроса. Впрочем, и цели нынешних биафрских сепаратистов противоречивы: требования

независимости перемежаются с требованиями большей автономии, большего «федерального присутствия» в регионе, больших инвестиций в инфраструктуру Биафры и т. д.

Между тем сепаратисты Биафры создают угрозу безопасности Западноафриканского региона в целом, так как вносят свой вклад — посредством участия в вооруженных столкновениях — в обострение ситуации в бассейне озера Чад, где действует «Боко Харам», в дельте Нигера, Среднем поясе Нигерии, где происходят столкновения между пастухами и фермерами, и на западе Камеруна.

Сепаратизм в Биафре является интернационализированным и получает поддержку диаспоры и симпатии некоторых стран, например Израиля. Но поддерживать ли сепаратистское движение — вопрос политического решения суверенных государств, основанного на их интересах. Поскольку мировое сообщество не заинтересовано в признании законными требований отделения нынешней Биафры от Нигерии, а гуманитарные проблемы не достигли степени серьезности, наблюдавшейся в Биафре в 1960-е гг., поддержка сепаратистов в настоящее время имеет крайне ограниченный характер. Сепаратистам пока не удалось убедить международную общественность в правомерности своих притязаний. Однако мировой порядок динамичен и непостоянен, и отношение мирового сообщества к сепаратистским требованиям постоянно меняется (St. J Anstis & Zacher, 2010), свидетельством чему является появление на картах мира и Африки новых государств.

Поступила в редакцию / Received: 05.06.2021
Принята к публикации / Accepted: 26.10.2021

Библиографический список

- Андреева Л.А. Иудаизм в Тропической Африке: феномен народа игбо (Нигерия) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2021. № 2. С. 83—92. DOI: 10.31857/S086919080014160-3
- Гевелинг Л.В. Клептократия. М.: Гуманитарий, 2001.
- Денисова Т.С., Костелянец С.В. Сепаратизм в Южном Камеруне: истоки и перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 1. С. 194—213. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-10
- История Нигерии в новое и новейшее время / отв. ред. Ю.Н. Зотова, И.В. Следзевский. М.: Наука, 1981.
- Катагощина И.Т. Интеллигенция Нигерии. М.: Наука, 1977.
- Мазов С.В. Советско-нигерийские отношения накануне и в начале гражданской войны в Нигерии, 1966—1967 гг. (по материалам российских архивов) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 8. DOI: 10.18254/S207987840011017-7
- Мазов С.В. СССР и самопровозглашенная Республика Биафра, 1967—1970 (по архивным документам) // Азия и Африка сегодня. 2021. № 6. С. 62—70. DOI: 10.31857/S032150750015264-2

- Мокрушина З.В. История гражданской войны (1967—1970 гг.) в Нигерии (по произведениям нигерийских писателей и публицистов) // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». 2010. № 4. С. 9—16.
- Нигерия: справочно-монографическое издание / отв. ред. И.Г. Большов, Т.С. Денисова. М.: Институт Африки РАН, 2013.
- Обасанджо О. Нигерия в огне. М.: Прогресс, 1984.
- Романов А.И. Нигерия в борьбе за единство, 1967—1970. М.: Наука, 1987.
- Филиппов В.Р. «Франсафрик»: тень Елисейского дворца над Черным континентом. М.: Горячая линия-Телеком, 2016.
- Brucker C. Finding Foreign Friends: National Self-Determination and Related Norms as Strategic Resources during the Biafran War for Independence, 1967—1970 // *New England Journal of Public Policy*. 2019. Vol. 31. No. 2. P. 1—21.
- Byrne T. *Airlift to Biafra: Breaching the Blocade*. New York: Columbia Press, 1997.
- Clapham C. *Africa and the International System: The Politics of State Survival*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. DOI: 10.1017/CBO9780511549823
- Doron R. Marketing Genocide: Biafran Propaganda Strategies during the Nigerian Civil War, 1967—70 // *Journal of Genocide Research*. 2014. Vol. 16. No. 2—3. P. 227—246. DOI: 10.1080/14623528.2014.936702
- Hashimoto T. The Foreign Policy of Counter Secession. Preventing the Recognition of Contested States // *Europe — Asia Studies*. 2014. Vol. 66. No. 9. P. 1578—1580. DOI: 10.1080/09668136.2014.956444
- Heerten L., Moses A.D. The Nigeria—Biafra war: Postcolonial Conflict and the Question of Genocide // *Journal of Genocide Research*. 2014. Vol. 16. No. 2—3. P. 169—203. DOI: 10.1080/14623528.2014.936700
- Heraclides A. Secessionist Conflagration: What Is To Be Done? // *Security Dialogue*. 1994. Vol. 25. No. 3. P. 283—293. DOI: 10.1177/0967010694025003004
- Kuhn K.J. Liberation Struggle and Humanitarian Aid: International Solidarity Movements and the “Third World” in the 1960s // *Protest, Culture and Society* / ed. by S. Christiansen, Z.A. Scarlett. New York: Berghahn, 2013. P. 69—85.
- McConnell F., Moreau T., Dittmer J. Mimicking State Diplomacy: The Legitimizing Strategies of Unofficial Diplomacies // *Geoforum*. 2012. Vol. 43. No. 4. P. 804—814. DOI: 10.1016/j.geoforum.2012.01.007
- Nwankwo A.A., Ifejika S.U. *Biafra: The Making of a Nation*. New York: Praeger Publishers, 1970.
- Okeke C.N. *The Theory and Practice of International Law in Nigeria*. Enugu: Fourth Dimension Publishers, 1986. URL: <https://digitalcommons.law.ggu.edu/pubs/604> (accessed: 12.06.2021).
- Okonkwo M.N. *In the Bowels of Biafra*. Enugu: Vougasen, 2003.
- Okonta I. Biafran Ghosts. The MASSOB Ethnic Militia and Nigeria’s Democratisation Process // *Nordic Africa Institute Discussion Paper*. 2012. No. 73. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:538466/FULLTEXT01.pdf> (accessed: 02.05.2021).
- Omenka N.I. The Nigerian Civil War: Outstanding and Unspoken Taboos // *Bulletin of Ecumenical Theology*. 1999. No. 11. P. 3—20.
- Seymour L.J.M. Sovereignty, Territory and Authority: Boundary Maintenance in Contemporary Africa // *Critical African Studies*. 2013. Vol. 5. No. 1. P. 17—31. DOI: 10.1080/21681392.2013.774791
- St. J Anstis S.C., Zacher M.W. The Normative Bases of the Global Territorial Order // *Diplomacy & Statecraft*. 2010. Vol. 21. No. 2. P. 306—323. DOI: 10.1080/09592296.2010.482477
- Uzokwe A.O. *Surviving in Biafra. The Story of the Nigerian Civil War*. New York: Writers Advantage, 2003.

References

- Andreeva, L. A. (2021). Judaism in Topical Africa: The phenomenon of the Igbo people (Nigeria). *Vostok. Afro-Aziatskie Obshchestva: Istorii i Sovremennost'*, (2), 83—92. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S086919080014160-3>
- Bolshov, I. G., & Denisova, T. S. (Eds.). (2013). *Nigeria: A reference monograph*. Moscow: Institut Afriki RAN publ. (In Russian).
- Brucker, C. (2019). Finding foreign friends: National self-determination and related norms as strategic resources during the Biafran war for independence, 1967—1970. *New England Journal of Public Policy*, 31(2), 1—21.
- Byrne, T. (1997). *Airlift to Biafra: Breaching the blockade*. New York: Columbia Press.
- Clapham, C. (1996). *Africa and the international system: The politics of state survival*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511549823>
- Denisova, T. S., & Kostelyanets, S. V. (2021). Separatism in South Cameroon: Sources and prospects. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 14(1), 194—213. (In Russian). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-1-10>

- Doron, R. (2014). Marketing genocide: Biafran propaganda strategies during the Nigerian civil war, 1967—70. *Journal of Genocide Research*, 16(2—3), 227—246. <https://doi.org/10.1080/14623528.2014.936702>
- Filippov, V. R. (2016). *“Françafrique”: The shadow of the Elysee palace over the Black continent*. Moscow: Goryachaya liniya-Telekom publ. (In Russian).
- Geveling, L. V. (2001). *Kleptocracy*. Moscow: Gumanitarniy publ. (In Russian).
- Hashimoto, T. (2014). The Foreign policy of counter secession. Preventing the recognition of contested states. *Europe — Asia Studies*, 66(9), 1578—1580. <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.956444>
- Heerten, L., & Moses, A. D. (2014). The Nigeria—Biafra war: Postcolonial conflict and the question of genocide. *Journal of Genocide Research*, 16(2—3), 169—203. <https://doi.org/10.1080/14623528.2014.936700>
- Heraclides, A. (1994). Secessionist conflagration: What is to be done? *Security Dialogue*, 25(3), 283—293. <https://doi.org/10.1177/0967010694025003004>
- Katagoshchina, I. T. (1977). *Intellectuals of Nigeria*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).
- Kuhn, K. J. (2013). Liberation struggle and humanitarian aid: International solidarity movements and the “Third World” in the 1960s. In S. Christiansen & Z. A. Scarlett (Eds.), *Protest, culture and society* (pp. 69—85). New York: Berghahn.
- Mazov, S. V. (2020). Soviet-Nigerian relations on the eve of and at the beginning of the Civil War in Nigeria, 1966—1967 (based on Russian archival sources). *Istoriya*, 11(8). (In Russian). <https://doi.org/10.18254/S207987840011017-7>
- Mazov, S. V. (2021). USSR and the self-proclaimed Republic of Biafra, 1967—1970 (based on archival documents). *Asia and Africa Today*, (6), 62—70. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S032150750015264-2>
- McConnell, F., Moreau, T., & Dittmer, J. (2012). Mimicking state diplomacy: The legitimizing strategies of unofficial diplomacies. *Geoforum*, 43(4), 804—814. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2012.01.007>
- Mokrushina, Z. V. (2010). History of Civil War in Nigeria (1967—1970) (based on works of Nigerian writers and publicists). *Vestnik Yaroslavl'skogo Gosudarstvennogo Universiteta im. P. G. Demidova. Seriya Gumanitarnye Nauki*, (4), 9—16. (In Russian).
- Nwankwo, A. A., & Ifejika, S. U. (1970). *Biafra: The making of a nation*. New York: Praeger Publishers.
- Obasanjo, O. (1984). *Nigeria on fire*. Moscow: Progress publ. (In Russian).
- Okeke, C. N. (1986). *The theory and practice of international law in Nigeria*. Enugu: Fourth Dimension Publishers. Retrieved from <https://digitalcommons.law.ggu.edu/pubs/604>
- Okonkwo, M. N. (2003). *In the bowels of Biafra*. Enugu: Vougasen.
- Okonta, I. (2012). Biafran ghosts. The MASSOB ethnic militia and Nigeria’s democratisation process. *Nordic Africa Institute Discussion Paper*, (73). Retrieved from <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:538466/FULLTEXT01.pdf>
- Omenka, N. I. (1999). The Nigerian civil war: Outstanding and unspoken taboos. *Bulletin of Ecumenical Theology*, (11), 3—20.
- Romanov, A. I. (1987). *Nigeria in a struggle for unity, 1967—1970*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).
- Seymour, L. J. M. (2013). Sovereignty, territory and authority: Boundary maintenance in contemporary Africa. *Critical African Studies*, 5(1), 17—31. <https://doi.org/10.1080/21681392.2013.774791>
- St. J Anstis, S. C., & Zacher, M. W. (2010). The normative bases of the global territorial order. *Diplomacy & Statecraft*, 21(2), 306—323. <https://doi.org/10.1080/09592296.2010.482477>
- Uzokwe, A. O. (2003). *Surviving in Biafra. The story of the Nigerian Civil War*. New York: Writers Advantage.
- Zotova, Yu. N., & Sledzevskii, I. V. (Eds.). (1981). *History of Nigeria in modern and contemporary times*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).

Сведения об авторах: Денисова Татьяна Сергеевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Центром изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН; ORCID: 0000-0001-6321-3503; e-mail: tsden@hotmail.com

Костелянец Сергей Валерьянович — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром социологических и политологических исследований Института Африки РАН; ORCID: 0000-0002-9983-9994; e-mail: sergey.kostelyanyets@gmail.com

About the authors: Denisova Tatyana Sergeevna — PhD in History, Leading Research Fellow, Head, Centre for Tropical Africa, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0001-6321-3503; e-mail: tsden@hotmail.com

Kostelyanets Sergey Valerianovich — PhD in Political Science, Leading Research Fellow, Head, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-9983-9994; e-mail: sergey.kostelyanyets@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-758-771

Научная статья / Research article

Россия, НАТО и Арктика: соперничество, безопасность, возможные сценарии развития геополитической конкуренции

И.А. Аржанов

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

 yatsu@flaut.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу ключевых аспектов геополитической борьбы за Арктический регион. Актуальность темы обусловлена тем, что в связи с изменениями климата и сокращением ледяного покрова в Северном полушарии Арктика представляет все больший интерес для мировых держав, которые вступают в соперничество за установление контроля над новыми залежами полезных ископаемых и стратегическое превосходство в регионе. Арктика стала регионом, где ведущие государства пытаются внедрять различные геополитические стратегии. С одной стороны, четыре члена Арктической пятерки под эгидой НАТО стремятся реализовать сценарий, по которому полярная зона разделяется на устойчивые «зоны влияния», а с другой — Россия озабочена усилением военной активности США и НАТО в регионе. Цель статьи — исследовать проблематику милитаризации Арктики, что даст возможность определить вызовы и угрозы в этом регионе для национальной стратегии России. Методологической основой послужил теоретический анализ и диалектический метод. В процессе исследования использовались формально-логические методы и приемы обработки информации (анализ, синтез, индукция, дедукция). Метод прогнозирования способствовал определению круга возможных тенденций развития исследуемой проблематики. Выявлены потенциальные интересы России, США и НАТО в контексте повышения внимания к Арктическому региону в последние годы. Рассмотрены политика и интересы зарубежных арктических держав — членов Арктической пятерки в составе НАТО, а именно Дании, Канады, Норвегии и США, их действия в регионе. Определяются возможные перспективы взаимодействия и диалога по противодействию основным угрозам международной безопасности в рамках комплексной стратегии. С учетом рассмотрения роли и соперничества по линии Россия — НАТО в Арктике в статье представлена попытка формирования авторских прогнозов дальнейшего развития военно-политического присутствия НАТО в Арктике и необходимых действий для России в целях защиты своих северных территорий.

Ключевые слова: Арктика, Россия, США, НАТО, конфронтация, сотрудничество, милитаризация, геополитика

Для цитирования: Аржанов И.А. Россия, НАТО и Арктика: соперничество, безопасность, возможные сценарии развития геополитической конкуренции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 758—771. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-758-771

Russia, NATO and the Arctic: Rivalry, Security, Possible Scenarios of Geopolitical Competition

Igor A. Arzhanov

Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 e-mail: yatsu@flaut.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of key aspects of the geopolitical struggle for the Arctic region. The relevance of the research stems from the fact that due to climate change and the reduction of ice cover in the Northern Hemisphere, the Arctic is of increasing interest to world powers, which are competing for control over

© Аржанов И.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

new deposits of natural resources and strategic dominance in the region. It is emphasized that the Arctic has become a region where leading states are trying to implement various geopolitical strategies. On the one hand, the four members of the Arctic Five under the auspices of NATO are trying to implement a scenario in which the polar zone is divided into stable “zones of influence.” On the other hand, there are the interests and position of Russia, which is concerned about the increased military activity of the United States and NATO in the region. The purpose of the article is to study the problems of the Arctic militarization, which will make it possible to identify challenges and threats in this region for Russia’s national strategy. The research methodology is based on theoretical analysis and dialectical method. In addition, the study used formal logical methods and various approaches to information processing (analysis, synthesis, induction, deduction). The forecasting method helped to determine the range of possible military and political trends in the region. The article identifies the potential interests of Russia, the United States and NATO in the context of increased attention to the Arctic region in recent years. The study reflects a comparative analysis of the policies and interests of the member states of the Arctic Five and NATO, namely Denmark, Canada, Norway and the USA, their practical steps in the High North. The author describes possible prospects for interaction and dialogue on countering the main threats to international security within the framework of a comprehensive strategy. Considering the role and rivalry between Russia and NATO in the Arctic, the article highlights the author’s forecasts of further military and political presence of NATO in the Arctic and the necessary actions for Russia to defend its northern territories.

Key words: Arctic, Russia, US, NATO, confrontation, cooperation, militarization, geopolitics

For citation: Arzhanov, I. A. (2021). Russia, NATO and the Arctic: Rivalry, security, possible scenarios of geopolitical competition. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 758—771. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-758-771>

Введение

После окончания холодной войны подход мировых акторов к Арктике заключался в рассмотрении региона как зоны низкой напряженности, где было желательным и возможным сотрудничество между различными державами на благо решения общих проблем. Однако постепенно, по мере того как отношения России с Западом ухудшались, и особенно после начала украинского кризиса в 2014 г., западное сообщество приняло гораздо более конкурентный, даже конфронтационный, взгляд на Арктику. Вместо того чтобы подчеркивать преимущества многостороннего сотрудничества, США и впоследствии НАТО поспособствовали формулированию своего персонализированного видения на регион как на сферу военной и экономической экспансии и арену для реализации своих великодержавных амбиций.

Можно констатировать, что за последнее десятилетие Арктика потенциально снова оказалась в точке перелома, когда маятник качнулся обратно в сторону военно-стратегической ориентации (MacDonald, 2015, p. 19). Это наиболее заметно по расширению присутствия, развитию потенциала и задействованию вооруженных сил всеми государствами Арктической пятерки. В связи с

перманентным изменением баланса сил в отношении Крайнего Севера на международной арене в регионе произошел переход от межгосударственного сотрудничества к военно-политическому сдерживанию. В стороне не остается и Россия, арктическая политика которой закономерно следует в фарватере противостояния растущим вызовам милитаризации пространства Заполярья со стороны США и НАТО и стремления отстаивать собственные интересы в этом регионе.

Стратегическое значение Арктического региона

Арктика является северным районом Земли и представляет собой масштабную территорию, которую окружает Евразийский и Североамериканский континенты, включая отдельные острова и акваторию Северного Ледовитого океана. Большинство исследователей сходятся во мнении, что ценность данного региона (подразумевая под ценностью возможность извлечения стратегических и экономических дивидендов (Nilsson & Larsen, 2020, p. 10)) связана с его высоким сырьевым и энергетическим потенциалом за счет теоретического нахождения в недрах (к примеру, в пределах Хребта Ломоносова) значительных залежей ресурсов и иных полезных

ископаемых (Половинкин, Фомичев, 2013, с. 58). Очевидно, подобное положение дел обуславливает высокое внимание со стороны различных геополитических игроков (США, России, ЕС, Канады, Дании, Китая, Японии, Южной Кореи, Индии и др.), экономика которых может получить существенный положительный импульс для развития за счет укрепления позиций государств в циркумполярной зоне (разведка, добыча, транспортировка ресурсов).

С точки зрения М.А. Никулина, на сегодняшний день Арктика является регионом, прошедшим период конфронтации двух сверхдержав времен холодной войны, приблизившись к системе многополярного сотрудничества. В то же время Север выступает как важное с геостратегической точки зрения пространство, что и определяет повышенный уровень конкуренции. Как итог — под сомнение ставится сложившийся там статус-кво (Никулин, 2019, с. 393).

Внимание к Арктике связано и с естественными причинами — регион вновь приобретает важную геополитическую роль, где основной движущей силой возрождения интереса выступает глобальное потепление. Снижение ледяного покрова создает новые экономические возможности, поскольку неиспользованные ресурсы оказываются доступными, новые воды становятся судоходными, что открывает возможность более активно использовать короткие морские маршруты между Европой и Азией.

Необходимо отметить позицию Т.О. Едисеевой, по мнению которой негативные экологические изменения на Крайнем Севере могут привести к глобальным последствиям по всему миру (повышение уровня Мирового океана, нарушение работы глобальной экосистемы), что прямо указывает на стратегическую необходимость формирования сбалансированной политики взаимодействия государств в Заполярье (Едисеева, 2020, с. 174).

По оценкам Геологической службы США, в Арктическом регионе находится около 22 % мировых запасов, или 80 млрд баррелей, нефти, внушительный объем запасов газа (около 23 %), что дополняется залежами

редкоземельных металлов, включая биологические ресурсы — рыбную фауну¹. По мере снижения уровня издержек на разработку и добычу это закономерно повышает внимание со стороны крупнейших акторов современной международной системы.

Деструктивной тенденцией является угроза эскалации соперничества между ведущими государствами за контроль над Арктикой, что может обусловить ее ускоренную милитаризацию и негативно повлиять на процессы так называемого «созерцательного» взаимодействия — фактическую замену сотрудничества на военно-политическую конкуренцию по причине заинтересованности каждого из вовлеченных государств в защите собственных национальных интересов и восприятия региона как инструмента, способствующего укреплению превосходства того или иного актора (геополитический и геоэкономический аспекты), а также ограничению мощи своих оппонентов (Шульдешов, Федоров, 2016, с. 107). Изложенные аспекты формируют в своем комплексе повышенную привлекательность и особенности анализируемого региона.

Концептуальные основы международного сотрудничества в Арктическом регионе

Учитывая современные условия, видится ошибочным тезис об оперативной разработке единой (международной) Арктической стратегии, принимая во внимание разные подходы к взаимодействию в регионе и акцент на национальных интересах, а не приоритетах международного сообщества. В свою очередь, слепая декларация собственных интересов и их доминирование в политике отдельных акторов над общими в целом может привести к милитаризации Крайнего Севера с целью обеспечения отдельных геоэкономических и геостратегических интересов, а также к позиционированию циркумполярной

¹ Circum-Arctic Resource Appraisal: Estimates of Undiscovered Oil and Gas North of the Arctic Circle // U.S. Geological Survey. 2008. URL: <https://pubs.usgs.gov/fs/2008/3049/fs2008-3049.pdf> (accessed: 03.04.2021).

зоны как инструмента давления на геополитических конкурентов.

Сложность в определении механизмов взаимодействия в исследуемом регионе связана с тем, что в его отношении не существует единого, универсального и разделяемого международным сообществом договора, в котором бы регулировались все возникающие вопросы, споры государств и иные аспекты экологического, промышленного, социального, экономического характера (Голдин, 2015, с. 155). В отличие от Антарктического региона, в отношении которого был принят Договор об Антарктике², предусматривающий, что вся южная полярная область считается общей международной территорией, Арктика признается мировым сообществом сферой суверенитета прибрежных государств.

В Заполярье страны формируют механизмы взаимодействия на основе развития системы двусторонних и многосторонних соглашений, суть которых базируется на нормах международного права и интересах каждого конкретного государства, заключающего данные соглашения. К ним необходимо отнести такие документы, как Конвенция ООН по морскому праву (1982 г.)³, Конвенция о континентальном шельфе (1958 г.)⁴, «Полярный кодекс»⁵, Конвенция ООН об изменении климата⁶, Конвенция «О биологическом разнообразии»⁷, Международная конвенция

«О коренных народах»⁸ и иные договорные обязательства.

В рамках указанной системы основополагающим документом выступают нормы Конвенции ООН по морскому праву, однако в ней отсутствуют отдельные положения в отношении Северного Ледовитого океана и правовых мер защиты морской среды, актуальных для Арктики, в результате чего каждый actor действует на основе достигнутых двусторонних и многосторонних соглашений, а также норм внутреннего законодательства.

Нескоординированная политика государств в регионе может привести к росту и эскалации противоречий в политической, экономической сфере; непродуманная экономическая деятельность находится в тесной взаимосвязи с загрязнением Крайнего Севера, что потенциально влечет за собой долгосрочные климатические и экологические проблемы в других регионах, подразумевает ощутимый ущерб как национальным, так и глобальным интересам. В этой связи для циркумполярной зоны важным шагом видится систематизация глобальных, региональных и национальных интересов всех государств (арктических и неарктических), что позволит сформировать новые дискуссионные площадки и международные документы.

Вместе с тем взаимодействие стран в рамках Арктического региона не имеет долгой истории и отличается высоким уровнем фрагментарности и эпизодичности. Практическая часть сотрудничества была запущена по инициативе главы Советского Союза М.С. Горбачева в рамках «Мурманских инициатив» 1987 г., когда СССР предложил идею провозглашения Арктики пространством мира и сотрудничества, территорией для взаимодействия государств в области разработки и управления ресурсами, открытого для совместных научных исследований и

² Договор об Антарктике от 1 декабря 1959 г. // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/antarctic.pdf (дата обращения: 04.04.2021).

³ Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/lawsea.pdf (дата обращения: 04.04.2021).

⁴ Конвенция о континентальном шельфе от 29 апреля 1958 г. // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/conts.pdf (дата обращения: 04.04.2021).

⁵ Международный кодекс для судов, эксплуатируемых в полярных водах (Полярный кодекс) от 21 ноября 2014 г. // ООН. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420376046> (дата обращения: 04.04.2021).

⁶ Рамочная конвенция ООН об изменении климата от 9 мая 1992 г. // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 04.04.2021).

⁷ Конвенция о биологическом разнообразии от 5 июня 1992 г. // ООН. URL: <https://www.un.org/ru/>

[documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml) (дата обращения: 04.04.2021).

⁸ Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах от 27 июня 1989 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/io1169.shtml (дата обращения: 04.04.2021).

требующего реализации программ защиты окружающей среды, инфраструктурного развития (Смирнов, 2016, с. 6).

Логическое развитие этой инициативы было обеспечено в рамках работы Международного Арктического комитета (создан в 1990 г.) и его трансформации в Арктический совет в 1996 г. В 1991 г. появился Северный форум, а в 1993 г. начал свою работу Совет Баренцева и Евро-Арктического региона, что к началу XXI в. позволило позиционировать Арктику в качестве полноценной и многогранной зоны, открытой для международного сотрудничества в научной, политической, экономической сфере, отрасли развития инфраструктуры, логистики и т. п.

В структуре упомянутых организаций уместно отметить деятельность Арктического совета, компетенция которого предполагает координационную роль в процессах решения комплексных вопросов (экология, экономика), а также сотрудничество с Международной морской организацией в контексте разработки «Полярного кодекса» для отражения вопросов проведения совместных операций, решения экологических проблем, связанных с судоходством, консультаций по поводу создания положений отдельных правовых норм в дальнейшем (Бекашев, 2015, с. 15). Как можно видеть, в определенный исторический период Крайний Север ассоциировался с активизацией международного сотрудничества на уровне диалога, политических консультаций и привлечения внерегиональных игроков к взаимодействию, что было призвано расширить структуру межгосударственного взаимодействия, однако в итоге эти процессы ушли на второй план на фоне роста конфронтации в регионе.

Россия, США и НАТО сквозь призму арктической геополитики

Чтобы полностью осмыслить новые вызовы в Арктике, необходимо проанализировать намерения ключевых противоборствующих в регионе акторов — России и США.

У России имеются жизненно значимые политические, экономические, социальные,

природоохранные и военно-стратегические интересы. Кроме того, закономерно важным выступает и вопрос об обеспечении доступа к природным ресурсам (особенно к запасам углеводородов), включая их разведку и разработку. На сегодняшний день главной задачей для государства является создание мощной российской ресурсной базы в северном полярном регионе (Крутиков и др., 2020, с. 255).

В целом в России отсутствует единый законодательный акт, который регламентировал бы деятельность государства на рассматриваемой территории. Следует отметить, что в течение последних 20 лет было подготовлено четыре законопроекта об Арктической зоне РФ (1998, 1999, 2013, 2017 гг.), каждый из которых содержит положения по организации рационального распределения социально-экономических зон в северном регионе⁹.

Опираясь на документы стратегического планирования, необходимо выделить три основных наблюдения, обусловленных изменением физической природы Арктики и более требовательной динамикой безопасности между ключевыми игроками в регионе.

Во-первых, Крайний Север превратился в ресурсную базу, весомую для поддержки российской экономики, в особенности в силу западных санкций, введенных после 2014 г. Это сделало регион критически важным для экономического будущего России: по некоторым оценкам, «пятая часть ВВП России и более 30 % государственных доходов поступает из Арктики» (Хлопов, 2021, с. 138).

Во-вторых, Россия стремится усилить свой контроль над обширными ресурсами по континентальному шельфу и Северному морскому пути в пределах своей юрисдикции. Последнее оспаривается другими арктическими игроками, особенно США, с точки зрения которых это бросает вызов так называемой «свободе судоходства». В этом контексте

⁹ См., например: Проект Федерального закона «О развитии Арктической зоны Российской Федерации» от 22 ноября 2017 г. // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#okveds=4,38,54&StartDate=1.11.2017&StartDateDiscussion=null&EndDate=9.11.2017&npr=74838> (дата обращения: 06.04.2021).

в мае 2019 г. бывший советник американского президента по национальной безопасности Дж. Болтон отмечал, что «господство США в Арктике должно быть восстановлено с целью ограничения влияния России и Китая в регионе»¹⁰.

В-третьих, региональный фокус России постепенно и неминуемо начинает учитывать не только стратегию исключительного сотрудничества, но и элемент сдерживания. Новые признаки усиления мер безопасности в Заполярье и региональной милитаризации отмечаются в программных документах, опубликованных после 2014 г. вследствие нового витка конфронтации с западными структурами. С одной стороны, во внешнеполитической доктрине четко указывается, что Россия стремится проводить политику, сохраняющую мир, стабильность и конструктивное международное сотрудничество в Арктике. С другой — некоторые компоненты стратегических документов сигнализируют о том, что «Россия будет твердо противостоять любым попыткам привести элементы политического или военного противостояния в Арктику»¹¹.

Для западных экспертов в подобном положении раскрывается многогранная, порождаемая геополитическим противоборством стратегия взаимодействия с другими акторами, — акцент на двусторонней коммуникации и возможности использовать ограниченную военную силу для достижения политических целей (Gurganus & Rumer, 2019). В части применения «жесткой силы» суждение представляется ошибочным, поскольку российская позиция не приемлет применение таковой в международных делах, а уже ставшее типичным и регулярным упоминание тезиса о «наращивании российских вооруженных сил

в Арктике»¹² есть не что иное, как восстановление прежде утраченной инфраструктуры и логичный, очевидный гарант защиты национальных границ.

В марте 2020 г. были приняты Основы государственной политики в Арктике на период до 2035 г.¹³ Следует обратить внимание, что, исходя из положений документа, государственный политический курс России в регионе направлен на обеспечение достаточного уровня фундаментальных и прикладных научных исследований, а также обеспечение режима взаимовыгодного двустороннего и многостороннего сотрудничества с приарктическими государствами на основе заключенных договоров и соглашений. Это лишь демонстрирует факт того, что Россия существенно заинтересована в международном сотрудничестве в Арктике (в том числе экономическом) и поэтому продолжает решать вопросы суверенитета Заполярья исключительно посредством инструментов международного права и многосторонних институтов.

Кроме того, в документе содержится подтверждающий вышеуказанную позицию тезис, что Россия будет наращивать и модернизировать свой военный потенциал исключительно в целях обеспечения национальной безопасности. В Военной доктрине РФ делается упор на сдерживание НАТО в качестве основного внешнего источника военной угрозы для России¹⁴. Однако данный подход — лишь адаптация к современным реалиям, где в условиях тотального игнорирования призыва к НАТО со стороны России, нацеленного

¹² См., например: Boulègue M. *Russia's Military Posture in the Arctic: Managing Hard Power in a 'Low Tension' Environment* // Chatham House. June 28, 2019. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2019-06-28-Russia-Military-Arctic.pdf> (accessed: 08.04.2021).

¹³ Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г.» // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/45255> (дата обращения: 06.04.2021).

¹⁴ Военная доктрина Российской Федерации (в редакции от 25 декабря 2014 г.) // МИД России. URL: <https://www.mid.ru/documents/10180/822714/41d527556bec8deb3530.pdf/d899528d-4f07-4145-b565-1f9ac290906c> (дата обращения: 07.04.2021).

¹⁰ Collins D. John Bolton: Coast Guard to Help Reassert US Leadership in Arctic // *The Diplomat*. May 23, 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/05/john-bolton-coast-guard-to-help-reassert-us-leadership-in-arctic/> (accessed: 08.04.2021).

¹¹ Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. // МИД России. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 07.04.2021).

на восстановление равноправного и доверительного диалога, сдерживание выступает как очевидная и ни в коем случае не экспансионистская альтернатива обеспечению безопасности страны.

Таким образом, в основополагающих стратегических документах РФ делается упор на стабильность и многостороннее сотрудничество в Арктике, а наращивание военного потенциала лишь демонстрирует опасения Москвы по поводу угроз милитаризации Крайнего Севера со стороны Запада.

Что касается НАТО, то руководящий принцип политической стратегии Альянса в отношении России на последние 50 лет был определен еще в докладе Армеля 1967 г.: дуалистический подход, основанный на сдерживании и разрядке¹⁵. Он стал ответом на напряженные отношения времен холодной войны, которые потребовали пересмотра политики Организации Североатлантического договора. Отчет Армеля по-прежнему видится актуальным, хотя динамика на северном фланге все же изменилась.

Ряд стран НАТО, у которых в Арктике имеются территории и территориальные воды (например, Норвегия, Дания, Канада, США), в последние годы выступают с инициативами отстаивания собственных интересов, в особенности с учетом того, что лидерство в этом принадлежит именно США. К примеру, в 2018 г. американское правительство возродило Второй флот ВМС США, который в годы холодной войны отвечал за сдерживание сил Северного флота СССР в Северной Атлантике. Правительство США обосновало это действие тем, что в сочетании с открытием водных путей Крайний Север — пространство, где в дальнейшем будет только возрастать конкуренция крупных держав, а флот способен отстаивать национальные интересы, обеспечивать присутствие в регионе и др.¹⁶

¹⁵ The Future Tasks of the Alliance. Report of the Council: 'The Harmel Report', 14 December 1967 // NATO. December 2, 2009. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_26700.htm?selectedLocale=en (accessed: 08.04.2021).

¹⁶ US 2nd Fleet declares full operational capability // U.S. Navy Office of Information. December 31, 2019.

В 2019 г. Министерство обороны США выпустило сразу несколько арктических стратегий в кооперации с иными ведомствами. Например, согласно стратегическому прогнозу по Арктике от Береговой охраны США, одним из основных направлений деятельности службы определяется активизация деятельности в Арктическом регионе на фоне усиления конкуренции в нем¹⁷. К тому же в новой циркумполярной стратегии этого же ведомства Россия и Китай рассматриваются как возможные противники сохраняющейся мирной стабильности в Заполярье.

В арктической стратегии Минобороны США 2019 г. развитие событий в Арктике рассматривается как все более неопределенное с «углублением и усилением проблемных стратегических тенденций»¹⁸. Хотя в ней объясняется, что существует множество позитивных тенденций к сотрудничеству, новая стратегия подчеркивает, что среда безопасности Севера сложна и что регион вступил в эру стратегической конкуренции. Эта формулировка определяется негативным отношением США к российским и китайским инициативам по освоению Арктики (Pincus, 2020, p. 41). Кроме того, отмечаются вызовы, которые Россия и Китай представляют для национальной безопасности США в регионе, включая опасения, что Китай стремится повлиять на управление Арктикой через свою экономическую мощь. В частности, в отличие от предыдущих арктических стратегических документов США теперь рассматривают этот регион как коридор между Индо-Тихоокеанским и европейским театрами стратегического взаимодействия и определяют его в качестве

URL: <https://www.navy.mil/Press-Office/Press-Releases/display-pressreleases/Article/2237734/2nd-fleet-declares-full-operational-capability/> (accessed: 08.04.2021).

¹⁷ United States Coast Guard Arctic Strategic Outlook 2019 // U.S. Coast Guard. URL: https://www.uscg.mil/Portals/0/Images/arctic/Arctic_Strategic_Outlook_APR_2019.pdf (accessed: 09.04.2021).

¹⁸ Report to Congress: Department of Defense Arctic Strategy 2019 // U.S. Department of Defense. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/2019-DOD-ARCTIC-STRATEGY.PDF> (accessed: 08.04.2021).

«пути для конкуренции и агрессии великих держав»¹⁹.

Несмотря на то что администрация действующего президента США Дж. Байдена еще не опубликовала такие документы стратегического планирования, как Стратегия национальной обороны или Национальная военная стратегия, в правительственных кругах уже существуют некоторые ориентиры для начала концептуализации новой стратегии безопасности в Арктике (Bouffard & Rodman, 2021, p. 161). В частности, госсекретарь США Э. Блинкен, выступая на заседании министров Арктического совета в мае 2021 г., выразил желание сохранить мир в регионе, отмечая, что США приветствуют председательство России в Совете и ждут реализации первого в истории стратегического плана Совета в сотрудничестве с РФ²⁰.

Временное мартовское стратегическое руководство по национальной безопасности США также фокусируется на сдерживании и предотвращении угроз со стороны противников США и их союзников, ограничении доступа к глобальному достоянию или доминированию в ключевых регионах (например, Индо-Тихоокеанский регион, Европа и Западное полушарие)²¹. Хотя в руководстве и не упоминается Арктический регион, приоритетные действия этого документа могут быть применимы и к Крайнему Северу. В особенности это касается таких элементов, как управление стабильной и открытой международной системой, основанной на альянсах, партнерствах, многосторонности и международных

правилах. Примечательно, что слабое (по сравнению с вышеуказанными регионами) внимание к финансированию полярной политики подвергается критике со стороны союзников США (Загорский, 2018, с. 95).

Необходимо отметить и проведение такого знакового события, как российско-американский саммит в Женеве, состоявшийся 16 июня 2021 г. Очевидно, попытка президента США активизировать связи Вашингтона с его традиционными стратегическими союзниками, а также стабилизировать отношения с Москвой была вызвана растущим вниманием США к соперничеству между крупными державами, где не последнее место заняла и Арктика. В заявлениях лидеров обеих стран имеется четкий посыл, что «Арктика может стать потенциальной ареной российско-американского сотрудничества»²² и что «регион должен оставаться только регионом сотрудничества, а не конфликта»²³.

Вместе с тем, несмотря на достаточно открытые заявления о нацеленности на стратегическое партнерство, военно-правительственные круги США при нынешней администрации неизменно придерживаются точки зрения, что основные угрозы интересам США в Арктическом регионе исходят от российских вооруженных сил и Китая, делающего попытки распространить свое влияние на Арктику²⁴.

Большинство исследователей склонно утверждать, что Арктика способна стать точкой соприкосновения интересов и стартом стратегического партнерства России и США. В частности, этого мнения придерживается А.Г. Савойский, отмечая, что «полезным в развитии российско-американских отношений

¹⁹ Humber M. New U.S. Department of Defense Arctic Strategy Sees Growing Uncertainty and Tension in Region // High North. June 7, 2019. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/new-us-department-defense-arctic-strategy-sees-growing-uncertainty-and-tension-region> (accessed: 09.04.2021).

²⁰ Secretary Antony J. Blinken Intervention at Arctic Council Ministerial // U.S. Department of State. June 20, 2021. URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-intervention-at-arctic-council-ministerial/> (accessed: 09.04.2021).

²¹ U.S. Interim National Security Strategic Guidance // The White House. March 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (accessed: 10.04.2021).

²² Пресс-конференция Владимира Путина по итогам российско-американских переговоров от 16 июня 2021 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65870> (дата обращения: 11.04.2021).

²³ Remarks by President Biden in Press Conference // The White House. June 16, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/06/16/remarks-by-president-biden-in-press-conference-4/> (accessed: 11.04.2021).

²⁴ Auerswald D. A U.S. Security Strategy for the Arctic // War on the Rocks. May 27, 2021. URL: <https://warontherocks.com/2021/05/a-u-s-security-strategy-for-the-arctic/> (accessed: 14.04.2021).

может стать стратегическое сотрудничество в освоении ресурсов Севера» (Савойский, 2012, с. 58). Ведущие эксперты-международники в арктических делах В.Н. Коньшев и А.А. Сергунин утверждают, что у российско-американского сотрудничества в Заполярье есть перспективы, связанные с торгово-экономической сферой, в части поставок энергоносителей из России в США через Северный морской путь ввиду того, что США также заинтересованы в его инфраструктурном развитии (Коньшев, Сергунин, 2018, с. 105). Однако на данном этапе этот вариант сотрудничества видится маловероятным, поскольку США регулярно оспаривают «претензии» России на Северный морской путь, а от официальных лиц периодически звучат угрозы по отправке американских военно-морских кораблей для проведения операции по поддержанию свободы судоходства (FONOP)²⁵.

Опираясь на вышеизложенное, справедливо предположить, что в ближайшей перспективе проблема роста милитаризации в Арктике вряд ли будет устранена. Если регион все же станет предполагаемым объектом сотрудничества Москвы и Вашингтона, то только в максимально нейтральных и политически не заангажированных вопросах — экологических, в том числе климатических. Обосновать такую точку зрения можно тем, что это априори регион соседства РФ и США, где темпы изменения климата в несколько раз выше среднего на планете, а также где экологические, внешнеполитические и социально-экономические последствия такого изменения наиболее масштабны²⁶. Более того, изменения,

связанные с таянием льда в Арктике, способствуют перетеканию в регион конфронтации по линиям «США — Россия» и «США — Китай». Налицо и восприятие региона в роли удобного коридора для проецирования военной силы.

Соответственно, милитаризация Арктики медленно, но постепенно набирает обороты, вместе с тем растут и риски природных катастроф. Отсюда вытекает, что единственным фактором, который способен замедлить и компенсировать вышеизложенные негативные тенденции, видится именно российско-американское сотрудничество по экологической защите региона ввиду совместных усилий по борьбе с ускорением изменения климата и адаптации к обновленным региональным климатическим условиям.

Россия и НАТО в Арктике: сценарный взгляд в будущее

Опираясь на вышесказанное, можно констатировать, что и российская, и нынешняя американская стратегия усматривают ценность партнерства с союзниками или соседями по Арктическому региону. Но именно из этого и вытекает основной вопрос о том, какую роль должен играть в Арктике Североатлантический альянс. В аналитических исследованиях часто встречаются точки зрения, что Россия и НАТО должны создать форум по арктической безопасности и наравне принимать участие в прозрачном планировании деятельности по тем или иным чрезвычайным ситуациям²⁷. Вместе с тем такая позиция подвергается критике, поскольку утверждается, что в НАТО не существует какого-либо консенсуса в отношении деятельности в регионе и что этот вопрос должен оставаться на усмотрение приарктических государств — членов Альянса²⁸.

«Валдай». 16.06.2021. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/khrupkaya-stabilizatsiya-konfrontatsii/> (дата обращения: 11.08.2021).

²⁷ Tallis J. NATO is the right forum for security dialogue in the High North // The Defense News. July 28, 2020. URL: <https://www.defensenews.com/opinion/commentary/2020/07/28/nato-is-the-right-forum-for-security-dialogue-in-the-high-north/> (accessed: 13.04.2021).

²⁸ Wieslander A. NATO Must Engage in the Arctic // Defense One. September 16, 2019. URL:

²⁵ См.: Humpert M. US Navy plans to send surface vessels through the Arctic // Arctic Today. March 12, 2019. URL: <https://www.arctictoday.com/us-navy-plans-to-send-surface-vessels-through-the-arctic/> (accessed: 12.04.2021); Quinn E. Pompeo calls out Canada, China, Russia over Arctic policy // CBC. May 7, 2019. URL: <https://www.cbc.ca/news/politics/pompeo-canada-russia-china-arctic-1.5125293> (accessed: 12.04.2021); Skydsgaard N. Blinken says Russia has advanced unlawful maritime claims in the Arctic // Reuters. May 18, 2021. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/russia-has-advanced-unlawful-maritime-claims-arctic-blinken-2021-05-18/> (accessed: 20.05.2021).

²⁶ Суслов Д. Хрупкая стабилизация конфронтации: перспективы отношений России и США после саммита в Женеве // Международный дискуссионный клуб

При рассмотрении роли НАТО важно обозначить факт отсутствия арктической доктрины Организации, хотя ряд аналитиков и экспертов активно продвигают идею необходимости принятия подобного документа²⁹. Однако, несмотря на то что члены НАТО сталкиваются с рядом вызовов экономико-экологического и геополитического характера в Арктическом регионе, для них крайне сложно выработать общую политику, поскольку все решения Альянса находятся в прямой зависимости от консенсуса.

Факт того, что арктические государства — это пять весомых членов НАТО, совершенно не означает поддержку каждым из них военного усиления Организации в регионе. К примеру, арктическая политика Канады делает упор именно на свой суверенитет в Арктике и необходимость своего военного присутствия — все это без упоминания НАТО³⁰. В целом из стратегических документов вытекает, что перед Канадой стоит задача комплексного освоения северного полярного региона, а вопросы военно-политического характера остаются второстепенными.

Канада не является единственной страной — членом НАТО, которая не рассматривает необходимость усиления роли Альянса в Арктике, аналогичной позиции придерживается Дания — обеспечение мирной, защищенной и безопасной Арктики дипломатическими мерами³¹. Интересно, что среди членов НАТО — представителей Юго-Восточной Европы (Болгария, Румыния, Словения, Хорватия) — усиление присутствия НАТО в

Арктике рассматривается как перенесение акцентов с угроз безопасности на Балканах или Восточного Средиземноморья и не несет практической ценности, лишь ослабляя потенциал Организации (Hodges et al., 2020).

Таким образом, можно сделать вывод, что усиление роли НАТО в регионе Крайнего Севера нуждается в исключительных аргументах для скептически настроенных членов. Наиболее активным в военном плане в Заполярье членом НАТО, не считая США, является Норвегия (Østhagen, 2021, p. 78). Аргументируется такая политика в основном «целями защиты от российской экспансии в регионе» (Chabros, 2020). С точки зрения отставного адмирала ВМС США и бывшего Верховного главнокомандующего Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе в 2009—2013 гг. Дж. Ставридиса, «норвежский остров Шпицберген представляет собой серьезную проблему для российских амбиций в регионе» (Stavridis, 2017, p. 241). Из всех членов НАТО (помимо США) норвежские военные силы наиболее активны — военными командованиями территория Севера рассматривается как «неохраняемый фланг Альянса» (Cross, 2019). В связи с этим именно от Норвегии постоянно исходят призывы к необходимости прочного обеспечения военно-оборонительной готовности и активности Организации в Арктике (Szymański, 2021).

Несмотря на отсутствие в НАТО профильного документа стратегического планирования по Арктике, в ноябре 2020 г. Генеральный секретарь Альянса представил доклад, в котором в качестве рекомендации для политики НАТО в Заполярье отмечается следующее: «НАТО должна повысить свою осведомленность о ситуации на Крайнем Севере и в Арктике и разработать стратегию, которая учитывает более широкие планы сдерживания»³². Также в документе содержатся призывы к тому, чтобы Организация

<https://www.defenseone.com/ideas/2019/09/its-time-nato-arctic/159887/> (accessed: 13.04.2021).

²⁹ Huntington C. NATO Needs Unity as Russia's Arctic Presence Grows // *CEPA*. May 19, 2021. URL: <https://cepa.org/nato-needs-unity-as-russias-arctic-presence-grows/> (accessed: 20.05.2021).

³⁰ Canada's new Arctic and Northern Policy Framework // Government of Canada. November 18, 2019. URL: <https://www.rcaanc-cirnac.gc.ca/eng/1560523306861/1560523330587> (accessed: 13.04.2021).

³¹ Kongeriget Danmarks Strategi for Arktis 2011–2020 // Ministry of Foreign Affairs of Denmark. URL: <https://um.dk/~media/um/danish-site/documents/udenrigspolitik/udenrigspolitik-ny/lande%20og%20regioner/arktisk/arktisk%20strategi.pdf?la=da> (accessed: 13.04.2021).

³² NATO 2030: United for a New Era. Analysis and Recommendations of the Reflection Group Appointed by the NATO Secretary General // NATO. November 25, 2020. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf (accessed: 14.04.2021).

была готова противостоять любой агрессии, которая предпринимается государствами в регионе, и обеспечивать свободу судоходства в Арктике (отсылка к регулярно оспариваемому со стороны США контролю России над Северным морским путем).

Возможно, подобные рекомендации следует рассматривать как второстепенные. Тем не менее можно полагать, что доклад по итогу приведет к внедрению этих постулатов в новую Стратегическую концепцию НАТО (взамен действующей версии 2010 г., в которой ни разу не поднимаются вопросы Арктики)³³. Данной позиции придерживается В.П. Журавель, отмечая, что наращивание сил в Арктике не ограничено никакими соглашениями и в сложившихся условиях под воздействием активизации НАТО по милитаризации региона перед Россией в перспективе может остро встать угроза защиты национальных интересов (Журавель, 2016, с. 20).

С учетом изложенного и на базе проанализированной источниковой базы, различных точек зрения исследователей целесообразно сформулировать три вариативных направления дальнейшей деятельности НАТО в Арктике и ее гипотетическую значимость для России.

Во-первых, это усиление партнерства и подготовки арктических операций вне рамок полномочий и деятельности НАТО. Заинтересованные государства — члены Организации (такие как Дания, Норвегия и США) могут рассматривать возможность ускорения развертывания многосторонних операций за пределами НАТО. В частности, ВМС США осуществляют операции силами Второго и Шестого флотов, а Норвегия с Исландией проводят регулярные учения своих морских ротационных сил. Дополнительные учения и совместные ротации дадут возможность накопления опыта, но будут выходить за пределы ведения НАТО, хотя по своей направленности в полной мере соответствуют ориентации Альянса на обучение в рамках

³³ Lisbon Summit Declaration // NATO. November 20, 2010. URL: <https://www.nato.int/lisbon2010/strategic-concept-2010-eng.pdf> (accessed: 14.04.2021).

инициативы объединенных сил Организации. В свою очередь, Россия продолжит крайне внимательно следить за всеми учениями НАТО в регионе. Хорошим примером послужит проведение российской стороной учений с боевой стрельбой после совместных американо-британских маневров ВМС в Арктике в 2020 г.³⁴

Во-вторых, существует возможность того, что в условиях резкой заинтересованности Альянса в Арктике в НАТО будет создано арктическое командование, которое может заниматься оперативным управлением сил НАТО в районах высоких широт³⁵. Возможно, такое командование возьмет на себя обеспечение коллективной готовности к ответу на вызовы безопасности в регионе, но на практике это лишь закономерно ускорит милитаризацию региона и вызовет проблемы в рамках Организации. Последнее обусловлено тем, что Канада и Дания как не особо заинтересованные акторы в военной политике на Крайнем Севере будут, скорее всего, рассматривать приоритетную реакцию сил НАТО в качестве ослабления собственного суверенитета над арктическими территориями.

В-третьих, все же видится актуальной (пусть и крайне маловероятной) идея создания форума по арктической безопасности между НАТО и Россией, что поспособствовало бы установлению диалога и налаживанию доверительной атмосферы между странами, максимально подорванной после санкционных событий с 2014 г. Можно полагать, что подобный формат сотрудничества позволил бы нивелировать риски эскалации гипотетических инцидентов посредством разработки кодекса военного поведения в Арктике.

Изложенное, безусловно, видится наиболее привлекательным с точки зрения ценности

³⁴ As US Navy ships wrap up a historic Arctic exercise, Russia's navy sends them off with its own nearby drills // Business Insider. May 10, 2020. URL: <https://www.businessinsider.com/russian-navy-drills-arctic-as-us-british-navy-leave-barents-2020-5> (accessed: 14.04.2021).

³⁵ Auerswald D. NATO in the Arctic: keep its role limited, for now // War on the Rocks. October 12, 2020. URL: <https://warontherocks.com/2020/10/nato-in-the-arctic-keep-its-role-limited-for-now/> (accessed: 14.04.2021).

укрепления мер военной безопасности и доверительных отношений в Арктическом регионе. Следует добавить, что предполагаемый форум как площадка для прямого обсуждения и декларативного закрепления итогов решения военно-политических вопросов мог бы поставить на повестку дня и становление Арктики как зоны, свободной от ядерного оружия (Хлопов, 2020, с. 10).

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что с учетом долгосрочного характера конфронтации России с Западом, обострившейся с момента начала антироссийской кампании в 2014 г., возврат к относительно благоприятной геополитической среде в Арктике, существовавшей в 1990-е гг., в ближайшее время видится маловероятным. Причем нынешняя ситуация возникла не из-за недопонимания, а из-за столкновения интересов двух сторон. Это оставляет два широких пути для управления геополитическим противостоянием.

Во-первых, это дипломатия. Хотя США и НАТО могут оказаться не особо восприимчивыми к дипломатическим инициативам, России следует искать области сотрудничества, в которых наблюдается совпадение интересов. Целесообразно разработать правила военного

поведения в регионе, проявить инициативу создания арктического форума сотрудничества по линии Россия — НАТО, развивать диалог с США по тем векторам арктического сотрудничества, где это максимально сглаживает любые военно-политические противоречия и соответствует обоюдным интересам (экология и изменение климата), чтобы снизить напряженность, избежать или управлять кризисами и уменьшать риски конфликтов.

Во-вторых, это сдерживание, которым руководствуются все заинтересованные в Арктическом регионе стороны на сегодняшний день. В этом случае России и дальше целесообразно продолжать совершенствовать свою оборону, чтобы удержать США и НАТО от конкуренции и открытой конфронтации в Арктике и вокруг нее, а также для обеспечения сохранности национальных границ, способности своевременно и в полном объеме реализовывать стратегические планы и арктические миссии на своих северных территориях. В данном ключе следует и дальше управлять конкуренцией с Западом, сочетая решимость и сдержанность, улучшая и демонстрируя свои способности к обороне и сдерживанию через достижение правильного баланса без чрезмерно острой реакции на любые «игры мускулами».

Поступила в редакцию / Received: 27.05.2021

Принята к публикации / Accepted: 26.10.2021

Библиографический список

- Бекяшев К.А. Правовой статус Арктического Совета и его роль в охране морской среды // Евразийский юридический журнал. 2015. № 5 (84). С. 13—17.
- Голдин В.И. Геополитика и международные отношения в Арктике: современность и перспективы. Проблемы и выводы для России // Клио. 2015. № 1 (97). С. 153—160.
- Едисеева Т.О. Особенности устойчивого развития Арктических регионов // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 5—1 (63). С. 173—176. DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10401
- Журавель В.П. Активизация деятельности стран НАТО в Арктике // Зарубежное военное обозрение. 2016. № 12. С. 14—20.
- Загорский А.В. Военное строительство в Арктике в условиях конфронтации России и Запада // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 80—97. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.80
- Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Российско-американские отношения в Арктике: сотрудничество или соперничество? // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 9. С. 103—111. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-103-111
- Крутиков А.В., Смирнова О.О., Бочарова Л.К. Стратегия развития российской Арктики. Итоги и перспективы // Арктика и Север. 2020. № 40 (40). С. 254—269. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.254
- Никулин М.А. Великодержавная конкуренция в Арктике: геополитическое соперничество в новом политическом пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 392—403. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-392-403

- Половинкин В.Н., Фомичев А.Б. Значение северного и арктического регионов в новых геополитических и геоэкономических условиях // Арктика: экология и экономика. 2013. № 3 (11). С. 58—63.
- Савойский А.Г. Совместное освоение Арктики как возможность улучшения экономических отношений между Россией и США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2012. № 2. С. 51—59.
- Смирнов А.И. Арктика: сетевая дипломатия 2.0 в дискурсе глобальной безопасности. Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова, 2016.
- Хлопов О.А. Проблемы безопасности и безъядерной зоны Арктики // *The Newman in Foreign Policy*. 2020. Т. 4. № 55. С. 6—11.
- Хлопов О.А. Стратегия России и НАТО в Арктике: возможные сценарии // Социология. 2021. № 2. С. 136—145.
- Шульдешов Л.С., Федоров Б.В. Анализ геополитической обстановки Арктического региона // Россия в глобальном мире. 2016. № 9. С. 105—116.
- Bouffard T., Rodman L. U.S. Arctic Security Strategies: Balancing Strategic and Operational Dimensions // *The Polar Journal*. 2021. Vol. 11. No. 1. P. 160—187. DOI: 10.1080/2154896X.2021.1911045
- Chabros M. The Arctic Icebreaker: Russia's Security Policy in the Far North // *Warsaw Institute Report*. May 2020. URL: <https://warsawinstitute.org/wp-content/uploads/2020/05/The-Arctic-Icebreaker-Russias-Security-Policy-in-the-Far-North.pdf> (accessed: 13.08.2021).
- Cross T. The NATO Alliance's Role in Arctic Security // *Center for International Maritime Security*. July 15, 2019. URL: <https://cimsec.org/strategy-on-top-of-the-world-pt-2-regional-arctic-perspectives/> (accessed: 13.08.2021).
- Gurganus J., Rumer E. Russia's Global Ambitions in Perspective // *Carnegie Endowment for International Peace*. February 20, 2019. URL: https://carnegieendowment.org/files/RumerGurganus_Perspective_final.pdf (accessed: 08.08.2021).
- Hodges B., Bugajski J., Wojcik R., Schmiedl C. One Flank, One Threat, One Presence. A Strategy for NATO's Eastern Flank // *Center for European Policy Analysis*. May 2020. URL: https://cepa.org/cepa_files/2020-CEPA-report-one_flank_one_threat_one_presence.pdf (accessed: 13.08.2021).
- MacDonald A. The Militarization of the Arctic: Emerging Reality, Exaggeration, and Distraction // *Canadian Military Journal*. 2015. Vol. 15. No. 3. P. 18—28.
- Nilsson A.E., Larsen J.N. Making Regional Sense of Global Sustainable Development Indicators for the Arctic // *Sustainability*. 2020. Vol. 12. No. 3. P. 10—27. DOI: 10.3390/su12031027
- Østhaugen A. Norway's Arctic Policy: Still High North, Low Tension? // *The Polar Journal*. 2021. Vol. 11. No. 1. P. 75—94. DOI: 10.1080/2154896X.2021.1911043
- Pincus R. Three Way Power Dynamics in the Arctic // *Strategic Studies Quarterly*. 2020. Vol. 14. No. 1. P. 40—63.
- Stavridis J. *Sea Power. The History and Geopolitics of the World's Oceans*. New York: Penguin Press, 2017.
- Szymański P. High North, High Priority — Norway and the Defence of NATO's Northern Flank // *OSW Commentary*. 2021. No. 393. P. 1—8.

References

- Bekyashev, K. A. (2015). The legal status of the Arctic Council and its role in the protection of the marine environment. *Eurasian Law Journal*, (5), 13—17. (In Russian).
- Bouffard, T., & Rodman, L. (2021). U.S. Arctic security strategies: Balancing strategic and operational dimensions. *The Polar Journal*, 11(1), 160—187. <https://doi.org/10.1080/2154896X.2021.1911045>
- Chabros, M. (2020). *The Arctic icebreaker: Russia's security policy in the Far North*. Warsaw Institute Report. Retrieved from <https://warsawinstitute.org/wp-content/uploads/2020/05/The-Arctic-Icebreaker-Russias-Security-Policy-in-the-Far-North.pdf>
- Cross, T. (2019). *The NATO alliance's role in Arctic security*. Center for International Maritime Security. Retrieved from <https://cimsec.org/strategy-on-top-of-the-world-pt-2-regional-arctic-perspectives/>
- Ediseeva, T. (2020). Features of sustainable development of the Arctic regions. *Economy and Business: Theory and Practice*, (5), 173—176. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10401>
- Goldin, V. V. (2015). Geopolitics and foreign relations in the Arctic region, modern times and prospects. Problems and challenges for Russia. *Clio*, (1), 153—160. (In Russian).
- Gurganus, J., & Rumer, E. (2019). *Russia's global ambitions in perspective*. Carnegie Endowment for International Peace. Retrieved from https://carnegieendowment.org/files/RumerGurganus_Perspective_final.pdf
- Hodges, B., Bugajski, J., Wojcik, R., & Schmiedl, C. (2020). *A strategy for NATO's Eastern flank*. Center for European Policy Analysis. Retrieved from https://cepa.org/cepa_files/2020-CEPA-report-one_flank_one_threat_one_presence.pdf

- Khlopov, O. A. (2020). The problems of security and a nuclear free zone in the Arctic. *The Newman in Foreign Policy*, 4(55), 6—11. (In Russian).
- Khlopov, O. A. (2021). Arctic strategy of Russia and NATO: Possible scenarios. *Sociology*, (2), 136—145. (In Russian).
- Konyshchev, V. N., & Sergunin, A. A. (2018). U.S. — Russia relations in the Arctic: Cooperation or competition? *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 62(9), 103—111. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-9-103-111>
- Krutikov, A. V., Smirnova, O. O., & Bocharova, L. K. (2020). Strategy for the development of the Russian Arctic. Results and prospects. *Arctic and North*, (40), 254—269. (In Russian). <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.40.254>
- MacDonald, A. (2015). The militarization of the Arctic: Emerging reality, exaggeration, and distraction. *Canadian Military Journal*, 15(3), 18—28.
- Nikulin, M. A. (2019). Great powers' competition in the Arctic: Geopolitical rivalry in the new political space. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19(3), 392—403. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-3-392-403>
- Nilsson, A. E., & Larsen, J. N. (2020). Making regional sense of global sustainable development indicators for the Arctic. *Sustainability*, 12(3), 10—27. <https://doi.org/10.3390/su12031027>
- Østhagen, A. (2021). Norway's Arctic policy: still High North, low tension? *The Polar Journal*, 11(1), 75—94. <https://doi.org/10.1080/2154896X.2021.1911043>
- Pincus, R. (2020). Three way power dynamics in the Arctic. *Strategic Studies Quarterly*, 14(1), 40—63.
- Polovinkin, V. N., & Fomichev, A. B. (2013). Importance of the Northern and Arctic regions in new geopolitical and geo-economic conditions. *Arctic: Ecology and Economy*, (3), 58—63. (In Russian).
- Savoyskiy, A. G. (2012). Joint exploration of the Arctic in the improving of economic relations between Russia and the USA. *Vestnik RUDN. International Relations*, (2), 51—59. (In Russian).
- Shuldeshov, L. S., & Fedorov, B. V. (2016). Analysis of the geopolitical situation in the Arctic region. *Rossiya v Global'nom Mire*, (9), 105—116. (In Russian).
- Smirnov, A. I. (2016). The Arctic: Network diplomacy 2.0 in the global security discourse. Arkhangelsk: SAFU im. M.V. Lomonosova publ. (In Russian).
- Stavridis, J. (2017). *Sea power. The history and geopolitics of the world's oceans*. New York: Penguin Press.
- Szymański, P. (2021). High North, high priority — Norway and the defence of NATO's northern flank. *OSW Commentary*, (393), 1—8.
- Zagorski, A. V. (2018). The Arctic defense postures in the context of the Russia — West confrontation. *Arctic and North*, (31), 80—97. (In Russian). <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.31.80>
- Zhuravel, V. (2016). The intensification of the activities of NATO countries in the Arctic. *Zarubezhnoe Voennoe Obozrenie*, (12), 14—21. (In Russian).

Сведения об авторе: Аржанов Игорь Александрович — аспирант кафедры международных отношений и интеграционных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова; ORCID: 0000-0002-5738-3941; e-mail: yatsu@flaut.ru

About the author: Arzhanov Igor Aleksandrovich — Postgraduate Student, Faculty of Political Science, Department of International relations and integration processes, Moscow State University; ORCID: 0000-0002-5738-3941; e-mail: yatsu@flaut.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-772-784

Научная статья / Research article

Проблема энергетической безопасности в контексте мирового «энергетического перехода»

Ю.В. Боровский

Московский государственный институт международных отношений МИД России,
Москва, Российская Федерация
 yuribor@mail.ru

Аннотация. В начале 2020-х гг. переход международного сообщества от углеродоемкой к климатически нейтральной энергетике уже является объективным, труднообратимым процессом. В результате избрания Дж. Байдена на пост президента США не только вернулись в Парижское соглашение по климату, но и стали (наряду с ЕС и КНР) ключевым драйвером этого процесса. В результате в мире сложился консенсус относительно «энергетического перехода»: этот процесс потребует немалых усилий и может занять несколько десятилетий. Тем не менее уже сегодня актуальным является вопрос, как «энергетический переход» повлияет на традиционные подходы государств к обеспечению энергетической безопасности, которые во многом сформировались в контексте мировых нефтяных кризисов 1970—1980-х гг. и построены вокруг поставок углеродного топлива. Предпринята попытка дать ответ на поставленный вопрос, опираясь на терминологический аппарат теории международных отношений и фактологический материал. Основные выводы исследования можно представить следующим образом. «Энергетический переход» в конечном итоге обесценит «углеродную парадигму», с 1970-х гг. лежащую в основе государственной политики обеспечения энергетической безопасности. Широкомасштабное внедрение возобновляемых и иных низкоуглеродных источников энергии снимет ключевые риски для стран — импортеров нефти, газа и угля и, возможно, позволит достичь им энергетической независимости. Однако не исключено появление новых рисков, порожденных постуглеродной эпохой. Для стран, экономика которых зависит от экспорта углеводородов, «энергетический переход» может обернуться не только утратой привычных рынков сбыта и значительной части доходов, но и новыми вызовами в области энергетической безопасности. Они связаны с высокими финансовыми и технологическими издержками декарбонизации энергетики, в том числе из-за риска введения санкций против стран-экспортеров. Для некоторых экспортеров, особенно с высокой долей топливной ренты в ВВП и недостаточными финансовыми резервами, «энергетический переход» может также обернуться серьезными социально-экономическими и политическими потрясениями. В усилиях ЕС и США, касающихся «энергетического перехода», отражаются положения всех трех основополагающих теорий международных отношений, в том числе реалистской. Это дает основания ожидать довольно жесткой и агрессивной политики Брюсселя и Вашингтона, направленной на глобальное продвижение климатической повестки, что является дополнительным вызовом для других государств. КНР как третий ключевой драйвер «энергетического перехода» пока придерживается либерального курса, который, однако, может измениться в будущем.

© Боровский Ю.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: энергетическая безопасность, энергетический переход, изменение климата, зеленый курс, США, ЕС, Китай

Для цитирования: *Боровский Ю.В.* Проблема энергетической безопасности в контексте мирового «энергетического перехода» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения.* 2021. Т. 21. № 4. С. 772—784. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-772-784

Energy Security Problem amid Global Energy Transition

Yury V. Borovsky

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 yuribor@mail.ru

Abstract. In the early 2020s the world's transition from carbon-intensive to climate-neutral energy use has already become a discernible and a difficult-to-reverse process. With Joe Biden's election as US president, the United States have returned to the Paris Climate Agreement and have become a key driver of this process (along with the EU and China). As a result, the international community has reached a consensus on the ongoing energy transition. This process will require considerable effort and may take several decades. Nevertheless, the impact of energy transition on traditional approaches to energy security, which emerged largely as a result of the global oil crises of the 1970s and 1980s and are centered around the supply of fossil fuels, is already a relevant research topic. This problem is examined relying on the relevant terminological, theoretical and factual material. The article concludes that energy transition will ultimately undermine the carbon paradigm that has underpinned energy security policies since the 1970s. Rapid development of renewable and other low-carbon energy sources will certainly remove key energy security risks of energy importers and, possibly, allow them to achieve energy independence. However, a post-carbon era may also generate new risks. For countries that rely heavily on oil, gas and coal exports, energy transition will result in the loss of markets and revenues. It may present an energy security threat for them as well as it will require a costly and technologically complex process of the energy sector decarbonization. Some exporters, especially those with high fuel rents and insufficient financial reserves, may face serious economic and social upheavals as a result of energy transition. The EU and the US energy transition policies reflect provisions of all three fundamental international relations theoretical paradigms, including realism. This means that the EU and the US policy, aimed at promoting climate agenda, may be expected to be rather tough and aggressive. China as the third key player in energy transition is still following a liberal course; however, it may change in the future.

Key words: energy security, energy transit, climate change, United States, European Union, China

For citation: Borovsky, Yu. V. (2021). Energy security problem amid global energy transition. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 772—784. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-772-784>

Введение

Ресурсно-сырьевой и технологический уклад мировой энергетики, в рамках которого международное сообщество опирается главным образом на ископаемое углеродное топливо, сложился в XIX—XX вв. (Smil, 2010) и сохранится в качестве превалирующего еще несколько десятилетий. На его смену придет постуглеродный — таков консенсус-прогноз ведущих аналитических центров¹. Несмотря

на то что в 2019 г. в мировом энергобалансе на нефть, газ и уголь приходилось еще 84 %², к концу 2010 — началу 2020-х гг. движение человечества к преимущественно безуглеродной, «зеленой» энергетике существенно ускорилось. В нем принимают участие все 193 страны — члена ООН и Европейский

World Energy Outlook 2020 // International Energy Agency. 2020. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2020> (accessed: 28.06.2021).

² Statistical Review of World Energy 2020 // BP. 2020. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (accessed: 28.06.2021).

¹ См.: Energy Outlook: 2020 Edition // BP. 2020. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2020.pdf> (accessed: 28.06.2021);

союз, подписавшие Рамочную конвенцию об изменении климата и Парижское соглашение по климату. Они фактически согласились с тем доводом, что глобальное потепление, грозящее миру катастрофическими последствиями, вызвано антропогенными выбросами парниковых газов (ПГ). Их радикальное сокращение возможно только при условии сведения к минимуму потребления ископаемых углеродных ресурсов или их углеродного следа.

На фоне набирающего обороты «энергетического перехода» особенно актуальным является вопрос, какое воздействие вероятные фундаментальные трансформации мировой экономики и энергетики окажут на энергетическую безопасность стран мира, уже много десятилетий базирующуюся на «углеродной парадигме». Соответственно, цель данного исследования — обозначить ключевые процессы, связанные с движением человечества к низкоуглеродной, климатически нейтральной энергетике, а также рассмотреть их в качестве потенциальных вызовов современным практикам государств в области энергетической безопасности.

Терминологически-теоретический базис

Термин «энергетическая безопасность» (*energy security*) получил широкое распространение в 1970—1980-х гг., когда произошли первые мировые нефтяные кризисы³, и отражает зависимость мировой экономики и отдельных стран от ископаемого углеродного топлива (Sovacool, 2011; Борисов, 2020). С тех пор в международном сообществе энергетическая безопасность рассматривается в трех трактовках.

Страны, не располагающие собственными запасами нефти, газа и угля, склонны

³ Два кризиса 1973—1974 гг. и 1979—1981 гг. были связаны с дефицитом и резким подорожанием нефти, от чего серьезно пострадали импортеры, особенно в лице западных стран. Кризис середины — второй половины 1980-х гг., напротив, возник из-за сильного перенасыщения нефтяного рынка и падения цен, что уже ударило по экспортерам.

отождествлять энергетическую безопасность с безопасностью энергоснабжения (*security of energy supply*) (Winzer, 2011) и энергетической независимостью (*energy independence*) (Hakes, 2015). В первом случае речь идет о гарантированных, достаточных по объему и приемлемых по цене поставках импортных углеродных энергоносителей. Для решения этой задачи используется целый набор инструментов: от диверсификации поставщиков и маршрутов поставок и создания стратегических запасов до выстраивания «особых отношений» с экспортерами и даже применения силы. Во втором — об энергетической самодостаточности или энергетическом суверенитете, то есть о способности страны опираться на собственные источники энергии, а не на импорт (Schelly et al., 2020). Государства, которые, напротив, располагают топливными ресурсами в объемах, достаточных не только для удовлетворения собственных нужд, но и экспорта, рассматривают энергетическую безопасность как безопасность спроса на энергию (*security of energy demand*). Приоритетом для них является гарантированный, приемлемый по объему и цене сбыт углеродных энергоносителей на внешних рынках (Romanova, 2013).

Термин «энергетический переход» (*energy transition*) был предложен и разработан чешско-канадским ученым В. Шмилом (Smil, 2010). Под «энергетическим переходом» следует понимать постепенную трансформацию системы энергообеспечения мира. Главной особенностью текущего «энергетического перехода» является то, что международное сообщество во главу угла ставит не экономические и технологические, как это было раньше, а экологические приоритеты. Как следствие — огромные разведанные и неразведанные нефтегазовые и угольные запасы планеты, в том числе в Арктическом регионе, фактически объявлены «нежеланными» и даже опасными с точки зрения их пагубного влияния на климат и окружающую среду.

Главный лейтмотив современного «энергетического перехода» — декарбонизация мировой энергетики во что бы то ни стало,

поскольку на кону, согласно международному консенсусу, судьба всего человечества и Земли, которые могут серьезно пострадать в результате изменения климата (Sovacool, 2021). Если взять в качестве ориентира соотношение доказанных запасов нефти к текущим показателям добычи, то среди ведущих экспортеров в наибольшей степени от такого подхода пострадают страны ОПЕК, Канада и Казахстан. Их запасов хватило бы соответственно на 94, 83 и 43 года. У России, США, Бразилии и Норвегии аналогичные показатели скромнее — 25, 11, 12 и 13 лет соответственно⁴.

Основополагающие теории международных отношений в их классических и современных трактовках позволяют интерпретировать политику государств и межгосударственных объединений в области энергетической безопасности и «энергетического перехода». Согласно реалистской парадигме, государства видят в энергетике источник своей политической силы или, напротив, слабости в международном контексте (Luft & Korin, 2009). При этом они могут придерживаться либо оборонительной, либо наступательной линии поведения.

Оборонительная линия поведения касается исключительно стран-импортеров, которые склонны резервировать дефицитные энергоносители на экстренный случай, диверсифицировать источники и маршруты их поставки, искать им доступную альтернативу (например, в виде возобновляемых источников энергии, ВИЭ), заниматься энергосбережением, принимать «защитные» национальные законы, формировать альянсы для совместного противодействия угрозам в энергетической сфере и т. д.

Наступательная линия поведения может быть свойственна как государствам-импортерам, так и экспортерам. Они могут вводить запреты на поставку или покупку энергоносителей, пытаться силовым путем получить доступ к зарубежным энергоресурсам, при-

менять санкции в отношении топливно-энергетических комплексов (ТЭК) других стран, заниматься льготным или дискриминационным энергоснабжением своих политических партнеров или соперников (Česnakas, 2010).

Однако задача-максимум любого государства, критически зависимого от импорта энергии, — достижение энергетической независимости или обеспечение энергетического суверенитета (Schelly et al., 2020). Только тогда, с точки зрения политического реализма, оно сможет быть относительно полноценным и неуязвимым игроком на международной арене. Продолжая эту логику, следует допускать, что декарбонизация энергоснабжения в контексте решения климатической проблемы должна восприниматься реалистами как возможность для государств, критически зависимых от импорта нефти, газа или угля, достичь энергетической независимости (Luft, Korin & Gupta, 2011).

Для сторонников либеральной парадигмы энергетика — это сфера экономических отношений, которая должна развиваться в логике свободного рынка, а также поле для взаимовыгодного сотрудничества. Государственное или наднациональное вмешательство в энергетику допускается либералами, но только для развития и защиты рыночных отношений. В отличие от реалистов либералы не только не озабочены проблемой зависимости государств от импортных углеводородов, но и видят особую ценность во взаимозависимости между экспортерами и импортерами, которая, по их мнению, способствует стабилизации международных отношений (Luft & Korin, 2009). В вопросах международной безопасности либерализм основывается на идее коллективной безопасности, особенно при возникновении новых глобальных вызовов (Худайкулова, 2020). Даже приверженцы американского гегемонизма понимают, что США в одиночку не могут решить ключевые глобальные проблемы (Dunford & Qi, 2020). Таким образом, в числе приоритетов «либералов» находится именно коллективное обеспечение энергетической безопасности,

⁴ Statistical Review of World Energy 2020 // BP. 2020. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (accessed: 28.06.2021).

а также решение проблемы глобального потепления.

Последователи конструктивизма исходят из того, что основные характеристики международных отношений, в том числе касающиеся энергобезопасности и изменения климата, являются в большей степени продуктом субъективной интерпретации реальности конкретными участниками международных процессов в конкретный период времени (Ozcan, 2013). В центре конструктивистских теоретических построений находится сьюритизация, или процесс, в ходе которого некий вопрос, явление или актор политизируются и начинают восприниматься участниками международных отношений в качестве угрозы их безопасности. При этом проблемные рамки безопасности могут охватывать самые разные области, включая экономику, энергетику или экологию (Buzan & Hansen, 2009; Гайдаев, 2021). В этом смысле конструктивистский подход, в отличие от реалистского и либерального, позволяет фокусировать анализ непосредственно на энергетической и климатической проблематике (Heinrich & Szulecki, 2019; Grant, Crim & Jensen, 2015).

Ключевые процессы текущего «энергетического перехода»

Почти 140 государств (страны ЕС, США, КНР, Россия, Великобритания, Канада, Япония, Бразилия, Саудовская Аравия и др.)⁵, а также около 3 тысяч транснациональных компаний уже поставили перед собой цель достичь чистой углеродной нейтральности⁶

⁵ См.: Race to Net Zero: Carbon Neutral Goals by Country // Visual Capitalist. June 8, 2021. URL: <https://www.visualcapitalist.com/race-to-net-zero-carbon-neutral-goals-by-country/> (accessed: 28.06.2021); Путин: Россия будет добиваться достижения углеродной нейтральности не позднее 2060 года // ТАСС. 13.10.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12651091> (дата обращения: 26.10.2021).

⁶ Чистая углеродная нейтральность — с учетом поглощения углерода природными поглотителями (прежде всего лесами), а также улавливания и захоронения углерода.

к середине текущего столетия или раньше. По всему миру запущено свыше 60 систем торговли выбросами парниковых газов межгосударственного, национального и субнационального уровней; около 30 стран и 9 регионов ввели углеродные налоги⁷. Для подсчета углеродного следа правительства согласились с методикой ООН, корпоративный мир — с GHG Protocol или правилами, разработанными западными неправительственными институтами. Хотя многие государства и компании еще не пообещали стать углеродно-нейтральными к середине века, они также начали задумываться о сокращении своего углеродного следа, декларируя определенные планы и цели. Это касается в том числе других стран, чьи доходы в значительной степени связаны с экспортом углеродных энергоресурсов⁸.

Конечно, текущий «энергетический переход» в немалой степени стал саморазвивающимся процессом, однако его главными драйверами являются ЕС, США и КНР, от которых во многом зависит судьба всего этого начинания (Froggatt & Quiggin, 2021; Гаранина, 2021).

В декабре 2019 г. новый состав Еврокомиссии во главе с У. фон дер Ляйен, провозгласив «Европейский зеленый курс» (*European Green Deal*)⁹, запустил процесс фундаментальной перестройки всей жизнедеятельности ЕС, установив в качестве цели чистое энергоснабжение и углеродную нейтральность не позднее 2050 г. (Гаранина,

⁷ State and Trends of Carbon Pricing 2021 // World Bank Group. May 25, 2020. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/35620> (accessed: 28.06.2021).

⁸ Fattouh B. Saudi Oil Policy: Continuity and Change in the Era of the Energy Transition // OIES PAPER. January, 2021. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2021/01/Saudi-Oil-Policy-Continuity-and-Change-in-the-Era-of-the-Energy-Transition-WPM-81.pdf> (accessed: 28.06.2021).

⁹ The European Green Deal. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council of December 11, 2019. COM (2019), Brussels // European Commission. December 11, 2019. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/european-green-deal-communication_en.pdf (accessed: 28.06.2021).

2021). То есть в ближайшие десятилетия странам-членам предложено практически полностью отказаться от ископаемого углеродного топлива. Уже к 2030 г. выбросы ПГ в ЕС должны составлять не более 55 % от уровня 1990 г.¹⁰

В рамках «зеленого курса» Брюссель предложил другим государствам сотрудничать с Европейским союзом и следовать его примеру. Для защиты общеевропейской экономики от дешевого импорта из стран, не ставящих перед собой столь же амбициозных задач в области чистой энергетики и климата, ЕС внедрит специальные компенсирующие механизмы (например, углеродные налоги), которые, без сомнения, ощутимо ударят по «незеленым» экспортёрам, в том числе нефти и газа¹¹. Однако эта мера, помимо ее основных защитных функций, позволит Брюсселю побуждать торговых партнеров ЕС также стремиться к углеродной нейтральности.

Тем же путем, что и ЕС, пытаются следовать Соединенные Штаты Америки. Однако для них главным препятствием является то обстоятельство, что в стране традиционно присутствуют две политические силы — Демократическая и Республиканская партии. Они совершенно по-разному подходят к проблеме «энергетического перехода» и изменения климата (Chinn et al., 2020).

Республиканец Д. Трамп, сменивший демократа Б. Обаму в качестве главы Белого дома, в корне не согласился с курсом предшественника. Своим решением он вывел США из Парижского соглашения по климату (ПСК) и на протяжении своего президентского срока

оказывал всевозможную поддержку нефтегазовой и угольной промышленности страны, отказавшись от планов достижения углеродной нейтральности. Однако торжество республиканцев было недолгим. Дж. Байден, выигравший выборы в 2020 г., уже в самом начале 2021 г. распорядился вернуть страну в ПСК. Пользуясь своими президентскими полномочиями, а также получением демократами контроля над обеими палатами Конгресса, он решил пойти гораздо дальше своих предшественников из Демократической партии.

В январе 2021 г. Дж. Байден подписал правительственное распоряжение¹², в котором преодоление глобального климатического кризиса впервые было определено в качестве одного из приоритетов внешней политики и национальной безопасности США. Данное решение мотивировалось тем, что глобальное изменение климата стало проблемой, неспособность решить которую поставит Соединенные Штаты и все человечество перед угрозой катастрофических последствий. Согласно документу, США ставят перед собой две стратегические цели: достичь чистых нулевых выбросов ПГ не позднее 2050 г. и создать полностью безуглеродную электроэнергетику не позднее 2035 г. Вашингтон также заявлял о намерении всячески стимулировать международные усилия в области «энергетического перехода». В январе 2021 г. президент Байден приостановил выдачу новых лицензий на бурение нефтяных и газовых скважин на американских федеральных землях, а в апреле 2021 г. дополнительно объявил, что уже к 2030 г. США сократят выбросы ПГ по крайней мере вдвое по сравнению с уровнем 2005 г.¹³

¹⁰ European Climate Law: Council and Parliament Reach Provisional Agreement: Press Release of the Council of the EU, 5 May 2021 // European Council. May 5, 2021. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/05/05/european-climate-law-council-and-parliament-reach-provisional-agreement/> (accessed: 28.06.2021).

¹¹ Morozov M., Danilova E., Loginova V., Yudina T. EU Border Carbon Tax: A Challenge for the Russian Economy // ECONS. December 21, 2020. URL: <https://econs.online/en/articles/opinions/eu-border-carbon-tax-a-challenge-for-the-russian-economy/> (accessed: 29.06.2021).

¹² U.S. President's Executive Order on Tackling the Climate Crisis at Home and Abroad // The White House. January 27, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/01/27/executive-order-on-tackling-the-climate-crisis-at-home-and-abroad/> (accessed: 29.06.2021).

¹³ Biden Pledges to Slash Greenhouse Gas Emissions in Half by 2030 // CNBC. April 22, 2021. URL: <https://www.cnbc.com/2021/04/22/biden-pledges-to-slash-greenhouse-gas-emissions-in-half-by-2030.html> (accessed: 30.06.2021).

В упомянутом январском распоряжении Дж. Байден призвал всех прислушиваться к научным оценкам климатических изменений¹⁴. Многие американские мозговые центры (Center for American Progress, Center for Strategic and International Studies, Center for Climate and Security, Center for a New American Security и др.) дают алармистские прогнозы относительно влияния глобального потепления, в особенности на США (засуха, дефицит пресной воды, деградация сельского хозяйства, продовольственный кризис, затопление прибрежных территорий, климатическая миграция, стихийные бедствия и т. д.)¹⁵, а также полагают, что «изменение климата является важнейшим компонентом соперничества США с Китаем и Россией»¹⁶. Причем Россия, по мнению американских стратегов, может, напротив, существенно выиграть от глобального потепления (таяние вечной мерзлоты и расширение пахотных земель, рост урожайности растительных культур, изобилие пресной воды, приток мигрантов, освоение Арктики и использование Северного морского пути)¹⁷.

¹⁴ U.S. President's Executive Order on Tackling the Climate Crisis at Home and Abroad // The White House. January 27, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/01/27/executive-order-on-tackling-the-climate-crisis-at-home-and-abroad/> (accessed: 29.06.2021).

¹⁵ См.: A Climate Security Plan for America // The Center for Climate and Security. September, 2009. URL: https://i2.wp.com/climateandsecurity.org/wp-content/uploads/2019/09/a-climate-security-plan-for-america_report-cover.png?ssl=1 (accessed: 30.06.2021); Rickett S, Goldfuss C., Barnes A. The Biden Administration Brings State Climate Leadership to the White House // Center for American Progress. January 19, 2021. URL: <https://www.americanprogress.org/issues/green/reports/2021/01/19/494753/biden-administration-brings-state-climate-leadership-white-house/> (accessed: 30.06.2021).

¹⁶ Vinci A. Biden's Intelligence Community Must Focus on Climate Crisis // Breaking Defense. December 15, 2020. URL: <https://breakingdefense.com/2020/12/bidens-intelligence-community-must-focus-on-climate-crisis/> (accessed: 01.07.2021).

¹⁷ Lustgarten A. How Russia Wins the Climate Crisis // New York Times. December 16, 2020. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/12/16/magazine/russia-climate-migration-crisis.html> (accessed: 01.07.2021).

В ряде исследований к числу стран — драйверов глобальной климатической гонки и «энергетического перехода» относят Китай (Гаранина, 2021), который до 2011 г. категорически отказывался брать на себя какие-либо обязательства по ограничению выбросов и даже настаивал на том, чтобы развитые страны признали свою историческую ответственность за изменение климата Земли, но затем фактически стал конкурентом ЕС и США в движении к углеродной нейтральности. В 13-м пятилетнем плане (2016—2021 гг.) экологическая модернизация была включена в число семи приоритетных направлений развития страны (Ковалев, Поршнева, 2021). В апреле 2021 г. лидер КНР Си Цзиньпин заявил, что Китай достигнет самого значительного в мире сокращения интенсивности выбросов углерода, причем в беспрецедентно короткие сроки¹⁸. Подчеркивая важность двустороннего и многостороннего сотрудничества в области «энергетического перехода», Пекин пообещал достичь пика выбросов ПГ к 2030 г., а углеродной нейтральности — к 2060 г.¹⁹, несмотря на масштабы своей экономики и сильную зависимость от углеродного топлива (Бобылев, Барабошкина, Джу, 2020).

«Энергетический переход» как новый вызов энергетической безопасности

Переход человечества к климатически нейтральной энергетике не может не воздействовать на традиционные подходы государств к обеспечению энергетической безопасности, которые во многом сформировались в контексте мировых нефтяных кризисов 1970—1980-х гг. и построены вокруг поставок углеродного топлива, нередко политизированных (Sovacool, 2011). При этом

¹⁸ Китай взял курс на «зеленую» экономику // RG.ru. 27.04.2021. URL: <https://rg.ru/2021/04/27/mezhdunarodnyj-klimaticheskij-sammit-pokazal-ambicii-kr-v-ekovoprosah.html> (дата обращения: 01.07.2021).

¹⁹ Energy in China's New Era // The State Council Information Office of the People's Republic of China. December, 2020. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1695135/1695135.htm> (accessed: 02.07.2021).

если разделить мир на государства, преимущественно импортирующие или экспортирующие углеродное топливо, интерпретация понятия «энергетическая безопасность» приобретает дополнительные нюансы.

Импортеры, переходя на доступные им климатически нейтральные, низкоуглеродные источники энергии (например, ветряные или солнечные), меньше зависят от импорта топливных ресурсов, и значит, увеличивают безопасность своего энергоснабжения в традиционном смысле. В конечном итоге они могут добиться энергетической независимости, когда им больше не нужно будет думать о диверсификации поставщиков и маршрутов поставок углеродного топлива, создавать его стратегические запасы, налаживать «особые отношения» с экспортерами и проч. (Nakes, 2015). Подобная логика вполне очевидна, хотя нельзя исключать, что текущий «энергетический переход» принесет нынешним странам-импортерам новые проблемы и вызовы, включая существенное удорожание энергии, обременительную и политизированную зависимость от импортных редкоземельных металлов (литий, никель, кобальт и др.), оборудования, технологий и услуг, необходимых для электрификации, цифровизации и декарбонизации энергетики. Иными словами, нет никаких гарантий трансформации экологичности и углеродной нейтральности в энергетическую безопасность и тем более энергетическую независимость (Ахон & Darton, 2021; Борисов, 2020).

Экспортеры при общемировом переходе на потребление углеродно-нейтральной энергии, напротив, лишаются привычных рынков сбыта и экспортной выручки, порой невосполнимой, а также сталкиваются с необходимостью декарбонизации и кардинальной трансформации энергетики, что требует от них как существенных финансовых средств, так и технологий. Им также могут грозить удорожание энергии, а также обременительная и политизированная зависимость от импорта сырья, технологий и услуг, связанных с «зеленой», низкоуглеродной энергетикой. В случае сохранения опоры на собственное доступное и недорогое углеродное

топливо есть также риск столкнуться не только с международным порицанием, но и высокими углеродными налогами и даже жесткими санкциями со стороны лидеров «энергетического перехода»²⁰. Данные риски уже не носят исключительно теоретический характер, а во многом осознаны ведущими экспортерами, о чем, в частности, свидетельствует Доктрина энергетической безопасности РФ от 2019 г.²¹

С точки зрения экономики государства, экспортирующие углеродное топливо, обладают неодинаковой степенью готовности к осуществлению «энергетического перехода». В исследовании, опубликованном IRENA и основанном на данных Всемирного банка, страны подразделены на четыре группы. К группе 1 относятся государства, у которых отношение топливной ренты к ВВП превышает 20 %, а финансовых резервов недостаточно для декарбонизации энергетики и диверсификации экономики (Ливия, Ангола, Республика Конго, Восточный Тимор, Южный Судан и др.). В группу 2 входят государства, где топливная рента также превышает 20 % ВВП, но имеются финансовые возможности для кардинальной перестройки энергетики и экономики (Саудовская Аравия, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман и др.). К группе 3 принадлежат страны, у которых топливная рента по отношению к ВВП составляет менее 20 %, а экономика уже достаточно диверсифицирована и критически не зависит от экспорта углеродного сырья (Россия, Иран, Алжир, Казахстан, Венесуэла и др.). И наконец, группа 4 представлена государствами с топливной рентой менее 10 % ВВП и достаточно диверсифицированной экономикой (Малайзия, Бахрейн, Колумбия, Норвегия и др.)²².

²⁰ Mulder N. Can 'Climate Sanctions' Save the Planet? // *The Nation*. November 18, 2019. URL: <https://www.thenation.com/article/archive/climate-green-new-deal/> (accessed: 02.07.2021).

²¹ Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации. Утверждена указом Президента РФ от 13.05.2019 // Министерство энергетики Российской Федерации. 13.05.2019. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/14766> (дата обращения: 15.07.2021).

²² A New World: The Geopolitics of the Energy Transformation // *International Renewable Energy Agency*. January, 2019. URL: <https://irena.org/>

Как видно, только страны первой группы могут с большой долей вероятности столкнуться с экономическими и социальными потрясениями, чреватými политическими последствиями. Государства из других групп способны осуществить «энергетический переход», сохранив экономическую стабильность.

В других исследованиях ключевым индикатором служит доля доходов от экспорта углеводородов в финансировании социальных программ, в том числе с учетом себестоимости добычи, что важно в условиях прогнозируемого снижения цен на топливные ресурсы на фоне «энергетического перехода». В этом смысле наиболее уязвимыми признаются такие страны, как Ливия и Венесуэла (Goldthau & Westphal, 2019).

В целом нынешний «энергетический переход» может деполитизировать и десекуритизировать мировую систему энергоснабжения, существенно ослабив традиционные угрозы энергетической безопасности (одностороннее прекращение поставок, ценовой сговор, уязвимость транзита и морской транспортировки, пиратство и т. д.). Как только в основе мировой энергетики окажутся технологии, а не ископаемые ресурсы, последние перестанут быть ключевым фактором мировой политики и геополитики (Борисов, 2020). Однако такой сценарий возможен только в случае, если не появятся новые политические риски, связанные уже с постуглеродным энергоснабжением (Goldthau & Westphal, 2019).

Нельзя исключать, что по мере «энергетического перехода» параллельно со снижением геополитической значимости стран — экспортеров углеводородов будет расти роль экспортеров редкоземельных металлов, а также государств — лидеров в развитии возобновляемой энергетики. Более того, основная уязвимость (в том числе с политической точки зрения) мирового энергоснабжения перейдет из реального (например, транзит нефти и газа через Ормузский пролив или Украину) в киберпространство (Борисов, 2020), поскольку к 2050 г. в силу развития ВИЭ за счет электричества будет удовлетворяться

половина, а возможно, бóльшая часть потребностей человечества в энергии²³.

Если говорить о вызовах «энергетического перехода», исходящих непосредственно от главных драйверов этого процесса, то прослеживается следующая логика. В подходах ЕС к «энергетическому переходу» можно усмотреть положения сразу трех основополагающих теорий международных отношений.

С одной стороны, намерение Брюсселя добиться экологически чистого и климатически нейтрального энергоснабжения связано с секьюритизацией глобального изменения климата и деградацией экологии. После Парижского климатического саммита 2015 г. цель достижения углеродной нейтральности была поставлена подавляющим большинством стран мира. В этом смысле климатическая политика ЕС может не иметь скрытой политической повестки.

С другой стороны, готовность Европейского союза решать проблему «энергетического перехода» в сотрудничестве с другими участниками международных отношений, а также с учетом рыночных принципов (Froggatt & Quiggin, 2021) недвусмысленно говорит о его приверженности либеральным установкам. Вместе с тем для ЕС, почти на 85 % (по состоянию на 2019 г.) зависящего от импорта нефти, газа и угля²⁴, стремление к углеродной нейтральности означает автоматическое решение проблемы энергетической безопасности или безопасности энергоснабжения в традиционном ее понимании. Сократив эту зависимость, Европейский союз сможет стать полноценным международным игроком, способным продвигать свою политическую линию без оглядки на экспортеров топливных ресурсов, что уже соответствует установкам реалистской парадигмы. Такая

²³ Energy Outlook: 2020 Edition // BP. 2020. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2020.pdf> (accessed: 28.06.2021).

²⁴ Statistical Review of World Energy 2020 // BP. 2020. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (accessed: 28.06.2021).

publications/2019/Jan/A-New-World-The-Geopolitics-of-the-Energy-Transformation (accessed: 07.07.2021).

трактовка «энергетического перехода» вполне может допускать жесткость, принципиальность и даже агрессивность Брюсселя в продвижении своего «зеленого» курса в отношении третьих стран и их энергетической безопасности (Гаранина, 2021).

При президенте Дж. Байдене Вашингтон стал активно лоббировать переход США и всего мира к климатически нейтральной энергетике, в чем можно усмотреть определенный парадокс. Еще с 1970-х гг. (период мировых нефтяных кризисов) Соединенные Штаты приоритизируют обеспечение собственной энергетической безопасности, обычно трактуемой в смысле энергетической независимости (Nakes, 2015). В американских правящих кругах как республиканского, так и демократического толка факт критической зависимости США от импорта углеводородов, особенно из нестабильных и тем более враждебных стран, традиционно воспринимается в качестве стратегической угрозы. Такой подход к энергетической безопасности страны в большей мере соответствует реалистской парадигме, поскольку, с точки зрения «либералов», взаимозависимость любого характера, в том числе в энергетике, способствует стабилизации международных отношений (Harsem & Claes, 2013).

Благодаря сланцевой революции конца 2000-х гг. Соединенные Штаты не только обрели долгожданную энергетическую независимость, но и стали превращаться в доминирующего игрока на мировых нефтегазовых рынках. Если республиканец Д. Трамп и его предшественник демократ Б. Обама всячески этому способствовали, то демократ Дж. Байден выбрал другой подход к энергетической безопасности страны — через отказ от углеродного топлива и форсированное развитие «зеленой» энергетики (такая перестройка детально изложена в Американском плане создания рабочих мест²⁵), невзирая на наличие в США существенных запасов нефти, газа и угля. Этот шаг фактически расколол

²⁵ Fact sheet: The American Jobs Plan // The White House. March 31, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/31/fact-sheet-the-american-jobs-plan/> (accessed: 06.07.2021).

американскую элиту и общество. Большинство республиканцев предпочли остаться в рамках традиционной парадигмы энергетической безопасности, кажущейся им выигрышной в свете случившейся «сланцевой революции». Большинство демократов сделали ставку на развитие страны без опоры на углеродное топливо, осознавая серьезность климатических рисков, с которыми она может столкнуться²⁶.

Налицо торжество конструктивистской парадигмы: демократическая команда Дж. Байдена, вероятно, прислушалась к алармистским прогнозам части научного сообщества и фактически секьюритизировала проблему планетарного изменения климата в США, с чем не согласились многие республиканцы. Следовательно, если не выходить за рамки конструктивизма, нет необходимости искать в текущей климатической политике США скрытые политические вызовы для других участников международных отношений. Обращает на себя внимание и ставка администрации Дж. Байдена в духе либеральной теории на международное сотрудничество в осуществлении «энергетического перехода», о чем, в частности, свидетельствует организованный ею Климатический саммит лидеров в апреле 2021 г.

Тем не менее правящие демократы, сделав своим ключевым приоритетом борьбу с климатическими рисками, не планируют отказываться от энергетической независимости США и их доминирующего положения на мировой арене, правда уже в новой постуглеродной реальности²⁷. При этом в Вашингтоне понимают, что переход всего человечества на углеродно-нейтральную энергетику лишит недружественных Америке экспортеров углеродного топлива, прежде всего Россию, Иран

²⁶ Joe Biden's Plans to Combat Climate Crisis Have — Predictably — Provoked GOP Backlash // The Guardian. February 4, 2021. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2021/feb/04/joe-biden-climate-crisis-republican-backlash> (accessed: 06.07.2021).

²⁷ Wynn A. President Biden and Congress Must Maintain America's Energy Independence // Morning Consult. June 7, 2021. URL: <https://morningconsult.com/opinions/president-biden-and-congress-must-maintain-americas-energy-independence/> (accessed: 06.07.2021).

и Венесуэлу, важного источника доходов и геополитического ресурса. Они наверняка учитывают, что в долгосрочном плане глобальное потепление может привести к стратегическому ослаблению США и усилению России. В этом смысле политику Дж. Байдена в области «энергетического перехода» и климата трудно отделить от политического реализма. Следовательно, в будущем она вполне может обрести жесткий и бескомпромиссный характер (Гаранина, 2021). В этой связи интересно, что президент Дж. Байден намерен поручить Госдепартаменту выпускать ежегодный Отчет о глобальном изменении климата (*Global Climate Change Report*), в котором будет даваться оценка соответствующей политики всех государств. Не исключено, что выводы Госдепартамента станут обоснованием для введения санкций или углеродных налогов, что станет серьезным вызовом для других стран, в том числе в области энергетической безопасности²⁸.

КНР, которая, подобно ЕС, сильно зависит от нефтегазового импорта и не может, как США, рассчитывать на «сланцевую революцию», видит в «энергетическом переходе» реальный шанс не только обрести энергетическую независимость, но и решить по-настоящему острые экологические проблемы, а также реализовать собственный инновационный потенциал (Бобылев, Барабошкина, Джу, 2020). Пока Пекин явно делает ставку на сотрудничество и конструктивный диалог в соответствии с либеральной парадигмой, что, однако, в будущем может измениться.

²⁸ Lazard O. Moscow's Climate Change Dilemma // Carnegie Moscow Center. February 9, 2021. URL: <https://carnegie.ru/commentary/83842> (accessed: 06.07.2021).

Заключение

Представляется, что в течение нескольких десятилетий «энергетический переход» может снизить значимость «углеродной парадигмы», которая с 1970-х гг. определяет политику государств в области энергетической безопасности. Рост потребления энергии из возобновляемых и иных низкоуглеродных источников может привести к снижению ключевых рисков, с которыми сегодня сталкиваются импортеры нефти, газа и угля и, возможно, позволит им стать энергетически независимыми.

Однако не исключен сценарий, когда на смену рискам, связанным с поставками углеродного топлива, придут новые, порожденные постуглеродной эпохой. Для стран, экономика которых в значительной степени зависит от экспорта углеродных энергоресурсов, «энергетический переход» не только приведет к потере традиционных рынков сбыта и доходов, но и может вынудить их проводить затратную и технологически сложную декарбонизацию энергетики в том числе для того, чтобы избежать возможных санкций. Для ряда стран-экспортеров, особенно с высокой топливной рентой в ВВП и недостаточными финансовыми резервами, он может также обернуться социально-экономическими и политическими потрясениями.

В политике ЕС и США в области «энергетического перехода» отражены положения всех трех рассматриваемых теорий международных отношений, в том числе реалистской. Это означает, что их политика на этом направлении может быть жесткой и агрессивной, что станет серьезным дополнительным вызовом для остальных стран и их энергетической безопасности. Китай, будучи третьим ключевым драйвером «энергетического перехода», пока привержен либеральному курсу, что, однако, может измениться в будущем.

Поступила в редакцию / Received: 29.06.2021
Принята к публикации / Accepted: 26.10.2021

Библиографический список / References

- Бобылев С.Н., Барабошкина А.В., Джу С. Приоритеты низкоуглеродного развития для Китая // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 82. С. 114—139. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10095 [Bobylev, S. N., Baraboshkina, A. V., & Zhu, X. (2020). Priorities of low-carbon development for

- China. *E-Journal Public Administration*, (82), 114—139. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10095>]
- Борисов М.Г. Энергетический переход и геополитика // Восточная аналитика. 2020. № 1. С. 7—16. DOI: 10.31696/2227-5568-2020-01-007-016 [Borisov, M. G. (2020). Energy transition and geopolitics. *Eastern Analytics*, (1), 7—16. (In Russian). <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2020-01-007-016>]
- Гайдаев О.С. Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 64—78. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32 [Gaidaev, O. S. (2021). Securitization theory or a well overlooked old: On the philosophical and theoretical premises and origins of the theory. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 64—78. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32>]
- Гаранина О.Л. Повестка энергетического перехода: вызовы для России в контексте пандемии // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 4. С. 40—52. [Garanina, O. L. (2021). Energy transition agenda: Challenges for Russia under the pandemic. *Russian Foreign Economic Journal*, (4), 40—52. (In Russian).]
- Ковалев Ю.Ю., Поршнева О.С. Страны БРИКС в международной климатической политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 64—78. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-64-78 [Kovalev, Y. Y., & Porshneva, O. S. (2021). BRICS countries in international climate policy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 64—78. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-64-78>]
- Худайкулова А.В. Объясняя безопасность глобального Юга: западные и незападные подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. № 3. С. 394—417. DOI: 10.21638/spbu06.2020.307 [Khudaykulova, A. V. (2020). Explaining the security of the global South: Western and Non-Western approaches. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 13(3), 394—417. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.307>]
- Axon, C. J., & Darton, R. C. (2021). Sustainability and risk — a review of energy security. *Sustainable Production and Consumption*, (27), 1195—1204. <https://doi.org/10.1016/j.spc.2021.01.018>
- Buzan, B., & Hansen, L. (2009). *The evolution of international security studies*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511817762>
- Česnakas, G. (2010). Energy resources in foreign policy: A theoretical approach. *Baltic Journal of Law & Politics*, 3(1), 30—52.
- Chinn, S., Sol Hart, P., & Soroka, S. (2020). Politicization and polarization in climate change news content, 1985—2017. *Science Communication*, 42(1), 112—129. <https://doi.org/10.1177/1075547019900290>
- Dunford, M., & Qi, B. (2020). Global reset: COVID-19, systemic rivalry and the global order. *Research in Globalization*, (2), 1—12. <https://doi.org/10.1016/j.resglo.2020.100021>
- Froggatt, A., & Quiggin, D. (2021). China, EU and US cooperation on climate and energy. An ever-changing relationship. *Chatham House Research Paper*. Retrieved from <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2021-03/2021-03-26-china-eu-us-cooperation-froggatt.pdf>
- Goldthau, A., & Westphal, K. (2019). Why the global energy transition does not mean the end of the petrostate. *Global Policy*, 10(2), 279—283. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12649>
- Grant, S., Crim, C. C., & Jensen, P. K. M. (2015). Climatization: A critical perspective of framing disasters as climate change events. *Climate Risk Management*, 10, 27—34. <https://doi.org/10.1016/j.crm.2015.09.003>
- Hakes, J. (2015). *A declaration of energy independence*. New Jersey: Wiley.
- Harsem, Ø., & Claes, D. H. (2013). The interdependence of European-Russian energy relations. *Energy Policy*, 59, 784—791. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2013.04.035>
- Heinrich, A., & Szulecki, K. (2019). Energy securitization: Applying the Copenhagen school's framework to energy. In K. Szulecki (Ed.), *Energy security in Europe. Divergent perceptions and policy challenges* (pp. 33—61). London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-319-64964-1_2
- Luft, G., & Korin, A. (2009). Realism and idealism in the energy security debate. In G. Luft & A. Korin (Eds.), *Energy security challenges for the 21st century: A reference handbook* (pp. 335—349). Santa Barbara: Praeger.
- Luft, G., Korin, A., & Gupta, E. (2011). Energy security and climate change: A tenuous link. In B. Sovacool (Ed.), *The Routledge handbook of energy security* (pp. 43—56). New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203834602>
- Ozcan, S. (2013). Securitization of energy through the lenses of Copenhagen school. *West East Journal of Social Sciences*, 2(2), 57—72. Retrieved from http://www.westeastinstitute.com/journals/wp-content/uploads/2013/10/Sezer_Ozcan.pdf

- Romanova, T. A. (2013). Security of energy demand: Security for suppliers? In H. Dyer & M. J. Trombetta (Eds.), *International handbook of energy security* (pp. 239—258). Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Schelly, C., Bessette, D., Brosemer, K., Gagnon, V., Arola, K. L. et al. (2020). Energy policy for energy sovereignty: Can policy tools enhance energy sovereignty? *Solar Energy*, 205, 109—112. <https://doi.org/10.1016/j.solener.2020.05.056>
- Smil, V. (2010). *Energy transitions: History, requirements, prospects*. Oxford: Praeger.
- Sovacool, B. (2011). Introduction: Defining, measuring, and exploring energy security. In B. Sovacool (Ed.), *The Routledge handbook of energy security* (pp. 1—42). New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203834602>
- Sovacool, B. (2021). Who are the victims of low-carbon transitions? Towards a political ecology of climate change mitigation. *Energy Research & Social Science*, 73, 1—16. <https://doi.org/10.1016/j.erss.2021.101916>
- Winzer, C. (2011). Conceptualizing energy security. *University of Cambridge EPRG Working Paper*, 1123, 1—36. <https://doi.org/10.17863/CAM.5563>

Сведения об авторе: Боровский Юрий Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России; ORCID: 0000-0001-8855-5147; e-mail: yuribor@mail.ru

About the author: Borovsky Yury Viktorovich — PhD in History, Associate Professor, Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO University; ORCID: 0000-0001-8855-5147; e-mail: yuribor@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-785-802

Research article / Научная статья

Russia — Latin America Economic Cooperation: Insights from EU — CELAC Sustainable Development Concept

Alla Yu. Borzova , Arkadiy A. Eremin ✉, Natalia V. Ivkina , Oleg K. Petrovich-Belkin
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
✉eremin-aa@rudn.ru

Abstract. The article considers cooperation patterns between the European Union (EU) and CELAC (Community of Latin America and the Caribbean) in the context of creatively applying this experience to a broader topic of Russia — Latin America multilevel cooperation. The concept of sustainable development, which implies interaction in accordance with its three main dimensions: environmental, social and economic, is adopted on the global level. The interaction between EU and CELAC contributes to the progress in achieving the goals of sustainable development, where a lot of attention is paid to the “green economy,” alternative energy, and social aspects, since the environmental aspects’ constraints are providing the most significant impetus to structural changes in the existing development paradigm. This in return is expected to create a model that ensures economic growth based on a green economy, alternative energy, with greater equality and social inclusiveness. At supranational level in the European Union an effective and systemic policy has been formed in the field of nature conservation and combating climate change, which without a doubt can be considered one of the most progressive ones in the world, which creates potential for sharing these experiences with less developed and fortunate nations. European programs for Latin American and Caribbean (LAC) countries have become an important factor in the development of interregional cooperation in environmental protection, biodiversity conservation, and countering natural disasters. The article also focuses on the most recent changes that have occurred in the sphere of interaction between CELAC and EU in the context of COVID-19 pandemic. Massive structural and conceptual changes that have seriously reshaped the priorities and funding of joint programmers between two organizations reflects new priorities for sustainable development in general when it comes to new world realities in post-pandemic world, and could be useful for Russian model for the relations with this region.

Key words: CELAC, European Union, Latin America, Russia, cooperation, sustainable development

Acknowledgements: The results presented in the article were obtained with the financial support from the project funding of the Russian Federation represented by the Ministry of Higher Education and Science (agreement code 075-15-2021-955).

For citation: Borzova, A. Yu., Eremin, A. A., Ivkina, N. V., & Petrovich-Belkin, O. K. (2021). Russia — Latin America economic cooperation: Insights from EU — CELAC Sustainable Development concept. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 785—802. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-785-802>

Экономическое взаимодействие России и Латинской Америки: выводы из модели сотрудничества между ЕС и СЕЛАК в рамках концепции устойчивого развития

А.Ю. Борзова , А.А. Еремин ✉, Н.В. Ивкина , О.К. Петрович-Белкин
Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
✉eremin-aa@rudn.ru

Аннотация. Рассматриваются модели сотрудничества между Европейским союзом (ЕС) и CELAC (Сообщество Латинской Америки и Карибского бассейна) в контексте творческого применения этого опыта к более широкой теме многоуровневого сотрудничества России и Латинской Америки. На глобальном

© Borzova A.Yu., Eremin A.A., Ivkina N.V., Petrovich-Belkin O.K., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

уровне принята концепция устойчивого развития, предполагающая взаимодействие по трем основным его измерениям: экологическому, социальному и экономическому. Наибольшее внимание уделяется экологическому аспекту, поскольку именно подобные ограничения, по мнению экспертов, могут дать толчок структурным изменениям в существующей парадигме развития, которые позволят создать модель, обеспечивающую экономический рост на основе зеленой экономики, использования альтернативной энергии, с большим акцентом на обеспечении равенства и социальной инклюзивности. В ЕС на наднациональном уровне сформирована эффективная и системная политика в области охраны природы и противодействия изменению климата. Европейские программы для стран региона ЛКА стали важным фактором развития межрегионального сотрудничества в области защиты окружающей среды, сохранения биоразнообразия и противодействия стихийным бедствиям. Это взаимодействие способствует прогрессу в достижении целей устойчивого развития, где большое внимание уделяется «зеленой экономике», альтернативным источникам энергии и социальным аспектам. Особенностью статьи является глубокий анализ современного этапа и направления развития сотрудничества в сфере устойчивого развития между двумя организациями. Авторы уделяют особое внимание тем изменениям, которые произошли в связи с пандемией COVID-19, что вынудило ЕС и СЕЛАК существенно переосмыслить стоящие перед ними задачи и существующие потребности. Этот опыт может быть крайне полезным для России в выстраивании отношений с данным регионом.

Ключевые слова: СЕЛАК, Европейский союз, Латинская Америка, Россия, сотрудничество, устойчивое развитие

Благодарности: Представленные в статье результаты получены при финансовой поддержке проекта Российской Федерацией в лице Минобрнауки России (номер соглашения 075-15-2021-955).

Для цитирования: Borzova A.Yu., Eremin A.A., Ivkina N.V., Petrovich-Belkin O.K. Russia — Latin America Economic Cooperation: Insights from EU — CELAC Sustainable Development Concept // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 785—802. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-785-802

Introduction

The main focus of the article is thorough analysis of the sustainable development concept cooperation between the European Union and CELAC with the goal of defining the correct patterns and applying the latter to the broader topic of Russia — Latin America (LA) economic cooperation. Latin American countries are promising partners of Russia in trade, economic, investment cooperation, which is reflected in the mutual refusal of discriminatory actions towards each other they did not follow the path of joining the anti-Russian sanctions introduced by the US and supported by the collective West [Yakovlev, 2021]. Russia and the LA are united by the coincidence on a number of key issues on the world agenda, related to relying on the norms of international law, strengthening the central role of the UN, seeking collective responses to new challenges, which creates a good basis for expanding economic relations, which are currently quite limited. In 2001, the position of the RF in total exports and imports of Latin America was 0.6 % and 1.6 %, and in 2019 — 0.5 % and 0.7 % despite the significant growth of

foreign trade of these countries. During this period, the PRC increased its trade volume by 20 times [Shkolyar, 2021]. Russian investments are also insignificant. The main problem is the lack of incentives to expand the contractual base, to create new negotiating platforms for the development of economic cooperation. Perhaps the example of the ideological convergence of the EU and CELAC in the field of Sustainable Development is a good example for organizing such a basis. Chronologically, the article covers two periods. The former started with the establishment of the CELAC in 2010 and lasted until 2019, and the latter — from 2020 and ongoing. The latter period is shaped by the COVID-19 pandemic, which has seriously changed international relations and keeps shaping new realities in international cooperation. Predictably, the EU — CELAC cooperation is not an exception. The priorities and conceptual basis of the EU — CELAC sustainable development cooperation has experienced sufficient and quite radical changes, reshaping the very notion of sustainable development as these institutions understand it.

The importance of sustainable development cooperation between the EU and Latin America is rather apparent. On the one hand, the European Union may be considered one of the most advanced international actors, making the EU experience a valuable asset to share and promote globally. On the other hand, the Latin America and Caribbean region (LAC) nations are fully aware of the devastating effects of climate change and environmental imbalance that may deepen social inequalities and affect economic development. Gradually, Latin American countries have taken a more active position on climate change and environmental protection. Some researchers (De Castro, Van Dijck & Hogenboom, 2014; Latta & Wittman, 2010) have raised the issue of rational use of bio resources in Latin America and proposed the concept of environmentally unequal exchange. These disbalances leave economies that rely on mineral resource extraction and export unable to escape the poverty trap. Resources are being depleted faster than they can be restored: “Often the result is to leave a polluted hole in the ground and a gaping hole in the social fabric of mining area” (De Castro, Van Dijck & Hogenboom, 2014, p. 17).

For quite some time, the Latin American experience of economic growth and development has been relatively discouraging, which makes it necessary to search for an integrated strategy to reduce poverty and enhance social inclusion, preserve the environment, promote responsible use of natural resources without division into separate areas (Amazonia, Andean region, coastal zones, etc.) or specific problems (indigenous people, gender issues, urbanization) (Arboleda, 2016; Hogenboom, Baud & de Castro, 2012). Nature preservation in Latin America has received some coverage in scientific publications. Researchers note that there is a need to change government policies regarding the development of closed urban water supply systems, household waste recycling, or clean energy usage, and create incentives to foster eco-friendly innovations (Alimonda, Toro Pérez & Martín, 2017; Solíz, 2017). Lack of an adequate technological base is a factor that hinders environmentally friendly use of natural resources in most developing countries (Acosta,

2010; Barreda Marín, 2016). Cooperation in this area is crucial as it takes into account unique characteristics of different states and contributes to strengthening their technological potential. Awareness of the disastrous consequences of environmental inaction in LAC, where climate change and environmental imbalances deepen social inequalities and affect the economies, may help reach consensus and effect joint action to achieve sustainable development.

Currently, multilateral cooperation is primarily determined by the multi-level system of international integration (especially, its regional level). In particular, in addition to interaction at the state level, there is a tendency towards inter-organizational contacts. The EU — CELAC (the most advanced integration project in Europe and the regional bloc of the Latin American and the Caribbean countries, respectively) is an example of the active development of such contacts. There still is potential for both organizations to enhance the mechanisms of joint action against new threats and challenges. The EU has created an effective and systemic policy in environmental conservation and combating climate change which functions at the supranational level. European programs for LAC have become an important factor in developing interregional cooperation in environmental protection, biodiversity conservation, and countering the effects of natural disasters. This interaction contributes to the progress in achieving the Sustainable Development Goals (SDG), which emphasize the development of green economy, alternative energy use,¹ and social aspects of development.²

Environmental threats that disrupt regional development in Latin America are also

¹ Castro Pereira J. Green Energy in Latin America: Opportunities for the EU — LAC Cooperation // EU — LAC Foundation. November 20, 2017. URL: <https://eulacfoundation.org/en/green-energy-latin-america-opportunities-eu-lac-cooperation> (accessed: 05.11.2021).

² Durán Lima J.E., Herrera R., Le Bret P., Echeverría M. Latin America — European Union Cooperation. A Partnership for Development // Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC). 2014. URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/37595/S1420618_en.pdf?sequence=1 (accessed: 05.11.2021).

acknowledged at the highest level. For instance, the United Nations have set 17 sustainable development goals and promote investment in their achievement. However, global cooperation is often ineffective in tackling regional issues. In this regard, the relevance of the research is further substantiated by the need to study the mechanisms of interregional sustainable development cooperation.

Theoretical and Methodological Foundations

The authors analyze the EU — CELAC sustainable development cooperation within the framework of structural functionalism and organizational theory. The founders of the structural functionalism (Parsons, 1960) note that organizational structures have several common characteristics. The most important one is an orientation towards achieving common goals (Parsons, 1960, pp. 17—19). However, some researchers reject the possibility of effective cooperation at the inter-organizational level as international organizations include individual states, and their official representatives pursue national interests and goals even within these supranational bodies. The theory of structural functionalism bypasses this thesis assuming that individual countries that make up an international organization can be studied as “individual organisms” that are guided by “dependent and independent variables” that change the general background of the “environment.” This suggests that it is possible to view organizations as single independent actors, who “through a hierarchy of power and responsibility” can conduct their policies and thus interact with each other. At the same time, the line of conduct itself is an “internal environment”, and the general goals and objectives of organizations are “external” (Katzenbach & Smith, 1993, pp. 21—22).

To determine what these common goals are and how the parties achieve consensus on them, it is necessary to turn to organizational theory, which is rooted in the Marxist paradigm. For instance, A.W. Gouldner proposed to view the organization’s goals as the goals of its leaders. This approach is quite rational as every

organization has a system of formalized collective decision-making. The implementation of the decisions is carried out through selected bodies and appointed persons (Gouldner, 1959, p. 424).

Therefore, the EU — CELAC cooperation, if analyzed through the lens of the theories mentioned above, can be viewed as a relationship of two independent organizational systems interconnected by a common idea — achievement of the sustainable development goals, with the areas of the cooperation being ecology, social issues, and economic growth. Therefore, the initiatives proposed by the two parties do not necessarily correspond to individual national agendas but come from a group of countries that are ready to participate in interregional cooperation at the multilateral level.

Several historical and political science research methods may be applied to unlock the potential of such cooperation, analyze general environmental programs and initiatives. Firstly, the authors use official documents analysis to identify the normative basis of the EU — CELAC cooperation. Finally, content analysis is used to identify the frequency of contacts and key priorities of cooperation and assess its dynamics and results.

Formation of the EU Environmental Policy

The aggravation of environmental problems, new challenges and threats related to climate change are inevitably becoming global. The trade-off between environmental protection, rational use of resources, and the need for economic development has complex and controversial consequences. The European Union became the first body where systemic awareness of the ecological issues resulted in the formulation of a centralized ecological policy, which stimulated the introduction of resource-saving technologies and stringent emission standards for industrial enterprises in order to reduce pollution. The 1986 Single European Act defined the goals, objectives, principles, and directions of the EU policies, including the environmental protection policy. With the adoption of this act, the EU enacted environmental protection legislation. The Environmental Action Program (EAP) was

initially conceptualized during the Environment for Europe Conference at Dobris (1991). The Dobris Conference set the European common long-term environmental policy priorities. Eco-friendly technologies and effective control over the application of environmental protection regulation have become critical elements of environmental protection in Europe.

The 1992 Maastricht Treaty and the 1997 Amsterdam Treaty signified the emergence of the EU common environmental policy and further development of its legal basis. The 2007 Lisbon Treaty enshrined the principle of the environmental orientation of the EU policy and marked the emergence of a centralized, structured environmental policy for all European countries. The environmental component was introduced into all the EU policies. As a result, the EU was able to adopt large-scale environmental measures, establish the legal framework for regulation and coordination of the member countries' environmental policies, which allowed developing new approaches to environmental protection. Numerous EU directives on environmental protection were rigorously executed and became the basis of national legislation of the EU member countries.³ Sustainable development, which by then had received official recognition at the UN Conference on Environment and Development, became one of the main objectives of the EU. This was reflected in such strategic documents as "Europe 2020: A Strategy for Reasonable, Sustainable, and Comprehensive Growth"⁴ and the EU Seventh Environmental Action Program 2020 (7-EAP).⁵

³ Environment Policy: General Principles and Basic Framework // European Parliament. May, 2021. URL: <https://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/71/environment-policy-general-principles-and-basic-framework> (accessed: 05.11.2021).

⁴ Europe 2020: A European Strategy for Smart, Sustainable and Inclusive Growth // European Commission. 2010. URL: <https://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLET%20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf> (accessed: 05.11.2021).

⁵ General Union Environment Action Programme to 2020: 'Living Well, Within the Limits of Our Planet' // European Commission. March 31, 2013. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/>

7-EAP, for example, identifies nine priority goals for environmental policy: natural capital, resource-efficient economy, healthy environment for healthy people, effective implementation of environmental legislation, improved environmental data, favorable investment climate for environmental conservation, full integration of environmental requirements into other areas of human activity, sustainable urban development, resolving modern environmental problems.⁶ The first three goals are long-term and are supposed to be achieved by 2050. The European Climate Adaptation Platform also contains a whole set of new measures to reduce the risk of climate-related disasters. The Eighth Framework Program called "Horizon 2020" is the largest in the history of the EU with a budget of EUR 80 bln. The program is based on advanced science and the EU's industrial leadership⁷ and is supposed to produce results by 2020 during the transition to a green economy.

The EU environmental policy and environmental protection initiatives are often implemented in the form of LIFE projects. More than 4,500 initiatives have been implemented in Europe and beyond since 1992 as part of LIFE.⁸ This program's total budget reaches EUR 9 bln, with the funding of environmental protection projects alone standing at approximately EUR 4 bln. LIFE includes many projects in different spheres all related to the environmental dimension of sustainable development: combating climate change, improving the quality of water resources, good land use, preserving ecosystems, rational energy diplomacy, ensuring comfortable life in cities without harming the

1d861dfb-ae0c-4638-83ab-69b234bde376 (accessed: 05.11.2021).

⁶ Ibid.

⁷ EU Support to the Community of Latin America and Caribbean States (CELAC) // European Commission. September 26, 2016. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_16_3542 (accessed: 05.11.2021).

⁸ Regulation (EU) 2021/783 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2021 establishing a Programme for the Environment and Climate Action (LIFE), and repealing Regulation (EU) No. 1293/2013 (Text with EEA relevance) // EUR-Lex. April 21, 2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2021/783/oj> (accessed: 05.11.2021)

environment, reducing harmful emissions, stimulating resource-efficient and low-carbon economic and social development, etc. The implementation of this program in four environmental dimensions, namely, protection of water resources, nature conservation, clean air, and waste management, has contributed to improving the quality of life of Europeans.⁹

The EU also acknowledges global nature of environmental problems and is active in international initiatives to combat climate change, which is also mentioned in 7-EAP. Along with multilateral agreements on environmental protection, the EU provides official development assistance to developing countries and supports their efforts in promoting green economy and eco-friendly technologies.¹⁰ In 2016, the EU increased its contribution to solving global climate problems by 15 % (up to EUR 20.2 bln) and has since become the most prominent international donor in this sphere.¹¹ Numerous environmental programs and EU initiatives are in high demand in other regions of the globe because, according to the UN, Europe, due to its heterogeneity, may serve as a micro projection of the various challenges and opportunities that the international community faces in creating an inclusive society, ensuring environmental sustainability, achieving equitable economic growth, forming development partnerships and working out models of international cooperation.¹²

⁹ Guía para la Estrategia Europea de Desarrollo Sostenible: un futuro sostenible a nuestro alcance // Comisión Europea. Noviembre 2007. URL: https://www.miteco.gob.es/es/ministerio/planes-estrategias/estrategia-espanola-desarrollo-sostenible/Guia_de_la_Estrategia_Europea_de_desarrollo_sostenible_VE_tcm30-88618.pdf (accessed: 05.11.2021).

¹⁰ General Union Environment Action Programme to 2020: 'Living Well, Within the Limits of Our Planet' // European Commission. March 31, 2013. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/1d861dfb-ae0c-4638-83ab-69b234bde376> (accessed: 05.11.2021).

¹¹ EU Support to the Community of Latin America and Caribbean States (CELAC) // European Commission. September 26, 2016. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_16_3542 (accessed: 05.11.2021).

¹² Open Working Group on Sustainable Development Goals // United Nations Department of Economic and Social Affairs, Sustainable Development Knowledge

Interregional Partnership of the EU and LAC

Latin America drew the attention of the EU in the mid-1990s when in 1995 the European Commission defined key tracks of the strategic partnership with these countries. The EU — LAC regular summits led to comprehensive cooperation in the political sphere, trade, and economy, security, combating drug trafficking, and migration. The EU — Latin American and Caribbean partnership is based on trade cooperation and large-scale investments and commitment to common political principles: promoting democracy, ensuring effective human rights protection and the supremacy of international law, social cohesion, and sustainable development (Bonilla Soria & Jaramillo, 2014). Latin America is of strategic importance for the EU as a trade partner, supplier of raw materials and merchandise goods, and investment destination, which stimulates the development of political, economic, and social relations between the regions. Thus, in 2007—2017 total EU — Latin America trade doubled and reached EUR 221.6 bln. The EU share in the region's trade reached 14.4 %. The EU is the third trading partner of LAC, and in 2015 exports of goods from CELAC countries to the EU accounted for 33 % of the region's total exports, while imports from the EU accounted for 12 %.¹³

The EU's leading trading partners are Mexico and Brazil, while the main trading partners for CELAC are Germany, Spain, Italy, France, and the Netherlands. The EU has entered into free trade agreements with 26 out of 33 CELAC countries¹⁴ and has become a crucial source of foreign investments. The EU FDI stock reached EUR 825.7 bln in 2016. In turn, Latin American investments in the EU increased from EUR 128.5 bln in 2009 to EUR 250.3 bln in 2016.¹⁵ Rather predictably, in 2016, Brazil and

Platform. 2014. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/owg.html> (accessed: 05.11.2021).

¹³ EU — CELAC Relations // European External Action Service. July 16, 2018. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/malaysia/13042/eu-celac-relations_en (accessed: 05.11.2021).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

Mexico were the primary FDI recipients, while the Netherlands and Spain received most of CELAC FDI.¹⁶ Recently, FDI have focused on the industries related to the extraction of natural resources, infrastructure, and renewable energy (the share of FDI flows into these sectors increased from 4 % in 2005 to 11 % in 2015 and from 1 % in 2005 to 20 % in 2015, respectively).¹⁷ European researchers believe that the EU investments in Latin America should be aimed primarily at developing biofuel, solar, and wind energy in Latin America and the Caribbean, which may be crucial to successful cooperation between CELAC and Europe.¹⁸ Similarly, Latin American investments in the EU (especially in the Netherlands and Spain) rose from EUR 128.5 bln in 2009 to EUR 250.3 bln in 2016.¹⁹

The cooperation in solving environmental problems and ensuring ecology preservation (such as the development of biotechnologies) was already included in the Program of Scientific and Technical Cooperation between the EU and LAC for 1999—2000. The 2008 Lima Declaration set the task to strengthen interregional cooperation in the field of environmental protection, which would help reduce the risk of natural disasters, gain knowledge about the effects of climate change and reduction of biodiversity, develop renewable energy sources, energy-saving technologies, help with climate change adaptation and implement these provisions in the

national strategies for sustainable development. At the 2010 VI EU — LAC Summit, the EU — LAC strategic partnership was noted to play a critical role in the negotiations on climate change and biodiversity. The parties also initiated a dialogue on climate change that focused on the obligations set forth by the Lima Agenda for Sustainable Development and on exploring new initiatives in environmental protection.

The Action Plan for 2010—2012 featured the objectives to develop institutions for adaptation to climate change, foster experience exchange on renewable energy, efficient energy consumption, and reduce the risk of natural disasters. The EU and CELAC held their first summit in 2013 under the motto “Alliance for Sustainable Development: Assistance and Investment in Social and Environmental Development.” It became a qualitatively new stage in bilateral cooperation in environmental protection. At the summit, all 33 Latin American countries for the first time expressed a unified and coordinated position on environmental issues, displaying a willingness to coordinate actions in the management and protection of natural resources.²⁰

Several key points should be highlighted concerning the formation of a joint stance of Latin American nations on environmental issues. For example, the 2002 Third International Summit on Sustainable Development adopted the Latin American — Caribbean Initiative to make sustainable development a strategic priority for the region’s countries. The Forum of Ministers of the Environment held in Panama in 2003 introduced a regional plan, which reflected the objectives to promote access to natural resources and their rational use, environmental protection, urban and infrastructure development, and transition to green economy. Latin American countries actively supported the 2004

¹⁶ Chiacchio F. The European Union with the Community of Latin America and the Caribbean: Where Do We Stand? // Bruegel. December 5, 2017. URL: <https://www.bruegel.org/2017/12/the-european-union-with-the-community-of-latin-america-and-the-caribbean-where-do-we-stand/> (accessed: 05.11.2021).

¹⁷ Panorama Económico y Social de la Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, 2016 // Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL). January 2017. URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/40916/1/S1601359_es.pdf (accessed: 05.11.2021).

¹⁸ Castro Pereira J. Green Energy in Latin America: Opportunities for the EU — LAC cooperation // EU — LAC Foundation. November 20, 2017. URL: <https://eulacfoundation.org/en/green-energy-latin-america-opportunities-eu-lac-cooperation> (accessed: 05.11.2021).

¹⁹ EU — CELAC Relations // European External Action Service. July 16, 2018. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/malaysia/13042/eu-celac-relations_en (accessed: 05.11.2021).

²⁰ Recursos naturales: situación y tendencias para una agenda de desarrollo regional en América Latina y el Caribe. Contribución de la Comisión Económica para América Latina y el Caribe a la Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños // Economic Commission for Latin America and the Caribbean, Digital Repository. December 2013. URL: <https://repositorio.cepal.org/handle/11362/35891> (accessed: 05.11.2021).

Convention on Climate Change, the Convention on the Conservation of Biological Diversity, and the expansion of cooperation under the Amazon Pact to support sustainable development in the region. Over the 20 years, the Inter-American Association for the Protection of the Environment (*Asociación Interamericana para la Defensa del Ambiente*, AIDA) has made several legislative decisions to protect the biodiversity of Latin American countries. In 2018 the Inter-American Court of Human Rights declared that states should respect the right to life and personal integrity concerning environmental protection while also recognizing that climate change was directly connected to human rights.

The CELAC approach to ecological problems has gradually changed (Pyatakov, 2018). According to the 2020 CELAC Development Plan, the community should aim to develop education, health, science, and technology, equality of citizens, reduce unemployment, and combat climate change and the region's environmental problems.²¹ This trend is also represented by the CELAC's adoption of the Plan for Food and Nutrition Security 2025 and support for the UN New Habitat III Sustainable Urban Development Program. Regional and national strategies were adopted to implement the Sendai Framework for Disaster Risk Reduction 2015—2030. Latin American countries have taken measures to protect ecosystems, reduce deforestation and environmental degradation, and preserve biodiversity and wild flora and fauna threatened by international trade. Similarly, Latin American nations have committed themselves to reducing greenhouse gas emissions in accordance with the Paris Agreement on climate change (Bonilla Soria & Jaramillo, 2014).

Key regional actors have introduced environmental aspects of development into their national policies, elaborated legal frameworks for their implementation, and included them in national development plans. The 2017 V CELAC Summit noted the need to implement national

biodiversity strategies under the Strategic Plan for the Conservation of Biodiversity for 2011—2020. Latin American nations have stressed the importance of creating the United Nations Green Climate Fund, with annual allocations of up to USD 100 bln to developing countries by 2020 to help them adapt to climate change.

Thus, the awareness of the need for joint action in environmental protection has led to the formation of a strategic vision of LAC on the use of the natural resource potential of the region in economic, social, and ecological development, as reflected in the work of the 2015 II EU — CELAC Summit. This summit saw the adoption of the Brussels Declaration and the Action Plan for 2015—2017. Along with priority areas, the documents noted such crucial problems as environmental protection, preserving biodiversity and ecosystems, and developing scientific knowledge about climate change.

The Agreement on EU — CELAC Foundation was approved at the CELAC — EU ministerial meeting held in 2016. It noted that the strategic association of the two regions was taking a prominent shape, and there was noticeable progress in resolving issues related to the environmental aspect of sustainable development. At the 2018 regular meeting of the EU and CELAC foreign ministers, the declaration “Creating bridges and strengthening partnerships to tackle global issues” was adopted, dedicated to sustainable development, environment, climate change, biodiversity, and energy.

The EU Environmental Programs in Latin America

Since 1996, the European Union has annually provided LAC countries with more than EUR 500 mln of Official Development Assistance (ODA). Since 2000, the European Investment Bank has provided additional EUR 1.3 bln in loans for projects of mutual interest.²²

²¹ CELAC 2020 Planning Agenda Proposal // CELAC. 2015. URL: <http://s017.sela.org/media/2087636/2020-agenda-en.pdf> (accessed: 05.11.2021).

²² EU — Latin America Relations on the Eve of the Lima Summit // European Commission. May 6, 2008. URL: <https://intranet.eulacfoundation.org/en/content/eu-latin-america-relations-eve-lima-summit> (accessed: 05.11.2021).

In 2007—2013 the EU allocated approximately EUR 4 bln for LAC through ODA for social inclusion, education, environmental protection and combating climate change, migration, expanding trade, and supporting small and medium-sized enterprises of LAC countries. Recently, the European Union has expanded interregional scientific research initiatives, making it possible to assess opportunities for cooperation in the socio-economic and environmental spheres. The Sixth Research Framework Program (FP6 — 2002—2006) initiated 221 joint research projects that mobilized 538 teams from Latin America (529) and Caribbean countries (9) and 2679 European (and other non-Latin American) groups with total funding of over EUR 1.3 bln, with the EU providing more than EUR 700 mln. 74 projects dealt directly with environmental issues, not including agricultural projects with an environmental component, such as GO GLOBAL (2006—2009), ALCUE FOOD (2005—2008), FOOD N CO (2006—2009).²³

The Seventh Research Framework Program (2007—2013) allocated EUR 50.521 mln for international cooperation. As a result, it became more substantial and better coordinated, making it possible to create a basis for interaction in science and technology. The EU countries conducted research programs in different regions of Latin America: CLARIS (2004—2007), CENSOR (2004—2008), INCOFISH (2005—2008), ALARM (2004—2009), CAMINAR (2007—2010), CASES (2006—2008), WAFLA (2006—2009), CEECEC (2008—2010), GUYAGROFOR (2004—2008), ECOST (2005—2008), MEDEA (2008—2011), which were aimed at studying climate change and its implications for agriculture, biodiversity, the functioning of ecosystems, green energy use, and sustainable urban development.²⁴ In 2013—2015

²³ Hacia el área de conocimiento ALC — UE. La cooperación científica y tecnológica en los retos medioambientales entre América Latina, el Caribe y la Unión Europea // Publications Office of the European Commission. 2008. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/38a515cb-e0d5-4d68-b683-79e57fb547c2> (accessed: 05.11.2021).

²⁴ Hacia el área de conocimiento ALC — UE. La cooperación científica y tecnológica en los retos

the ENSOCIO — LA program “Strategic, Sustainable R&I cooperation with Latin America” was implemented, which focused on climate action, resource efficiency, and raw materials. In terms of ODA for 2014—2020, the European Union provided development assistance to the region based on specific indicators.

ODA is allocated based on the following criteria:

- country needs, in accordance with indicators that proxy economic and social/human development trends and economic growth as well as vulnerability and fragility indicators;

- capacities that are assessed according to a country’s ability to generate sufficient domestic revenues and its access to other sources of finance such as international markets, private investment, or natural resources;

- country commitments and performance, judging upon national investments in education, health, democracy and good governance, and the soundness of national economic and fiscal policies, including financial management.

The impact of the European Union ODA on CELAC countries can be assessed through results analysis based on the progress in the attainment of two objectives. The former focuses on whether the cooperation could promote and support political, economic, social, and environmental policy reforms in partner countries. The latter is devoted to increasing leveraging effect that the European Union aid could have on other sources of development finance, particularly private investment (Kheifets & Konovalova, 2019).

The EU 2014—2020 multi-year regional program for Latin America has provided EUR 925 mln, with EUR 805 mln allocated to continental programs for 18 countries (Argentina, Bolivia, Brazil, Venezuela, Guatemala, Honduras, Colombia, Costa Rica, Cuba, Mexico, Nicaragua, Panama, Paraguay, Peru, Uruguay, El Salvador, Chile, Ecuador). The program had the following sectoral distribution: EUR 70 mln for ensuring

medioambientales entre América Latina, el Caribe y la Unión Europea // Publications Office of the European Commission. 2008. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/38a515cb-e0d5-4d68-b683-79e57fb547c2> (accessed: 05.11.2021).

public safety, development of law enforcement and crime prevention policies, EUR 42 mln for strengthening institutions of power, financial reforms, EUR 215 mln for sustainable development, poverty reduction, and other social problems, EUR 300 mln for environmental protection and adaptation to climate change, EUR 163 mln for cooperation in higher education.²⁵

EUR 300 mln, the largest funding awarded, was allocated for environmental protection. EUR 20 mln were donated to 6 Central American countries (Guatemala, Honduras, Costa Rica, Nicaragua, Panama, and El Salvador), where the EU has been promoting the implementation of the Central American Integrated Risk Management Policy (PCGIR) and the Regional Disaster Risk Reduction Action Plan (PRRD). In 2014 the EU adopted a six-year program of financial assistance to the sustainable development of the Caribbean Community countries with total funding of EUR 346 mln, which expanded inter-regional cooperation defined in the 2012 Joint Caribbean — EU Partnership Strategy (Davydov, 2016).

The most extensive funding to solve environmental problems is expected for Bolivia, which has significant problems with water resources; next in line are Honduras, Colombia, and Brazil. The rest of the countries are divided into two groups: the former united the ones with better environmental indicators, such as Peru, Argentina, Mexico, Costa Rica, Venezuela, and the latter consisting of remaining states that exhibit significant gaps in ensuring environmental conservation. Late 2016, the European Commission announced financial assistance for sustainable development to CELAC countries, with EUR 30 mln allocated to Latin American countries and EUR 44 mln to the Caribbean nations.²⁶

²⁵ Development Cooperation Instrument 2014—2020: Multiannual Indicative Regional Programme for Latin America // European External Action Service and European Commission. August 2014. URL: https://ec.europa.eu/international-partnerships/system/files/dci-multi-indicative-programme-latin-america-august-2014_en.pdf (accessed: 05.11.2021).

²⁶ EU Support to the Community of Latin America and Caribbean States (CELAC) // European Commission. October 26, 2016. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_16_3542 (accessed: 05.11.2021).

The research on the ecosystem functioning, problems of biodiversity conservation, restoration of tropical forests, sustainable agriculture, opportunities for the development of green energy, environmental transport, and other important issues in Latin America notes the need to enhance interregional cooperation in the field of ecology.²⁷ The project of focus was the Euroclima, primarily devoted to monitoring the environmental situation in the region and developing recommendations and action plans. Around 200 research groups of 600 Latin American and European scientists have developed the following documents: manuals on protecting coastal zones and river basins, methods of counteracting soil degradation, a plan to reduce carbon dioxide emissions into the atmosphere.²⁸ During the second stage of the project, cooperation between Latin America and the European Union remarkably diversified. Such structures as the European Agency for International Development (EuropeAid), ECLAC, and the Inter-American Institute for Cooperation in Agriculture joined the project. Primary areas of cooperation were divided into 7 groups: ecosystems and biodiversity conservation, renewable energy sources, effective water management, reducing the risk of natural disasters, urban mobility, agricultural development, combatting climate change (for further information, see Table 1).

As a result, Bolivia, Chile, Colombia, Costa Rica, Ecuador, Mexico, Peru, and Uruguay that have implemented projects to develop sustainable urban ecosystems and improve transport infrastructure experienced an improvement in the environmental situation.²⁹ Some European initiatives, such as green taxes, are already widely used by the Latin American and Caribbean countries and are integrated into their national environmental policies and laws.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

²⁹ Shaping Our Common Future: Latin America and the Caribbean — European Union Strategic Partnership // Council of the European Union. 2015. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/30031/qc0415217enn.pdf> (accessed: 05.11.2021).

Table 1

The EU Ecological Programs in Latin America

Name	Goal	Budget	Results
EUROCLIMA I (2010—2013)	Solving environmental problems of LAC, preserving the ecosystem and biological diversity, developing renewable energy sources, water management, and reducing the risk of natural disasters	EUR 80 mln, with the EU funding of EUR 37 mln (as of 2017)	AQUAKNOW virtual platform for water control
EUROCLIMA II (2014—2016)			BioMa virtual platform for monitoring and combating soil degradation
EUROCLIMA + (2017—ongoing)			National CO ₂ Abatement Plans State-based programs based on the ECOPLATA initiative: building infrastructure in coastal areas NAMA Plan: reforms in transport (Colombia, Mexico), energy policy, industry, and land use Ecopoint program: destruction of illegal landfills and waste management (Brazil)
WATERCLIMA LAC (2013—ongoing)	Conservation of water resources of LAC	EUR 8 mln, with the EU funding of EUR 7 mln	Monitoring of river basins and coastal areas prone to natural disasters
EURO-SOLAR (2007—2013)	Expanded access to energy in rural areas, development of renewable energy sources	EUR 36 mln, with the EU funding of EUR 27.8 mln	Providing access to the Internet, use of refrigerators and satellite dishes to more than 300,000 people
RALCEA (2010—2015)	Conducting research on the rational use of water resources, the creation of effective treatment facilities and irrigation systems	More than EUR 2 mln (all funds allocated by the EU)	Introduction of improved water use methods
LAIF (2009—2016)	Financing of projects in energy, agriculture, transport, environmental protection	EUR 323 mln (all funds allocated by the EU)	18 Latin American countries started using this mechanism for financing infrastructure projects
FLEGT South America (2012—ongoing)	Protection of forestry, reduction of illegal logging, control of timber trade	EUR 1.6 mln, with the EU funding of EUR 1.3 mln	EU — FLEGT Action Plan adopted, Forum “Control systems for the management and the rule of law” and “Competitiveness in the Latin American forestry sector” held

Source: EUROCLIMA+: Combatting climate change in Latin America // European Union, Capacity4dec. November 16, 2018. URL: <https://europa.eu/capacity4dev/articles/euroclima-combatting-climate-change-latin-america> (accessed: 05.11.2021).

As for Ecological Efficiency Index (2018), Colombia ranked 42nd among 180 countries, Uruguay — 47th, Panama — 56th, Peru — 64th, Brazil — 69th, Mexico — 72nd, Argentina — 74th. According to the Global Green Economy Index that includes 130 countries,³⁰ several Latin American countries displayed significant progress. Colombia ranked 12th, Costa Rica—14th, Uruguay — 22nd, Peru — 29th, Brazil — 33rd, Chile — 37th, Mexico — 41st for 2010—2018. As indicated by the Index, green energy includes energy, transport, sustainable development of agriculture, conservation of habitat, development of aquaculture, recycling of waste,

³⁰ 2018 Global Green Economy Index (GGEI) // Dual Citizen. 2018. URL: https://dualcitizeninc.com/global-green-economy-index/index.php#interior_section_link (accessed: 05.11.2021).

and conservation of natural biodiversity. We note that Latin America is in the process of forming a common opinion on green economy and pathways to achieve sustainable development, which is reflected by an increase in investments in clean technologies (Cleantech and Greentech), use of new sources of growth based on innovation, development of measures to prevent the catastrophic effects of climate change.³¹ Among the new working groups and projects,

³¹ Kowszyk Y., Castro M., Maher R., Guidolin A. Responsabilidad Social Empresarial y Objetivos de Desarrollo Sostenible en la Unión Europea, América Latina y el Caribe: Planes Nacionales de Acción y Políticas Públicas para promover la Sustentabilidad // EU — LAC Foundation. February 2019. URL: https://eulacfoundation.org/es/system/files/responsabilidad_social_y_objetivos_de_desarrollo_sostenible_en_ue_y_lac.pdf (accessed: 05.11.2021).

platforms for innovations in the fields of energy, technology, bioeconomics, biodiversity (ALCUE NET, ERANet — LAC), climate change, and natural resources (CORDEX — LAC, ENSOCIO — LA), health care (EU — LAC Health) should be highlighted. Latin American countries have shown an example of the successful introduction and development of renewable energy sources during the past few years. However, the main challenge lies in finding the right balance between ecological and socio-economic development. The choice is usually made in favor of rapid socioeconomic development, including through extensive use of natural resources. In this regard, achieving a certain balance is vital to avoid damaging the environment and allow societies to enjoy the benefits of greener economies.³²

Among the European Union states, Germany and Spain are the most active in organizing joint projects with CELAC. For example, for the programs developed by ERANet — LAC, these countries donated the largest share of the funds, with Germany providing EUR 1.6 mln and Spain — EUR 1 mln.³³ Spain also plays a crucial role in developing projects within the framework of the CELAC — EU dialogue. Spain has been providing financial and technical assistance to the Latin American region through the Spanish International Development Agency (AECID) for three decades. Among the main activities of AECID, there are programs on the accessibility of water resources and education. Experts believe that in order to better promote sustainable development in Latin America and the Caribbean; the Spanish agency should focus primarily on fighting poverty and inequality in all its manifestations and ensuring human rights (Sánchez-Ancochea, 2016).

³² Vazquez M., Hallack M., Andreão G., Tomelin A., Botelho F., Perez Y., di Castelnuovo M. Financing the Transition to Renewable Energy in the European Union, Latin America and the Caribbean // EU — LAC Foundation. 2018. URL: <https://eulacfoundation.org/en/system/files/renewenergypublish.pdf> (accessed: 05.11.2021).

³³ ERANet — LAC 3rd Multi-Thematic Joint Call 2017/2018 // ERANet — LAC. November 20, 2017. URL: <https://www.era-learn.eu/network-information/networks/eranet-lac/3rd-multi-thematic-joint-call-2017-2018> (accessed: 05.11.2021).

The EU Joint Initiative on Research and Innovation (JIRI) promotes alternative energy sources, which are supposed to have a vast potential for development in the region. In 2014, the region already obtained 25 % of its energy production from renewable sources (hydro, biofuel, solar, geothermal energy), when the global figure stood at only 13 %. Costa Rica, Uruguay, Brazil, Chile, and Mexico created the most favorable conditions for investments in clean technologies.³⁴ In 2015, investments in renewable energy sources increased in the following countries: Brazil (USD 7.5 bln), Mexico (USD 4 bln), Chile (USD 3.4 bln). These nations are among the ten leaders in the development of clean energy. By 2030 Brazil, Chile, Mexico, Colombia, and Peru plan to increase investment in this industry by USD 359 bln.³⁵ Brazil, Chile, and Mexico are members of the Mission Innovation, the structure actively used by the EU for international cooperation on clean energy. As part of the Horizon 2020 program, Mexico, Argentina, and Uruguay participate in developing new technologies in biofuels production. In the ICT, CELAC countries participated in 140 projects worth more than EUR 10 mln and 196 grants under the Horizon 2020 program worth around EUR 22 mln. The BELLA project (Building Europe Link to Latin America), a new transatlantic fiber-optic cable between Portugal and Brazil, will unite 12 European and almost all of South America into a robust research network. By many estimates, it can serve as the basis for expanding joint EU — CELAC research activities, where bio-economy is beginning to play a more important role.³⁶

³⁴ Rodríguez A.G., Mondaini A.O., Hirschfeld M.A. Bioeconomía en América Latina y el Caribe. Contexto global y regional y perspectivas // Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL). November, 2017. URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/42427/1/S1701022_es.pdf (accessed: 05.11.2021).

³⁵ Climate-Smart Investment Potential in Latin America: A Trillion Dollar Opportunity // IFC. June, 2016. URL: <https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/3e794608-cc7d-4499-9b6f-5342d7b6ddbc/LAC+1Trillion+6-13-16+web+FINAL.pdf?MOD=AJPERES&CVID=lmsI-Rx> (accessed: 05.11.2021).

³⁶ Horizon 2020 Roadmap for EU — CELAC S&T cooperation // European Commission. 2017. URL:

Brazil, Mexico, Argentina, and the EU also take part in the Belmont Forum that implements projects aimed at sustainable urbanization and innovative urban solutions for “Food — Water — Energy” program, because by 2030 up to 90 % of the LAC population will be living in cities, while in the rest of the world this figure will be only 80 % (Davydov, 2016). The CELAC countries successfully participated in 44 research projects in the fields of climate change, reducing greenhouse gas emissions, desertification, deforestation, managing water resources, global observation of the Earth, environmental risk management (volcanic, seismic), and biodiversity protection. The EU — LAC relations are characterized by active investment, trade, and development cooperation, all of which carry significant import with regard to climate change. For both parties to effectively cooperate in this field, it is necessary to adopt a global perspective that leaves the traditional North — South divide behind and accepts that all must make concessions without undermining each party’s respective responsibilities and needs.³⁷

The EU — LAC relations represent a large number of investments to the new industrial equipment, growth of trade and development cooperation, all of which carry significant import in relation to climate change. Many of the forms and methods that the EU uses in dealing with Latin American countries could serve as good examples for Russia — Latin American cooperation.

New Priorities of the EU — CELAC Sustainable Development Cooperation in the Context of the COVID-19 Pandemic

Despite visible progress of the EU — CELAC sustainable development cooperation over the years, 2020 saw a dramatic shift in its dynamics. The outbreak of the COVID-19 pandemic has affected all spheres of global society, including the dynamics of international

humanitarian and environmental cooperation. The global pandemic has also left its mark on the EU — CELAC cooperation.

During the first phase of the pandemic (January-July 2020), the EU — CELAC sustainable development cooperation virtually came to a halt. On the one hand, this happened because all nations strived to concentrate their attention and resources on solving their internal problems even at the expense of international cooperation. On the other hand, there were hardly any tools to maintain previous dynamics of the EU — CELAC relations. In this context, widespread national lockdowns and the cessation of international air traffic were the main obstacles hindering the intensity of bilateral contacts between the organizations (de Souza & Lima, 2020).

The second phase (August 2020 — January 2021), before vaccination became available globally and, particularly in Latin America, was marked by a gradual revival of the EU — CELAC humanitarian and environmental cooperation carried out within the framework of existing programs. At the same time, this period was characterized by a noticeable shift in cooperation priorities, from abstract to particular issues directly related either to the COVID-19 pandemic itself or to overcoming its consequences (Eremin, 2021), which reflects the interests of both the EU and Latin American countries.

Finally, during *the third phase* (since January 2021), the EU and CELAC sustainable development cooperation priorities have acquired new forms amid changing global context; the funding for the programs was reallocated accordingly. Moreover, the EU has scaled up its efforts to assist Latin American countries with mass vaccination. Notably, the LAC region is experiencing a significant vaccine deficit, which makes this problem particularly urgent³⁸ and subject to future extra-regional political influence clashes (Degterev, Ramich & Tsvyk, 2021).

https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/research_and_innovation/strategy_on_research_and_innovation/documents/celac_roadmap_2018.pdf (accessed: 05.11.2021).

³⁷ Sanahuja J.A. The EU and CELAC: Reinvigorating a Strategic Partnership // EU — LAC Foundation. March, 2015. URL: https://eulacfoundation.org/en/system/files/Published_versionEN.pdf (accessed: 05.11.2021).

³⁸ Latin America’s Vaccine Shortage Threatens Fragile Revival as Pandemic Rages // Reuters. April 26, 2021. URL: <https://www.reuters.com/world/americas/latin-americas-vaccine-shortage-threatens-fragile-revival-pandemic-rages-2021-04-26/> (accessed: 05.11.2021).

In order to analyze the structural transformation of the EU — CELAC humanitarian and environmental cooperation amid the COVID-19 pandemic, it is necessary to identify the areas of cooperation that have been most affected by the change in the external environment.

First, all forms of applied cooperation are affected, as they are hardly implementable without direct contact between the parties and maintaining face-to-face contact through their representatives. In particular, the EU multi-year regional program for Latin America (2014—2020) experienced a significant reduction in funding in 2020, primarily in such areas as support for *sustainable agriculture, biodiversity conservation* (primarily in the Amazon basin and delta), *combating climate change and supporting rural communities*, etc.³⁹ Implementing these initiatives has become impossible with closed borders and strict lockdown measures introduced both in Europe and some Latin American countries.

Similarly, the EU and CELAC co-funding for the UN Sustainable Development Goals that involved *combating deforestation of tropical forests and achieving zero deforestation* in Latin America by 2030 was temporarily suspended (Ponomarenko, Petrovich-Belkin & Eremin, 2021). Also, in 2020—2021, cooperation between the EU and CELAC on wastewater treatment, recycling, and conservation of hydro resources in the Latin American region was virtually discontinued. At the same time, some financial and material resources were redirected from applied cooperation to the following areas: increasing the transparency of environmental reporting, expanding the information coverage and PR support of environmental activities, and promoting engagement of third parties (in particular, the United States and Canada, and possibly China) in future projects (Suárez-Ruiz, 2021).

Another area of cooperation between the EU and CELAC severely affected during the

COVID-19 pandemic was cooperation in developing and implementing *renewable energy sources*. However, it was affected not only by the pandemic itself, but also by the drop in oil prices and other traditional energy resources in the second and third quarters of 2020 (a consequence of the sharp decline in global demand for energy resources).⁴⁰ Consequently, the EU — CELAC joint action in alternative energy became relatively unprofitable for some time. However, by the end of 2020 and especially in the first and second quarters of 2021, as oil prices continued to rise, the cooperation between the parties was restored. Several new projects were launched, to name a few, technical equipment updates of the Hydroelectric Power Station cascade on the Parana River and promoting the development of solar energy in Uruguay (Martínez, 2021).

Thus, summarizing all of the above, we conclude that the environmental agenda of the EU — CELAC cooperation turned out to be of lesser importance compared to contemporary problems related to the spread of the coronavirus infection, which led to a reduction in the intensity of contacts.

Oddly, the COVID-19 pandemic has given impetus to the development of other areas of cooperation between the organizations. In particular, those are the areas in which direct contact between the parties is not required, and joint work can be carried out online or remotely.

Firstly, significant efforts have been invested in the intensification of *scientific interaction* between the EU and CELAC. Another primary direction of cooperation between the parties was *medicine and healthcare*, which is quite understandable given the changes ushered in by the global pandemic. In particular, the EU and CELAC co-funded Brazilian studies on the specificity of the immune response to the SARS-CoV-2 virus (2019-nCoV) under changing environmental conditions (temperature, humidity, sterile or non-sterile environment, contact with other patients, etc.) (Ortiz-Martínez et al., 2021). In addition, Latin American specialists were

³⁹ Development Cooperation Instrument (DCI) 2014—2020 Multiannual Indicative Regional Programme for Latin America // European Commission. 2014. URL: https://ec.europa.eu/international-partnerships/system/files/dci-multi-indicative-programme-latin-america-august-2014_en.pdf (accessed: 05.11.2021).

⁴⁰ Ambrose J. Oil Prices Dip Below Zero as Producers Forced to Pay to Dispose of Excess // The Guardian. April 20, 2020. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/20/oil-prices-sink-to-20-year-low-as-un-sounds-alarm-on-to-covid-19-relief-fund> (accessed: 05.11.2021).

actively involved in developing and testing the European AstraZeneca vaccine in December 2020 — February 2021 (Ortiz-Prado et al., 2021).

Cooperation between the EU and CELAC in combating the COVID-19 pandemic has given additional impulse to cooperation between the parties in other medical fields. Thus, the European Union has actively funded Brazilian and Argentinian scientists' efforts to combat allergic diseases, study the impact of dehydration on the weakening of the human immune system, etc. (Storino et al., 2021). A separate group of collaborative studies was devoted to analyzing the sanitary conditions in the largest cities of Latin America (São Paulo, Rio de Janeiro, Lima, Mexico City, etc.) (Suárez-Ruíz, 2021). Other scientific disciplines that experienced intensified cooperation between the EU and CELAC in 2020—2021 include *theoretical biology, ecology, and hydrology*. For example, in February-May 2021, the European Research Council funded a series of scientific studies aimed at computer tracking of bird and animal migration routes in South and Central America (Suárez-Ruíz, 2021). Invited European scientists also developed more effective tools for monitoring water quality in large cities and rural areas of Latin American states.

The COVID-19 pandemic also brought about a radical change in cooperation between the EU and CELAC in the humanitarian sphere, particularly in education. As one of the fundamental pillars of the sustainable development concept, it underwent enormous changes worldwide in 2020—2021. Perhaps the most prominent feature of these transformations has been the *digitalization of education*, i.e., the increasing use of advanced information technologies in the educational process. This explains why significant funding under the EU multi-year regional program for Latin America (2014—2020) was redirected from environmental expenditures (see above) to educational and social expenditures in 2020.⁴¹ The result has been the introduction of new

⁴¹ Development Cooperation Instrument (DCI) 2014—2020 Multiannual Indicative Regional Programme for Latin America // European Commission. 2014. URL: https://ec.europa.eu/international-partnerships/system/files/dci-multi-indicative-programme-latin-america-august-2014_en.pdf (accessed: 05.11.2021).

technologies and teaching methods in e-learning, which has given a strong impetus to the development of education in many Latin American countries (especially Uruguay and Colombia) (Ortiz-Martínez et al., 2021). It is crucial to outline that the EU 2021 Scholarship Program for Latin America has similar goals.⁴²

The successful use of Russian vaccines against the COVID-19 pandemic in Latin American countries significantly changes the perception of Russia in the region, shows the economic scientific, technical and economic potential, creates new opportunities for the comprehensive expansion of cooperation in new conditions, when economic recovery and food security are needed.

The cooperation between the EU and CELAC in *human rights protection* has also been quite controversial in 2020—2021 as it has been seriously hampered by border closures and the imposition of restrictive measures due to lockdowns, which meant that in 2020 and 2021 the European Parliament traditional monitoring of human rights in Latin America could not be carried out. At the same time, the intangible aspects of the interaction between the EU and CELAC in human rights protection continued to develop. Due to the specifics of the external environment, the focus of human rights activities has shifted to the information sphere, where the EU and CELAC cooperated on a wide range of issues and jointly fought against inappropriate behavior on the Internet, cyberbullying, and insults to human dignity, gender inequality in IT companies and rapid spread of false information (colloquially known as “fake news”).⁴³

A separate area of cooperation between the EU and CELAC in human rights is the prevention or combating of the *potential consequences of the leakage of personal data* into the global network. The most significant case from 2020—2021 was

⁴² 2021 Scholarship Programme for Latin America: Mission Statement // Coimbra Group. 2021. URL: https://www.coimbra-group.eu/sp-latin-america-2021_offline/ (accessed: 05.11.2021).

⁴³ Digital Sovereignty: Commission Kick-Starts Alliances for Semiconductors and Industrial Cloud Technologies // European Commission. July 19, 2021. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_21_3733 (accessed: 05.11.2021).

the joint work of the EU, CELAC, and the UK Information Commissioner's Office (ICO) to investigate a significant leak of personal data of Brazilian citizens and companies from the international credit bureau Experian.⁴⁴

Conclusion

Latin America and the Caribbean as a region is in a paradoxical situation with regard to environmental and energy issues. The region is a significant player in biodiversity, nature preservation, and climate change, but the cycle of economic growth that the region saw during the previous decade was based on a boom in natural resources exports, which, in turn, led to a re-commoditization of the economies of the region, particularly in South America. This led to the emergence of specific investment patterns that only promoted the logic of "extractionism" that has dominated the regional economy so far. In general, such extraction activity is defined mainly by scant processing of natural resources and a severe negative impact on environmental sustainability. The countries of Latin America genuinely have a long way to go to make their development model more sustainable and competitive. It is vital to achieve environmental sustainability through structural changes, which will reduce the differences in productivity compared to most developed countries.

Thus far, the EU — CELAC made it possible to expand interregional cooperation, which was focused on joint research to better identify the region's problems, exchange experience and technologies, finance specific environmental improvement programs, preserve biodiversity, counter climate change, and develop renewable energy technologies. The LAC states are convinced that some problems related to the environment can be surpassed by fruitful cooperation both within the region and with non-regional partners, primarily the European Union, where an effective and

systematic nature conservation policy and a sustainable economy model has been formed.

The cooperation between the EU and CELAC to promote the concept of sustainable development, despite highly unfavorable external environment, continued and in some areas even intensified during the global pandemic. Meanwhile, there has been a significant shift in focus (and, consequently, funding) from more abstract aspects of cooperation to more concrete ones related to dealing with the global pandemic's environmental, humanitarian, and economic consequences. The areas most affected were those supporting sustainable agriculture and rural communities, developing renewable energy, conserving biodiversity, and combating global climate change. At the same time, cooperation between the EU and CELAC in education and basic science (primarily medicine, biology, and ecology) significantly intensified during the pandemic. The cooperation in human rights protection continued, with the greatest attention paid to human rights protection on the Internet and in the information space in general.

Thus, CELAC and the EU share similar political values, and strategic interaction between these organizations is equally important for both of them. Latin America and Caribbean countries show progress in overcoming regional environmental crises through joint action with the European Union. Through its assistance to CELAC, Europe seeks to strengthen its position in LAC and outpace China and the United States in terms of cooperation with the region, which is quite significant for its trade. The progressive environmental policy enacted in the EU gives it an advantage over other countries in the long run. The CELAC — EU dialogue in sustainable development is mutually beneficial, with both sides adhering to a pragmatic and diplomatic course. The experience of cooperation and coordination between the European Union and Latin America, and the Caribbean offers a solid foundation for constructing a new form of globalization in alignment with the 2030 Agenda for Sustainable Development and its Sustainable Development Goals.

In the post-COVID period Russia has an opportunity, on the example of positive cooperation between the EU and Latin America,

⁴⁴ ICO Takes Enforcement Action against Experian after Data Broking Investigation // Information Commissioner's Office. October 27, 2020. URL: <https://ico.org.uk/about-the-ico/news-and-events/news-and-blogs/2020/10/ico-takes-enforcement-action-against-experian-after-data-broking-investigation/> (accessed: 05.11.2021).

to use complementarity and the competitiveness of our economies, to develop new forms and areas for long-term cooperation. Russia has the chance to propose a new energy matrix for the development of hydropower and renewable

energy sources, the high technologies and the digital economy, the cooperation in medicine and pharmaceuticals, in sustainable agricultural development to ensure food security.

Received / Поступила в редакцию: 20.08.2021

Accepted / Принята к публикации: 26.10.2021

References / Библиографический список

- Acosta, A. (2010). Hacia la declaración universal de los derechos de la naturaleza: reflexiones para la acción. *Revista AFESE*, (54), 11—32.
- Alimonda, H., Toro Pérez, C., & Martín, F. (2017). *Ecología política latinoamericana: pensamiento crítico, diferencia latinoamericana y rearticulación epistémica*. Buenos Aires: Universidad Autónoma Metropolitana.
- Arboleda, M. (2016). In the nature of the non-city: Expanded infrastructural networks and the political ecology of planetary urbanisation. *Antipode*, (48), 233—251. <https://doi.org/10.1111/anti.12175>
- Barreda Marín, A. (2016). *El problema histórico de la destrucción ambiental del capitalismo actual*. Mexico: UNAM.
- Bonilla Soria, A., & Jaramillo G. (2014). *La CELAC en el escenario contemporáneo de América Latina y del Caribe*. San José: FLACSO.
- Davydov, V. M. (2016). *Determination of development of Latin America and Caribbean. Pairing of global and regional problematics*. Moscow: ILA RAN publ. (In Russian).
- De Castro, F., Van Dijck, P., & Hogenboom, B. (Eds). (2014). *The extraction and conservation of natural resources in South America: Recent trends and challenges*. Amsterdam: CEDLA.
- De Souza, M. C., & Lima, A. C. (2020). Human rights and the pandemic of COVID-19: Analysis from decisions of the supreme federal court. *Revista Juridica*, 5(62), 412—442.
- Degterev, D. A., Ramich, M. S., & Tsyvk, A. V. (2021). US — China: “Power transition” and the outlines of “conflict bipolarity”. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(2), 210—231. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231>
- Eremin, A. A. (2021). US migration policy radicalization (2017—2019): Case of Mexico and Central America. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 108—118. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-108-118>
- Gouldner, A. W. (1959). Organizational analysis. In R. K. Merton, L. Broom & C. Cottrell (Eds.), *Sociology today: problems and prospects* (pp. 400—428). New York: Basic Books.
- Hogenboom, B., Baud, M., & de Castro, F. (2012). Gobernanza ambiental en América Latina: hacia una agenda de investigación integradora. *Revista del Centro Andino de Estudios Internacionales*, (12), 57—72.
- Katzenbach, J. R., & Smith, D. K. (1993). *The wisdom of teams: Creating the high-performance organization*. Boston: Harvard Business School Press.
- Kheifets, L. S., & Konovalova, K. A. (2019). Latin American reflections on integration processes: From theory of peripheral capitalism to “Sudamexit”. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19(2), 218—233. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-218-233>
- Latta, A., & Wittman, H. (2010). Environmental citizenship in Latin America: A new paradigm for theory and practice. *European Review of Latin American and Caribbean Studies*, (89), 107—116.
- Martínez, J. D. (2021). An overview of the end-of-life tires status in some Latin American countries: Proposing pyrolysis for a circular economy. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 144, 1—12. <https://doi.org/10.1016/j.rser.2021.111032>
- Ortiz-Martínez, Y., Castellanos-Mateus, S., Vergara-Retamoza, R., Gaines-Martínez, B., & Vergel-Torrado, J. A. (2021). Online medical education in times of COVID-19 pandemic: A focus on Massive Open Online Courses (MOOCs). *Educacion Medica*, 22, 40—56. <https://doi.org/10.1016/j.edumed.2020.12.001>
- Ortiz-Prado, E. E., Vásconez, J., Rodríguez-Burneo, N., Kyriakidis, N. C., & López-Cortés, A. (2021). Vaccine market and production capabilities in the Americas. *Tropical Diseases, Travel Medicine and Vaccines*, 7, 1—21. <https://doi.org/10.1186/s40794-021-00135-5>
- Parsons, T. (1960). *Structure and processes in modern society*. New York: Free Press of Glencoe.
- Ponomarenko, A. P., Petrovich-Belkin, O. K., & Eremin, A. A. (2021). Approaches of the Republic of Austria to combat climate change in 2012—2020. *Voprosy Istorii*, 4(2), 37—42. (In Russian).

- Pyatakov, A. N. (2018). Latin American approaches to globalization problem: A look through the 21st century. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 62(1), 85—93. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-85-93>
- Sánchez-Ancochea, D. (2016). *Los desafíos del desarrollo sostenible en América Latina: estableciendo prioridades y definiendo la contribución Española*. Real Instituto Elcano. April 5. Retrieved from http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/riecano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/america+latina/ari30-2016-sanchezancochea-desafios-desarrollo-sostenible-america-latina-prioridades-contribucion-espanola
- Shkolyar, N. A. (2021). Russian trade with Latin American countries: Landmarks for the third decade. *Expert*, February 3. (In Russian). Retrieved from <https://expert.ru/2021/02/3/torgovlya-rossii-so-stranami-latinskij-ameriki-orientiri-na-trete-desyatiletie/>
- Solíz, M. F. (2017). *Ecología política de la basura. Pensando los residuos desde el Sur*. Quito: Ediciones Abya-Yala.
- Storino, V., Muñoz-Ortiz, J., Villabona-Martinez, V., Villamizar-Sanjuán, J. D., Rojas-Carabali, W., & de-la-Torre, A. (2021). An unusual case of multiple food allergies comorbid with multiple chemical sensitivity: A case report. *Journal of Asthma and Allergy*, (14), 317—323. <https://doi.org/10.2147/JAA.S293248>
- Suárez-Ruíz, E. J. (2021). Environment, media, and moral psychology. On the potential of disciplinary convergence in a post-pandemic animal bioethics. *Revista de Bioética y Derecho*, (52), 265—286.
- Yakovlev, P. P. (2021). Russia and Latin America: Constants and variables in trade and economic relations. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 14(3), 209—226. (In Russian). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-3-12>

About the authors: *Borzova Alla Yurievna* — PhD, Dr. of Sc. (History), Professor, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); ORCID: 0000-0002-9886-7977; e-mail: borzova-ayu@rudn.ru

Eremín Arkadiy Alekseevich — PhD in History, Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); ORCID: 0000-0002-6217-6269; e-mail: eremin-aa@rudn.ru

Ivkina Natalia Viktorovna — PhD in History, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); ORCID: 0000-0001-8654-7629; e-mail: ivkina-nv@rudn.ru

Petrovich-Belkin Oleg Konstantinovich — PhD in History, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); ORCID: 0000-0001-8093-9277; e-mail: petrovich-belkin-ok@rudn.ru

Сведения об авторах: *Борзова Алла Юрьевна* — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-9886-7977; e-mail: borzova-ayu@rudn.ru

Еремин Аркадий Алексеевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-6217-6269; e-mail: eremin-aa@rudn.ru

Ивкина Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-8654-7629; e-mail: ivkina-nv@rudn.ru

Петрович-Белкин Олег Константинович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-8093-9277; e-mail: petrovich-belkin-ok@rudn.ru

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ BILATERAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-803-821

Научная статья / Research article

Азербайджано-иранские отношения: основные направления и особенности в 1991—2019 гг. (историографический обзор)

М.М. Агазаде

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 agazade-mm@rudn.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию двусторонних отношений между Азербайджаном и Ираном в 1991—2019 гг., а также историографии по этой теме. Автор анализирует приоритетные направления сотрудничества в таких сферах, как торгово-экономические отношения, туризм, совместная деятельность на трехсторонних платформах, а также факторы, повлиявшие на темп их развития: фактор азербайджанских тюрок, проживающих в Иране, вопрос о юридическом статусе Каспийского моря и Нагорно-Карабахский конфликт. Автор также определяет 6 этапов двусторонних отношений: 1) построение отношений (1991—1993 гг.); 2) проблемы с доверием (1994—2000 гг.); 3) самый напряженный период (2001—2003 гг.); 4) активизация сотрудничества (2004—2010 гг.); 5) резкое ухудшение (2011—2013 гг.); 6) нормализация и быстрое развитие (2014—2019 гг.). Отмечается, что, поскольку оба государства имели разные внешнеполитические стратегии и международное позиционирование по региональным вопросам, в 1991—2019 гг. двусторонние отношения между ними характеризовались противоречивостью — одновременно сотрудничеством и противостоянием. Однако благодаря усилиям президентов двух стран двустороннее взаимодействие в этот период в целом смогло сохранить свой конструктивный характер. Особое внимание уделяется сотрудничеству в региональных треугольниках: Азербайджан — Иран — Россия и Азербайджан — Иран — Турция, цели создания которых были разные и ожидания от них отличаются. Если трехстороннее сотрудничество между Баку, Тегераном и Москвой в основном направлено на реализацию Международного транспортного коридора «Север — Юг», то сотрудничество между Баку, Тегераном и Анкарой нацелено на укрепление доверия и уверенности в межгосударственных отношениях. В заключении делается вывод, что благодаря усилиям политических элит, особенно президентов Азербайджана и Ирана, двусторонние отношения в 1991—2019 гг. в целом смогли сохранить свой конструктивный характер.

Ключевые слова: Азербайджанская Республика, Исламская Республика Иран, двусторонние отношения, Нагорно-Карабахский конфликт, Конституция Каспия, Южный Кавказ, азербайджанские тюрки в Иране

© Агазаде М.М., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-111-50206 (Экспансия) на тему «Азербайджано-иранские отношения: основные направления и особенности в 1991—2019 гг. (историографический обзор)».

Для цитирования: Агазаде М.М. Азербайджано-иранские отношения: основные направления и особенности в 1991—2019 гг. (историографический обзор) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 803—821. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-803-821

Azerbaijani-Iranian Relations: Main Directions and Features in 1991—2019 (Historiographical Overview)

Mirmehdi M. Aghazada

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
 agazade-mm@rudn.ru

Abstract. The article is devoted to the study of bilateral relations between Azerbaijan and Iran in 1991—2019, as well as historiography on this topic. The author analyzes the priority areas of cooperation, such as trade and economic relations, tourism, cooperation on trilateral platforms, as well as the factors that influenced the dynamics of their development: Azerbaijani Turks living in Iran; the issue of the legal status of the Caspian Sea and the Nagorno-Karabakh conflict. The author also identifies six stages of bilateral relations: 1) building relations (1991—1993); 2) trouble trusting in a relationship (1994—2000); 3) the most tense period (2001—2003); 4) enhanced cooperation (2004—2010); 5) sharp deterioration (2011—2013); 6) normalization and rapid development (2014—2019). It is indicated that because both states had different foreign policy strategies and international positioning on regional issues, in 1991—2019, bilateral relations were characterized by inconsistency — cooperation, on the one hand, and confrontation, on the other. However, thanks to the efforts of the presidents of both states, bilateral interaction during this period was generally able to maintain its constructive nature. Special attention is paid to the cooperation in the regional triangles: Azerbaijan — Iran — Russia and Azerbaijan — Iran — Turkey, which had different goals and different expectations. If the trilateral cooperation between Baku, Tehran and Moscow is mainly aimed at the implementation of the North-South International Transport Corridor, then the cooperation between Baku, Tehran and Ankara is aimed at strengthening trust and confidence in interstate relations. In conclusion, the author stresses that thanks to the efforts of political elites, especially the Presidents of Azerbaijan and Iran, in general bilateral relations in 1991—2019 were able to maintain their constructive character.

Key words: Republic of Azerbaijan, Islamic Republic of Iran, bilateral relations, Nagorno-Karabakh conflict, the Constitution of the Caspian, the South Caucasus, Azerbaijani Turks in Iran

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-111-50206 (Expansion) “Azerbaijani-Iranian Relations: Main Directions and Features in 1991—2019 (Historiographical Overview)”.

For citation: Aghazada, M. M. (2021). Azerbaijani-Iranian relations: Main directions and features in 1991—2019 (historiographical overview). *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 803—821. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-803-821>

Введение

С появлением независимых государств на Южном Кавказе после роспуска СССР в 1991 г. во внешней политике Исламской Республики Иран (ИРИ) открылось новое направление, состоявшее из трех частей, среди которых особое место заняла Азербайджанская Республика (АР), имеющая с ИРИ

общие исторические, культурные и религиозные корни. В связи с этим начиная с начала 1990-х гг. в научной литературе появились работы, посвященные различным аспектам двусторонних отношений между АР и ИРИ, не только азербайджанских (Vəkilov, 1991; Nəsnli, 1998; Nasibli, 1999; Назаров, 2002) и иранских исследователей (Sajjadpour, 1994;

Mohsenin, 1996; Малек, 2001), но также российских (Куртов, 2000; Мамедова, 2003), западных (Karasik, 1993; Herzig, 1995; Hunter, 2000) и турецких (Gökdağ & Neayat, 2004; Attar, 2008) ученых.

Следует отметить, что в российской историографии существует ряд фундаментальных работ по внешней политике Азербайджана и Ирана (Чернявский, 2013; Юртаев, 2014), в то время как тема азербайджано-иранских двусторонних отношений остается малоизученной. Среди ученых, исследующих сотрудничество между АР и ИРИ, можно выделить имена таких специалистов, как Э.О. Касаев¹, С.М. Маркедонов², В.И. Месамед³, В.И. Сажин (2004), И.Е. Сидоров (2016а), С.Ю. Шенин (2009). Необходимо отдельно отметить диссертацию И.Е. Сидорова «Становление и развитие ирано-азербайджанских отношений (1989—2005 гг.)» (2016б), так как она является первой наиболее полной работой в российской историографии, посвященной данной проблематике⁴.

Азербайджано-иранские отношения были частично затронуты в трудах таких западных исследователей, как С. Бланк (Blank, 2013), А. Боче (Bocse, 2019), С. Браун (Brown, 2004), С. Корнелл (Cornell, 2011), Б. Шаффер (Shaffer, 2002), А. Йодике (Jödicke, 2017).

¹ Касаев Э.О. «Турецкий поток»: интересы Ирана и Азербайджана // Институт Ближнего Востока. 20.08.2016. URL: <http://www.iimes.ru/?p=29630> (дата обращения: 05.07.2021).

² Маркедонов С.М. Иран и Азербайджан: стратегический альянс или селективная кооперация? // Политком. 07.03.2017. URL: <http://politcom.ru/22162.html> (дата обращения: 05.07.2021).

³ Месамед В.И. Ирано-азербайджанские отношения в свете этнического фактора // Институт Ближнего Востока. 30.10.2011. URL: <http://www.iimes.ru/?p=13544> (дата обращения: 05.07.2021).

⁴ Автор данной статьи в 2020 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Азербайджано-иранские отношения: основные направления и особенности (2003—2018 гг.)» (Агазаде, 2020). Эта диссертация является вторым полноценным (комплексным) исследованием в российской историографии после диссертации И.Е. Сидорова, а также первым, посвященным азербайджано-иранским отношениям в 2003—2018 гг.

Среди азербайджанских исследователей существует в целом две точки зрения о том, как Баку и Тегеран могут развивать двустороннее сотрудничество. Сторонники первой точки зрения, среди которых А.М. Валиев⁵, Я. Валиев (Vəliyev, 2009), А.М. Гасанов (2013), М. Мохаммади (Məhəmmədi, 2017), считают, что развитие двустороннего сотрудничества во многом зависит от внутренних факторов (экономических, религиозных, этнических и т. д.). Согласно второй точке зрения, которую разделяют А. Аббасбейли (2007), Ш. Абилов (Abilov, 2009), К. Макили-Алиев (Makili-Aliev, 2013) и Дж. Эйвазов (2004), политика, проводимая внерегиональными акторами на Южном Кавказе, усложняет характер данных отношений и влияет на их развитие.

Иранскую историографию азербайджано-иранских отношений можно также разделить на две группы. В своих исследованиях такие иранские эксперты, как М. Гударзи, А. Лашаки (Goudarzi & Lashaki, 2013) и М. Исфакхани (Esfahani, 2019), в целом положительно оценивают современное развитие и перспективы сотрудничества между АР и ИРИ, подчеркивая позитивное влияние Ирана на Азербайджан и двусторонние отношения. В свою очередь, по мнению Э. Кулаи, М. Хафезян (Koolae & Hafezian, 2010), Х. Раби, М. Гаребейги, С. Мусави (Rabbiee, Gharehbeigi & Mousavi, 2015), А. Янсиз и М. Ходжасте (Jansiz & Hojaste, 2015), связи АР и ИРИ, особенно в сфере безопасности, остаются довольно слабыми, но при этом они отмечают особую роль Ирана в обеспечении безопасности в Кавказско-Каспийском регионе.

Этапы развития азербайджано-иранских отношений

Южный Кавказ, изменивший свой геополитический облик в постсоветский период, привлек к себе внимание как «пространство

⁵ Валиев А.М. Азербайджано-иранские отношения, Quo Vadis, Baku? // Понарс Евразия. 05.04.2013. URL: https://www.ponarseurasia.org/wp-content/uploads/attachments/pepm244_russ_valiev_sept2012.pdf (дата обращения: 05.07.2021).

рисков и возможностей» для Ирана. Роспуск СССР привел к исчезновению непосредственной границы Ирана с Россией, а на месте Советского Союза образовались «маленькие государства», такие как Азербайджан, Грузия и Армения, что иранские власти расценили как возможность вновь предъявить свои исторические претензии по Южному Кавказу. Однако для Ирана снова появилась «проблема независимого Азербайджана», в связи с чем, начиная с начала 1990-х гг., АР оказалась в центре политики ИРИ на Южном Кавказе. Таким образом, изучение азербайджано-иранских отношений является эффективным способом понять политику иранских властей в отношении всего региона Южного Кавказа.

Учитывая специфику и характер двусторонних отношений между Азербайджаном и Ираном в 1991—2019 гг., можно выделить следующие этапы этих отношений.

Первый этап (октябрь 1991 г. — октябрь 1993 г.). После обретения независимости Азербайджаном 18 октября 1991 г. начались взаимные визиты официальных лиц АР и ИРИ в Тегеран и Баку с целью установления двусторонних отношений. Несмотря на то что 25 декабря 1991 г. Иран официально признал государственную независимость Азербайджана во время официального визита тогдашнего министра иностранных дел А.А. Велаяти в Баку, дипломатические отношения между двумя странами были установлены только 12 марта 1992 г. (Агазаде, 2020). По мнению М. Джалили, общая история и этнорелигиозный фактор должны были сблизить оба государства, но этого не произошло из-за идеологического расхождения между двумя странами — Азербайджан стал светской страной, а Иран с 1979 г. является исламской республикой (Djalili, 2002). Эта мысль поддерживается другими иранскими учеными, такими как М.Р. Гударзи, А.Б. Лашаки и С.Ф. Лакани, которые подчеркивают, что идеологический конфликт — один из самых противоречивых факторов в отношениях между Ираном и Азербайджаном (Goudarzi, Lashaki & Lakani, 2015).

Однако следует отметить, что на первом этапе стороны скептически относились друг к другу по причине того, что Баку обвинял Тегеран в поддержке Армении, которая находилась в состоянии войны с Азербайджаном, а в Тегеране считали, что азербайджанские власти взяли курс на сближение с Турцией, являющейся историческим соперником Ирана в регионе Южного Кавказа. На этот фактор обращает внимание С.Б. Дружиловский, отмечая, что Турция и Иран являются давними историческими соперниками и их противоборство после роспуска Советского Союза вновь вспыхнуло в данном регионе (Дружиловский, 2012).

Двусторонние отношения стали особенно напряженными в период с лета 1992 г. по лето 1993 г., когда президентом Азербайджана был А. Эльчибей, откровенно высказывавшийся в поддержку тюркоязычных народов ИРИ, в том числе и азербайджанских тюрков, проживающих на территории Ирана. Естественно, такая позиция представителей азербайджанского руководства сильно беспокоила иранские власти, поскольку значительной частью населения Ирана являлись тюркоязычные народы. Надо также упомянуть, что в начале 1990-х гг. в Иране наблюдался рост национализма среди тюркоязычного населения в связи с появлением новых тюркоязычных государств на международной арене после роспуска СССР. Несмотря на это, как справедливо отмечает М. Мухаммади, иранская сторона оказала гуманитарную помощь Азербайджану, создав семь палаточных лагерей для беженцев в некоторых южных городах АР и разместив азербайджанских военных, раненых в ходе боевых действий в Карабахе, в больницах иранских городов — Тегерана, Тебриза и др. (Məhəmmədi, 2018). В целом данный этап запомнился попытками наладить отношения между двумя странами.

Второй этап (1994—2000 гг.). Гейдар Алиев, пришедший к власти в Азербайджане осенью 1993 г., выбрал сбалансированный внешнеполитический курс и стал уделять особое внимание развитию отношений с соседними странами, в том числе с Ираном. Трехдневный официальный визит азербайджанского

лидера в Иран летом 1994 г. создал благоприятные условия для развития межгосударственного сотрудничества. Однако подписание «Контракта века» 20 сентября 1994 г. было встречено в Иране протестами, что вызвало напряженность в отношениях между Баку и Тегераном, после чего азербайджанская власть начала переговоры с иранскими властями по энергетическому сотрудничеству, чтобы избежать любого конфликта со своим южным соседом. По итогам переговоров в 1996 г. Баку предоставил 10-процентную долю Национальной иранской нефтяной компании в разработке газового месторождения Шах Дениз (Məhəmmədi, 2017).

Подходы большинства азербайджанских ученых к оценке двусторонних отношений после прихода к власти Г. Алиева схожи: они считают, что, в отличие от А. Эльчибея, Г. Алиев, имея большой политический опыт, был прагматичным лидером. Например, Я. Валиев отмечает, что приход Г. Алиева к власти сыграл ключевую роль в регулировании отношений Азербайджана с Ираном (Vəliyev, 2009). В свою очередь, по мнению О. Багирова (Bağirov, 2018), А.Г. Ибрагимова (2021), Ф. Мамедова (Məmmədov, 2018), Г. Пашаевой и К. Макили-Алиева (Paşayeva & Makili-Əliyev, 2017), избрание Г. Алиева в 1993 г. президентом страны стало не только основным фактором в установлении и развитии конструктивного характера азербайджано-иранских отношений, но и жизненно важным событием в укреплении государственности Азербайджана. Такого же мнения придерживается С. Корнелл, который подчеркивает роль Г. Алиева в создании порядка внутри страны, а также укреплении отношений с соседними странами (Cornell, 2011).

Следует отметить, что на этом этапе, придерживаясь во внешней политике принципа поддержки шиитских исламистских движений, Иран попытался усилить позицию Исламской партии Азербайджана, которая была создана в 1991 г., в общественно-политической жизни АР и оказал ей финансовую помощь. Этот факт был доказан в суде в 1995 г., лидеры Исламской партии были арестованы, а официальная государственная

регистрация была отменена решением Верховного суда АР (Məhəmmədi, 2017). Хотя в последующие годы частые встречи официальных представителей двух стран способствовали сохранению темпа развития межгосударственных отношений, в целом можно резюмировать, что на втором этапе сторонам все-таки не удалось вывести отношения на доверительный уровень.

Третий этап (2001—2003 гг.). По мнению иранских властей, региональная безопасность в Кавказско-Каспийском регионе должна обеспечиваться путем сотрудничества только между странами региона (Jansiz & Hojaste, 2015). В этом контексте официальный визит генерального секретаря НАТО Дж. Робертсона в Азербайджан в январе 2001 г. был встречен иранской стороной неудовольствием и стал причиной возникновения напряженности в двусторонних отношениях, которая достигла пика в июле того же года. 23 июля 2001 г. военные самолеты Исламской Республики пролетели над проводившими геологоразведочные исследования в азербайджанском секторе Каспийского моря кораблями, нарушив воздушную границу Азербайджана, а корабль ВМС Ирана, приблизившись к азербайджанским судам, угрожал применением силы в случае, если они не покинут эту зону (Сидоров, 2016а).

Данное действие иранских военных было встречено в Баку как угроза государственному суверенитету, и в ответ на провокации Ирана МИД АР направил ноту в МИД ИРИ. Примечательно, что сразу после инцидента турецкие официальные лица сделали заявления против Ирана, а 21 августа 2001 г. начальник генерального штаба вооруженных сил Турции генерал Х. Киврикоглу посетил Баку с официальным визитом⁶, после чего, в свою очередь, иранская делегация во главе с А. Ахани, заместителем министра иностранных дел Ирана, тоже прибыла с официальным визитом в Баку 28 августа 2001 г. Н. Аббасов,

⁶ Aslanlı A. Geosiyasi rəqəbət və Geoiqtisadi maraqlar zəminində Xəzər hövzəsinin “Qordi düyünü”. Bakı, 2014. 47 p. URL: https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=75d66d88-9deb-660c-104a-2de4295aad4&groupId=252038 (accessed: 08.07.2021).

министр национальной безопасности Азербайджана, посетил Тегеран 4 сентября того же года (Qasimli, 2015). 18 мая 2002 г. Г. Алиев, президент АР, сам прибыл в Иран с целью снижения напряженности в отношениях между двумя странами. В ходе данного визита президентами двух стран было подписано соглашение о принципах дружбы и сотрудничества между АР и ИРИ⁷.

Вышеуказанное событие неоднозначно анализируется экспертами. Э. Кулаи, М. Хафезян, Т. Лотфи, В. Голмохаммади и Х. Сармади считают, что азербайджанская сторона незаконно занималась геологоразведкой в той зоне Каспия, которая была спорной морской территорией между Ираном и Азербайджаном (Koolae & Hafezian, 2010; Lotfi, Golmohammadi & Sarmadi, 2016). Однако А. Асланлы утверждает, что, с одной стороны, азербайджанские корабли вели геологоразведку в соответствии с ранее подписанным международным соглашением, а с другой — Иран признал несколько месторождений, расположенных южнее этой зоны, азербайджанскими⁸. В целом данный этап запомнился самым напряженным периодом в двусторонних отношениях.

Четвертый этап (2004—2010 гг.). И. Алиев, избранный президентом АР осенью 2003 г., также стал уделять особое внимание отношениям с ИРИ, и первые годы его президентства были отмечены положительной динамикой в развитии межгосударственных связей. Тегеран также предпринял шаги по развитию двусторонних отношений: отсутствие на тот момент большого политического опыта у И. Алиева, в отличие от Г. Алиева, было воспринято иранской стороной как возможность усилить репутацию и влияние

Исламской Республики в Азербайджане. Позже, в августе 2004 г., состоялся официальный визит в Азербайджан М. Хатами, президента ИРИ. В ходе встречи сторонам удалось договориться по всем разногласиям в двусторонних отношениях, кроме юридического статуса Каспийского моря. Также результатом данного визита стало долгожданное открытие азербайджанского генерального консульства в Тебризе в ноябре 2004 г.⁹

Необходимо подчеркнуть, что на данном этапе двусторонние отношения перешли на уровень добрососедства и взаимопонимания, чему способствовали прежде всего частые встречи высокопоставленных чиновников двух стран, в том числе визиты президентов ИРИ в Азербайджан в 2004, 2007, 2010 гг. и визиты президента АР в Иран в 2005 и 2009 гг. Таким образом, данный этап характеризуется подъемом в отношениях между двумя странами и расширением сотрудничества во всех областях.

Пятый этап (2011—2013 гг.). Во второй половине 2000-х гг., когда международное давление на ИРИ усилилось из-за ее ядерной программы, официальный Баку выбрал четкую позицию, которая заключалась в том, что Азербайджан выступает против применения любого вида силы против Ирана и Исламская Республика имеет право на использование ядерной энергетики в мирных целях. Несмотря на это, иранские власти стали скептически относиться к Азербайджану по причине того, что, по их мнению, в случае военной угрозы территория АР могла бы быть использована против ИРИ. С середины 2011 г. иранские СМИ начали публиковать статьи о том, что азербайджанская власть поддерживает США и Израиль в предполагаемых военных операциях против Ирана. В иранских СМИ особенно широко была распространена информация о стоимости (1,6 млрд долл. США) современного оружия, приобретенного Азербайджаном у

⁷ Azərbaycan Respublikası ilə İran İslam Respublikası arasında “Dostluq və əməkdaşlıq münasibətlərinin prinsipləri haqqında” Müqavilə, 2 iyul 2002 // Azərbaycan Respublikasının Ədliyyə Nazirliyi Hüquqi aktların vahid elektron bazası. URL: <http://www.e-qanun.az/framework/1533> (accessed: 08.07.2021).

⁸ Aslanlı A. Geosiyasi rəqabət və Geoiqtisadi maraqlar zəminində Xəzər hövzəsinin “Qordi düyünü”. Bakı, 2014. 47 p. URL: https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=75d66d88-9deb-660c-104a-2de4295aad4&groupId=252038 (accessed: 08.07.2021).

⁹ Təbrizdə Azərbaycan Respublikasının Baş Konsulluğu açılmışdır // Azertac. 20.10.2004. URL: https://azertag.az/xeber/TABRIZDA_AZARBAYCAN_RESPUBLIKASININ_BAS_KONSULLUGU_ACHILMIS_DIR-322711 (accessed: 08.07.2021).

Израиля¹⁰. Примечателен и тот факт, что проведение конкурса песни «Евровидение» в Баку в 2012 г. было подвергнуто критике иранскими религиозными деятелями, по мнению которых такое мероприятие в мусульманской стране проходить не может. Необходимо также отметить, что в этот период спецслужбами АР были арестованы шпионы, прошедшие обучение в ИРИ¹¹. Вследствие этих событий внешнеполитические ведомства обеих стран в течение 2011—2012 гг. неоднократно обменивались нотами, и напряженность в двусторонних отношениях продолжалась до тех пор, пока Х. Рухани не был избран новым президентом ИРИ в 2013 г.

Обострение отношений между Азербайджаном и Ираном экспертами оценивается также по-разному. По мнению А. Валиева, в этот раз основным катализатором ухудшения двусторонних отношений был Азербайджан, который купил у Израиля оружие на большую сумму, тем самым «если раньше Баку старался не раздражать Иран, то теперь он начал вести себя смелее»¹². М. Мухаммади обвиняет Иран во вмешательстве во внутренние дела Азербайджана (Məhəmmədi, 2017). В свою очередь, М. Гударзи и А. Лашаки обращают внимание на роль Израиля в ухудшении азербайджано-иранских отношений: «Израильские власти твердо убеждены в том, что, поскольку Иран имеет историческое, религиозное, культурное и географическое сходство с Азербайджаном, он может создать единый фронт против сионизма. Поэтому они пытались представить Иран как серьезную угрозу для безопасности и стабильности Азербайджана» (Goudarzi & Lashaki, 2013). М. Халифа-заде более остро относится к данному вопросу, считая, что Азербайджан и Израиль должны сотрудничать, так как сотрудничество, в частности в области обеспечения безопасности, выгодно обоим государствам,

и «отказ от совместного противодействия Ирану был бы безответственным шагом» (Халифа-заде, 2012).

Таким образом, этот этап запомнился резким ухудшением двусторонних отношений и сопровождался взаимным недопониманием между властями двух стран.

Шестой этап (2014—2019 гг.). После того как летом 2013 г. Х. Рухани стал новым президентом ИРИ, в отношениях с АР открылась новая страница, поскольку нормализация двусторонних отношений с соседними странами, в том числе Азербайджаном, была объявлена приоритетом во внешнеполитическом курсе Ирана. Впоследствии Высший совет национальной безопасности Ирана принял решение, чтобы не допускать несанкционированных лиц к публичным заявлениям в СМИ касательно азербайджано-иранских двусторонних отношений (Агазаде, 2018b). В январе 2014 г. встреча И. Алиева с Х. Рухани на Давосском экономическом форуме, а затем в апреле 2014 г. его официальный визит в Иран способствовали смягчению напряженности в отношениях двух стран. По приглашению президента Азербайджана Х. Рухани в ноябре 2014 г. посетил АР, тем самым был полностью растоплен лед в отношениях между Баку и Тегераном. На данном этапе И. Алиев и Х. Рухани в целом встречались 14 раз, что позитивно сказалось на развитии сотрудничества и укреплении доверительных политических отношений между АР и ИРИ.

Приоритетные направления сотрудничества

Карабахская война, а также хаос в других бывших союзных республиках, которые являлись ключевыми экономическими партнерами Азербайджана в начале 1990-х гг., привели к глубокому экономическому кризису в стране. Вместе с тем в этот период не было доступа к удаленным рынкам Европы и Азии, и установление эффективных торгово-экономических связей, прежде всего с соседними странами, в том числе Ираном, имело решающее значение для Азербайджана. Иранские инвесторы тоже были заинтере-

¹⁰ Валиев А.М. Азербайджано-иранские отношения, Quo Vadis, Baku? // Понарс Евразия. 05.04.2013. URL: https://www.ponarseurasia.org/wp-content/uploads/attachments/pepm244_russ_valiev_sept2012.pdf (дата обращения: 05.07.2021).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

сованы в этом, так как по причине низкой себестоимости транспортировки и производства азербайджанская экономика была привлекательной для них, и Исламская Республика постепенно стала одним из основных торгово-экономических партнеров АР в середине 1990-х гг.

Однако следует отметить, что в 1991—2019 гг. торгово-экономические отношения не были стабильными, объем товарооборота в основном менялся в зависимости от политических отношений между Азербайджаном и Ираном. Если в 1995 г. доля Ирана в общем торговом обороте Азербайджана составляла 20,2 %, то в 2000, 2005, 2010, 2015 и 2019 гг. она была 2,2, 2,8, 0,9, 0,6 и 1,48 %, соответственно (табл. 1).

Примечателен и тот факт, что благодаря реализации энергетических проектов и диверсификации экономики число экономических партнеров Азербайджана с конца 90-х гг. XX в. возросло, что, естественно, и стало еще одной причиной снижения доли Ирана в общем торговом обороте Азербайджана.

Туризм является одним из основных направлений в развитии двустороннего сотрудничества, однако цели туристических потоков из Азербайджана в Иран и обратно отличаются друг от друга. Если азербайджанские туристы в основном въезжают в Иран с целью получения медицинских услуг (медицинский туризм) и посещения святых для шиитов мест (религиозный туризм), то иранские туристы, большинство которых составляют азербайджанцы, проживающие в Исламской Республике, приезжают в Азербайджан, чтобы отдохнуть, отмечать праздники, особенно Новруз.

Если проанализировать статистику за последние 8 лет, то количество туристов, въезжающих из Азербайджана в Иран, судя по показателям, с каждым годом увеличивалось (табл. 2). При этом существует ряд причин, препятствующих развитию туризма между двумя странами. Среди них, например, отсутствие совместных туристических компаний, прямых рейсов из разных городов Ирана в Азербайджан, программ обмена студентами для подготовки специализированного персо-

нала в области туризма, а также сотрудничества между медицинскими организациями двух стран.

Таблица 1¹³

Торговые отношения Азербайджана с Ираном в 1995—2019 гг., в млн долл. США

Год / Показатель	1995	2000	2005	2010	2015	2019
Импорт	80,3	56,8	76,3	118,2	90,4	452,7
Экспорт	186,1	7,6	166,4	124,9	34,2	41,1
Оборот	266,4	64,4	242,7	243,1	124,6	493,8
Торговый баланс	105,8	-49,2	90,1	6,7	-56,2	-411,6
Доля в общем импорте, %	12,0	4,8	1,8	1,8	1,0	3,31
Доля в общем экспорте, %	29,2	0,4	3,8	0,6	0,3	0,2
Доля в общем обороте, %	20,4	2,2	2,8	0,9	0,6	1,48

Источник: составлено автором по данным: Ticarət. Azərbaycanın xarici ticarəti // Azərbaycan Respublikasının Dövlət Statistika Komitəsi. URL: <https://www.stat.gov.az/source/trade/?lang=az> (accessed: 12.05.2021).

Table 1

Azerbaijan's trade relations with Iran, 1995—2019, USD millions

Year / Index	1995	2000	2005	2010	2015	2019
Import	80.3	56.8	76.3	118.2	90.4	452.7
Export	186.1	7.6	166.4	124.9	34.2	41.1
Turnover	266.4	64.4	242.7	243.1	124.6	493.8
Balance of trade	105.8	-49.2	90.1	6.7	-56.2	-411.6
Share in total imports, %	12.0	4.8	1.8	1.8	1.0	3.31
Share in total exports, %	29.2	0.4	3.8	0.6	0.3	0.2
Share in total turnover, %	20.4	2.2	2.8	0.9	0.6	1.48

Source: compiled by the author based on the data: Ticarət. Azərbaycanın xarici ticarəti // Azərbaycan Respublikasının Dövlət Statistika Komitəsi. URL: <https://www.stat.gov.az/source/trade/?lang=az> (accessed: 12.05.2021).

Развитие сотрудничества между АР и ИРИ на трехсторонних платформах является еще одним из приоритетных направлений, и оба государства принимают участие в следующих региональных треугольниках: Азербайджан — Иран — Россия и Азербайджан — Иран — Турция. Однако следует отметить, что основные причины создания этих

¹³ Таблица использована автором в его предыдущих публикациях.

треугольников и ожидания от них существенно различаются. Если сотрудничество в треугольнике Азербайджан — Иран — Россия в основном направлено на осуществление Международного транспортного проекта (МТК) «Север — Юг», то сотрудничество между Баку, Тегераном и Анкарой нацелено на укрепление доверия и уверенности в межгосударственных отношениях.

Таблица 2¹⁴

Количество выезжающих и въезжающих туристов в 2011—2019 гг.

Год	Выезжающие из Ирана в Азербайджан туристы		Въезжающие в Иран из Азербайджана туристы	
	Количество, тыс. чел.	Общая доля, %	Количество, тыс. чел.	Общая доля, %
2011	293,0	18,7	373,3	16,2
2012	235,5	11,8	313,1	11,0
2013	127,2	6,0	379,3	11,4
2014	126,7	5,8	647,1	19,5
2015	149,6	7,5	—	—
2016	232,7	11,4	728,6	20,3
2017	362,5	13,4	961,4	23,4
2018	225,6	8,6	1341,3	32,7
2019	237,9	8,3	1353,2	31,1

Источник: составлено автором на основе данных Государственного комитета статистики Азербайджанской Республики: Azərbaycan Respublikasının Dövlət Statistika Komitəsi. URL: https://www.stat.gov.az/menu/6/statistical_yearbooks/source/tourism_2021.zip (accessed: 14.05.2021).

Table 2

The number of outbound and inbound tourists, 2011—2019

Year	Outbound tourists from Iran to Azerbaijan		Inbound tourists to Iran from Azerbaijan	
	Number, thousand people	Total share, %	Number, thousand people	Total share, %
2011	293.0	18.7	373.3	16.2
2012	235.5	11.8	313.1	11.0
2013	127.2	6.0	379.3	11.4
2014	126.7	5.8	647.1	19.5
2015	149.6	7.5	—	—
2016	232.7	11.4	728.6	20.3
2017	362.5	13.4	961.4	23.4
2018	225.6	8.6	1341.3	32.7
2019	237.9	8.3	1353.2	31.1

Source: compiled by the author based on the data provided by the State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan: Azərbaycan Respublikasının Dövlət Statistika Komitəsi. URL: https://www.stat.gov.az/menu/6/statistical_yearbooks/source/tourism_2021.zip (accessed: 14.05.2021).

¹⁴ Таблица использована автором в его предыдущих публикациях.

Треугольник Азербайджан — Иран — Россия. 7 апреля 2016 г. между главами МИД Азербайджана, Ирана и России состоялась первая трехсторонняя встреча в Баку, в ходе которой они договорились о подготовке встречи президентов трех стран¹⁵. В результате 8 августа 2016 г. И. Алиев, Х. Рухани и В.В. Путин впервые встретились в Баку в трехстороннем формате. По итогам данной встречи президентами была подписана декларация, в которой кроме развития транспортных сетей подчеркивалась необходимость развивать сотрудничество в области экономики, безопасности, культуры, энергетики и решения региональных вопросов в рамках трехстороннего межгосударственного сотрудничества.

Следующая встреча президентов состоялась 1 ноября 2017 г. в Тегеране, где обсуждались прежние вопросы, включая вопрос о борьбе с терроризмом. В продолжение трехсторонних контактов 26 апреля 2018 г. заместители министров энергетики Азербайджана, Ирана и России приняли решение о создании трехсторонней Рабочей группы по вопросу целесообразности соединения электроэнергетических систем, а 12 августа 2019 г. стороны заключили соглашение о совместной разработке технико-экономического обоснования проекта создания энергетического коридора «Север — Юг» между энергосистемами этих стран¹⁶.

У каждой стороны есть ряд причин для участия в данном треугольнике. Азербайджан заинтересован в развитии нефтяных секторов, установлении тесных политических и экономических отношений с двумя сильными соседями и трансформации в основной транспортный «мост» между ними. Для Ирана важно поддерживать региональные проекты в

¹⁵ Межгосударственные отношения России и Азербайджана // РИА Новости. 08.08.2016. URL: <https://ria.ru/20160808/1473732564.html> (дата обращения: 08.07.2021).

¹⁶ Россия, Азербайджан и Иран подписали соглашение о совместной разработке ТЭО проекта соединения энергосистем трех стран // Министерство энергетики РФ. 14.08.2019. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/15560> (дата обращения: 08.07.2021).

условиях санкций, тем самым найти альтернативные пути для того, чтобы вывести на мировой рынок свои энергетические ресурсы, являющиеся основой экономики. России необходимо улучшить связи с Азербайджаном и Ираном, особенно в области транспорта, чтобы получить доступ к Индийскому океану в возможно кратчайшие сроки.

Треугольник Азербайджан — Иран — Турция. Первая встреча министров иностранных дел трех стран, состоявшаяся в 2011 г. в Иране, была организована на фоне политической напряженности между Баку и Тегераном. До сих пор состоялось всего шесть совместных встреч представителей Азербайджана, Ирана и Турции на уровне министров иностранных дел, целями которых наряду с укреплением доверия и уверенности в межгосударственных отношениях являлось усиление совместного сотрудничества по борьбе с контрабандой оружия и наркотиков, организованной преступностью, терроризмом, торговлей людьми и нелегальной миграцией между службами безопасности и разведками трех стран, а также расширение контактов между народами. В условиях растущего влияния радикальных группировок, вооруженных религиозными лозунгами и являющимися угрозой для обеспечения государственной безопасности этих стран, сотрудничество между Баку, Тегераном и Анкарой способствует не только развитию межгосударственных политических отношений, но также помогает обеспечить стабильность и безопасность в регионе.

Региональные приоритеты

Можно выделить три основных вопроса на региональном уровне, которые повлияли на темп развития азербайджано-иранских отношений в 1991—2019 гг.: фактор азербайджанских тюрков, проживающих в Иране, вопрос о юридическом статусе Каспийского моря и Нагорно-Карабахский конфликт.

Фактор азербайджанских тюрков в Иране оценивается исследователями по-разному. Для иранских исследователей данный вопрос однозначно является внутренним делом Исламской Республики (Esfahani, 2019;

Djalili, 2002). Азербайджанские ученые тоже согласны с этим мнением, однако они критикуют политику ущемления интересов азербайджанцев, проживающих в Иране, иранскими властями (Гасанлы, 2006; Qasimli, 2015). С. Браун, Я. Калафат, А. Кескин, С. Корнелл, Б. Шаффер рассматривают данный вопрос шире, оценивая его как одну из проблем, имеющих «потенциал» в создании нестабильности не только в Иране, но и в целом на Среднем Востоке и Кавказе (Brown, 2004; Kalafat & Kaskin, 2010; Cornell, 2011; Shaffer, 2002).

Начиная с середины XI в., когда сельджуки завоевали Иран, азербайджанские тюрки начали играть важную роль в политической жизни Ирана. Эта роль была заметна, в частности, в периоды правления династий Сефевидов (1501—1736 гг.), Афшаридов (1736—1796 гг.) и Каджаров (1797—1925 гг.), когда тюрки имели особый статус во всех сферах общественной жизни Ирана. Как известно, с подписанием Гюлистанского и Туркманчайского договоров между Российской империей и Каджарской Персией в 1813 и 1828 гг. азербайджанский народ был разделен на две части, то есть южная часть Азербайджана осталась в составе Ирана, а северная — вошла в состав Российской империи. Таким образом, изменилась и судьба азербайджанского народа, появились такие понятия, как «северные» и «южные» азербайджанцы в зависимости от их нахождения по отношению к р. Аракс (Гасанлы, 2006).

После 1925 г., когда к власти в Иране пришла династия Пехлеви, начался процесс ассимиляции всех неперсидских народов с целью создания «иранской нации», из-за которого азербайджанским тюркам, правившим Ираном или занимавшим в его правлении особое место около девяти веков, стало особенно сложно. Такие действия иранской власти, как объявление персидского языка официальным языком государства в 1930 г., переименование страны в Иран в 1935 г., разделение на две провинции Иранского Азербайджана в 1937 г. (Kalafat & Kaskin, 2010), который являлся единственной географической и административной провинцией до того

времени, привели к усилению антиправительственных настроений у азербайджанских турков. После окончания Второй мировой войны им удалось создать национальное правительство в условиях прямой поддержки руководства СССР. Однако в ноябре 1946 г. это правительство было вынуждено прекратить свою деятельность из-за обострения отношений между Москвой и Вашингтоном.

Начиная с 1950-х гг. внутренняя экономическая политика иранских властей была направлена на строительство промышленных объектов и инфраструктуры преимущественно в центральных регионах Ирана, где в основном преобладали персы. Этнической периферией же сознательно пренебрегали. Как следствие, уровень жизни в центральных регионах страны стал несравнимо выше, чем в отдаленных регионах. Данная экономическая политика сыграла роль в миграции и последующей ассимиляции этнических групп, в том числе азербайджанских турков в 1960-х и 1970-х гг. (Soileymanov & Kraus, 2017).

Важно отметить, что, желая получить привилегии и освободиться от персидского шовинизма, азербайджанские турки сыграли активную роль в организации Исламской революции 1979 г. Как отмечает Б. Шаффер, «Тебриз был центром революционной деятельности, который ускорил падение шахского режима» (Shaffer, 2000). Однако после революции им не была дана автономия, которая была обещана. В результате начался мятеж сторонников аятоллы Шариатмадари, завершившийся в декабре 1979 г. после нападения на его дом в г. Куме и подавления протестов в Тебризе (Shaffer, 2000).

Исходя из таких исторических предпосылок, неудивительно, что в связи с появлением новых тюркоязычных государств после роспуска СССР в 1991 г. и образованием Азербайджанской Республики у северных границ Исламской Республики наблюдался резкий рост национализма среди азербайджанских турков в Иране, вопрос о которых становился время от времени повесткой дня в отношениях ИРИ и АР, особенно в 1990-е гг. Учитывая, что в начале 1990-х гг. Азербайджан, с одной стороны, находился в состоянии

внутренней нестабильности, а с другой — войны с Арменией, было необходимо развивать двусторонние отношения с южным соседом, проявлявшим большой интерес к взаимному сотрудничеству. Однако, в частности, в период президентства А. Эльчибея, который был известен своими пантюркистскими высказываниями, азербайджано-иранские отношения стали напряженными.

Примечателен и тот факт, что в 1996 г. несколько депутатов из Тебриза обратились в иранский парламент с просьбой вернуть 17 мусульманских городов Кавказа, в том числе находящихся на территории АР, в состав ИРИ (Qasimli, 2015), что вызвало обеспокоенность Баку. В. Гулузаде, тогдашний советник президента Азербайджана по внешней политике, в ответ на вопрос журналиста по поводу высказываний иранских депутатов заявил: «Новости о давлении на азербайджанцев в Иране вызывают сожаление. Но Азербайджанская Республика не вмешивается во внутренние дела Ирана» (Qasimli, 2015). Тем самым Баку демонстрировал, что в случае необходимости готов защищать интересы иранских азербайджанцев, число которых достигает 26 млн человек (Aghazada et al., 2021).

После прихода к власти И. Алиева в 2003 г. на официальном уровне азербайджанская сторона не затрагивала тему иранских азербайджанцев. Даже во время их активных протестов против иранских властей в 2006, 2015, 2016, 2018 гг. только несколько общественных деятелей в АР выразили обеспокоенность сложившимся положением дел.

Каспийский фактор в двусторонних отношениях. После роспуска СССР в 1991 г. количество прикаспийских государств возросло с двух (СССР и Иран) до пяти (Россия, Казахстан, Туркменистан, Иран, Азербайджан), в связи с чем урегулирование вопроса о правовом статусе Каспийского моря стало повесткой дня во внешнеполитических приоритетах прибрежных стран, представители которых предлагали различные варианты для решения. Таким образом, с начала 1990-х гг. начался затяжной период переговоров по соответствующей проблематике в двусторонних и многосторонних форматах.

До 1991 г. существовала соответствующая нормативно-правовая база и практика по урегулированию проблематики Каспийского моря. Поскольку пограничная линия между СССР и Ираном была четкой благодаря договоренностям в 1921¹⁷, 1940¹⁸ и 1964¹⁹ гг., не возникало проблем с разделением территории Каспия между Москвой и Тегераном. Однако распад СССР явился причиной нового этапа переговоров между прибрежными государствами, и решение вопроса о правовом статусе Каспийского моря стало одной из ключевых задач во внешней политике этих государств, в том числе Азербайджана и Ирана, позиции которых по данному вопросу сильно расходились.

Азербайджанская сторона последовательно защищала тезис «национальных секторов», считая, что Каспий может быть разделен двумя способами: первый — когда его акватория трактуется как «пограничное озеро», то есть по принципу средней линии, второй — его водное пространство рассматривается как «открытое море», к которому должны быть применены положения Конвенции ООН по морскому праву. Предложение азербайджанской стороны о разделении Каспия на национальные сектора было основано на аналогичном делении Министерства нефтяной промышленности СССР, которое было принято в 1970 г. и по которому Азербайджанская ССР получила около 80 тыс. км² акватории²⁰.

Что касается иранской стороны, то она решительно выступала против разделения

Каспийского моря на национальные сектора и старалась, чтобы оно было разделено на равные части, что долгие годы и являлось основным препятствием для урегулирования вопроса о юридическом статусе Каспия. Важно отметить, что иранские власти рассматривали роспуск СССР, среди прочего, как процесс, который мог бы положить конец отсутствию фактического присутствия Ирана на Каспии в течение последних двух столетий, и считали, что они должны эффективно использовать историческую возможность для преодоления этой «неприятной» ситуации.

По мнению В. Хоссейзаде, деятельность западных компаний в Каспии путем сотрудничества с Азербайджаном является для Ирана проблемой (Хоссейзаде, 2017). Однако сложно с ним согласиться, так как углубление сотрудничества с Западом нацелено на развитие азербайджанской экономики, а не против Ирана. Как утверждает М. Мухаммади, Иран имеет 10-процентную долю в разработке газового месторождения Шах Дениз (Мəһəммəди, 2017), что на самом деле указывает на то, что Баку готов сотрудничать на Каспии и с Ираном.

После длившихся более 20 лет и включивших в себя пять саммитов президентов и 52 заседания Специальной рабочей группы (создана в 1996 г.) переговоров между представителями прибрежных государств 12 августа 2018 г. сторонам удалось подписать Конвенцию по урегулированию юридического статуса Каспия, ставшую «Конституцией Каспийского моря» (Агазаде, 2018а).

Необходимо подчеркнуть, что данная Конвенция, подписанная в г. Актау, на самом деле является правовой основой только для деления поверхности Каспия и не касается распределения дна моря. Чтобы определить границы по дну моря, прибрежные государства должны договариваться между собой, то есть подписать дополнительные соглашения в соответствии с принципами международного права. Азербайджан уже имеет двусторонние соглашения с Россией и Казахстаном по разделению дна Каспия (Зульхарнеев, 2010), но все еще не сумел подписать подобное соглашение с Ираном, что и препятствует

¹⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 3: 1 июля 1920 г. — 18 марта 1921 г. М.: Госполитиздат, 1959. С. 536.

¹⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 1: 1 января — 31 октября 1940 г. М.: Международные отношения, 1995. С. 179.

¹⁹ Соглашение о воздушном сообщении между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Шахиншахским Правительством Ирана // МИД России. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-426/49601 (дата обращения: 08.07.2021).

²⁰ Yusifzade Kh. The Status of the Caspian // Azerbaijan International. Winter 1994. URL: http://azer.com/aiweb/categories/magazine/24_folder/24_articles/24_statuscaspian.html (accessed: 08.07.2021).

развитию сотрудничества между Баку и Тегераном в Каспийском море.

Следует упомянуть, что парламенты всех прибрежных стран, кроме Ирана, ратифицировали Каспийскую Конвенцию, однако ее подписание еще не означает урегулирования юридических вопросов вокруг акватории Каспийского моря, так как из-за иранской стороны она не может вступить в силу.

*Нагорно-Карабахский конфликт*²¹, являвшийся противостоянием двух антагонистиче-ских цивилизаций — азербайджанской и армянской (Кузнецов, 2013), долгие годы был одним из очагов напряженности на Южном Кавказе. В Иране существовали разные мнения относительно данного конфликта — официальная позиция властей, взгляды оппозиции, независимых политологов и экспертов, версии СМИ. В азербайджанском обществе мнения об отношении Ирана к данному противостоянию также различались: одна часть экспертов обвиняла Исламскую Республику в открытой поддержке Армении, а другая — подчеркивала важность тесных связей с ИРИ в урегулировании конфликта.

Необходимо отметить, что, хотя на официальном уровне иранская сторона и поддерживала территориальную целостность АР, она не рассматривала конфликт между странами как межрелигиозный и признала его сторонами только Армению и Азербайджан, хотя ряд независимых иранских экспертов все же предлагал привлечь «Нагорный Карабах» к переговорному процессу как третью сторону, участвовавшую в конфликте (Ruintan, 2008).

Во время Первой карабахской войны 1992—1994 гг. Иран несколько раз пытался выступать в роли посредника между Арменией и Азербайджаном, однако его попытки в феврале, апреле и мае 1992 г. не только не увенчались успехом, а, наоборот, привели к тому, что азербайджанские власти начали скептически относиться к результатам этого вмешательства и отказались от посреднических намерений Исламской Республики.

Проанализировав посреднические попытки Ирана, А. Рамезанзаде приходит к

следующему выводу: из-за внешних факторов Тегерану не удалось добиться успеха²². Однако Ф. Ибрагимов считает, что причина неуспеха Ирана заключалась в том, что армянская сторона намеренно срывала процесс мирных переговоров, опасаясь, что Иран и Азербайджан вместе решат конфликт в пользу Баку (Ибрагимов, 2020). Что же касается основной причины поражения АР в Первой карабахской войне, то, по мнению К. Руинтена, внутренняя нестабильность в Азербайджане в ходе боевых действий стала ключевым фактором его поражения (Ruintan, 2010).

Одним из основных вопросов между Азербайджаном и Арменией, который долгое время препятствовал урегулированию противостояния мирным путем, был принцип, по которому Нагорно-Карабахский конфликт должен быть решен на основе принципов «территориальной целостности» или «самоопределения». В иранской академической среде тоже считали, что именно противоречие между вышеуказанными принципами международного права являлось главным препятствием на пути урегулирования конфликта (Ruintan, 2010). Однако следует отметить, что принцип «самоопределения» был закреплен Декларацией ООН в отношении тех стран, которые находились под колониальным контролем, но не в отношении меньшинств внутри государств.

После долгих безрезультатных переговоров, длившихся около 25 лет, 27 сентября 2020 г. началась Вторая карабахская война, завершившаяся 10 ноября 2020 г. подписанием совместного заявления главами России, Азербайджана и Армении, изменившего геополитическую атмосферу на Южном Кавказе. С.М. Маркедонов считает, что урегулирование Нагорно-Карабахского конфликта было невозможно без учета интересов Турции и Ирана (Маркедонов, 2018). Однако во время войны стало ясно, что Иран не имеет рычагов влияния на Баку и Ереван, хотя считалось, что шиитский фактор в отношении Азербайджана

²¹ Учитывая события, произошедшие осенью 2020 г., при написании данной части автор вышел за хронологические рамки исследования.

²² Ramezanzadeh A. Iran's Role as Mediator in the Nagorno-Karabakh Crisis // *Caucasus*. URL: <https://poli.vub.ac.be/publi/ContBorders/eng/ch0701.htm> (дата обращения: 08.07.2021).

и торгово-экономические факторы в отношении Армении являлись «козырями» иранских властей.

В ходе боевых действий во время Второй Карабахской войны, как и во время первого конфликта, иранская сторона попыталась оказать посреднические услуги, но они были неуспешными. По окончании войны к концу 2020 г. репутация Ирана в регионе значительно снизилась, так как фактически Тегеран остался в стороне от всех процессов, происходивших в отношениях между Баку и Ереваном, а Москва и Анкара, наоборот, усилили свое влияние на Южном Кавказе.

С целью восстановления утраченной репутации М. Зариф, министр иностранных дел ИРИ, в конце января 2021 г. нанес визиты в Азербайджан, Россию, Армению, Грузию и Турцию, чтобы продвинуть формат 3+3 «Кавказской платформы», выдвинутой Р.Т. Эрдоганом, В.В. Путиным и И.Г. Алиевым. Таким образом, сложившаяся ситуация на Южном Кавказе подталкивает Иран к принятию новых геополитических реалий и активным действиям, в противном случае он может утратить оставшееся влияние в данном регионе.

Заключение

Начиная с начала 1990-х гг. иранские власти уделяли особое внимание во внешней политике двусторонним отношениям с Азербайджаном, географическое положение которого позволяет ему стать важным звеном в тюркском мире, сыграв роль своего рода «моста» между тюркскими государствами. Из-за общих исторических, этнокультурных и религиозных особенностей двусторонние отношения между Азербайджаном и Ираном в 1991—2019 гг. были настолько уязвимы, что их сотрудничество с другими соседними странами, а также внутренняя политика, проводимая властями двух стран, прямо влияла на уровень межгосударственных связей.

По причине того, что оба государства имели различные стратегии во внешней политике и разные позиции по региональным

вопросам, в рассматриваемый период двусторонние отношения между Баку и Тегераном запомнились, с одной стороны, противостоянием, а с другой — сотрудничеством. Однако благодаря усилиям президентов АР и ИРИ двустороннее сотрудничество в 1991—2019 гг. в целом смогло сохранить свой конструктивный характер. Примечателен и тот факт, что после 2013 г., когда политические элиты двух стран начали придавать особое значение приоритетности взаимного сотрудничества между Баку и Тегераном, не только заметно вырос объем торгового оборота, но и произошел переход двусторонних отношений на уровень «братских отношений»²³.

²³ Необходимо отметить, что Х. Рухани придавал особое значение отношениям с соседними странами, в том числе с Азербайджаном, что сыграло ключевую роль в улучшении азербайджано-иранских отношений в 2013—2019 гг., а также их переходе на уровень «братских отношений» (президенты двух стран, И. Алиев и Х. Рухани, неоднократно в своих речах называли двусторонние отношения именно «братскими»). Однако после того как И. Раиси стал новым президентом ИРИ 3 августа 2021 г., двусторонние отношения резко ухудшились по следующим причинам: 1) Иран не смог сыграть какую-либо роль в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта, остался в стороне от всех процессов, происходящих после окончания Второй Карабахской войны между Азербайджаном и Арменией, тем самым утратив в значительной степени свои позиции на Южном Кавказе; 2) ссылаясь на то, что иранские компании незаконно действовали в Карабахе, когда он находился под оккупацией, азербайджанская сторона отказалась от их предложений для участия в восстановлении освобожденных территорий; 3) по п. 9 совместного заявления от 9 ноября 2020 г., подписанного президентами России и Азербайджана и премьер-министром Армении, все транспортные связи между Азербайджаном и Арменией должны были быть разблокированы. Иранской стороной это рассматривается как угроза для своих национальных интересов в связи с тем, что Турция получит доступ к прямым транспортным маршрутам со странами Центральной Азии; 4) победа Азербайджана во Второй Карабахской войне привела к росту политического национализма среди тюркоязычного населения Ирана. Таким образом, после 7-летнего периода доверительного сотрудничества в 2021 г. азербайджано-иранские отношения вновь находятся в состоянии напряженности.

Библиографический список

- Аббасбейли А.Н.* Движение НАТО на Восток и Азербайджанская Республика // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2007. № 1 (10). С. 9—16.
- Агазаде М.М.* «Конституция Каспия» и новые горизонты сотрудничества между Азербайджаном и Ираном // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018b. Т. 18. № 4. С. 942—954. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-942-954
- Агазаде М.М.* Азербайджано-иранские отношения: основные направления и особенности (2003—2018 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2020.
- Агазаде М.М.* Современное состояние азербайджано-иранских двусторонних отношений: тенденции развития // Международные отношения. 2018a. № 3. С. 21—28. DOI: 10.7256/2454-0641.2018.3.27196
- Гасанлы Дж.* СССР — Иран: азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941—1946 гг.). М.: Герои Отечества, 2006.
- Гасанов А.М.* Подход Ирана к Каспийско-Черноморскому бассейну и безопасности Южного Кавказа, геостратегические интересы Азербайджана в области безопасности // Геостратегия. 2013. № 3 (15). С. 6—14.
- Дружиловский С.Б.* Ирано-турецкое соперничество в Закавказье // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2012. № 4 (267). С. 43—49.
- Зульхарнеев А.Ф.* Энергетические интересы Ирана в Каспийском регионе // Индекс безопасности. 2010. Т. 16. № 2 (93). С. 45—72.
- Ибрагимов А.Г.О.* Основные принципы и приоритеты внешней политики Азербайджанской Республики // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4. № 2. С. 96—103.
- Ибрагимов Ф.Э.О.* Роль Ирана в решении урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 4. С. 349—360.
- Кузнецов О.Ю.* Нагорно-Карабахский конфликт: «столкновение цивилизаций»? Как теория Самюэля Хантингтона объясняет культурологическую суть конфликта вокруг Нагорного Карабаха // Кавказ и глобализация. 2013. Т. 7. Вып. 1—2. С. 93—108.
- Куртов А.А.* Азербайджан — Иран: пока проблем в отношениях соседей больше, чем решений // Независимый Азербайджан. Новые ориентиры: в 2 т. Т. II / под общ. ред. Е.М. Кожокина. М.: Российский институт стратегических исследований, 2000. С. 189—279.
- Малеки А.* Иран и Туран: к вопросу об отношениях Ирана с государствами Центральной Азии и Закавказья // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 5 (17). С. 108—116.
- Мамедова Н.М.* Особенности политической и экономической ситуации в Иране и ее влияние на развитие отношений с государствами Центральной Азии и Кавказа // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 2. С. 72—82.
- Маркедонов С.М.* Тридцать лет Нагорно-Карабахского конфликта: основные этапы и перспективы урегулирования // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 2. 129—138.
- Назаров И.* Азербайджано-иранские взаимоотношения сегодня и перспективы на ближайшие годы // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 5 (23). С. 94—100.
- Сажин В.И.* К вопросу об ирано-азербайджанских отношениях // Центральная Азия и Кавказ. 2004. № 4 (34). С. 97—105.
- Сидоров И.Е.* Иранское посредничество в карабахском конфликте как фактор ирано-азербайджанских отношений // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2016a. Т. 16. № 2. С. 198—201. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-198-201
- Сидоров И.Е.* Становление и развитие ирано-азербайджанских отношений (1989—2005 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2016b.
- Халифа-заде М.* Израиль и Азербайджан: противодействие Ирану // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15. Вып. 3. С. 77—91.
- Хоссейнзаде В.* Политика Ирана в Каспийском регионе на современном этапе: итоги и перспективы // Проблемы постсоветского пространства. 2017. Т. 4. № 3. С. 221—228. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-3-221-228
- Чернявский С.И.* Десять лет истории Азербайджана: 2003—2013 гг. М.: Флинта, 2013.
- Шенин С.Ю.* Ирано-азербайджанский конфликт (июль-август 2001 г.) в контексте американских стратегических планов: пролог к третьей мировой, или Буря в стакане воды? // Americana: сборник статей. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2009. С. 213—228.
- Эйвазов Дж.* Безопасность Кавказа и стабильность развития Азербайджанской Республики. Баку: Нурлан, 2004.

- Юрмаев В.И.* Особенности внешней политики Ирана (1979—2013 гг.). М.: РУДН, 2014.
- Abilov Sh.* The Azerbaijan — Israel Relations: A Non-diplomatic, but Strategic Partnership // *Journal of Central Asian and Caucasian Studies*. 2009. Vol. 4. No. 8. P. 138—156.
- Aghazada M.M., Goncharova A.A., Chernyavskiy S.I.* Azerbaijani Turks in Iran: From the History to the Modernity // *Voprosy Istorii*. 2021. No. 5—1. P. 145—156.
- Attar A.* İran'ın farslaşma süreci ve bu süreçte farsçanın rolü // *Erdem dergisi*. 2008. Sayı 52. P. 1—40. (На турецком языке).
- Bağirov O.* Azərbaycan-İran iqtisadi əlaqələri: gerçəklik və imkanlar // *Azərbaycan — İran əməkdaşlığı: əsas istiqamətlər və imkanlar* / ed. by C. Vəliyev, M. Məhəmmədi. Bakı: SAM, 2018. P. 42—54. (На азербайджанском языке).
- Blank S.* Azerbaijan's Security and U.S. Interests: Time for a Reassessment. Washington: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2013.
- Boese A.M.* EU Energy Diplomacy: Searching for New Suppliers in Azerbaijan and Iran // *Geopolitics*. 2019. Vol. 24. Iss.1. P. 145—173. DOI: 10.1080/14650045.2018.1477755
- Brown S.C.* Wanting to Have Their Cake and Their Neighbor's Too: Azerbaijani Attitudes towards Karabakh and Iranian Azerbaijan // *Middle East Journal*. 2004. Vol. 58. No. 4. P. 576—596.
- Cornell S.* Azerbaijan since Independence. New York: M.E. Sharpe, 2011.
- Djalili M.* Iran and the Caucasus: Maintaining Some Pragmatism // *Connections: The Quarterly Journal*. 2002. Vol. 1. No. 3. P. 49—58. DOI: 10.11610/Connections.01.3.07
- Esfahani M.K.* Iran's Foreign Policy in the South Caucasus: Relations with Azerbaijan and Armenia. Abingdon: Routledge, 2019.
- Gökdağ B., Heyat R.* İran türklerinde kimlik meselesi // *Bilgi*. 2004. Vol. 30. P. 76—79. (На турецком языке).
- Goudarzi M.R., Lashaki A.B.* Effects of Regional and Transregional Players' Policies in Continuation of Tension between Iran and Azerbaijan // *Central Asian and the Caucasus*. 2013. Vol. 14. Iss. 4. P. 48—57.
- Goudarzi M.R., Lashaki A.B., Lakani S.F.* Turkish Foreign Policy in South Caucasus and Its Impact in Iran — Azerbaijan Relationship // *Journal of Politics and Law*. 2015. Vol. 8. No. 1. P. 122—129. DOI: 10.5539/jpl.v8n1p122
- Herzig E.* Iran and the Former Soviet South. London: Royal Institute of International Affairs, 1995.
- Həsənlı C.* Güney Azərbaycan: Tehran — Bakı — Moskva arasında (1939—1945). Bakı: Diplomat, 1998. (На азербайджанском языке).
- Hunter S.* The Evolution of the Foreign Policy of the Transcaucasian States // *Crossroads and Conflict: Security and Foreign Policy in the Caucasus and Central Asia* / ed. by G.K. Bertsch, C.B. Craft, S.A. Jones, M.D. Beck. New York: Routledge, 2000. P. 25—48.
- Jansiz A., Hojaste M.R.* Conflicts in the Caucasus Region and Its Effects on Regional Security Approach // *Journal of Politics and Law*. 2015. Vol. 8. No 1. P. 83—93. DOI: 10.5539/jpl.v8n1p83
- Jödicke A.* Shia Groups and Iranian Religious Influence in Azerbaijan: The Impact of Trans-boundary Religious Ties on National Religious Policy // *Eurasian Geography and Economics*. 2017. Vol. 58. Iss. 5. P. 533—556.
- Kalafat Y., Kəskin A.* İranlılıq paradigmasının çöküş prosesi və Güney Azərbaycan milli hərəkatının yüksəlişi // *Güney Azərbaycan: tarixi, siyasi və kulturoloji müstəvidə* / ed. by V. Sultanlı. Bakı: Azərənəşr, 2010. P. 14—23. (На азербайджанском языке).
- Karasik T.* Azerbaijan, Central Asia, and Future Persian Gulf Security. Santa Monica: RAND, 1993.
- Koolae E., Hafezian M.H.* The Islamic Republic of Iran and the South Caucasus Republics // *Iranian Studies*. 2010. Vol. 43. No 3. P. 391—409. DOI: 10.1080/00210861003693935
- Lotfi T., Gəlmohammadi V., Sarmadi H.* Political Consideration and Development of Economic Relations, Economic Cooperation Capacities of Iran and the Republic of Azerbaijan // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2016. Vol. 7. No. 3. P. 72—82. DOI: 10.5901/mjss.2016.v7n3s3p72
- Makili-Aliev K.* Azerbaijan's Foreign Policy: Between East and West. Roma: Istituto Affari Internazionali, 2013.
- Məhəmmədi M.* Azərbaycan — İran münasibətləri // *Azərbaycan Respublikasının xarici siyasətinin əsas istiqamətləri (1991—2016)* / ed. by F. Məmmədov, C. Vəliyev, A. Məmmədov. Bakı: Poliart, 2017. P. 225—253. (На азербайджанском языке).
- Məhəmmədi M.* Azərbaycan — İran siyasi əlaqələrinin hazırkı durumu və perspektivləri // *Azərbaycan-İran əməkdaşlığı: əsas istiqamətlər və imkanlar* / ed. by C. Vəliyev, M. Məhəmmədi. Bakı: SAM, 2018. P. 4—16. (На азербайджанском языке).
- Məmmədov F.* Azərbaycan — İran əməkdaşlığı regional təhlükəsizlik kontekstində // *Azərbaycan-İran əməkdaşlığı: əsas istiqamətlər və imkanlar* / ed. by C. Vəliyev, M. Məhəmmədi. Bakı: SAM, 2018. P. 16—26. (На азербайджанском языке).

- Mohsenin M.* Iran's Relations with Central Asia and the Caucasus // *Iranian Journal of International Affairs*. 1996. Vol. 7. No 4. P. 834—853.
- Nasibli N.* Azerbaijan-Iranian Relations: Past and Present // *Journal of Azerbaijani Studies*. 1999. Vol. 22. P. 3—21.
- Paşayeva G., Makili-Əliyev K.* Ermənistan — Azərbaycan Dağlıq Qarabağ münaqişəsinin həlli xarici siyasətin əsas prioriteti kimi // Azərbaycan Respublikasının xarici siyasətinin əsas istiqamətləri (1991—2016) / ed. by F. Məmmədov, C. Vəliyev, A. Məmmədov. Bakı: Poliart, 2017. P. 41—97. (На азербайджанском языке).
- Qasımlı M.* Azərbaycan Respublikasının diplomatiya tarixi (1991—2003): 2 hissədə. I hissə. Bakı: Mütərcim, 2015. (На азербайджанском языке).
- Rabbiee H., Gharehbeygi M., Mousavi S.* Hegemony of Iran in the Caspian-Central Asia Region from the Perspective of Geopolitical Realities // *Communication and Globalization*. 2015. Vol. 5. No 1. P. 65—73.
- Ruintən K.* Dağlıq Qarabağ problemi və İran İslam Respublikası // *Tarix və onun problemləri*. 2010. No. 4. P. 138—147. (На азербайджанском языке).
- Ruintən K.* Ermənistanın Azərbaycana təcavüzü və dünya siyasəti. Bakı: Adiloğlu, 2008.
- Sajjadpour S.K.* Iran, the Caucasus and Central Asia // *The New Geopolitics of Central Asia and Its Borderlands* / ed. by A. Banuazizi, M. Weiner. London: I.B. Tauris & Co Ltd, 1994. P. 197—216. (На азербайджанском языке).
- Shaffer B.* Borders and Brethren: Iran and the Challenge of Azerbaijani Identity. Cambridge: MIT Press, 2002.
- Shaffer B.* The Formation of Azerbaijani Collective Identity in Iran // *Nationalities Papers*. 2000. Vol. 28. No. 3. P. 449—477. DOI: 10.1080/713687484
- Soileymanov E.A., Kraus J.* Iran's Azerbaijan Question in Evolution: Identity, Society, and Regional Security. Washington: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2017.
- Vəkilov C.* Azərbaycan Respublikası və İran 40-cı illər. Bakı: Elm, 1991. (На азербайджанском языке).
- Vəliyev Y.* Müasir dövrdə Azərbaycan — İran münasibətləri // *Tarix və onun problemləri*. 2009. No. 4. P. 253—259. (На азербайджанском языке).

References

- Abbasbeili, A. N. (2007). NATO's Eastern enlargement and Azerbaijan. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 1(10), 9—16. (In Russian).
- Abilov, Sh. (2009). The Azerbaijan — Israel relations: A non-diplomatic, but strategic partnership. *Journal of Central Asian and Caucasian Studies*, 4(8), 138—156.
- Aghazada, M. M. (2018a). The current state of Azerbaijan-Iran bilateral relations: Development trends. *International Relations*, (3), 21—28. (In Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2018.3.27196>
- Aghazada, M. M. (2018b). “Caspian Constitution” and new horizons of cooperation between Azerbaijan and Iran. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18(4), 942—954. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-4-942-954>
- Aghazada, M. M. (2020). *Azerbaijani-Iranian relations: Main directions and features (2003—2018)* [thesis]. Moscow. (In Russian).
- Aghazada, M. M., Goncharova, A. A., & Chernyavskiy, S. I. (2021). Azerbaijani Turks in Iran: From the history to the modernity. *Voprosy Istorii*, (5—1), 145—156.
- Attar, A. (2008). İran'ın farslaşma süreci ve bu süreçte farsçanın rolü. *Erdem Dergisi*, (52), 1—40.
- Bağirov, O. (2018). Azərbaycan — İran iqtisadi əlaqələri: Gerçəklik və imkanlar. In C. Vəliyev & M. Məhəmmədi (Eds.), *Azərbaycan-İran əməkdaşlığı: əsas istiqamətlər və imkanlar* (pp. 42—54). Bakı: SAM.
- Blank, S. (2013). *Azerbaijan's security and U.S. interests: Time for a reassessment*. Washington: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program.
- Bocse, A. M. (2019). EU energy diplomacy: Searching for new suppliers in Azerbaijan and Iran. *Geopolitics*, 24(1), 145—173. <https://doi.org/10.1080/14650045.2018.1477755>
- Brown, S. C. (2004). Wanting to have their cake and their neighbor's Too: Azerbaijani attitudes towards Karabakh and Iranian Azerbaijan. *Middle East Journal*, 58(4), 576—596.
- Chernyavsky, S. I. (2013). *Ten years of history of Azerbaijan: 2003—2013*. Moscow: Flinta publ. (In Russian).
- Cornell, S. (2011). *Azerbaijan since independence*. New York: M.E. Sharpe.
- Djalili, M. (2002). Iran and the Caucasus: Maintaining some pragmatism. *Connections: The Quarterly Journal*, 1(3), 49—58. <https://doi.org/10.11610/Connections.01.3.07>
- Druzhilovskiy, S. B. (2012). Iranian-Turkish rivalry in Transcaucasia. *Observer*, (4), 43—49. (In Russian).
- Esfahani, M. K. (2019). *Iran's foreign policy in the South Caucasus: Relations with Azerbaijan and Armenia*. Abingdon: Routledge.

- Eyvazov, J. (2004). *Security of the Caucasus and the stability of the development of the Republic of Azerbaijan*. Baku: Nurlan publ. (In Russian).
- Gökdağ, B., & Heyat, R. (2004). İran türklerinde kimlik meselesi. *Bilgi*, (30), 76—79.
- Goudarzi, M. R., & Lashaki, A. B. (2013). Effects of regional and transregional players' policies in continuation of tension between Iran and Azerbaijan. *Central Asian and the Caucasus*, 14(4), 48—57.
- Goudarzi, M. R., Lashaki, A. B., & Lakani, S. F. (2015). Turkish foreign policy in South Caucasus and its impact in Iran — Azerbaijan relationship. *Journal of Politics and Law*, 8(1), 122—129. <http://dx.doi.org/10.5539/jpl.v8n1p122>
- Hasanli, J. (2006). *USSR — Iran: Azerbaijani crisis and the beginning of the Cold War (1941—1946)*. Moscow: Geroi Otechestva publ. (In Russian).
- Hasanov, A. M. (2013). Iran's approach to the Caspian-Black sea basin and the security of the South Caucasus, Azerbaijan's geostrategic interests in the field of security. *Geostrategy*, 3(15), 6—14. (In Russian).
- Herzig, E. (1995). *Iran and the former Soviet South*. London: Royal Institute of International Affairs.
- Həsənli, C. (1998). *Güney Azərbaycan: Tehran — Bakı — Moskva arasında (1939—1945)*. Bakı: Diplomat.
- Hosseinzadeh, V. (2017). Iran's policy in the Caspian region at the present stage: Results and prospects. *Post-Soviet Issues*, 4(3), 221—228. (In Russian). <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2017-4-3-221-228>
- Hunter, S. (2000). The evolution of the foreign policy of the Transcaucasian states. In G. K. Bertsch, C. B. Craft, S. A. Jones & M. D. Beck (Eds.), *Crossroads and conflict: Security and foreign policy in the Caucasus and Central Asia* (pp. 25—48). New York: Routledge.
- Ibragimov, A. G. (2021). Main principles and priorities of foreign policy of the Republic of Azerbaijan. *Postsovetskie Issledovaniya*, 4(2), 96—103. (In Russian).
- Ibragimov, F. (2020). The role of Iran in resolving the Nagorno-Karabakh conflict. *Postsovetskie Issledovaniya*, 3(4), 349—360. (In Russian).
- Jansiz, A., & Hojaste, M. R. (2015). Conflicts in the Caucasus region and its effects on regional security approach. *Journal of Politics and Law*, 8(1), 83—93. <https://doi.org/10.5539/jpl.v8n1p83>
- Jödicke, A. (2017). Shia groups and Iranian religious influence in Azerbaijan: The impact of trans-boundary religious ties on national religious policy. *Eurasian Geography and Economics*, 58(5), 533—556.
- Kalafat, Y., & Kəskin, A. (2010). İranlılıq paradıqmasının çöküş prosesi və Güney Azərbaycan milli hərəkatının yüksəlişi. In V. Sultanlı (Ed.), *Güney Azərbaycan: Tarixi, siyasi və kulturoloji müstəvidə* (pp. 14—23). Bakı: Azər nəşr.
- Karasik, T. (1993). *Azerbaijan, Central Asia, and future Persian Gulf security*. Santa Monica: RAND.
- Khalifa-zade, M. (2012). Israel and Azerbaijan: Counteraction to Iran. *Central Asia and the Caucasus*, 15(3), 77—91. (In Russian).
- Koolae, E., & Hafezian, M. H. (2010). The Islamic Republic of Iran and the South Caucasus republics. *Iranian Studies*, 43(3), 391—409. <https://doi.org/10.1080/00210861003693935>
- Kurtov, A. A. (2000). Azerbaijan — Iran: There are more problems in the relations of neighbors than solutions. In E. M. Kozhokin (Ed.), *Independent Azerbaijan. New landmarks: in 2 volumes* (pp. 189—279). Vol. II. Moscow: Rossiiskii institut strategicheskikh issledovaniy publ. (In Russian).
- Kuznetsov, O. Yu. (2013). The conflict in Nagorno-Karabakh: Is it a “clash of civilizations”? How Samuel Huntington's theory explains its culturological dimension. *The Caucasus and Globalization*, 7(1—2), 93—108. (In Russian and English).
- Lotfi, T., Golmohammadi, V., & Sarmadi, H. (2016). Political consideration and development of economic relations, economic cooperation capacities of Iran and the Republic of Azerbaijan. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 7(3), 72—82. <https://doi.org/10.5901/mjss.2016.v7n3s3p72>
- Makili-Aliev, K. (2013). *Azerbaijan's foreign policy: Between East and West*. Roma: Istituto Affari Internazionali.
- Maleki, A. (2001). Iran and Turan: On the issue of Iran's relations with the states of Central Asia and Transcaucasia. *Central Asia and the Caucasus*, (5), 108—116. (In Russian).
- Mamedova, N. M. (2003). Features of the political and economic situation in Iran and its impact on the development of relations with the states of Central Asia and the Caucasus. *Central Asia and the Caucasus*, (2), 72—82. (In Russian).
- Markedonov, S. M. (2018). Thirty years of the Nagorno-Karabakh conflict: Basic stages and prospects of the resolution. *Postsovetskie Issledovaniya*, 1(2), 129—138. (In Russian).
- Məhəmmədi, M. (2017). Azərbaycan — İran münasibətləri. In F. Məmmədov, C. Vəliyev & A. Məmmədov (Eds.), *Azərbaycan Respublikasının xarici siyasətinin əsas istiqamətləri (1991—2016)* (pp. 225—253). Bakı: Poliart.
- Məhəmmədi, M. (2018). Azərbaycan — İran siyasi əlaqələrinin hazırkı durumu və perspektivləri. In C. Vəliyev & M. Məhəmmədi (Eds.), *Azərbaycan — İran əməkdaşlığı: əsas istiqamətlər və imkanlar* (pp. 4—16). Bakı: SAM.

- Məmmədov, F. (2018). Azərbaycan — İran əməkdaşlığı regional təhlükəsizlik kontekstində. In C. Vəliyev & M. Məhəmmədi (Eds.), *Azərbaycan — İran əməkdaşlığı: əsas istiqamətlər və imkanlar* (pp. 16—26). Bakı: SAM.
- Mohsenin, M. (1996). Iran's relations with Central Asia and the Caucasus. *Iranian Journal of International Affairs*, 7(4), 834—853.
- Nasibli, N. (1999). Azerbaijan-Iranian relations: Past and present. *Journal of Azerbaijani Studies*, (22), 3—21.
- Nazarov, I. (2002). Azerbaijani-Iranian relations today and prospects for the coming years. *Central Asia and the Caucasus*, (5), 94—100. (In Russian).
- Paşayeva, G., & Makili-Əliyev, K. (2017). Ermənistan — Azərbaycan Dağlıq Qarabağ münaqişəsinin həlli xarici siyasətin əsas prioriteti kimi. In F. Məmmədov, C. Vəliyev & A. Məmmədov (Eds.), *Azərbaycan Respublikasının xarici siyasətinin əsas istiqamətləri (1991—2016)* (pp. 41—97.). Bakı: Poliart.
- Qasımlı, M. (2015). *Azərbaycan Respublikasının diplomatiya tarixi (1991—2003): 2 hissədə. I hissə*. Bakı: Mütərcim.
- Rabbiie, H., Gharehbeygi, M., & Mousavi, S. (2015). Hegemony of Iran in the Caspian-Central Asia region from the perspective of geopolitical realities. *Communication and Globalization*, 5(1), 65—73.
- Ruintən, K. (2008). *Ermənistanın Azərbaycana təcavüzü və dünya siyasəti*. Bakı: Adiloğlu.
- Ruintən, K. (2010). Dağlıq Qarabağ problemi və İran İslam Respublikası. *Tarix və onun problemləri*, (4), 138—147.
- Sajjadpour, S. K. (1994). Iran, the Caucasus and Central Asia. In A. Banuazizi & M. Weiner (Eds.), *The new geopolitics of Central Asia and its borderlands* (pp. 197—216). London: I.B. Tauris & Co Ltd.
- Sazhin, V. I. (2004). On the issue of Iranian-Azerbaijani relations. *Central Asia and the Caucasus*, (4), 97—105. (In Russian).
- Shaffer, B. (2000). The formation of Azerbaijani collective identity in Iran. *Nationalities Papers*, 28(3), 449—477. <https://doi.org/10.1080/713687484>
- Shaffer, B. (2002). *Borders and brethren: Iran and the challenge of Azerbaijani identity*. Cambridge: MIT Press.
- Shenin, S. Yu. (2009). The Iran — Azerbaijan conflict (July-August 2001) in the context of American strategic plans: A prologue to World War III, or A storm in a glass of water? *Americana: collection of the articles*. Volgograd: Volgogradskii gosudarstvennyi universitet publ. P. 213—228. (In Russian).
- Sidorov, I. E. (2016a). Iranian mediation in the Karabakh conflict as a factor of the Iran — Azerbaijan relations. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, 16(2), 198—201. (In Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2016-16-2-198-201>
- Sidorov, I. E. (2016b). *Formation and development of Iranian-Azerbaijani relations (1989—2005)* [thesis]. Saratov. (In Russian).
- Soileymanov, E. A., & Kraus, J. (2017). *Iran's Azerbaijan question in evolution: Identity, society, and regional security*. Washington: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program.
- Vəkilov, C. (1991). *Azərbaycan Respublikası və İran 40-cı illər*. Bakı: Elm.
- Vəliyev, Y. (2009). Müasir dövrdə Azərbaycan — İran münasibətləri. *Tarix və onun problemləri*, (4), 253—259.
- Yurtaev, V. I. (2014). Features of Iran's foreign policy (1979—2013). Moscow: RUDN publ. (In Russian).
- Zulkharneev, A. F. (2010). Iran's energy interests in the Caspian region. *Security Index*, 16(2), 45—72. (In Russian).

Сведения об авторе: *Ağazadə Mirmехти Mirkamil oğлы* — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-5129-5553; e-mail: agazade-mm@rudn.ru

About the author: *Aghazada Mirmehdi Mirkamil oğly* — PhD in History, Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); ORCID: 0000-0002-5129-5553; e-mail: agazade-mm@rudn.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО INTERNATIONAL ACADEMIC COOPERATION

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-822-834

Научная статья / Research article

«Мы из Биафры». Студенты-игбо в СССР во время гражданской войны в Нигерии в 1967—1970 гг.

С.В. Мазов

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация

 s.mazov@mail.ru

Аннотация. На основе документов из российских архивов исследуется советская политика в отношении студентов-игбо, учившихся в СССР во время гражданской войны в Нигерии (1967—1970 гг.). Они приняли сторону самопровозглашенной Республики Биафры (Восточная Нигерия), отделившейся от Нигерии в мае 1967 г. СССР поддержал сохранение территориальной целостности Нигерии, оказал военную помощь федеральному правительству в его противостоянии с Биафрой. В конфликте же между нигерийским посольством в Москве и студентами-игбо советские власти соблюдали нейтралитет. Они не высылали студентов из СССР по требованию посольства как «пособников сепаратистов», каждый случай тщательно разбирался, не препятствовали деятельности биафрского землячества. Поскольку распространение материалов биафрских пропагандистов в СССР было запрещено, они пытались пробиться к советской аудитории через обращения студентов-игбо, обучавшихся в СССР. В обращениях не звучали главные темы биафрской пропаганды на Запад: обвинения федерального правительства в геноциде игбо нацистскими методами и изображение гражданской войны как религиозного конфликта — джихада мусульманского Севера против христиан игбо. Доминирующим был тезис о природе гражданской войны как о борьбе «социалистического» Востока — Биафры — против «феодально-капиталистического» Севера — центрального правительства. Студенты призывали советских официальных лиц публично признать законность стремления биафрцев к самоопределению, прекратить поставки оружия центральному правительству и стать посредником в мирном урегулировании. Обращения оставались без ответа и не предавались гласности. Опираясь на архивные документы, автор установил, что советское руководство обоснованно опасалось, что Биафра станет вотчиной главных геополитических противников — США и Великобритании. Чтобы не допустить этого, Советский Союз пошел на альянс с федералами. Расчет состоял в том, чтобы упрочить советское влияние во всей Нигерии, пусть и с «реакционным» правительством, нежели поддержать «прогрессивную» отколовшуюся Восточную Нигерию (Биафру) и остаться ни с чем.

Ключевые слова: политика СССР в Африке, гражданская война в Нигерии, советско-нигерийские отношения, африканские студенты в СССР

© Мазов С.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: *Мазов С.В. «Мы из Biafra». Студенты-игбо в СССР во время гражданской войны в Нигерии 1967—1970 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 822—834. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-822-834*

“We Are from Biafra”. Igbo Students in the USSR during the Civil War in Nigeria, 1967—1970

Sergey V. Mazov

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

 s.mazov@mail.ru

Abstract. Drawing on the Russian archival documents the article examines the Soviet policy towards Igbo students who studied in the USSR during the civil war in Nigeria (1967—1970). They sided the self-proclaimed Republic of Biafra, Eastern Nigeria, seceded from Nigeria in May 1967. The USSR supported the territorial integrity of Nigeria, provided military and other assistance for the Federal Government in its confrontation with Biafra. However, the Soviet authorities took neutrality in the conflict between Nigerian Embassy in Moscow and Igbo students. They did not expel students at the requests of the Embassy as “accomplices of the separatists” investigating each case carefully, did not hinder the activity of the Biafrian fellowship. Since the dissemination of Biafrian propagandists’ production was banned in the USSR, they tried to reach the Soviet audience through appeals from Igbo students who studied in the USSR. The appeals did not include the main issues of Biafrian propaganda to the West: accusations of the Federal Government of the Igbo genocide by Nazi methods and the portrayal of the civil war as a religious conflict — a jihad of the Muslim North against the Igbo as the largest and most organized Christian community in Nigeria. The dominant thesis was about the nature of the civil war as a struggle of the “socialist” East, Biafra, against the “feudal-capitalist” North, the central government. The students appealed the Soviet officials to recognize publicly the legitimacy of the Biafrans’ aspirations for self-determination, to stop supplying arms to the Federal Government and to mediate in a peaceful settlement. There were no responses to the appeals, and they were not made public. Based on archival documents, the author established that the Soviet leadership reasonably feared that Biafra would become the fiefdom of the main geopolitical rivals — the United States and Great Britain. To prevent this USSR entered into an alliance with the federals. The calculation was to enhance the Soviet influence throughout Nigeria, albeit with a “reactionary” government, rather than support the “progressive” breakaway Eastern Nigeria (Biafra) and receive nothing.

Key words: Soviet policy in Africa, the Civil War in Nigeria, Soviet-Nigerian relations, African students in the USSR

For citation: Mazov, S. V. (2021). “We are from Biafra”. Igbo students in the USSR during the Civil War in Nigeria, 1967—1970. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 822—834. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-822-834>

Введение

20 января 1960 г. ЦК КПСС принял секретное постановление «О расширении культурных и общественных связей с негритянскими народами Африки и усилении влияния Советского Союза на эти народы». Одним из главных инструментов советского проникновения в Африку должна была стать образованная африканская молодежь. В первом пункте постановления признавалось «целесообразным увеличить прием учащихся студентов и аспирантов из негритянских стран Африки для обучения в высших учебных и

средних специальных заведениях Советского Союза». ЦК обязал исполнительную власть довести число стипендий для студентов из Африки до 300 и распространить на них материальное обеспечение, предусмотренное для студентов из колониальных и зависимых стран (Россия и Африка..., 1999, с. 165—166).

Количественные показатели были выполнены и перевыполнены быстро. По данным Министерства высшего и среднего специального образования СССР (Минвуз), численность студентов из Черной Африки составляла: в 1961/1962 учебном году — 1027,

1962/1963 — 1235, 1963/1964 — 2327, 1964/1965 — 2794, 1966/1967 — 4101, 1967/1968 — 4309, 1968/1969 — 4458, 1969/1970 — 4459 (Катсакиорис, 2008, с. 214). Эту статистику нельзя считать полной, поскольку она не учитывала африканцев, обучавшихся в закрытых учреждениях, — Ленинской школе, военных училищах.

В работах историков об иностранцах, обучавшихся в СССР, показано, что появление в СССР тысяч африканских студентов породило закономерные, но ставшие неожиданными для советских властей негативные последствия, в том числе проблемы отбора «благонадежных» абитуриентов в африканских странах, конфликты на почве бытового расизма и их последствия, антисоветские настроения среди студентов, трудности их адаптации к советским реалиям. Эти темы и оказались в фокусе внимания исследователей (Hessler, 2006; Matusевич, 2008; Катсакиорис, 2008; de Saint Martin et al., 2015; Katsakioris, 2019a; Иванова, Мазов, 2019).

В СССР государственным органам приходилось заниматься не только улаживанием конфликтов между африканскими студентами и советскими гражданами, но и реагировать на случившиеся коллизии в отношениях между властями африканских государств и учившимися в СССР оппозиционно настроенными студентами из этих стран. Студенты занимались политической деятельностью, устраивали протестные акции. Единственный более или менее изученный с привлечением архивных материалов случай — антиправительственная деятельность сомалийских студентов в СССР в 1961—1962 гг. (Мазов, 2008, с. 337—338, 367—370). О других конфликтах из работ можно почерпнуть лишь краткую информацию (Matusевич, 2003, р. 127; Katsakioris, 2019b).

В данной статье впервые на основе документов из российских архивов исследовано, как советские власти реагировали на конфронтацию между нигерийским посольством в Москве и студентами-игбо, поддержавшими отделение Биафры от Нигерии.

СССР и гражданская война в Нигерии

В искусственных границах британской колонии Нигерия, ставшей независимой 1 октября 1960 г., оказались более 250 этнических групп, которые являли собой редкое даже для Африки разнообразие языков, культур, конфессий, социальных и политических структур. Вокруг трех основных и неродственных друг другу народов Нигерии сложились относительно гомогенные этнокультурные зоны. Большинство населения севера Нигерии составляют хауса, чья религия — ислам суннитского толка. Крупнейшая этническая группа запада и юго-запада — йоруба, которые преимущественно исповедуют христианство. На юго-востоке в дельте Нигера преобладают игбо — христиане и анимисты.

Британская колониальная политика (косвенное управление с упором на регионализм) способствовала обособленности Северной и Южной Нигерии, нарастанию трений между этническими группами и политическими силами. Перед независимостью Нигерия представляла собой рыхлую федерацию, состоящую из трех областей (Северная, Восточная и Западная), где региональные правительства и парламенты обладали широкими полномочиями, и федеральной территории Лагос (столица).

Восточная область занимала всего 8 % территории Нигерии (76 тыс. км²), но была наиболее развитым в экономическом отношении регионом, где сосредоточились 4/5 запасов нефти, существовала развитая транспортная инфраструктура, находилось 90 % квалифицированной рабочей силы. В 1966 г. в Восточной Нигерии было добыто 15 млн т нефти (60 % всей добычи нефти в Нигерии). После независимости в нефтяную отрасль пришли американские нефтяные компании, составив конкуренцию изначальному монополисту — англо-голландской Shell-BP¹.

Поскольку модернизация восточно-нигерийского общества проходила быстрее,

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0579. Оп. 12. П. 16. Д. 10. Л. 8—9. Справка II Африканского отдела МИД СССР «К вопросу о “Республике Биафра”». 31 июля 1968 г.

чем на Севере и Западе, происходило перераспределение избыточной рабочей силы — квалифицированных кадров из Восточной области — в другие регионы. Игбо составляли наиболее значительную часть пришлого населения городских центров Северной и Западной Нигерии². При массовой неграмотности северян для квалифицированных и предприимчивых игбо в северо-нигерийских городах находились доходные вакансии в административном секторе и торгово-экономической сфере. Поселяясь в чужом городе или районе, мигранты даже во втором поколении оставались чужаками, их землячествам была свойственна замкнутость. Северяне относились к пришлым свысока, считали их людьми второго сорта, потомками тех, кого их предки захватывали в плен во время набегов и обращали в рабство.

Нигерийские политические партии создавались и функционировали как этнорегиональные организации (De St. Jorre, 1972). На выборах в парламент в декабре 1959 г., накануне независимости, победу одержал Северный народный конгресс (СНК) — партия вождей и эмиров Северной Нигерии, отстаивавшая исламские ценности и интересы северян. Премьер-министром стал хауса Абубакар Балева. Его правительство оказалось неспособным справиться с многочисленными проблемами и укрепить единство страны.

15 января 1966 г. группа молодых офицеров-игбо осуществила попытку военного переворота. Заговорщики убили всех ключевых фигур правившего режима, включая А. Балева, и многих старших офицеров. Уцелевший волею случая командующий вооруженными силами генерал-майор Джонсон Агийи-Иронси (игбо) установил контроль над армией и подавил путч. Власть в Нигерии перешла к военному правительству, его главой стал Дж. Агийи-Иронси. Он запретил политические партии и организации, упразднил федеральное устройство Нигерии, имея в виду создание унитарного государства, что могло

лишить привилегий эмиров и вождей Северной Нигерии. За правительством Дж. Агийи-Иронси на Севере утвердилась репутация «проигбовского». В мае 1966 г. в Северной Нигерии прошли антиправительственные выступления, в ходе которых были убиты сотни проживавших там игбо.

29 июля 1966 г. произошел новый военный переворот, в ходе которого Дж. Агийи-Иронси был убит, а власть перешла к подполковнику Якубу Говону, христианину, ангас (одно из этнических меньшинств Северной Нигерии). В конце сентября 1966 г. в Северной и Западной Нигерии прокатилась вторая волна погромов игбо. Точных цифр убитых (от 5 до 30 тыс.) и тех, кто вынужден был бежать на Восток (от 700 тыс. до 2 млн), нет (Červenka, 1971, pp. 37—38).

27 мая 1967 г. Я. Говон подписал указ, упразднивший деление Нигерии на четыре провинции. Вместо них было создано 12 штатов (Forsyth, 2015). На Севере и Западе их границы совпадали с расселением основных этнических групп. Восточные же штаты были нарезаны таким образом, что крупные нефтяные месторождения располагались в штатах, где игбо не составляли бы большинство населения. Я. Говон заявил, что на территории Нигерии вводится чрезвычайное положение, и он сосредоточивает в своих руках «всю полноту власти» (Kirk-Greene, 1971, pp. 444—449).

Губернатор Восточной Нигерии подполковник Чуквуэмека Оджукву отказался признавать Я. Говона главой военного федерального правительства. В области было создано региональное военное правительство, аналогичное центральному, сформирована армия, введен самостоятельный сбор налогов и пошлин без отчислений в федеральный бюджет.

30 мая Ч. Оджукву «торжественно провозгласил, что территория и регион, известный как Восточная Нигерия, вместе с его континентальным шельфом и территориальными водами, отныне является суверенным независимым государством, называемым “Республика Биафра”» (Kirk-Greene, 1971, p. 452). 6 июня 1967 г. федеральная армия вступила на территорию Биафры. Я. Говон назвал это «полицейской операцией» (Kirk-

² АВП РФ. Ф. 579. Оп. 12. П. 14. Д. 7. Л. 109. Л.Н. Прибытковский, Н.Б. Кочакова, И.В. Следзевский. Нигерийский кризис: причины и перспективы. 17 ноября 1969 г.

Greene, 1971, p. 459). По плану штаба нигерийской армии она должна была закончиться через месяц взятием столицы Биафры — Энугу.

Биафре удалось продержаться два с половиной года. В мае 1968 г. пал ее последний морской порт — Порт-Харкорт. Началась блокада мятежной территории, там разразился массовый голод. Бедственное положение игбо стало одной из главных тем мировых СМИ. В июне 1969 г. Биафра представляла собой изолированную от внешнего мира территорию площадью 2 тыс. км², где было сосредоточено 5 млн человек, терпящих лишения и голод. В декабре последовало решающее наступление федералов, биафрская армия была разгромлена, Ч. Оджукву бежал в Кот-д'Ивуар. 15 января 1970 г. был подписан акт о безоговорочной капитуляции Биафры.

СССР не признал отделившуюся Биафру, не занял позицию нейтралитета, оказав весьма нужную и своевременную военную и иную помощь федеральному правительству. 29 июля 1967 г. в Москве было подписано секретное советско-нигерийское соглашение «о поставке Нигерии на коммерческой основе военной техники (самолеты и сторожевые катера на сумму 3,8 млн рублей) и командировании советских специалистов для обучения нигерийцев эксплуатации поставленной военной техники»³. Таких сделок было несколько — СССР поставил федеральной армии стрелковое оружие, гаубицы, боеприпасы.

Соглашений «о военном сотрудничестве и об оказании Нигерии военной помощи» не заключалось. СССР воздержался от «каких-либо обязательств, которые могли бы вовлечь советскую сторону во внутренний конфликт, возникший в Нигерии»⁴.

Международная реакция на нигерийский кризис явила не блоковый, уникальный и атипичный для холодной войны расклад позиций. Федеральное правительство поддержали

³ АВП РФ. Ф. 0579. Оп 11. П. 14. Д. 7. Л. 7. П Африканский отдел МИД СССР. Советско-нигерийские отношения. (Краткая справка). 18 октября 1967 г.

⁴ АВП РФ. Ф. 0579. Оп 11. П. 14. Д. 7. Л. 12. П Африканский отдел МИД СССР. Советско-нигерийские отношения. (Краткая справка). 24 ноября 1967 г.

Великобритания, СССР, социалистические страны Восточной Европы, арабские страны (Stremlau, 1977). Великобритания поставляла Нигерии различные виды вооружений, оказывала нажим на Я. Говона, добиваясь смягчения его позиции на переговорах с представителями Ч. Оджукву, и стремилась стать посредником в мирном урегулировании.

Президент США Линдон Джонсон заявил в июле 1966 г., что США не намерены вмешиваться во внутренние дела Нигерии. На практике США поддерживали обе стороны. В частности, администрация не препятствовала американским фирмам оказывать финансовую и военную помощь сепаратистам, а игбовской диаспоре в США — вести пропагандистскую кампанию против федерального правительства.

На стороне Биафры, гласно или негласно, были Франция, Португалия, Южно-Африканская Республика, Китайская Народная Республика, Израиль. Четыре африканские страны (Габон, Замбия, Кот-д'Ивуар, Танзания) официально признали независимость Биафры. Из неафриканских государств то же сделало Гаити.

«Мы из Биафры»

По состоянию на 1 января 1967 г. в СССР учились 554 нигерийских студента⁵, сколько среди них было игбо точно неизвестно. Студенты-игбо не остались в стороне от трагических событий на родине. Они считали себя гражданами Биафры. В обращении в советские инстанции они сообщили, что больше не находятся «под покровительством нигерийского посольства в Москве. Мы из Биафры, молодой Республики, борющейся за существование и политическую независимость»⁶.

⁵ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 11. П. 14. Д. 7. Л. 7. П Африканский отдел МИД СССР. Советско-нигерийские отношения. (Краткая справка). 18 октября 1967 г.

⁶ АВП РФ. Ф. 579. Оп. 11. П. 13. Д. 5. Л. 48, 49. Студент Киевского государственного университета Нуанчуку С. Океке и др. — Министерство высшего и среднего специального образования СССР. Копии: Министерство иностранных дел СССР, ВЦСПС, Общество солидарности с народами борющейся Азии и Африки (правильно: Советский комитет солидарности

Нигерийское посольство попыталось не допустить распространения сепаратистских настроений в студенческой среде. 10 сентября 1967 г. посольство организовало в одном из своих помещений собрание студентов. Им всем были разосланы приглашения. Явившихся к посольству студентов-игбо на его территорию не пустили. На прошедшем без игбо собрании была создана новая организация нигерийских студентов. В ответ игбо устроили демонстрацию в поддержку Биафры⁷.

Студенты-игбо носили значки с символикой Биафры. Они создали собственную организацию, биафрское землячество, которое выпускало печатный бюллетень и направляло петиции в советские официальные инстанции. В одной из них землячество потребовало позволить выпускникам из Восточной Нигерии самим выбирать обратный маршрут из Москвы, нельзя было «спроваживать» их в Лагос, где они, «очевидно, будут убиты»⁸. Обратный маршрут студенты-игбо вольны были выбирать сами.

Землячество расценивало отношение нигерийского посольства в Москве к студентам-игбо как «бесстыдную дискриминацию и остракизм». Посол Джордж Курубо на периодически проводимых студенческих собраниях возмущался, что в СССР студентам из Восточной Нигерии «дали слишком много свободы», призывал срывать биафрские значки, записывать имена тех, кто их носит, и передавать в посольство⁹.

Жалобы не были лишены оснований. Ректор Университета дружбы народов (УДН) С.В. Румянцев считал, что нигерийские дипломаты «создавали вокруг сторонников

стран Азии и Африки. — *Прим. авт.*), Комитету советских женщин. Меморандум от биафранского землячества в СССР по вопросу войны между Нигерией и Биафрой со ссылкой на деятельность биафранско-нигерийского землячества в СССР. 24 марта 1968 г. (далее — Меморандум).

⁷ АВП РФ. Ф. 579. Оп. 10. П. 12. Д. 3. Л. 28. Из дневника Караваяева Б.И. Запись беседы с послом Федеративной Республики Нигерия Дж. Т. Курубо. 11 декабря 1967 г.

⁸ АВП РФ. Ф. 579. Оп. 11. П. 13. Д. 5. Л. 49. Меморандум.

⁹ Там же. Л. 48, 51.

Биафры обстановку травли, шантажа и запугивания». Руководство созданной 10 сентября организации нигерийских студентов в СССР «неоднократно обращалось в Университет с настойчивой просьбой (практически требованием) о непризнании права студентов из племени игбо на объединение, поставить их перед необходимостью идти с повинной в данную организацию»¹⁰.

Эффективным средством борьбы со сторонниками Биафры посольство считало их высылку в Нигерию. 24 февраля 1968 г. очередное собрание нигерийских студентов приняло резолюцию с требованием выслать всех активных участников биафрского землячества из СССР. Посол Дж. Курубо заявил, что никаких проблем с этим не будет, поскольку русские якобы «готовы оказать содействие»¹¹.

Судя по архивным документам, посол выдал желаемое за действительное. Каждое требование посольства о высылке внимательно рассматривалось советской стороной и далеко не всегда удовлетворялось. 25 августа 1967 г. посольство направило ноту в МИД СССР, где утверждалось, что студент УДН Окечукву Эмоди «установил контакты с некоторыми иностранными посольствами в Москве, выдавая себя за представителя так называемой “Республики Биафра”». Посольство просило принять меры для возвращения О. Эмоди в Нигерию, «прежде чем ему удастся нанести какой-либо вред», тем более что пребывание этого студента в СССР формально было незаконным, поскольку он «закончил курс обучения на экономическом факультете» и по «сложившейся практике» должен вернуться на родину¹². 4 сентября заместитель министра иностранных дел Я.А. Малик направил ноту заместителю министра высшего и среднего специального образования СССР Н.Н. Софинскому и ректору УДН С.В. Румянцеву с просьбой «сообщить

¹⁰ АВП РФ. Ф. 579. Оп. 11. П. 14. Д. 12. Л. 20—21. Ректор УДН С.В. Румянцев — заместителю министра высшего и среднего специального образования СССР Н.Н. Софинскому. 5 октября 1967 г.

¹¹ АВП РФ. Ф. 579. Оп. 11. П. 13. Д. 5. Л. 52—53. Меморандум.

¹² АВП РФ. Ф. 579. Оп. 11. П. 14. Д. 12. Л. 26.

мнение Министерства по существу поднятого в упомянутой ноте вопроса»¹³.

Дело оказалось не столь простым и очевидным, как представлялось в ноте, и руководству УДН потребовалось время, чтобы разобраться. В беседе между О. Эмоди и сотрудником УДН М.Ф. Клушиным выяснилось следующее. Нигерийскому посольству стало известно, что некий студент-игбо с довольно распространенным уменьшительным именем «Оке» «посетил ряд посольств в Москве, в том числе посольства Великобритании и США, и пытался установить с этими посольствами официальные связи как представитель Биафры». В посольство был вызван для беседы студент Московского геодезического института Оке. Сотрудники посольства хотели выяснить, не он ли тот самый самозванный представитель сепаратистской Биафры. Когда студент доказал, что это не он, его спросили, «не был ли этим человеком» студент УДН О. Эмоди, которого в «студенческой среде» тоже называют Оке.

Оке из геодезического института передал содержание разговора в посольстве О. Эмоди, Оке из УДН. Последний пришел на прием к советнику посольства и заявил, что ни в какие иностранные посольства он не ходил, все это «клеветнические слухи», он готов пойти в сопровождении сотрудника нигерийского посольства в любое из иностранных посольств, где подтвердят или опровергнут, является ли он, О. Эмоди, «представителем Биафры, который посетил эти посольства». Это предложение осталось без ответа, «никакого намека» на то, чтобы он уезжал на родину, не последовало.

На высказанное М.Ф. Клушиным предположение, что слухи о посещении О. Эмоди иностранных посольств «могли иметь основание и что дыма без огня не бывает», тот «с обидой» заявил, что был около посольств Великобритании и США «единственный раз как участник демонстрации, протестуя против империалистического вмешательства в дела Конго». Сам М.Ф. Клушин сделал вывод, что О. Эмоди «не посещал иностранные

посольства в Москве», а нигерийское посольство стремится от него «отделаться» «путем высылки из СССР через советские официальные органы»¹⁴.

С.В. Румянцев сообщил Н.Н. Софинскому, что УДН не располагает сведениями о контактах О. Эмоди с иностранными посольствами в качестве представителя Биафры. Ректор охарактеризовал студента весьма положительно: он «проявил себя способным студентом, принимал активное участие в общественной жизни. К СССР и советскому народу всегда относился с большой симпатией». Вопреки утверждениям нигерийского посольства О. Эмоди находился на территории СССР законно: был рекомендован для зачисления в аспирантуру Института Африки Академии наук СССР «в связи с наличием вакантных мест». Ректорат УДН не видел оснований «для принятия мер по отправке на родину Окечукву Эмоди» и считал «неправильным становиться на сторону поддержки одной части нигерийских студентов против другой»¹⁵. Н.Н. Софинский направил Я.А. Малику копию письма С.В. Румянцева в качестве ответа на просьбу предоставить информацию по вопросу, поднятому в ноте нигерийского посольства¹⁶. Содержание ответной ноты автору установить не удалось, но вряд ли мнение УДН о непричастности О. Эмоди к пособничеству Биафре не было принято во внимание.

О. Эмоди не выслали в Нигерию. Он продолжал учиться в Москве, но после летних каникул 1968 г. туда не вернулся и поступил в аспирантуру американского Университета в Индианаполисе. В США он участвовал в пропагандистских мероприятиях Национального союза студентов Биафры (*Biafran National Union of Students*), направленных на

¹³ Там же. Л. 25.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 579. Оп. 11. П. 14. Д. 12. Л. 30—31. Запись беседы начальника группы учета студенческих кадров Клушина М.Ф. с выпускником факультета экономики и права Окечукву Эмоди (Нигерия). 10 сентября 1967 г.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 579. Оп. 11. П. 14. Д. 12. Л. 28—29. Румянцев — Софинскому. 14 сентября 1967 г.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 579. Оп. 11. П. 14. Д. 12. Л. 27. Софинский — Малику. 22 сентября 1967 г.

создание в американском общественном мнении позитивного образа Биафры (Katsakioris, 2019b).

11 декабря 1967 г. посол Дж. Курубо сообщил заведующему II Африканским отделом МИД СССР Б.И. Караваеву, что сторонники Биафры из СССР присутствовали на недавнем совещании студентов из Восточной Нигерии в Лиссабоне, «где сейчас находится центр восточно-нигерийских сепаратистов». Три участника совещания возвратились в Москву, «получив инструкции по организации беспорядков против правительства Нигерии и по распространению ложной информации о положении в Нигерии». В качестве примера посол привел «случай в одном из высших учебных заведений Советского Союза», где был пущен слух, что «один из восточно-нигерийцев, окончивший это учебное заведение и вернувшийся в Нигерию, был убит федеральными войсками».

Дж. Курубо передал Б.И. Караваеву копию ноты, которую он направил в Минвуз, где «сообщил о деятельности студентов из Восточной Нигерии в Советском Союзе и привел фамилии организаторов кружка “биафранцев” в Москве». Б.И. Караваев принял ноту без комментариев и стал обсуждать другие вопросы, поднятые Дж. Курубо¹⁷.

Советская сторона нейтрально относилась к действиям студентов-игбо в поддержку Биафры, если они не приводили к правонарушениям. 23 июня 1969 г. Н.Н. Софинский уведомил МИД о просьбе ректората Азербайджанского института нефти и химии отчислить студента 5-го курса Самуэля Эзе и просьбе ректората Кубанского медицинского института отчислить студента 2-го курса Майкла Эзену. Оба подлежали «выдворению из Советского Союза». С. Эзе «неоднократно нарушал правила поведения, установленные в учебных заведениях» СССР, «в беседах с советскими студентами и гражданами допускал клеветнические выпады в адрес Советского Союза, внешней и внутренней политики советского правительства». 11 ноября 1968 г. он «был задержан органами милиции за

¹⁷ АВП РФ. Ф. 579. Оп. 10. П. 12. Д. 3. Л. 28—30. Запись беседы Караваева с Курубо. 11 декабря 1967 г.

совершение валютной сделки». М. Эзенва валютчиком не был, но «нарушал правила проживания в студенческом общежитии, допускал хулиганские действия в отношении советских и иностранных студентов». Он демонстрировал «враждебное отношение к советской действительности», делал «злые, политически вредные высказывания в адрес советского народа и его руководителей», «тенденциозно отзывался о внешней политике СССР». Лишь в конце записки и не в качестве основания для выдворения Н.Н. Софинский сообщал, что С. Эзе и М. Эзенва — «активные сторонники сепаратистов из Биафры»¹⁸. МИД «в том, что его касается», не имел возражений против отчисления и высылки этих студентов¹⁹.

Правительство СССР должно стать «посредником в достижении мирного соглашения между Нигерией и Биафрой»

В обращениях студентов-игбо к советским властям затрагивались не только проблемы их отношений с посольством Нигерии, но и более глобальные темы. Понимая, что у Биафры практически нет шансов на военную победу, Ч. Оджукву придавал огромное значение пропаганде. В начале 1968 г. было создано Управление пропаганды, которому удавалось выигрывать информационную войну у федерального правительства (Stremlau, 1977, p. 116). Поскольку распространение продукции биафрских пропагандистов в Советском Союзе было запрещено, они пытались пробиться к советской аудитории через обращения общественных организаций игбо, отдельных граждан и студентов-игбо, обучавшихся в СССР.

Пропаганда Биафры в СССР имела свои особенности не только по форме, но и по содержанию. В обращениях не звучали главные темы биафрской пропаганды на Запад: обвинения федерального правительства в геноциде игбо нацистскими методами и

¹⁸ АВП РФ. Ф. 579. Оп. 13. П. 17. Д. 8. Л. 62—63. Н.Н. Софинский — Заместителю министра иностранных дел СССР Л.Ф. Ильичеву. 23 июня 1969 г.

¹⁹ АВП РФ. Ф. 579. Оп. 13. П. 17. Д. 8. Л. 64. Ильичев — Софинскому. 25 июня 1969 г.

изображение гражданской войны как религиозного конфликта — джихада мусульманского Севера против игбо как наиболее многочисленной и организованной христианской общины Нигерии. Доминирующим в обращениях был тезис о природе гражданской войны как о «борьбе социалистов против феодально-капиталистического Севера», «борьбе прогресса против реакции»²⁰.

В этом отношении характерно обращение «Биафрского бюро по человеческим отношениям» к председателю Совета Министров А.Н. Косыгину, подписанное его секретарем, студентом УДН А.У. Аносике. Оно причисляло студентов-игбо к «прогрессивным биафрцам», которые «проложили путь» в СССР для нигерийских студентов, «страстно агитировали за развитие отношений между Советским Союзом и Нигерией», «создали Рабоче-крестьянскую партию Нигерии», «изучали великие работы великого Ленина», «верили в социализм». Они боролись с «феодалами Севера» — «врагами прогресса» и ярыми поборниками «капиталистического образа жизни», которые запрещали нигерийцам выезд в СССР, «тормозили расширение связей с Восточной Европой»²¹.

Находясь вдали от родины, где бушует «жестокая и бессмысленная» война, студенты-игбо с гневом и болью следят за новостями о том как «армия федерального правительства уничтожает мирных жителей, насилует и вырезает беременных женщин, убивает невинных детей, в том числе и не старше трех лет, сжигает дома, грабит, уничтожает собственность». И все это происходит под лозунгом «Сохраним Нигерию единой», который уже дискредитирован в глазах мировой общественности²².

²⁰ АВП РФ. Ф. 579. Оп. 10. П. 12. Д. 5. Л. 112—113. Практикант посольства СССР в Нигерии А. Буевич. Обзор нигерийской прессы за период с 7.XI.—9.XII.67 г. 12 декабря 1967 г.

²¹ АВП РФ. Ф. 579. Оп. 11. П. 13. Д. 5. Л. 33—39. Biafrican Bureau for Human Relations USSR (BBHRU) — The Chairman, Soviet Council of Ministers. Published by Biafrican students, USSR. “Our Humble Appeal”. 25 марта 1968 г.

²² Там же.

Обращение призвало советскую молодежь, «всех членов комсомола» осознать «весь ужас положения», в котором оказалась Биафра, и обратиться к советскому правительству с просьбой «пересмотреть свою политику и сыграть отеческую роль», стать «посредником в достижении мирного соглашения между Нигерией и Биафрой»²³.

Аргументация авторов документа была не лишена логики и убедительности. В Восточной Нигерии были сильны профсоюзы, пользовались влиянием левые организации. Политики-игбо заняли последовательную позицию в споре между сторонниками и противниками установления дипломатических отношений между СССР и Нигерией и не дали правительству северянина А. Балева затянуть этот процесс (Мазов, 2008, с. 132—138). Игбо составляли большинство нигерийских студентов, обучавшихся в СССР, костяк руководства и актива Общества советско-нигерийской дружбы. Среди игбо было много членов Социалистической рабоче-крестьянской партии Нигерии, имевшей доверительные отношения с КПСС.

Журналист Е.А. Коршунов, побывавший в Восточной Нигерии незадолго до провозглашения Биафры, отмечал в своем репортаже, что там многое может порадовать глаз советского человека. Особенно в «красном» городе Аба, где «сильны профсоюзы, сильны левые организации», где находится «одно из крупнейших в стране отделений общества нигерийско-советской дружбы». В Абе советский человек встретит единомышленников и друзей. Там живет Поль Нвокеди («Пи Кей») — «известный адвокат, член руководства запрещенной еще при правительстве Иронси Социалистической рабоче-крестьянской партии Нигерии, президент Общества советско-нигерийской дружбы». В городе практиковал доктор Е.А. Охиаери, обучившийся профессии в Германской Демократической Республике. Он хотел учредить в городе «социалистический госпиталь» и заявлял, что «цель социалистической медицины лечить людей, а

²³ Там же.

капиталистической — зарабатывать деньги на их несчастьях»²⁴.

Аналогичное впечатление сложилось у сотрудников советского посольства в Лагосе, совершивших поездку по Восточной Нигерии с 21 апреля по 4 мая 1967 г.: «Отделения Общества советско-нигерийской дружбы работают в этой части страны весьма активно. Важную роль в этом отношении играет тот факт, что их, как правило, возглавляют члены Социалистической рабоче-крестьянской партии, обучавшиеся в СССР, и что их деятельность в целом направляется руководством партии. В Восточной Нигерии существуют в настоящее время благоприятные условия для широкого развития пропаганды социалистических идей и имеются для этого хорошо подготовленные, инициативные кадры, состоящие в основном из партийных работников и руководителей прогрессивных профсоюзов, входящих в Нигерийский конгресс профсоюзов»²⁵.

Перед руководством СССР встала непроявленная дилемма: поддержать отделение Восточной Нигерии, где были сильны позиции левых сил, или федеральное правительство, в котором доминировали представители Северной Нигерии и правили «консервативные феодальные элементы»²⁶.

Решение о советской позиции в отношении независимости Биафры Политбюро ЦК КПСС приняло 29 мая. Соответствующее постановление было коротким: «Согласиться с предложениями МИД СССР, изложенными в записке по Нигерии от 22 мая 1967 г.»²⁷.

²⁴ Коршунов Е. Там, за рекой Нигер // За рубежом. 1967. № 24. 9—15 июня. С. 16—17.

²⁵ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 11. П. 14. Д. 7. Л. 91, 97—98. [Советник посольства СССР в Нигерии] А. Красов, [Второй секретарь посольства СССР в Нигерии] Ю. Дедов «Отчет о поездке в Восточную Нигерию с лекциями о Советском Союзе». 11 мая 1967 г.

²⁶ АВП РФ. Ф. 047. Д. 49. П. 193. Л. 112. И.о. директора Института Африки АН СССР Г.Б. Старушенко — Заместителю министра иностранных дел СССР Я.А. Малику. Аналитическая справка «Африка после переворотов». 8 сентября 1966 г.

²⁷ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 11. П. 14. Д. 7. Л. 45. Проект постановления ЦК КПСС «О записке МИД СССР по Нигерии». 23 мая 1967 г.

Записка²⁸ была подготовлена II Африканским отделом МИД.

Авторы документа критиковали обе стороны конфликта — и федеральное правительство, и власти Восточной Нигерии. Правительство Я. Говона «до сих пор не смогло выработать какой-либо четкой программы действий и не располагает реальными силами, способными контролировать положение в стране». Среди федералов задают тон «феодално-помещичьи круги и племенная знать мусульманского Севера Нигерии». Северяне рассчитывают при поддержке англичан добиться такого государственного устройства, «при котором они могли бы и далее оказывать решающее влияние на определение внутренней и внешней политики Нигерии»²⁹.

О политической ориентации властей Восточной Нигерии в записке ничего не говорилось, отмечались сепаратистские устремления Ч. Оджукву и его окружения. Губернатор Восточной провинции, «выступая на словах за сохранение единства страны на базе конфедерации, фактически уклоняется от встреч с руководителями федерального военного правительства и со своей стороны не предпринимает усилий для достижения какого-либо компромиссного решения», ведет дело к «созданию самостоятельного государства»³⁰.

Главной угрозой интересам СССР называлось неминуемое усиление позиций США и Великобритании в отделившейся Биафре. Американцы «имеют значительные интересы в нефтяной отрасли», «поощряют сепаратистские тенденции», рассчитывая «занять доминирующее положение в экономике Восточной Нигерии», потеснив англичан. Те вели свою, враждебную СССР, игру: «Англия, занимающая господствующее положение в экономике Нигерии, обеспокоена последними событиями и активностью американцев в этой стране, однако до сих пор она не выступила открыто в поддержку федерального правительства и не осудила сепаратистских действий военных

²⁸ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 11. П. 14. Д. 7. Л. 41—44. А. Громыко — ЦК КПСС. 22 мая 1967 г.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

властей Восточной Нигерии. Придерживаясь такой позиции, англичане, по некоторым данным, исходят из того, что правительство Говона будет вынуждено обратиться к ним за военной помощью, что откроет возможность ввести в Нигерию английские войска»³¹.

Советская позиция формулировалась так: исходить из того, что «в обстановке активизации сил реакции и империализма на Африканском континенте весьма важным для Нигерии было бы сохранение ее единства»³².

Поддержка Советским Союзом федерального правительства Нигерии была обусловлена в первую очередь вполне обоснованными опасениями, что Биафра станет вотчиной главных геополитических противников — США и Великобритании. Чтобы не допустить этого, СССР пошел на альянс с «реакционными» федералами.

Второй причиной, побудившей СССР поддержать территориальную целостность Нигерии, была личность лидера Биафры. Ч. Оджукву был антиподом африканских политиков, которые провозгласили социалистическую ориентацию, пользовались покровительством советского руководства и получали от СССР существенную экономическую помощь. Он — сын одного из богатейших нигерийцев, сделавших многомиллионное состояние на транспортных перевозках и торговле; получил высшее гуманитарное и военное образование в Англии; прозападно настроенный игбовский националист, никогда не увлекавшийся левыми идеями.

Ч. Оджукву время от времени заявлял, что «видит лишь один путь развития [Нигерии. — *Прим. авт.*] — социалистический, и что общество должно быть построено так, чтобы в нем не было ни богатых, ни бедных»³³. В конце 1950 — начале 1960-х гг. этого, может быть, оказалось достаточным, чтобы сойти за сторонника социалистической ориентации. Но не в 1967 г.

³¹ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 11. П. 14. Д. 7. Л. 41—44. А. Громыко — ЦК КПСС. 22 мая 1967 г.

³² Там же.

³³ Коршунов Е. Там, за рекой Нигер // За рубежом. 1967. № 24. 9—15 июня. С. 17.

После неудач в Гвинее (высылка советского посла Д.С. Солода в конце 1961 г. и последовавшее охлаждение советско-гвинейских отношений) и Гане (свержение левого режима Кваме Нкрумы в феврале 1966 г.), а также поражения в схватке за «сердце Африки» — Конго (Леопольдвиль) (1960—1965 гг.) советское руководство стало более тщательно и осторожно выбирать потенциальных союзников в Африке. В советской политике в Африке наступило время «нового реализма» (Legvold, 1970, p. 275), когда приоритет идеологических императивов сменился прагматическим подходом.

Посол СССР в Нигерии А.И. Романов считал, что контакты с Биафрой контрпродуктивны, поскольку «сепаратистские тенденции в Нигерии явились следствием политических и экономических интриг американцев, англичан и их союзников», а «сепаратистский режим» Ч. Оджукву, «в какую бы тогу он ни рядился и какие бы пропагандистские заявления ни делал, является прежде всего креатурой американского империализма, которая ведет борьбу против федерального правительства на американские деньги»³⁴.

Призывы студентов-игбо к руководству СССР занять нейтральную, посредническую позицию в нигерийском кризисе шли вразрез с его геополитическими устремлениями и политикой в Африке. Обращение «Биафрского бюро по человеческим отношениям» к А.Н. Косыгину осталось без ответа, как и другие обращения биафрцев в советские инстанции. Они не предавались гласности, оставались в учреждениях, куда направлялись, и сдавались в архив.

Заключение

Исходя из геополитических соображений и логики холодной войны, СССР поддержал сохранение территориальной целостности

³⁴ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 11. П. 14. Д. 7. Л. 33. Посол СССР в Нигерии А. Романов — министру иностранных дел СССР А.А. Громыко. О некоторых соображениях по дальнейшему развитию советско-нигерийских отношений. 31 августа 1967 г.

Нигерии и оказал военную помощь федеральному правительству в его противостоянии с Биафрой. Это не сказалось на отношении советских властей к учившимся в СССР нигерийским студентам, принявшим сторону Биафры. Власти придерживались нейтральной позиции в отношении конфликтов, периодически возникавших между посольством Нигерии в Москве и студентами-игбо. Просьбы посольства о высылке из СССР студентов

за участие в «сепаратистской деятельности» не удовлетворялись. Студенты обращались во властные инстанции с призывами признать законность стремления биафрцев к самоопределению, прекратить поставки оружия центральному правительству и стать посредником в мирном урегулировании. Обращения оставались без ответа и не предавались гласности.

Поступила в редакцию / Received: 05.06.2021

Принята к публикации / Accepted: 26.10.2021

Библиографический список / References

- Иванова Л.В., Мазов С.В. Африканские студенты в СССР, 1960-е гг. // Африка в судьбе России, Россия в судьбе Африки / под ред. А.С. Балежина, А.Б. Давидсона, С.В. Мазова. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 430—482. [Ivanova, L. V., & Mazov, S. V. (2019). African students in the USSR, 1960s. In A. S. Balezin, A. B. Davidson & S. V. Mazov (Eds.), *Africa in the fate of Russia. Russia in the fate of Africa* (pp. 430—482). Moscow: Politicheskaya entsiklopediya publ. (In Russian).]
- Катсакиорис К. Африканские студенты в СССР. Учеба и политика во время деколонизации, 1960-е годы // Социальная история. Ежегодник 2008 / отв. ред. Н.Л. Пушкарева. СПб.: Алетейя, 2008. С. 209—228. [Katsakioris, C. (2008). African students in the USSR. Studies and politics during decolonization, 1960s. In N. L. Pushkareva (Ed.), *Social history. Yearbook 2008* (pp. 209—228). St. Petersburg: Aletheia publ. (In Russian).]
- Мазов С.В. Воспитывать «людей с прогрессивными взглядами, искренних друзей Советского Союза». Государственная политика в отношении обучавшихся в СССР африканцев, первая половина 1960-х годов // Pax Africana: континент и диаспора в поисках себя: сборник научных статей / отв. ред. А.Б. Давидсон. М.: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2009. С. 331—432. [Mazov, S. V. (2009). To educate “people with progressive views, sincere friends of the Soviet Union”. State Policy towards Africans studying in the USSR, the first half of the 1960s. In A. B. Davidson (Ed.), *Pax Africana. The continent and the diaspora in search for themselves: collection of scientific articles* (pp. 331—432). Moscow: Izdatel'skii dom Gosudarstvennogo universiteta — Vysshei shkoly ekonomiki publ. (In Russian).]
- Мазов С.В. Политика СССР в Западной Африке, 1956—1964. Неизвестные страницы истории холодной войны. М.: Наука, 2008. [Mazov, S. V. (2008). *The policy of the USSR in West Africa, 1956—1964. Unknown pages of the Cold War history*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).]
- Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. — 1960 г.: в 2 т. Т. 2: 1918—1960 гг. / под ред. А.Б. Давидсона, С.В. Мазова. М.: ИВИ РАН, 1999. [Davidson, A. B., & Mazov, S. V. (Eds.). (1999). *Russia and Africa. Documents and materials. 18th century — 1960: in 2 volumes. Vol. 2: 1918—1960*. Moscow: IVI RAN publ. (In Russian).]
- Červenka, Z. (1971). *The Nigerian war 1967—1970. History of the war. Selected bibliography and documents*. Frankfurt am Main: Bernard & Graefe Verlag Für Wehrwesen.
- De Saint Martin, M., Ghellab, G. S., & Mellakh, K. (Eds.). (2015). *Étudier à l'Est. Expériences de diplômés africains*. Paris: Karthala.
- De St. Jorre, J. (1972). *The brothers' war. Biafra and Nigeria*. Boston: Houghton Mifflin Company.
- Forsyth, F. (2015). *The Biafra story. The making of an African legend*. Barnsley, UK: Pen & Sword.
- Hessler, J. (2006). Death of an African student in Moscow. Race, politics, and the Cold War. *Cahiers du monde russe*, 47(1—2), 33—63. <https://doi.org/10.4000/monderusse.9591>
- Katsakioris, C. (2019a). The Lumumba University in Moscow: Higher education for a Soviet-Third World alliance, 1960—91. *Journal of Global History*, 14(2), 281—300. <https://doi.org/10.1017/S174002281900007X>

- Katsakioris, C. (2019b). Nationalismes dans la patrie du socialisme: Mobilisations nationales des étudiants du tiers-monde en Union soviétique. *Diasporas. Circulations, Migrations, Histoire*, (34), 91—108. <https://doi.org/10.4000/diasporas.4387>
- Kirk-Greene, A. H. M. (1971). *Crisis and conflict in Nigeria: A documentary sourcebook 1966—1969*. Vol. I: January 1966 — July 1967. New York: Oxford University Press.
- Legvold, R. (1970). *Soviet policy in West Africa*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Matusevich, M. (2003). *No easy row for a Russian hoe: Ideology and pragmatism in Nigerian-Soviet relations, 1960—1991*. Trenton, NJ: Africa World Press.
- Matusevich, M. (2008). Journeys of hope: African diaspora and the Soviet society. *African Diaspora*, 1(1—2), 53—85. <https://doi.org/10.1163/187254608X346033>
- Stremlau, J. (1977). *The international politics of the Nigerian Civil War, 1967—1970*. Princeton: Princeton University Press.

Сведения об авторе: Мазов Сергей Васильевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН; ORCID: 0000-0001-6502-751X; e-mail: s.mazov@mail.ru

About the author: Mazov Sergey Vasilyevich — PhD in History, Dr. of Sc. (History), Principal Research Fellow, Centre for African Studies, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0001-6502-751X; e-mail: s.mazov@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-835-837

**Рецензия на книгу:
Тренин Д. Новый баланс сил:
Россия в поисках внешнеполитического равновесия.
М.: Альпина паблишер, 2021. 471 с.**

М.А. Никулин

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
[✉nikulin-ma@rudn.ru](mailto:nikulin-ma@rudn.ru)

Для цитирования: Никулин М.А. Рецензия на книгу: Тренин Д. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М.: Альпина Паблишер, 2021. 471 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 835—837. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-835-837

**Book review:
Trenin, D. (2021). New Balance of Power:
Russia in Search of Foreign Policy Equilibrium.
Moscow: Alpina Publisher, 471 p. (In Russian)**

Maksim A. Nikulin

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
[✉nikulin-ma@rudn.ru](mailto:nikulin-ma@rudn.ru)

For citation: Nikulin, M. A. (2021). Book review: Trenin, D. (2021). New balance of power: Russia in search of foreign policy equilibrium. Moscow: Alpina Publisher, 471 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 835—837. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-835-837>

Тема поиска нового баланса сил в международных отношениях стала одной из популярных в среде российских международников. В подтверждение этого можно привести пример трех изданий, вышедших практически одновременно в 2021 г. (Баланс сил в ключевых регионах мира, 2021; Логика новой мироустроительной архитектуры и стратегии

держав, 2021; Тренин, 2021). Одна из этих работ — книга директора Московского центра Карнеги Дмитрия Тренина.

Структурно рецензируемая монография состоит из трех больших частей. Первая из них является вводной — автор кратко описывает, что представляет собой современная система международных отношений и по каким

© Никулин М.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

правилам она функционирует. Затем он дает такой же вводный курс во внешнеполитическое развитие России, выделяя несколько факторов, оказывающих на него большое влияние: «...геополитическое положение, геокультурная идентичность и специфические ценности, национальные интересы, стратегическая культура» (Тренин, 2021, с. 37—38).

Вторая часть содержит анализ внешней политики России, причем стартовой датой выбран не 1991 г., а 1985 г., так как, по мнению автора, внешняя политика всех российских президентов лежит на плечах последнего главы СССР — М.С. Горбачева. В каждом разделе, посвященном отдельным лидерам (причем президентский срок Д.А. Медведева рассматривается в контексте правления В.В. Путина), автор выделяет успехи, неудачи и ошибки их внешней политики, а также уроки, которые необходимо из них извлечь.

В третьей части книги Д. Тренин предлагает свой взгляд на то, какой должна быть большая стратегия России в XXI в. и как Москве следует выстраивать отношения с отдельными странами и регионами.

Ключевая идея работы Д. Тренина — необходимость равновесия как внутри страны между отдельными группами элиты, так и на международной арене, чтобы создать все условия для дальнейшего устойчивого развития российского государства. В этой связи нельзя не вспомнить слова одного из знаменитых глав правительств России П.А. Столыпина: «Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России» (Аксаков, 1912). Одна из проблем, которая, по мнению автора, является одной из важнейших в рамках установления такого равновесия, — оптимальное соотношение между интересами безопасности и интересами развития (Тренин, 2021, с. 62).

Среди положительных моментов работы Д. Тренина можно выделить ряд оригинальных идей, им предложенных. Как отмечается, сегодня Россия не встраивается ни в одну из имеющихся геополитических макроконструкций и поэтому постепенно занимает место Севера, «но при этом [становясь] не геополитическим северным полюсом, а отдельной величиной глобального уровня» (Тренин,

2021, с. 49). Идея о России как о Севере ранее уже высказывалась директором Центра исследований постиндустриального общества В.Л. Иноземцевым, однако лишь в контексте сближения с США¹, а не самостоятельного позиционирования России как отдельного центра в Северной Евразии. Сюда же можно отнести и ряд критических замечаний по поводу современной государственной системы в России, связанных с низкими моральными качествами современной российской элиты и идейной пустотой, которая, по сути, заменена культом сверхобогатения и сверхпотребления.

Отдельно следует подчеркнуть, что директор такого «прозападного центра»², как Московский центр Карнеги, написал достаточно убедительные разделы о том, почему у США и РФ не получилось выстроить по-настоящему партнерские и равные отношения в конце 1990-х — начале 2000-х гг. и в чем состоит основная проблема взаимодействия между Россией и странами евроатлантического сообщества. Более того, в качестве ключевой стратегии Д. Тренин предлагает выстроить систему коллективных и партнерских отношений в рамках Евразийского континента, где бы ядром выступал формат Россия — Индия — Китай (РИК), а его институциональным обрамлением — Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). На страницах своей книги он также использует такой набирающий популярность термин, как «незапад», подразумевая под ним часть человечества за пределами западного сообщества — Северной Америки, Европы, Японии, Австралии и еще нескольких стран (Тренин, 2021, с. 443), которые обладают похожими интересами,

¹ Inozemtsev V. Russia and America can reset relations by looking north // Financial Times. October 8, 2017. URL: <https://www.ft.com/content/8d0bba60-7845-11e7-a3e8-60495fe6ca71> (accessed: 06.10.2021).

² См.: Обзор деятельности «Фонда Карнеги» // РИА ФАН. 15.11.2018. URL: <https://riafan.ru/1121245-obzordeyatelnosti-fonda-karnegi> (дата обращения: 06.10.2021); Кошкин А. Иностраный агент в России оправдывает «ястреба» Абэ // ИА Регнум. 11.12.2019. URL: <https://regnum.ru/news/2804372.html> (дата обращения: 06.10.2021); Атлант расправил плечи: как нежелательная организация продолжает влиять на Россию // РИА ФАН. 02.09.2021. URL: <https://riafan.ru/1514439-atlant-raspravil-plechi-kak-nezhelatel'naya-organizaciya-prodolzhaet-vliyat-na-rossiyu> (дата обращения: 06.10.2021).

схожими подходами к конкретным международным проблемам, а иногда и историческими связями.

Среди недостатков данной книги можно отметить западноцентричность взглядов автора, которая особенно ярко проявляется в третьем разделе книги. Безусловно, ученый сразу дает понять, что «главная мировая тенденция 2020-х годов — начало становления миропорядка, в котором страны Запада впервые с эпохи Великих географических открытий и повторного изобретения пороха не будут играть господствующей роли» (Тренин, 2021, с. 251), однако в дальнейшем более подробно раскрывает, что ждет Москву в ее отношениях с западными государствами, нежели чем рассматривает перспективы ее внешнеполитического развития в других регионах, особенно в рамках стран третьего мира (например, разделы о США и ЕС занимают 36 страниц, о КНР — 13 страниц, об Африке и Латинской Америке — 6 страниц). Сюда также можно отнести и достаточно скептическое отношение автора к экономической интеграции на постсоветском пространстве, которое проявляется в утверждениях, что «попытка Путина включить Украину в состав Евразийского союза была не просто напрасной. Такая интеграция, если бы ее удалось запустить, с самого начала

была бы чрезвычайно проблемной, очень затратной для России и в конечном итоге провалилась бы...» (Тренин, 2021, с. 244). Это очень спорное заявление, так как успешные интеграционные блоки на постсоветском пространстве не могут существовать без Украины в их составе³.

Достаточно странно слышать заявления о том, что «фундаментальной ошибкой российской внешней политики с середины 1990-х была чрезмерная сосредоточенность на проблеме расширения НАТО» (Тренин, 2021, с. 240), учитывая утверждения автора, что внешняя политика как Б.Н. Ельцина, так и В.В. Путина базировалась на наследии М.С. Горбачева, от которого в наследство и перешла идея о значимости буфера из государств Центральной и Восточной Европы.

Подводя общий итог, можно констатировать, что Д. Тренин подготовил очень интересную работу, написанную простым и емким языком, которая может послужить хорошей основой для дальнейшего обсуждения отдельных тем внешнеполитического развития России в XXI в.

³ Портанский А.П. Киев между двух огней // ИМЭМО РАН. 14.06.2013. URL: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/kiev-mezhdu-dvuh-ognej> (дата обращения: 06.10.2021).

Поступила в редакцию / Received: 19.10.2021
Принята к публикации / Accepted: 26.10.2021

Библиографический список

- Аксаков А.П. Высший подвиг. СПб.: Изд-во Всерос. нац. клуба, 1912.
Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ / под ред. Д.А. Дегтерева, М.А. Никулина, М.С. Рамича. М.: РУДН, 2021.
Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021.
Тренин Д. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М.: Альпина паблишер, 2021.

References

- Aksakov, A. P. (1912). *The highest feat*. Saint Petersburg: Vserossijskij nacional'nyj klub publ. (In Russian).
Degterev, D. A., Nikulin, M. A. & Ramich, M. S. (Eds.). (2021). *Balance of power in key regions of the world: Conceptualization and applied analysis*. Moscow: RUDN publ. (In Russian).
Voskressenski, A. D. (Ed.). (2021). *Logic of the new world-building architectonics and the strategy of powers*. Moscow: Strategicheskie izyskaniya publ. (In Russian).
Trenin, D. (2021). *New balance of power: Russia in search of foreign policy equilibrium*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russian).

Сведения об авторе: *Никулин Максим Андреевич* — ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-0971-0987; e-mail: nikulin-ma@rudn.ru

About the author: *Nikulin Maksim Andreevich* — Assistant, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); ORCID: 0000-0002-0971-0987; e-mail: nikulin-ma@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-838-840

**Рецензия на книгу:
Морозова Н.Н. Марокко и Иордания:
роль исламского фактора в политике.
М.: Аспект Пресс, 2022. 160 с.**

В.Н. Зарытовская

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 zarytovskaya-vn@rudn.ru

Для цитирования: Зарытовская В.Н. Рецензия на книгу: Морозова Н.Н. Марокко и Иордания: роль исламского фактора в политике. М.: Аспект Пресс, 2022. 160 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 838—840. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-838-840

**Book review:
Morozova, N. N. (2022). Morocco and Jordan:
Role of Islamic Factor in Politics.
Moscow: Aspekt Press publ., 160 p. (In Russian)**

Victoria N. Zarytovskaya

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

 zarytovskaya-vn@rudn.ru

For citation: Zarytovskaya, V. N. (2021). Book review: Morozova, N. N. (2022). Morocco and Jordan: Role of Islamic factor in politics. Moscow: Aspekt Press publ., 160 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 838—840. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-838-840>

Тема исламского фактора во внешней и внутренней политике арабских государств за последние годы приобрела большое значение в сфере научного поиска и изучения международных отношений в связи с возрастающей ролью религии в политике как ответа на глобализационные процессы в мире. Именно феномена исламского фактора касается автор рецензируемой монографии.

С точки зрения структуры монографию можно разделить на три части, каждая из которых посвящена конкретной проблематике, что соответствует трем главам работы. В первой

главе рассматриваются особенности внешней политики исследуемых стран, а также роль и место ислама в системе внутри- и внешнеполитического устройства государств (Морозова, 2022, с. 13—46).

Вторая глава содержит описание роли исламского фактора в развитии отношений Марокко и Иордании со странами Ближнего Востока. В целом это самая большая часть работы, в которой отражены основные аспекты взаимодействия Марокко и Иордании со странами региона Ближнего Востока и Северной Африки. Первый параграф главы посвящен

© Зарытовская В.Н., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

одной из самых болезненных тем для региона — ближневосточному конфликту. Н.Н. Морозова выделяет общую для обоих королевств тенденцию при формировании внешнеполитических векторов в отношении данного конфликта: объединяющим моментом является город Иерусалим и ситуация вокруг его статуса. Автор цитирует слова иорданского монарха короля Абдаллы II: «У нас есть исторические обязательства перед Иерусалимом и его святыми местами» (Морозова, 2022, с. 57). Данная цитата характеризует общую обеспокоенность вокруг ситуации конфликта и вопроса о безопасности и автономности Иерусалима, что должно быть обязательно выполнено в соответствии с резолюцией ООН № 181 от 29 ноября 1947 г.¹

Второй вопрос, который поднимает автор в книге, касается еще более сложной и опасной темы — проблемы международного терроризма и угрозы безопасности для региона и мира в целом, которую создает это явление. Особо ценным материалом в работе является анализ террористических атак на города Марокко и Иордании на основе всемирной базы данных террористической активности, представленный в таблицах с указанием дат атак и количества жертв (Морозова, 2022, с. 63—66). Проблема международного терроризма за последние десятилетия приобрела исследовательскую актуальность в различных аспектах и на различных уровнях. Роль королевств в борьбе с терроризмом представлена достаточно обширно, Н.Н. Морозова указывает на обзор как антитеррористической деятельности государств внутри региона, так и их участия в международных инстанциях по борьбе с этим явлением.

Третья часть монографии посвящена внешнеполитическим приоритетам в отношениях со странами Запада, а также Россией. В первом параграфе автор концентрируется на проблеме миграции из региона Ближнего Востока в страны Европы и США. Во втором

параграфе вновь рассматривается проблема международного терроризма и участие Марокко и Иордании в международных коалициях по борьбе с террористическими организациями, в том числе в возглавляемом США альянсе по борьбе с террористической организацией ИГИЛ² в Сирии. Третий параграф представляет собой анализ взаимодействия Иордании и Марокко с Россией по линии религиозного сотрудничества и на других направлениях.

Основная задача монографии — продемонстрировать роль исламского фактора в процессе принятия внешнеполитических решений арабских стран на примере анализа внешней политики Королевства Марокко и Иорданского Хашимитского Королевства за последние десятилетия, что, на наш взгляд, автору всецело удалось реализовать. Через все главы «красной линией» проходит многосторонний и глубокий анализ внешнеполитических приоритетов государств во взаимосвязи с внутривнутриполитическими особенностями каждого из них. Автор справедливо отмечает важность такого направления, как «религиозная дипломатия», в деятельности обеих стран. Под «религиозной дипломатией» понимается деятельность государства по продвижению своих национальных интересов посредством распространения собственных религиозных ценностей (Чикризова, 2020, с. 254—255).

В монографии Н.Н. Морозовой также исследуется ряд инициатив, связывающих сразу три аспекта: ислам, внутреннюю и внешнюю политику. Автор не раз обращается к иорданской инициативе «Амманского послания», объединяющей внутри- и внешнеполитические контакты в рамках социально-гуманитарной инициативы, направленной на популяризацию мирного сосуществования и призыва к отделению террористической и экстремистской идеологии от исламской религии.

Бесспорным достоинством книги «Марокко и Иордания: роль исламского фактора в политике» является научное обоснование тесной взаимосвязи внутренней, внешней политики и ислама в арабских государствах.

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 181 «Будущее правительство Палестины». 29.11.1947 // ООН. URL: [https://undocs.org/ru/A/RES/181\(II\)](https://undocs.org/ru/A/RES/181(II)) (дата обращения: 12.08.2021).

² Организация запрещена в РФ.

В этой связи не вызывает сомнений важность параграфа, повествующего о политико-правовом статусе ислама в арабских странах и его влиянии на внешнеполитическую деятельность исследуемых государств. Автор справедливо ссылается на работу профессора М.М. Мchedловой, отмечая, что «религия — это особый системообразующий элемент цивилизационной матрицы» (Мchedлова, 2014, с. 70; Морозова, 2022, с. 14). Именно в этой связи важно изучение исламского фактора в политике, что лишний раз подчеркивает актуальность рецензируемой монографии.

Несмотря на достаточно глубокое изучение разнообразных аспектов исследуемой проблемы, на наш взгляд, монографию украсило бы более подробное рассмотрение влияния исламского фактора на двусторонние

отношения Марокко и Иордании со странами Запада, в том числе США и Россией. В третьей главе автор затрагивает вопросы, касающиеся роли исламского фактора в отношениях с Россией, и продолжение исследования именно в этом направлении представляется нам наиболее перспективным. Тем не менее данное замечание носит лишь рекомендательный характер и предлагает дальнейшую траекторию изучения форм проявления «исламского фактора» в политике арабских стран.

Рецензируемая монография, несомненно, будет интересна как начинающим знакомство с Ближним Востоком, так и опытным экспертам, поскольку работа служит достойным примером сравнительного исследования с проработанной структурой и стройной теоретико-методологической базой.

Поступила в редакцию / Received: 19.09.2021

Принята к публикации / Accepted: 26.10.2021

Библиографический список

- Морозова Н.Н. Марокко и Иордания: роль исламского фактора в политике. М.: Аспект Пресс, 2022.
- Мchedлова М.М. Религия в современном мире: как возможен синтез глобального и традиционного // Социология религии в обществе позднего модерна: сборник статей по материалам IV Международной научной конференции. Белгород, 12 сентября 2014 года. Белгород: ИД «Белгород», 2014. С. 68—74.
- Чикризова О.С. Феномен религиозной дипломатии: опыт мусульманских стран для России // Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран. 2020. Вып. 3. С. 254—263.

References

- Chikrizova, O. S. (2020). The phenomenon of religious diplomacy: The experience of Muslim countries for Russia. *Economic, Socio-political, Ethno-confessional Problems of Afro-Asian Countries*, (3), 254—263. (In Russian).
- Mchedlova, M. M. (2014). Religion in the Modern world: How the synthesis of the global and the traditional is possible. *Sociology of religion in the society of late Modernity: collection of articles based on the materials of the IV International Scientific Conference*. Belgorod, September 12, 2014. Belgorod: ID “Belgorod” publ. P. 68—74. (In Russian).
- Morozova, N. N. (2022). *Morocco and Jordan: Role of Islamic factor in politics*. Moscow: Aspekt Press publ. (In Russian).

Сведения об авторе: Зарытовская Виктория Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-9910-7913; e-mail: zarytovskaya-vn@rudn.ru

About the author: Zarytovskaya Victoria Nikolaevna — PhD in Pedagogy, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University); ORCID: 0000-0001-9910-7913; e-mail: zarytovskaya-vn@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-841-843

**Рецензия на книгу:
Конаровский М.А. Афганистан на рубеже веков:
новый перекресток судьбы. М.: МГИМО, 2020. 356 с.**

Д.П. Елагин^{1,2}

¹МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 d.elagin@my.mgimo.ru; elagin-dp@rudn.ru

Для цитирования: Елагин Д.П. Рецензия на книгу: Конаровский М.А. Афганистан на рубеже веков: новый перекресток судьбы. М.: МГИМО, 2020. 356 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 841—843. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-841-843

**Book review:
Konarovskiy, M. A. (2020). Afghanistan at the Turn of the Century:
A New Crossroads of Fate. Moscow: MGIMO publ., 356 p. (In Russian)**

Denis P. Elagin^{1,2}

¹MGIMO University, Moscow, Russian Federation

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

 d.elagin@my.mgimo.ru; elagin-dp@rudn.ru

For citation: Elagin, D. P. (2021). Book review: Konarovskiy, M. A. (2020). Afghanistan at the turn of the century: A new crossroads of fate. Moscow: MGIMO publ., 356 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 841—843. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-841-843>

Летом 2021 г., спустя почти 20 лет после начала операции «Несокрушимая свобода» и, как могло показаться тогда, уверенной и окончательной победы возглавляемой США коалиции над Движением талибов¹, ситуация в Афганистане вновь оказалась в центре внимания экспертов, аналитиков и исследователей. Молниеносное наступление талибов, в результате которого им удалось взять под контроль Кабул и большую часть страны (за исключением некоторых уездов провинции Панджшер и соседних с ней провинций), стало неожиданностью даже для дислоцированных в стране иностранных военных, которые оказались

вынуждены форсировать эвакуацию из Афганистана. Эти события заставляют вновь обратиться к рассмотрению причин неудачи западной коалиции в миростроительстве и государственном строительстве в Афганистане. Одна из работ, позволяющих пролить на них свет, — опубликованная в 2020 г. монография экс-посла России в Афганистане М.А. Конаровского.

Рецензируемая книга преимущественно посвящена событиям, происходившим в Афганистане в 2002–2004 гг., когда автор возглавлял российское посольство в стране. Такой фокус работы позволяет автору обогатить историческое исследование собственными

¹ Организация запрещена в РФ.

© Елагин Д.П., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

воспоминаниями. Актуальность исследования раскрывается в авторской метафоре, заключенной в названии монографии. В ней (если оставить в стороне ее личную часть) находит отражение проблема выбора модели развития и модернизации, с которой страна (как и ее политическая элита) неоднократно сталкивалась и которую пыталась решить на протяжении XX в. С таким же выбором Афганистан столкнулся и в начале нового столетия. Причем, как отмечает автор, аналогично социалистической попытке модернизации страны, нынешняя воспринималась с оптимизмом: хотя «опыт Советского Союза изучался досконально, и там (в США. – Прим. авт.) не могли не знать о проблемах, которые появлялись в результате длительного пребывания в этой стране иностранных войск» (Конаровский, 2020, с. 54), «не только западные столицы, но и новые власти Кабула сразу же оказались заложниками иллюзий о том, что стоит лишь оказать им массивное внешнее военное и экономическое содействие, то все проблемы страны будут немедленно решены» (Конаровский, 2020, с. 52–53). Недавние события в Афганистане отчетливо показывают, что эти надежды не оправдались, а многие из проблем, как отмечает автор, были очевидны еще в самом начале процесса государственного строительства и постконфликтного восстановления.

Структурно рецензируемая монография состоит из 19 глав, эпилога и приложений, содержащих биографии ключевых участников афганского политического процесса, которые могут быть полезны читателю, не так хорошо знакомому с ключевыми персоналиями королевского или даудовского периода. Повествование построено в хронологическом порядке и может быть условно разделено на несколько частей.

Первые несколько глав (Конаровский, 2020, с. 5–54) задают общий контекст повествования и посвящены развитию Афганистана до 2001 г. Автор делает особый акцент на описании истории развития дипломатических отношений между Россией и Афганистаном, которые помещаются им в контекст как глобальных, так и национальных политических изменений. Ученый также приводит некоторые относительно малоизвестные аспекты этих

отношений, связанные, например, с практикой назначения советских послов в Афганистане, в том числе их биографии и достижения на этом посту.

Вторая часть книги (Конаровский, 2020, с. 54–186) охватывает события, происходившие в период между началом операции «Несокрушимая свобода» (октябрь 2001 г.) и созывом Чрезвычайной Лойя Джирги, состоявшейся в июне 2002 г. и утвердившей состав Переходной администрации Афганистана. Наряду с политическими проблемами и противоречиями, связанными с согласованием и организацией этого мероприятия, автором описываются мероприятия по реорганизации деятельности российского посольства, восстановлению его комплекса, серьезно пострадавшего за годы гражданской войны, а также повседневная жизнь дипломатического корпуса в Афганистане в эти еще относительно свободные с точки зрения угроз безопасности годы.

В последней части (Конаровский, 2020, с. 186–282) излагаются события, произошедшие в период между Чрезвычайной и Конституционной Лойя Джиргой, собравшейся в Кабуле в декабре 2003 г. – январе 2004 г. Основное внимание в этих главах уделено политической борьбе и противоречиям в ходе подготовки конституции Афганистана, детально описана непосредственно Конституционная Лойя Джирга и процесс обсуждения, доработки и голосования по конституции. Наряду с этим автором показано постепенное нарастание противоречий и недопонимания между Россией и странами Запада (прежде всего США), напрямую связанное с активизацией российской внешней политики и попыткой «возвращения» в Афганистан, которое сталкивалось с противодействием Запада.

В эпилоге (Конаровский, 2020, с. 282–293) автор подводит итог своего пребывания в Афганистане в качестве посла Российской Федерации, дает краткое описание некоторых более поздних событий и дальнейшей судьбы Афганистана. М.А. Конаровский делает неутешительный вывод, что уже тогда было очевидно, что «страну ждут турбулентные времена и множество проблем и что западные модели будут для нее малопримлемы, а схватка с талибами продолжит набирать обороты»

(Конаровский, 2020, с. 283). В то же время возвращение талибов к власти в Афганистане казалось тогда весьма маловероятным.

Монография М.А. Конаровского значима как в контексте исследований истории российской внешней политики, так и истории Афганистана. В ней с большим вниманием описываются проявившиеся уже в начале 2000-х гг. взаимные противоречия и недоверие между США и Россией. Наряду с этим раскрываются факторы хрупкости афганской государственности – этнические и племенные противоречия, коррупция, просчеты, допущенные международной коалицией. Они отчетливо проявлялись уже во время Чрезвычайной и Конституционной Лояль Джириги и предопределили слабость и неустойчивость установленного при иностранном содействии политического режима.

Данное издание важно и в контексте исследований истории российской дипломатии, учитывая, что восстановление работы российского посольства в Кабуле действительно представляло большую организационную проблему. Ее решение является важным достижением российской дипломатии начала 2000-х гг., которое, однако, часто остается незамеченным на фоне перипетий большой политики. М.А. Конаровский подробно описывает многие из бытовых проблем восстановления его работы и реконструкции комплекса российского посольства в Кабуле. Эти сведения также дополнены ценными воспоминаниями о работе дипкорпуса в возвращавшейся к мирной жизни стране. Значительный интерес представляют и воспоминания автора о встречах с ключевыми участниками политического

процесса в Афганистане начала 2000-х гг., многие из которых продолжали играть ведущую роль в нем вплоть до недавнего времени.

Книга не лишена и некоторых недостатков. К ним можно отнести, во-первых, вкрапления бюрократического, «мидовского» языка, который иногда выбивается из общей стилистики монографии и не свойствен научным работам или публикациям мемуарного характера. Во-вторых, это нечеткая структура изложения, в которой воспоминания автора о Кабуле и Афганистане 1970-х гг. переплетаются с более современными событиями. Представляется, что это может запутать плохо знакомого с историей и персоналиями Афганистана читателей.

В заключение следует отметить, что работа М.А. Конаровского должна занять достойное место среди других книг, написанных непосредственными участниками событий в Афганистане начала 2000-х гг. Западный взгляд на события, описываемые М.А. Конаровским, раскрывается в книгах экс-посла и экс-спецпредставителя США по Афганистану З. Халилзада (Khalilzad, 2016) или К. Малкасяна (Malkasian, 2021). Необходимо подчеркнуть, что сегодня и западные авторы критически относятся к американской политике в Афганистане в период активного государственного строительства, признают допущенные просчеты и ошибки. Данные работы наряду с монографией М.А. Конаровского могут быть рекомендованы исследователям и всем интересующимся проблемами развития современного Афганистана для более глубокого и разностороннего изучения.

Поступила в редакцию / Received: 09.09.2021

Принята к публикации / Accepted: 26.10.2021

Библиографический список / References

- Конаровский М.А. Афганистан на рубеже веков: новый перекресток судьбы. М.: МГИМО, 2020. [Konarovskiy, M. A. (2020). *Afghanistan at the turn of the century: A new crossroads of fate*. Moscow: MGIMO publ. (In Russian).]
- Khalilzad, Z. (2016). *The Envoy: From Kabul to the White House, my journey through a turbulent world*. New York: St. Martin's Press.
- Malkasian, C. (2021). *The American war in Afghanistan: A history*. New York: Oxford University Press.

Сведения об авторе: *Елагин Денис Павлович* – преподаватель кафедры мировой экономики МГИМО МИД России; ассистент кафедры теории истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-2928-8058; e-mail: d.elagin@my.mgimo.ru, elagin-dp@rudn.ru

About the author: *Elagin Denis Pavlovich* – Lecturer, World Economy Department, MGIMO University; Assistant, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); ORCID: 0000-0002-2928-8058; e-mail: d.elagin@my.mgimo.ru, elagin-dp@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-844-846

Рецензия на книги:
Lebedeva M. Russian Public Diplomacy.
From USSR to the Russian Federation. N.Y.: Routledge, 2021. 78 p.;
Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice / ed. by A. Velikaya,
G. Simons. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 285 p.

Б.Х. Бахриев

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

b.bahriev@inno.mgimo.ru

Для цитирования: Бахриев Б.Х. Рецензия на книги: Lebedeva M. Russian Public Diplomacy. From USSR to the Russian Federation. N.Y.: Routledge, 2021. 78 p.; Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice / ed. by A. Velikaya, G. Simons. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 285 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 844—846. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-844-846

Books review:
Lebedeva, M. (2021). Russian Public Diplomacy.
From USSR to the Russian Federation. N.Y.: Routledge, 78 p.;
Velikaya, A., & Simons, G. (Eds.). (2020). Russia's Public Diplomacy:
Evolution and Practice. Cham: Palgrave Macmillan, 285 p.

Bahri Kh. Bahriev

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

b.bahriev@inno.mgimo.ru

For citation: Bahriev, B. Kh. (2021). Books review: Lebedeva, M. (2021). Russian public diplomacy. From USSR to the Russian Federation. N.Y.: Routledge, 78 p.; Velikaya, A., & Simons, G. (Eds.). (2020). Russia's public diplomacy: Evolution and practice. Cham: Palgrave Macmillan, 285 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 844—846. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-844-846>

На фоне детериорации взаимоотношений между Западом и Россией возникает необходимость доведения до глобальной общественности и академических кругов специфики российской политики «мягкой силы». Для международной аудитории профильные исследования российских специалистов остаются неизвестными ввиду отсутствия работ на английском языке. В этом контексте рецензируемые монографии, изданные ведущими западными издателями, являются первыми попытками

российских ученых представить англоязычному читателю особенности понимания публичной дипломатии (как инструмента «мягкой силы») в академическом дискурсе России и специфику ее применения как инструмента государственной политики.

В монографии выдающегося российского исследователя мировой политики профессора М.М. Лебедевой «Российская публичная дипломатия: от СССР до Российской Федерации» исследуется преимущественно теоретический

© Бахриев Б.Х., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

дискурс о феномене публичной дипломатии в России. Представляя контекст его развития, автор утверждает, что в современном мире наблюдается рост значимости социально-гуманитарных ресурсов, дополняющих традиционные факторы влияния. Данный тренд, ставший предпосылкой развития публичной дипломатии, анализируется в первой главе. Разбирая концептуальные основы публичной дипломатии и характерные черты данного феномена, автор утверждает, что публичная дипломатия ориентирована на диалог, открытость и формирование долгосрочных отношений; она не использует манипулятивные стратегии (Lebedeva, 2021, p. 7). Непонимание таких особенностей приводит к усложнению категориального аппарата публичной дипломатии. Несмотря на подробный разбор смежных концептов, популярному в последние годы в западном академическом дискурсе термину «острая сила» (*sharp power*) не уделено должного внимания, хотя именно он на Западе встречается в контексте исследования политики «мягкой силы» России на современном этапе.

Во второй главе монографии в краткой форме раскрывается эволюция публичной дипломатии России — от советского периода до современности. По мнению автора, советская народная дипломатия отличалась этатизмом и сильным влиянием идеологических установок. Российская публичная дипломатия в первые постсоветские годы тоже оставалась «советской», но постепенно начала адаптироваться под политико-технологические реалии времени. Заключительная глава книги освещает исследовательский дискурс о публичной дипломатии в России. Выделены три группы ученых — теоретики публичной дипломатии, исследователи практики различных государств и международных организаций в этой области, а также специалисты конкретных направлений публичной дипломатии. Отмечается, в России недостаточно изучен опыт использования публичной дипломатии наднациональными структурами и международными организациями (Lebedeva, 2021, p. 41).

Рецензируемая книга, несмотря на небольшой объем, достаточно комплексно отражает специфику понимания публичной дипломатии в России. Для англоязычной

научной аудитории она прояснит многие концептуальные сложности по данной тематике.

Коллективная монография «Публичная дипломатия России: эволюция и практика» представляет читателю большую картину эволюции российской политики «мягкой силы», ее основных форм реализации через публичную дипломатию на современном этапе. Тематически главы книги можно условно разделить на три группы. Во введении и 1—4-й главах освещается исторический аспект российской публичной дипломатии и основные формы национального брендинга. В 5—9-й главах исследуются более узкие сферы российской практики — от цифровой, научно-образовательной дипломатии до возможностей гражданского общества и международных организаций по продвижению «мягкой силы» России. В остальных главах изучается публичная дипломатия РФ на примере отдельных регионов мира.

Во введении монографии авторы, представляя «жесткосиловые» реалии мировой политики, утверждают, что негативное восприятие российской политики «мягкой силы» на Западе возрождает дискурс о «новой холодной войне» (Velikaya & Simons, 2020, p. 12). Однако именно в такой ситуации публичная дипломатия России становится более «русской», то есть отходит от копирования западных моделей, прагматично концентрируясь на достижении задач внешней политики РФ.

Особый интерес вызывают главы, в которых изучаются использование РФ дипломатии развития (*development diplomacy*) для формирования позитивного международного имиджа, особенно после «крымской весны» 2014 г. (Velikaya & Simons, 2020, p. 65), а также цифровой дипломатии, выработавшей свою специфику, заключающуюся в точечном характере информационных проектов, воспроизводстве чувствительных дискурсов, формировании общественного мнения через умные хештэги и проч.

Актуальным представляется исследование научно-образовательного направления публичной дипломатии РФ для завоевания «умов и сердец» молодого поколения в разных странах и формирования стратегического социального капитала. Объективна во многом и оценка (не)участия гражданского общества в

российской публичной дипломатии, что осложняет ее нейтральное восприятие.

В блоке региональных кейсов обращает на себя внимание политика «мягкой силы» РФ в Латинской Америке, опирающаяся на активное использование информационной (Russia Today, «Россия сегодня») и научно-культурной дипломатии (Россотрудничества, РПЦ и др.). Учитывая противоречивую политику США в регионе, Россия становится более привлекательным партнером для латиноамериканских государств. Данным аргументом объясняются и успехи публичной дипломатии РФ на Ближнем Востоке, где Москва комбинирует использование «жесткой» и «мягкой силы».

В заключении монографии заслуживает внимания попытка редакторов А. Великой и Г. Саймонса объективно оценить эффективность публичной дипломатии РФ. Освещены такие проблемы, как исключительный акцент на работе с соотечественниками, незнание «публичными» дипломатами языков регионов пребывания, внимание к помпезным мероприятиям, отсутствие взаимодействия с критически настроенными кругами в странах-объектах и др. Отмечены необходимость проведения аудита публичной дипломатии РФ, корректировка идеологической стороны практики, в которой часто «инакомыслие путается с враждебностью» (Velikaya & Simons, 2020, p. 269). Сделан вывод, что из-за тактического и государственноцентричного характера публичной дипломатии РФ при ее оценке *показатели активности* преподносятся как *индикатор эффективности*, что не позволяет последовательно оптимизировать стратегию «мягкой силы» России.

В работе чувствуется стремление авторов к максимально нейтральному представлению своих взглядов. Однако критика в адрес

западной/американской публичной дипломатии встречается во многих главах. Монография выиграла бы от последовательного использования коллективом классического понимания публичной дипломатии, а также большего внимания к исследованию культурной дипломатии России в чистом виде. Также «утомительным» для читателя кажутся повторы описания деятельности структур российской публичной дипломатии, без которых текст выглядел бы более выигрышно.

Эти замечания, однако, не умаляют значимость книги, привлекая внимание западной академической аудитории в виде роста цитируемости, публикации рецензий и включения букинистическими агрегаторами в списки лучших новинок в области международных отношений и дипломатии.

Представленные научные монографии, таким образом, вносят значительный вклад в исследование теоретико-практических аспектов публичной дипломатии РФ на современном этапе. Выпуск работ известными западными издательствами на английском языке может способствовать девестернизации дискурса о публичной дипломатии, так как представленная в книгах специфика российской интерпретации и политики «мягкой силы» не всегда вписывается в каноническое, американское понимание публичной дипломатии. Наконец, сам факт публикации данных монографий на Западе на английском языке представляется формой публичной дипломатии, так как доводит до глобальной академической и широкой аудитории видение политики «мягкой силы» в России, профильную стратегию страны с объяснением ее специфики. Это делает рецензируемые издания значимыми научными трудами с высокой прикладной значимостью.

Поступила в редакцию / Received: 27.09.2021

Принята к публикации / Accepted: 26.10.2021

Библиографический список / References

- Lebedeva, M. (2021). *Russian public diplomacy. From USSR to the Russian Federation*. N.Y.: Routledge.
Velikaya, A., & Simons, G. (Eds.). (2020). *Russia's public diplomacy: Evolution and practice*. Cham: Palgrave Macmillan.

Сведения об авторе: Бахриев Бахри Хуршедович — кандидат политических наук, научный сотрудник кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России; ORCID: 0000-0003-0542-7946; e-mail: b.bahriev@inno.mgimo.ru

About the author: Bahriev Bahri Khurshedovich — PhD (Political Science), Research Fellow, World Politics Department, MGIMO University; ORCID: 0000-0003-0542-7946; e-mail: b.bahriev@inno.mgimo.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-847-850

Рецензия на книгу:
**Грачиков Е.Н. Китайская школа международных отношений:
на пути к большим теориям. М.: Аспект Пресс, 2021. 304 с.**

Е.Ю. Каткова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 katkova-eyu@rudn.ru

Для цитирования: Каткова Е.Ю. Рецензия на книгу: Грачиков Е.Н. Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям. М.: Аспект Пресс, 2021. 304 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 847—850. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-847-850

Book review:
**Grachikov, E. N. (2021). The Chinese School of International Relations:
On the Way to Big Theories. Moscow: Aspekt Press publ., 304 p. (In Russian)**

Evgeniya Yu. Katkova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

 katkova-eyu@rudn.ru

For citation: Katkova, E. Yu. (2021). Book review: Grachikov, E. N. (2021). The Chinese school of international relations: On the way to big theories. Moscow: Aspekt Press publ., 304 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 847—850. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-847-850>

Эра доминирования Запада и западных идей в науке о международных отношениях движется к своему закату. Пассионарные и быстроразвивающиеся страны Глобального Юга выходят на передний план мировой политики, что ведет к необходимости изучения внешнеполитической стратегии данных государств с учетом их специфики. Флагманом и примером для многих развивающихся стран служит Китай, преодолевший столетие «унижения и бедности»¹, превратившись в одного из лидеров мировой политики и экономики, способного бросить вызов доминированию США. Для России, которой Китай приходится

крупнейшим соседом, важно изучать и понимать процессы, происходящие в этом быстрорастущем государстве, что требует осмысления его культурных, политических и стратегических основ, знаний о которых так не хватает сегодняшней российской синологии. Как верно отмечает китайский ученый Чжао Тинян, «на человека смотри с позиции человека, на семью — с позиции семьи... на государство — с позиции государства, а на Поднебесную — с позиции Поднебесной» (Грачиков, 2021b, с. 138).

В свете этого монография «Китайская школа международных отношений: на пути к

¹ Xi Jinping: Zai qingzhu zhongguo gongchandang chengli 100 zhounian dahui shang de jianghua [Си Цзиньпин: Выступление на праздновании 100-летия основания Коммунистической партии Китая] // Xinhua. 15.07.2021. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2021-07/15/c_1127658385.htm (accessed: 25.08.2021).

© Каткова Е.Ю., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

большим теориям» представляет большой интерес. Ее автор — Е.Н. Грачиков — является известным российским политологом-синологом, китаистом, одним из первых российских ученых, который начал изучать китайские теории международных отношений в рамках широкого дискурса западных теорий. Данная монография стала результатом труда нескольких лет. Ей предшествовали разработки в области исследования стратегического видения китайцев на геополитику своего государства (Грачиков, 2015), становления национальной школы международных отношений (Грачиков, 2016), его идентичности одновременно как развивающейся и развитой державы (Грачиков, 2019а), ценностных ориентаций Китая и стратегии партнерских отношений (Грачиков, 2019b), а также китайской структуры глобального управления и формы стратегического соперничества КНР с США (Grachikov, 2020). Из последних работ автора выделяются также статьи «Китайская школа международных отношений» (Grachikov, 2019c) и «Дипломатия КНР: контекст академического дискурса» (Грачиков, 2021а), в которых приведен подробнейший анализ национальных интересов Китая и его основных современных дипломатических стратегий.

Рецензируемая монография представляет собой комплексное исследование процесса становления китайской школы международных отношений. Безусловно, сильной стороной является ее теоретическая база. Работа основана на западных теориях международных отношений, китайских парадигмах и концепциях, а также внушительной китайской литературе как мировых признанных ученых, так и авторов, чьи работы не переведены на иностранные языки и неизвестны широкой российской аудитории. Благодаря этому Е.Н. Грачикову удалось выявить основы китайского видения международных отношений, а именно — традиционные китайские мировоззрения (система «Тянься» и «Чаогун», система центра и периферии), ценности и идеи китайской культуры (гармония, справедливость) и истории (данническая система, система обрядов), а также древняя китайская философия

(конфуцианство, моизм, даосизм и легизм — идеи китайских философов доциньского периода).

Монография состоит из четырех частей. Первая часть посвящена становлению китайской школы международных отношений, которое началось с зарождения теории международных отношений (ТМО) с китайской спецификой в 1980—1990-е гг., когда *классический марксистский* взгляд на мировую политику обогащается сначала *реалистическим* подходом с переориентацией на национальное государство и национальные интересы, затем *либеральной* концепцией с упором на международные институты и, наконец, дополняется *конструктивизмом*, предрекающим мирный подъем КНР с упором на «идентичность Китая как ответственного члена международного сообщества» (Грачиков, 2021b, с. 59—60). Таким образом, Е.Н. Грачиков приходит к выводу, что на сегодняшний день не существует общепризнанной китайской ТМО, однако складывается три подхода к пониманию в Китае системы международных отношений и мирового порядка. Первый — классический, который объясняет международную ситуацию через теорию марксизма. Второй — традиционный, пытающийся привнести традиционную китайскую мысль в политическую науку. И третий — интегративный, сочетающий китайские и западные теории (Грачиков, 2021b, с. 30).

Во второй части монографии исследуются этапы формирования дисциплины «Международные отношения» в Китае, охватывающие период от древней китаецентричной системы международных отношений в Восточной Азии до современной геополитики КНР и китайско-американского соперничества. Здесь уделяется особое внимание сосуществованию двух политических концепций: *идеализма*, представленного конфуцианством, маоизмом и даосизмом, которые настаивали на уважении права на существование небольших и слабых стран, и *реализма*, представленного легистами, выступающими за опору на военную мощь и борьбу за выживание и доминирование над своим окружением (Грачиков, 2021b, с. 92). Эти концепции продолжают оказывать

влияние на развитие науки о международных отношениях в современном Китае.

Особый акцент делается на «западное вторжение» в китайский мир и его последствия для науки о международных отношениях. Так, отмечается, что китаецентричная система испытала три потрясения: британское вторжение (1840—1950-е гг.); потерю Тайваня в пользу Японии, Бирмы — в пользу Англии и уменьшение влияния в Центральной Азии ввиду российско-британского противостояния (1860—1870-е гг.); интервенцию коалиционных сил во время Ихэтуаньского восстания (1900 г.) (Грачиков, 2021b, с. 94—95). На сегодняшний день вновь происходит столкновение двух культур — западной и китайской, которое сопровождается сдерживанием Китая, что требует переосмысления традиционных концепций и формулирования новых геополитических стратегий и собственных ТМО.

В третьей части монографии подробно рассматриваются три китайских ТМО: концепция «Тянься» Чжао Тиняна, «теория морального реализма» Янь Сюэтуна и «реляционная теория мировой политики» Цинь Яцина. Анализируя развитие науки о международных отношениях в Китае, Е.Н. Грачиков приходит к выводу, что ее можно разделить на два условных периода: 1840—2010 гг. — период «обучения у Запада», когда китайские ученые заимствовали, аккумулировали и переосмысливали западные идеи; с 2010 г. по настоящее время — период экспорта собственных идей (Грачиков, 2021b, с. 157). В условиях трансформации современной системы международных отношений все три вышеназванные концепции могут внести вклад в понимание подъема Китая и его возможного становления в качестве сверхдержавы.

Первую концепцию можно охарактеризовать как *идеализм с китайской спецификой*, которая рисует нам мир-семью, в основе которой лежат китайские этические принципы — гармония и справедливость. Во главе системы находится мировое правительство, государства же подконтрольны ему, однако независимы в проведении внутренней экономической и культурной политики. Мировая политическая система представляется семьей,

где ни к кому не относятся как к чужому. Центральная идея Поднебесной — дом для всех. Е.Н. Грачиков приходит к выводу, что данная концепция слишком идеалистична, однако некоторые ее элементы могут быть воплощены в жизнь (Грачиков, 2021b, с. 165—184).

Вторую теорию — «теорию морального реализма» — можно назвать *реализмом с китайской спецификой*, который, жертвуя национальными интересами, во главу угла ставит мораль — важный компонент легитимизации политики, гуманную власть — высшую форму власти в древней китайской философии и сильного политического лидера (Грачиков, 2021b, с. 187—214).

Третья теория — «реляционная теория мировой политики» — это *конструктивизм с китайской спецификой*. Ее основа — китайская культура и понятия «отношений» и «гармонии» как высшей цели. Главной компонентой является процесс достижения гармонии, в котором конфликт и объединение противоположностей выступают в качестве важной части процесса. Непохожие друг на друга нормы, институты и культуры через конфликт, изменение и трансформацию создают новый синтез, сочетающий элементы двух или нескольких противоположностей, не разрушая ни одну из них (Грачиков, 2021b, с. 220—249).

В четвертой части монографии Е.Н. Грачиков исследует роль ключевых элементов китайской культуры — контекстуальность, коррелятивность, взаимодополняемость и изменчивость — в выработке внешнеполитических стратегий Китая (Грачиков, 2021b, с. 257—275).

В заключении автор приходит к выводу, что западные теории невозможно применить для объяснения подъема Китая и его возможности привнести фундаментальные изменения в международную систему. Несмотря на то что западные ТМО являются источником вдохновения китайских теорий, тем не менее, именно в китайском мировоззрении кроется главный ответ на мирное возвышение КНР.

Таким образом, монография представляет собой комплексный труд, где на основе широкого круга китайских источников представлено развитие международно-политической науки, китайских теорий и становления

китайской школы международных отношений. Монография выполнена на высоком научно-исследовательском уровне и рекомендуется для прочтения исследователям в

области политологии и международных отношений, а также чиновникам, ответственным за разработку политики в отношении КНР.

Поступила в редакцию / Received: 19.10.2021

Принята к публикации / Accepted: 26.10.2021

Библиографический список

- Грачи́ков Е.Н. Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей. М.: Русайнс, 2015.
- Грачи́ков Е.Н. Дипломатия КНР: контекст академического дискурса // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021а. Т. 65. № 3. С. 33—41. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-33-41
- Грачи́ков Е.Н. Китайская теория международных отношений: становление национальной школы // *Международные процессы*. 2016. Т. 14. № 3. С. 68—80. DOI: 10.17994/IT.2016.14.3.46.5
- Грачи́ков Е.Н. Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям. М.: Аспект Пресс, 2021б.
- Грачи́ков Е.Н. Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2019а. Т. 19. № 2. С. 187—200. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200
- Грачи́ков Е.Н. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и ее концептуализация (1993—2018) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019б. Т. 63. № 3. С. 83—93. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-83-93
- Grachikov E.N. China in Global Governance: Ideology, Theory, and Instrumentation // *Russia in Global Affairs*. 2020. Vol. 18. No. 4. P. 132—153. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-4-132-153
- Grachikov E.N. Chinese School of International Relations: How Theory Creates Diplomatic Strategies and Vice Versa // *Russia in Global Affairs*. 2019c. Vol. 17. No. 2. P. 154—173. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-2-154-173

References

- Grachikov, E. N. (2015). *Geopolitics of China: Egocentrism and space of networks*. Moscow: Ruscience publ. (In Russian).
- Grachikov, E. N. (2016). Chinese school of international relations theory. *International Trends*, 14(3), 68—80. (In Russian). <https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.3.46.5>
- Grachikov, E. N. (2019a). Formation of the Chinese school of international relations: Analytical approaches and research methods. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19(2), 187—200. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200>
- Grachikov, E. N. (2019b). Chinese partnership strategy: Practice and its conceptualisation (1993—2018). *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 63(3), 83—93. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-83-93>
- Grachikov, E. N. (2019c). Chinese school of international relations: How theory creates diplomatic strategies and vice versa. *Russia in Global Affairs*, 17(2), 154—173. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-2-154-173>
- Grachikov, E. N. (2020). China in global governance: Ideology, theory, and instrumentation. *Russia in Global Affairs*, 18(4), 132—153. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-4-132-153>
- Grachikov, E. N. (2021a). Chinese diplomacy: Context of academic discourse. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 65(3), 33—41. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-3-33-41>
- Grachikov, E. N. (2021b). *The Chinese school of international relations: On the way to big theories*. Moscow: Aspekt Press publ. (In Russian).

Сведения об авторе: Каткова Евгения Юрьевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-0971-0987; e-mail: katkova-eyu@rudn.ru

About the author: Katkova Evgeniya Yur'yevna — PhD in History, Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); ORCID: 0000-0002-0971-0987; e-mail: katkova-eyu@rudn.ru